Дивер Джеффри

Разбитое окно

Другу дорогому рукопись сия посвящается

I

Общие интересы

Четверг, 12 мая

Самое грубое вмешательство в частную жизнь заключается не в обнародовании чьих-то глубоко хранимых тайн, а в многочисленных публикациях мелких подробностей чужого быта… Они будто пчелы-убийцы: от одной отмахнешься, но целый рой может доконать.

Роберт О'Харроу-младший, «Некуда спрятаться»

Глава первая

Ей опять стало тревожно, но никак не удавалось уяснить отчего.

Это было какое-то назойливое болезненное ощущение, непонятно, однако, чем вызванное. Как если вы вдруг замечаете, подходя к своему дому, что за вами следует мужчина… А не он ли приглядывался к вам в вагоне подземки?

Так бывает, когда привидится едва различимое в ночи темное пятно – вот только что оно ползло к вашей постели, а теперь исчезло. Может, это ядовитый паук «черная вдова»?

Но в ту же минуту гость, расположившийся на диване в гостиной Элис Сандерсон, взглянул на нее, улыбнулся, и она сразу забыла про свои страхи – если вообще можно назвать страхами ничем не объяснимое легкое беспокойство. Конечно, Артур приятен в общении, он в хорошей физической форме, но гораздо больший эффект производила его великолепная улыбка.

– Вино будешь? – предложила Элис, направляясь к выгородке, за которой размещалась небольшая кухонька.

– Не откажусь. Чего-нибудь на твой вкус.

– Слушай, а здорово вот так сачковать посреди рабочего дня. Не по-детски. Мне нравится!

– Рожденные свободными, – пошутил Артур.

За окном, через улицу, выстроились рядами «браунстоуны»[1] Гринвич-Виллидж[2] с фасадами, облицованными коричневым и рыжеватым песчаником или крашенные под него. Вдали виднелись силуэты манхэттенских небоскребов, дрожащие, как миражи, в мареве чудесного дня. Через открытое окно вместе с воздухом, для мегаполиса, можно даже сказать, чистым, в квартиру проникали запахи чеснока и орегано из итальянского ресторана, расположенного по соседству.

За пару недель, прошедших со дня их случайного знакомства на дегустации вин в Сохо, Элис и Артур выяснили, что их интересы и предпочтения, включая итальянскую кухню, во многом совпадают. В конце апреля Элис случилось оказаться в аудитории среди примерно сорока человек, слушавших выступление какого-то известного сомелье о винах Европы, как вдруг кто-то из присутствовавших задал вопрос об одной малоизвестной марке испанского красного вина.

Сдержать при этом усмешку Элис не смогла. У нее дома как раз стоит упаковка с бутылками той самой марки (правда, уже не полная). Может, существует и более изысканная разновидность «Рьохи», однако именно эта вызывает дорогие сердцу Элис ассоциации, придающие винному букету особое очарование. Дело в том, что всю отпускную неделю, проведенную ею в Испании вместе с любовником-французом, они пили только это вино. Их роман был головокружительно страстным и скоротечным – лучшего и не пожелать для женщины под тридцать, лишь незадолго до этого порвавшей со своим давним возлюбленным.

Элис подалась вперед, пытаясь разглядеть того, кто задал вопрос. Им оказался ничем не примечательный мужчина в деловом костюме. Отведав несколько образцов представленной коллекции вин, она осмелела, подошла к мужчине, балансируя на руке тарелкой с закусками, и завела разговор о причине его интереса к испанскому вину.

Тот с готовностью поведал о том, как несколько лет назад посетил Испанию вместе со своей тогдашней пассией, впервые попробовал там это вино, и оно пришлось ему по вкусу. Они сели за стол и разговорились. Выяснилось, что у Артура и Элис практически одинаковые кулинарные и спортивные пристрастия. Оба бегали трусцой и каждое утро проводили по часу в фешенебельных и баснословно дорогих фитнес-центрах. «Однако, – отметил Артур, – я ношу самые дешевые шорты и футболки из „Джей-си-пенни“. Терпеть не могу всякое фирменное барахло». Он тут же покраснел, сообразив, что, возможно, обидел собеседницу.

Но Элис только рассмеялась. Она придерживалась точно такого же мнения относительно того, какой должна быть одежда для спорта, и свою купила в ширпотребовском шопе «Таргет», когда ездила в Нью-Джерси, к родителям. Элис с трудом подавила в себе желание сказать об этом Артуру, не желая форсировать их сближение. Они продолжали играть в распространенную среди взрослых игру «так что у нас общего?»: обменивались впечатлениями о ресторанах, обсуждали любимые эпизоды из телесериала «Умерь восторги», поругивали своих психотерапевтов.

Договорились о встрече, потом еще об одной. Арт ухаживал артистически, проявляя при этом и чувство юмора. Иногда казался чересчур сдержанным, даже застенчивым, и в целом довольно замкнутым. Элис объясняла это тем, что он, по его же словам, «спасся из ада», разорвав длительную любовную связь с женщиной, занятой в модельном бизнесе. Кроме того, Артур и сам при делах на Манхэттене, а значит, придерживается изнурительного рабочего графика и почти не располагает свободным временем.

Интересно, получится ли у них замутить что-то путное?

До интимных отношений дело пока не дошло, но как бы пафосно это ни звучало, получается, что ближе этого Артура у Элис действительно никого в данный момент не было. Когда на последнем свидании они наконец-то поцеловались, у нее зазвенело в голове – «реакция пошла». Насколько гармонично будет разыграна партия, покажет (или нет) сегодняшний вечер. От внимания Элис не ускользнуло, что Артур незаметно (как он думал) изучает ее короткое розовое, плотно облегающее платьице, купленное в «Бергдорфе» специально для этой встречи. Элис также заранее прибрала у себя в спальне соответствующим образом на случай, если за поцелуями последует нечто большее.

И тут опять вернулась та неясная тревога, боязнь черного паука.

Но почему же ей все-таки не по себе?

Наверное, виноват тот парень, что привозил сегодня посылку. Противный такой – с наголо обритой головой, кустистыми бровями, грубым восточноевропейским акцентом и весь пропахший сигаретным дымом. Пока Элис расписывалась в бумагах, рассыльный откровенно пялился на нее, а затем вздумал клеиться, начав с просьбы дать водички напиться. Она неохотно отошла, а когда вернулась со стаканом воды, тот уже топтался в гостиной, с неподдельным интересом разглядывая акустическую систему.

Элис сказала, что она ждет гостей, и рассыльный убрался, сердито насупившись, будто его незаслуженно обидели. Элис взглянула в окно. Парень появился спустя почти десять минут и сел за руль фургона, оставленного им по прибытии на проезжей части – видимо, отыскивать свободное место для парковки ему было недосуг.

Но с какой стати он так долго бродил по дому? Чего-то вынюхивал?

– Привет, Земля вызывает Элис!

– Прости! – Элис рассмеялась, отгоняя неприятные мысли, подошла к дивану и села рядом с Артуром, так что их колени соприкоснулись. Они легонько чокнулись бокалами с вином – два человека, чьи взгляды и вкусы совпадали во всем, что было для них главным в жизни: кухня, фильмы, места проведения отпуска; они даже внесли одинаковые пожертвования в фонд избирательной кампании демократической партии и перечисляли деньги в поддержку государственной радиостанции Эн-пи-ар. Оба воспитывались в протестантских семьях, но уже давным-давно не посещали церковь.

Теперь уже Артур коснулся ее своим коленом, явно заигрывая. Потом улыбнулся и спросил:

– Да, а что с той картиной Прескотта, прикупленной тобой? Еще не привезли?

Элис утвердительно кивнула с радостно засиявшими глазами.

– Привезли! Теперь у меня есть Харви Прескотт!

Элис Сандерсон, по манхэттенским масштабам, была не самая богатая женщина, однако умело инвестировала, сочетая полезное с приятным. Ее истинной страстью уже давно стало творчество Прескотта, художника из Орегона, создающего фотореалистические семейные портреты – людей не существующих, но рожденных его воображением. Иногда это обычная семья, иногда не совсем: например, родители-одиночки, нетрадиционные супружеские пары – разных рас, гомосексуалы. Вообще-то все выставляемые на продажу произведения Прескотта были Элис не по карману, но адрес ее электронной почты значился в рассылочных списках картинных галерей, время от времени выбрасывавших на рынок холсты мастера по доступной цене. В прошлом месяце одна из таких галерей на другом краю страны сообщила ей, что, возможно, небольшая ранняя работа Прескотта будет предложена за сто пятьдесят тысяч долларов. В итоге так и вышло – владелец решил продать картину, и Элис не преминула вложить в нее значительную часть своих сбережений.

И сегодня наконец картину привезли. Но радость удачного приобретения вновь омрачило внезапно вернувшееся неприятное воспоминание о подозрительном рассыльном, о тяжелом табачном духе, о плотоядных взглядах. Элис встала, подошла к окну, будто бы намереваясь пошире раздвинуть шторы, и выглянула наружу, но не увидела ни пикапа службы доставки, ни бритоголового ублюдка, наблюдающего с улицы за окнами ее квартиры. Ей хотелось закрыть и запереть створку окна, но тогда пришлось бы объяснять эти действия Артуру, тот же мог решить, что она шизофреничка.

Элис вернулась к нему на диван, окинула взглядом стены своей квартирки и сказала, что пока не подыскала места для Прескотта. Воображение тут же нарисовало ей соблазнительную сценку: Артур остается у нее дома в ночь с субботы на воскресенье, а утром после позднего завтрака они вместе решают, где лучше всего повесить картину.

– Хочешь взглянуть? – предложила Элис; в ее голосе звучали счастье и гордость.

– А ты как думаешь?

Они поднялись с дивана, и Элис повела его к себе в спальню. По пути ей показалось, что в коридоре за входной дверью раздались чьи-то шаги. В это время все соседи должны быть на работе.

Уж не шляется ли где-то здесь тот рассыльный? Хорошо хоть, что она не одна в квартире.

Элис и Артур подошли к двери спальни.

Вот тут «черная вдова» и нанесла свой фатальный укус.

Вздрогнув, Элис внезапно поняла, что ее так тревожило, и это не имело ничего общего с назойливым посыльным. Нет, на самом деле ее обеспокоенность связана с Артуром! Во время их вчерашнего разговора он спросил, когда ей привезут Прескотта.

Хотя она уже как-то обмолвилась в разговоре с Артуром, что ей должны доставить купленную картину, однако ни разу не упомянула фамилию художника. И теперь, перед дверью спальни, она, ощутив некоторую неуверенность, замедлила шаг. Ладони вдруг стали влажными. Если Артур, проявив определенную заинтересованность, без особых проблем разузнал о ее приобретении, он мог с таким же успехом выведать и другие факты из ее личной жизни. Неужели вся эта общность их увлечений и вкусов фикция? Неужели он каким-то образом проведал о неравнодушии Элис к испанскому вину и специально пришел на

дегустацию, чтобы сблизиться с ней? Заранее заготовил сказку о своих любимых ресторанах, местах отдыха, телевизионных шоу…

Господи, и вот она, совершенно беззащитная, ведет к себе в спальню мужчину, с которым знакома всего две недели!

Элис стало трудно дышать… Ее начала бить дрожь.

– Вот это да, – негромко произнес Артур, глядя как бы сквозь нее на картину. – Просто шедевр!

Услышав его ровный, приятный голос, Элис мысленно рассмеялась. У нее, должно быть, крыша поехала. Наверное, просто забыла, как говорила Артуру о Прескотте. Она перевела дух. Слишком долго жить в одиночестве вредно для психики. «Ну, вспомни улыбку Артура, его чувство юмора. Ведь он даже думает так же, как ты!»

Уф-ф!

Элис облегченно вздохнула и усмехнулась. С картины размером два на два фута, выдержанной в приглушенных тонах, на нее смотрели сидящие за обеденным столом люди – одни с насмешливым интересом, другие в серьезной задумчивости, третьи с тревогой.

– Невероятно, – с восхищением выдохнул Артур.

– Чудесная композиция, но именно выражение лиц привлекает внимание в первую очередь. Тебе не кажется? – Элис обернулась к Артуру.

А тот уже не улыбался.

– Для чего это, Артур? Что ты делаешь? – Его руки были в бежевых матерчатых перчатках; одной он полез за чем-то в карман. Элис встретилась с ним взглядом. Зрачки Артура превратились в две черные колючие точки, над которыми, как она с ужасом теперь осознавала, нависали черные густые брови, лицо его стало почти неузнаваемым, зато в нем явственно узнавалось другое…

II

Транзакции

Воскресенье, 22 мая

Часто можно слышать старую расхожую фразу, что в разделанном виде красная цена нам – четыре доллара с полтиной за кило. Намного больше стоит наша персона в виде цифровой учетной информации.

Роберт О'Харроу-младший «Некуда спрятаться»

Глава вторая

След протянулся от Скотсдейла до Сан-Антонио, потом в Делавэр к парковке на автотрассе 95, забитой фурами, всевозможными трейлерами и домами на колесах мятущихся по стране семей, и наконец привел, как ни удивительно, в Великобританию, в Лондон.

И след тот оставил не простой зверь, но серийный убийца, давно разыскиваемый Линкольном Раймом, как-то уже сумевшим воспрепятствовать совершению очередного преступления. Но тогда кровожадный хищник ускользнул из западни за считанные минуты до прибытия полиции – «станцевал из города», как с горечью выразился Райм, «будто какой-нибудь турист, приехавший в Нью-Йорк на воскресную экскурсию».

Преступник словно сквозь землю провалился, а полиция и ФБР оказались не в состоянии выведать, где он укрывается и какое новое злодеяние замышляет. Но спустя некоторое время Райму стало известно из своих источников в Аризоне, что убийство солдата в городке Скотсдейл вполне мог осуществить все тот же киллер. По всей вероятности, он отправился на восток – сначала в Техас, затем в Делавэр.

Возможно, убийца происходил родом из западной части США или Канады, звали же его Ричард Логан, но было ли это настоящее имя или фиктивное, никто с точностью сказать не мог. В результате напряженных поисков удалось обнаружить несколько Ричардов Логанов, но ни один из них не соответствовал описанию личности преступника.

Но тут в силу благоприятного стечения обстоятельств (Линкольн Райм не признавал таких понятий, как «везение» или «удача») подоспели сведения из Европейского центра обмена сыскной информацией Интерпола, что американского профессионального киллера наняли для выполнения заказа в Англии. Свое последнее преступление он совершил в Аризоне, чтобы под видом военнослужащего получить доступ к секретам оборонного значения, потом в Техасе встретился с сообщниками, а где-то на глухой автостоянке восточного побережья США получил предоплату за будущую работу. В последний раз Ричарда Логана засекли в лондонском аэропорту Хитроу, и с тех пор он пребывает на территории Соединенного Королевства, но его точное местонахождение неизвестно.

Объектом данного «хорошо финансируемого заговора, берущего начало на высоком уровне» (казенный слог чиновников Интерпола заставил Райма улыбнуться) стал чернокожий протестантский священник, заведовавший лагерем беженцев в одной из африканских стран. Ему случилось выявить широкомасштабные хищения лекарств против СПИДа, проводимые с целью незаконного сбыта и приобретения на таким образом вырученные деньги оружия. Священника под охраной переправили в Лондон, при этом по дороге на его жизнь покушались трижды: в Нигерии, в Либерии и даже в зале ожидания для транзитных пассажиров миланского аэропорта «Малпенза», где дежурили сверхбдительные сотрудники *полиция ди стато*[3], вооруженные короткоствольными автоматами.

Теперь преподобный Сэмюэл Дж. Гудлайт (более подходящей фамилии для долгополого Райм и представить себе не мог), находившийся в безопасном месте под неусыпной опекой Скотланд-Ярда и лондонской полиции, помогал британской разведке, равно как и соответствующим службам других стран, выявить связи между разрозненными звеньями преступной схемы «оружие за лекарства».

После продолжительных телефонных переговоров по закодированному каналу спутниковой связи и обмена электронными письмами, облетевшими несколько континентов, Райм и инспектор Лонгхерст из центрального управления лондонской полиции приготовили для киллера западню. По своей изощренности запланированная операция не уступала хитростям и уловкам самого Логана. В ней, в частности, были задействованы двойники и, самое главное, возможности и целая сеть особо доверенных осведомителей бывшего международного торговца оружием, легендарного южноафриканца Дэнни Крюгера. Он заработал сотни тысяч долларов на сбыте смертоносного товара с теми же ловкостью и бесстрастием, с какими продавал бы кондиционеры или микстуру от кашля. Но прошлогодняя поездка в Дарфур и жуткое зрелище кровавой бойни, в немалой степени вызванной и его деятельностью, потрясли Крюгера до глубины души. Он тут же бросил свой бизнес и переселился в Англию. В созданную по данному делу оперативную группу вошли также сотрудники британской контрразведки МИ-5, представители ФБР в Лондоне и агент французского аналога ЦРУ.

Опергруппа пока не располагала сведениями даже о том, в каком регионе Великобритании скрывается Логан, разрабатывающий план нового покушения. Оборотистому Дэнни Крюгеру тем не менее удалось каким-то образом разузнать, что тот приступит к осуществлению своего преступного замысла в ближайшие дни. У южноафриканца сохранилось много контактов в международной преступной среде, через которую он организовал «утечку» секретной информации о месте, где будет

проведена очередная встреча Гудлайта с властями. Двор здания отлично простреливался, а значит, представлял собой соблазнительную приманку для киллера.

Но вместе с тем это место также давало прекрасную возможность выявить и обезвредить Логана. Здесь было установлено круглосуточное наблюдение, а дополнительные силы полиции, агенты МИ-5 и ФБР находились в полной боевой готовности.

И теперь Райм застыл в ожидании, сидя в своем снабженном автономной электрической тягой инвалидном кресле, покрытом красной обивкой, на первом этаже принадлежащего ему таунхауса на Сентрал-парк-вест, в гостиной, обставленной некогда в вычурном викторианском стиле, а ныне переоборудованной в современную криминалистическую лабораторию, какой могли бы позавидовать даже многие города среднего масштаба. Он поймал себя на том, что, как часто случалось в последние несколько дней, неотрывно смотрит на телефонный аппарат. На второй кнопке автоматического набора был запрограммирован некий абонент в Англии.

– Телефон ведь работает, не так ли? – нарушил молчание Райм.

– А чего бы ему не работать? – ответил вопросом на вопрос его личный слуга Том, в ровном голосе которого Райм уловил с трудом подавленный вздох.

– Ну, не знаю... Перегружена линия. В кабель ударила молния. Мало ли что могло приключиться!

– Тогда почему бы вам самому не проверить? Просто чтоб не мучиться сомнениями попусту.

– Команда, – отчетливо произнес Райм, приводя в активное состояние систему регулирования тембра голоса, которой была оснащена УКОС – автоматизированная установка контроля окружающей среды, во многом компенсирующая недостаточность функциональных возможностей его безжизненных конечностей. Тело Линкольна Райма было почти полностью парализовано ниже четвертого шейного позвонка у самого основания черепа. Несколько лет назад он получил тяжелую травму шеи в результате несчастного случая, произошедшего при исполнении служебных обязанностей. – Вызовите справочную службу! – приказал Райм.

Из динамиков раздались длинные гудки, а затем короткие бип-бип-бип занятой линии, разозлившие Райма еще больше, чем молчание

бездействующего телефона. Ну почему до сих пор не позвонила инспектор Лонгхерст?

– Команда! – рявкнул Райм. – Отбой!

– Вроде работает, – невозмутимо констатировал Том, опуская кружку с кофе на специальную подставку инвалидного кресла Райма. Криминалист, отпив через соломинку крепко заваренного напитка, перевел взгляд на полку, где стояла бутылка «Гленморенджи», односолодового шотландского виски восемнадцатилетней выдержки. Она была так близко, что, казалось, можно рукой дотянуться, но, как и все на свете, оставалась для него недосягаема.

– Сейчас утро, – напомнил ему Том.

– Ясное дело, утро. Вижу, что утро. Я вовсе не собираюсь... Просто... – Райм подыскивал подходящий предлог, чтобы попытаться уговорить упрямого парня. – Мне кажется, ты меня уж слишком ограничиваешь. Вчера вечером нацедил только два стаканчика. Меньше некуда.

– Не два, а три.

– Я имею в виду общий объем в кубических сантиметрах. Если сложить все вместе, то получатся две маленькие порции.

К мелочности также легко пристраститься, как и к алкоголю.

– Короче, с утра – ни грамма.

– Скотч проясняет мне мозги.

– Вот уж не сказал бы.

– Именно так! И побуждает мыслить творчески.

– Ни в малейшей степени.

Брюки и сорочка Тома тщательно отутюжены, галстук безупречно чист. Его одежда выглядела гораздо более аккуратной, чем могла бы быть. Ухаживать за паралитиком – тяжелый физический труд. Однако новая инвалидная коляска Райма, «обладающая неограниченной подвижностью», запросто раскладывалась в настоящую кровать и значительно облегчала работу Тома. На ней удавалось даже въезжать вверх по невысоким лестничным ступенькам и разгоняться по ровной поверхности до скорости бегущего человека средних лет.

– А я тебе говорю, дай мне виски! Слышишь? Кажется, я достаточно ясно сформулировал свое желание. Ну так как?

– Нет.

Райму осталось только презрительно усмехнуться и вновь обратить свой взор на молчащий телефон.

– Если его опять упустят… – Он выждал несколько секунд и добавил: – Ну что же ты молчишь?

– А чего говорить-то? – Том, худощавый молодой человек, работал у Райма уже несколько лет. Случалось, его увольняли, и он увольнялся сам, но каждый раз возвращался и теперь вот снова был здесь. И причина тому заключалась в одном: оба – и работодатель, и работник – не уступали друг другу в упрямстве и своенравии.

– Я сказал: «Если его упустят…» – а ты должен ответить: «Не волнуйтесь, не упустят», – и у меня на душе станет легче. Так всегда поступают, к твоему сведению: каждый считает своим долгом утешать ближнего, особенно когда ни черта не смыслит в том, что происходит.

– Но я же вас не утешаю! Получается, вы меня критикуете за слова, которые я не сказал, но мог бы сказать. Это как в анекдоте про жену, увидевшую на улице красотку и разозлившуюся на мужа при мысли, что, очутись он сейчас тут, обязательно стал бы пялиться на эту…

– Бывает, бывает, – рассеянно произнес Райм, погрузившись в мысли о том, что сейчас происходит в далекой Англии. Не допущен ли просчет в плане захвата Логана? Надежны ли меры безопасности? Можно ли вполне доверять осведомителям? Не вызовет ли подозрения у киллера организованная «утечка» информации?

Зазвонил телефон, и на плоском экране монитора перед глазами Райма открылась рамка определителя номера входящего звонка. С разочарованием он отметил, что в нем отсутствовал код Лондона. Место, откуда звонили, располагалось намного ближе, а именно в центре Манхэттена, точнее, в здании полицейского управления Нью-Йорка (Полис-плаза-один) или в Большом доме, как его называли между собой сами копы.

– Команда, ответить! – Послышался щелчок. – Что? – недовольно буркнул Райм.

На другом конце провода негромкий голос, преодолевая пятимильное расстояние, произнес:

– Не в настроении?

– Из Англии до сих пор ни слова.

– А ты что, дежуришь на телефоне? – насмешливо спросил детектив Лон Селлитто.

– Логана потеряли. Он может сделать свой ход в любой момент.

– Да, это все равно что роды, не угадаешь, – заметил Селлитто.

– Возможно. Чего тебе? Желательно поскорей освободить линию.

– В твоем навороченном оборудовании не предусмотрен режим ожидания?

– Лон, ближе к делу!

– Хорошо-хорошо. Для тебя есть информация. В четверг на прошлой неделе совершено убийство с ограблением. У себя дома в Гринвич-Виллидж убита некая Элис Сандерсон. Смерть наступила от ножевого ранения. Похищена картина. Преступника мы взяли.

На кой черт детектив рассказывает ему об этом? Обычное преступление, убийца арестован.

– У вас что – не хватает улик?

– Улик предостаточно.

– Тогда почему эта информация должна быть для меня интересна?

– Полчаса назад позвонили дежурному по управлению.

– Лон, честное слово, у меня совершенно нет времени! – Райм внимательно изучал план поимки киллера в Англии, детально расписанный фломастером на белой доске. Это был хитроумный план.

И хрупкий.

Голос Селлитто вывел его из задумчивости.

– Послушай, Линк, мне очень жаль, но ты должен знать, что преступник – твой двоюродный брат, Артур Райм. Его обвиняют в предумышленном убийстве без смягчающих обстоятельств. Окружной прокурор считает, что двадцать пять лет ему гарантированы.

Глава третья

– Давно не виделись.

Джуди Райм с посеревшим лицом сидела в лаборатории, сцепив руки, стараясь не отводить взгляда от глаз криминалиста и, упаси Бог, не увидеть что-то не то.

Райма всегда бесили посетители, которые либо натужно притворялись, как бы не замечая, что перед ними калека, либо начинали фамильярничать и рассказывать анекдоты, почему-то возомнив себя его закадычными друзьями, чуть ли не прошедшими вместе через войну. Джуди относилась к первой категории – осторожно подбирала слова и тщательно обдумывала фразы, прежде чем произнести их вслух. Но Райм все же проявлял сдержанность – как-никак родственница – и только изредка украдкой поглядывал на телефон.

– Давненько, – согласился он.

Том взял на себя исполнение обязанностей гостеприимного хозяина, так как Райм не собирался о них вспоминать. Он предложил Джуди кофе, который так и остался стоять нетронутым перед ней на столе как деталь мизансцены. Райм еще раз бросил вожделенный взор на бутылку виски, но Том оставался непоколебим.

Джуди, очень привлекательная темноволосая женщина, сейчас выглядела более спортивной и подтянутой по сравнению с тем, какой она запомнилась Райму. Последний раз они виделись примерно за два года до несчастного случая, превратившего его в инвалида. Джуди осмелилась посмотреть в лицо двоюродному брату мужа.

– Жаль, что мы сюда так и не выбрались. Я хотела приехать, но как-то все не получалось, правда!

Понятно, что «сюда» означало не визит к здоровому родственнику, а гораздо менее приятное посещение беспомощного паралитика. Выжившие жертвы катастроф умеют угадывать недосказанные слова, как если бы они слышали их.

– Ты получил наши цветы?

Тогда, после несчастного случая, Райм долго находился в полубессознательном состоянии – болевой шок, анестезия, психологическая травма и мучительное свыкание с уму непостижимым: он уже никогда не сможет передвигаться самостоятельно. Ему было не до цветов, несомненно, присылаемых в больницу родственниками и еще

многими знавшими его людьми. Слишком тяжело утешать безутешного, проще откупиться букетом.

– Да. Спасибо.

Молчание. Нечаянный, мимолетный взгляд на его ноги. Если человек не может ходить, первое, что приходит в голову: у него больные ноги. Да нет, ноги в порядке. Все дело в том, как заставить их ходить.

– Ты хорошо выглядишь, – заметила Джуди.

Райм не знал, как он выглядит, и даже не задумывался об этом.

– Я слышала, ты развелся?

– Угу.

– Очень жаль.

А о чем, собственно, сожалеть, подумал Райм, но промолчал, не желая показаться циничным. Он лишь кивнул в знак признательности за сочувствие.

– Что слышно от Блэйн?

– Живет на Лонг-Айленде. Вышла замуж. Мы с ней мало общаемся. Так обычно бывает, когда нет детей.

– Помнишь, как вы вдвоем приезжали к нам в Бостон на длинный уик-энд? Здорово было, правда? – Ее улыбка казалась подрисованной, как маска клоуна.

– Да, неплохо.

Выходные в Новой Англии – поход по магазинам, поездка к полуострову Кейп-Код, пикник на берегу залива. Райм вспомнил, как нравилась ему местная природа. При виде позеленевших камней, выступающих из воды неподалеку от берега, его осенила идея собрать коллекцию водорослей, произрастающих в акватории вокруг Нью-Йорка, и создать базу данных для криминалистической лаборатории муниципального управления полиции. Он потом неделю мотался на машине по окрестностям мегаполиса, охотясь за образцами.

Примечательно, что за время той поездки в Бостон Линкольн и Блэйн ни разу не поссорились. Даже на обратном пути, когда они остановились на ночевку в маленьком коннектикутском мотеле, все было хорошо. Райм вспомнил, как им, словно опьяневшим от воздуха, пропитанного

запахом жимолости, случилось отдаться охватившей их страсти прямо на полу выходящей в сад веранды.

После этого Линкольн больше не встречался с Артуром, только пару раз братья обменялись непродолжительными разговорами по телефону. Потом произошел тот несчастный случай, и всякое общение прекратилось.

– Артур как бы выпал из жизни, – со смущенной усмешкой признала Джуди. – Ты знаешь, что мы переехали в Нью-Джерси?

– Неужели?

– Арт преподавал в Принстоне. А потом остался без работы.

– Что случилось?

– Он был доцентом и занимался своими исследованиями. Ему не предложили профессорской должности. Арт считал, что его подсидели. Ты же знаешь эти университетские интриги.

Генри Райм, отец Арта, был прославленным профессором физики Чикагского университета. В этом ответвлении семейства Раймов университетская карьера считалась почетной. Перед окончанием средней школы Артур и Линкольн не раз спорили по поводу преимуществ научной и преподавательской деятельности, с одной стороны, и частного предпринимательства – с другой. «Работа в университете дает возможность приносить обществу огромную пользу», – расфилософствовался как-то Арт за парой банок пива, приобретенных братьями не совсем законным путем, что Линкольн тут же прокомментировал в менее пафосном тоне: «А вечно озабоченные лаборантки дают в том числе и возможность совместить полезное с приятным!» Тем не менее Арт сумел сохранить серьезное выражение лица.

Так что Линкольн ничуть не удивился, когда двоюродный брат стал университетским преподавателем.

– Его оставляли на должности доцента, но Арт предпочел уволиться. Очень уж разозлился тогда. Он рассчитывал сразу найти другую работу, но не получилось. После бесплодных поисков с трудом устроился на частную фирму, выпускающую медицинское оборудование. – Еще один нечаянный взгляд, теперь на инвалидную коляску со всевозможными

техническими наворотами. Джуди залилась краской, будто совершила легкомысленный поступок. – Но там ему не понравилось, это было совсем не то, о чем он мечтал. Знаешь, он наверняка хотел навестить тебя, но, мне кажется, его останавливало чувство стыда за свою неудачу. А ты ведь такой знаменитый и прочее. – Наконец-то глоточек кофе. – У тебя с ним было столько общего, прямо как родные братья. Я так много нового узнала из твоих рассказов тогда, в Бостоне! Особенно об Артуре. Помнишь, мы полночи не спали, хохотали до упаду? А мой свекор, Генри, – когда был жив, ты у него с языка не сходил!

– Правда? Вообще-то мы довольно часто переписывались. Кстати, последнее письмо от Генри я получил за несколько дней до его смерти.

В памяти Райма сохранились десятки неизгладимых воспоминаний о своем дяде, но одно из них было особенно ярким. Высокий, лысеющий мужчина со здоровым румянцем на лице откинулся на спинку стула, от души хохоча и смущая тем самым многочисленных родственников, собравшихся за рождественским столом. Иначе, конечно, реагировали на это его жена, привычная к подобным выходкам, и юный Линкольн, тоже покатывавшийся со смеху. Он очень любил дядю. Линкольн часто приезжал навестить двоюродного брата, жившего с родителями примерно в тридцати милях на берегу озера Мичиган в Эванстоне, северном пригороде Чикаго.

Впрочем, сейчас Райм не испытывал ни малейшего желания впадать в ностальгию, а потому с облегчением вздохнул, услышав звук открываемой входной двери и семь хорошо знакомых твердых шагов по паркету, до ковра. Мгновением позже в лаборатории появилась молодая стройная рыжеволосая женщина. Она была в джинсах, черной футболке и расстегнутой нараспашку блузе вишневого цвета, из-под которой сбоку, повыше бедра, угрожающе выглядывала черная рукоятка ее табельного «глока».

Амелия Сакс улыбнулась и поцеловала Райма в губы. Краем глаза криминалист заметил непроизвольное движение Джуди, значение которого понять было нетрудно. Любопытно лишь, что же именно привело ее в замешательство: то ли ее собственная бестактность – даже не подумала поинтересоваться его личной жизнью, – то ли она просто не ожидала, что у калеки может быть любовница. Тем более такая обезоруживающе привлекательная, как Сакс, блиставшая до поступления в полицейскую академию на модельном подиуме.

Райм представил женщин друг другу. Сакс внимательно выслушала историю ареста Артура Райма, участливо спросила, как Джуди справляется в этой непростой ситуации, а затем выпалила:

– У вас есть дети?

Райм сообразил, что, замечая за Джуди «неверные шаги», сам допустил оплошность, не заговорив о ее сыне. Более того, он не помнит даже, как его зовут. К тому же оказалось, что у двоюродного брата наметилось прибавление в семействе – в дополнение к Артуру-младшему, учившемуся в средней школе, появились еще двое. Сын – Генри, ему девять лет, и дочка – Медоу. Ей шесть.

– Медоу? – переспросила Сакс с удивлением, вызванным непонятной для Райма причиной.

Джуди смущенно улыбнулась.

– И живем мы тоже в Нью-Джерси. Только телесериал тут ни при чем. Медоу родилась даже раньше, чем я его посмотрела.

Телесериал?

Джуди первая нарушила молчание:

– Ты, наверное, думаешь, что меня кто-то надоумил позвонить в полицию и спросить номер твоего телефона. Прежде всего я должна сказать тебе, что нахожусь здесь без ведома Арта.

– Вот как?

– Признаться, сама бы я не догадалась обратиться к тебе. У меня все мысли перепутались от расстройства и бессонницы. Но недавно я была на свидании с Артом в центре содержания под стражей, и он сказал: «Я знаю, что у тебя на уме. Пожалуйста, не звони Линкольну. Наверняка все образуется само собой. Кажется, это называется „ошибочное опознание“. Обещай, что не будешь ему звонить». Арт не хотел взваливать на тебя лишние заботы… Ты же знаешь его. Он такой добрый, всегда думает о других.

Райм согласно кивнул.

– Но идея поговорить с тобой засела у меня в голове, со временем обретая все больший смысл. Я же не собираюсь толкать тебя на что-то противозаконное, просить использовать личные связи и все такое! Просто, может быть, сделаешь пару звонков, посоветуешь что-нибудь…

Райм представил себе, как к этому отнесутся в Большом доме. В качестве консультанта-криминалиста управления полиции Нью-Йорка он обязан докапываться до истины независимо от того, на чьей стороне она

сокрыта. Однако полицейское начальство, несомненно, желает, чтобы Райм помогал доказывать вину, а не оправдывать обвиняемых.

– Я перечитала некоторые газетные вырезки…

– Что за вырезки?

– Арт ведет памятные семейные альбомы и заполняет их статьями из газет о делах, расследуемых тобой. Их уже много накопилось, десятки. Твои успехи просто потрясают!

– Ну что ты, я обычный государственный служащий, – возразил Райм.

При этом лицо Джуди приняло естественное, искреннее выражение; она улыбнулась и прямо взглянула Райму в глаза.

– Знаешь, Арт как-то сказал, что никогда, ни на одну минуту не поверит в твою скромность.

– Даже так?

– Но лишь потому, что ты напускаешь ее на себя только для вида.

Сакс усмехнулась.

Райм тоже издал смешок, как ему показалось, вполне искренний. Потом, уже серьезно, добавил:

– Не знаю, смогу ли я что-то сделать. Расскажи-ка все с самого начала.

– Это случилось на прошлой неделе, двенадцатого, в четверг, когда Арт всегда заканчивает работать пораньше, чтобы по дороге домой заехать в городской лесопарк и набегаться там вволю. У него настоящее пристрастие к бегу.

Райм много раз вспоминал, как мальчишками с разницей в возрасте всего в несколько месяцев он и Артур бегали по улицам их родных городов или близлежащим желто-зеленым полям Среднего Запада, распугивая кузнечиков, отбиваясь от комаров, которые впивались в потную кожу, стоило им остановиться, чтобы перевести дух. Двоюродный брат, похоже, всегда был чуть сильнее, зато Линкольна приняли в сборную школы по бегу. Впрочем, Артура это не привлекало; он даже не участвовал в отборочных соревнованиях своей школы.

Райм отбросил некстати нахлынувшие воспоминания и сосредоточился на том, что рассказывала Джуди.

– Он ушел с работы примерно в половине четвертого и после пробежки приехал домой где-то между семью и половиной восьмого. Выглядел и вел себя совершенно нормально. Принял душ. Потом мы поужинали. А на следующий день к нам в дом заявились полицейские – двое из Нью-Йорка и один местный. Они допросили Арта и осмотрели его машину. Нашли внутри следы крови, еще чего-то… – В голосе Джуди зазвучали нотки смятения, пережитого в то памятное утро. – Потом обыскали дом и кое-что забрали с собой. А после вернулись и арестовали Арта… за убийство. – Это слово она выговорила с трудом.

– А в чем конкретно его обвиняют? – спросила Сакс.

– Будто бы убил какую-то женщину и украл у нее редкую картину. – Джуди горько усмехнулась: – Чтобы Арт воровал картины? Да зачем ему? Или убил кого-то? Да он за всю свою жизнь мухи не обидел! Арт просто не способен на убийство.

– Полиция сделала анализ ДНК обнаруженной крови?

– Да, сделала. Кажется, она совпала с кровью мертвой женщины. Но ведь эти анализы могут давать ошибочные результаты, не так ли?

– Иногда, – согласился Райм, а мысленно добавил: «Очень, очень редко».

– Или настоящий убийца мог испачкать этой кровью машину Арта.

– А картина? – вступила в разговор Сакс. – Она представляла интерес для Арта?

Джуди ответила не сразу, нервно поигрывая массивными пластмассовыми браслетами черного и белого цвета на левом запястье.

– Вообще-то да, у него была одна картина того же автора, и она ему нравилась. Но когда Арт потерял работу, ее пришлось продать.

– А где нашли картину?

– Ее не нашли.

– Как же полиция узнала, что картина украдена?

– Объявился какой-то свидетель, видевший мужчину, примерно во время совершения убийства выносившего картину из квартиры той женщины к своей машине. Ах, это все ужасная несуразица! Сплошные совпадения! Вот именно, это просто непостижимая цепочка случайных совпадений! – воскликнула Джуди дрогнувшим голосом.

– Артур был знаком с той женщиной?

– Сначала сказал, что нет, но, подумав, решил, что они могли встречаться – в картинной галерее, иногда посещаемой им. Однако он не помнит, чтобы хоть когда-нибудь разговаривал с ней. – Взгляд Джуди переместился на схему операции по поимке Логана в Англии, вычерченную маркером на белой доске.

Память вновь вернула Райма в прошлое, воссоздав эпизод из минувшего времени, проведенного вместе с двоюродным братом.

– Давай наперегонки до того дерева!.. Да нет же, слабак! До клена, вон там! Кто первым коснется ствола! На счет три: раз... два... старт!

– Ты не сказал «три»!

– Вы ведь не все нам рассказали, правда, Джуди? Хотите продолжить? – Наверное, Сакс увидела что-то в глазах женщины, предположил Райм.

– Не знаю, просто я очень расстроена. Из-за детей тоже. Для них это настоящий кошмар. Соседи относятся к нам так, будто мы террористы.

– Мне очень жаль, что приходится настаивать, но мы должны знать все факты. Прошу вас.

Джуди вновь почувствовала румянец на своих щеках и судорожно сцепила пальцы на коленях. Одна знакомая Райма и Сакс по имени Кэтрин Дэнс служила в калифорнийском отделении ФБР и специализировалась на оценке психического состояния человека по кинесике, или «языку тела». Райм придавал подобному умению второстепенное по отношению к науке криминалистики значение, однако испытывал глубокое уважение лично к Дэнс, а потому и сам приобщился к ее методике. Так что теперь он без особого труда мог определить, что Джуди Райм просто распирало от невысказанных сомнений и переживаний.

– Продолжайте! – подбодрила ее Сакс.

– Видимо, полиция нашла другие улики... то есть не совсем улики... В общем, это ничего не доказывает, но... дает основания полагать, что, возможно, Арт встречался с той женщиной.

– Ну а вы какого мнения? – осведомилась Сакс.

– Я так не думаю.

Райм обратил внимание, что Джуди отрицает предполагаемую неверность мужа с меньшей категоричностью, чем его причастность к убийству и краже. Ей очень хочется произнести уверенное «нет», но, похоже, она, да и Райм только что пришли к единому умозаключению: если женщина действительно приходилась любовницей Артуру, то в данной ситуации это свидетельствует в его пользу. Мужчина скорее ограбит незнакомку, чем ту, с коей он находится в весьма близких отношениях. Однако, как жена и мать, Джуди никак не могла заставить себя со всей определенностью признать другую возможность.

Она подняла глаза уже без прежнего опасения увидеть Райма, восседающего на жуткой конструкции, снабженной всевозможными устройствами, обеспечивающими его существование.

– Что бы там еще ни происходило, я твердо знаю одно – Арт не убивал. Это невозможно. Мне сердце подсказывает… Ты поможешь ему?

Райм и Сакс переглянулись.

– Извини, Джуди, – решительно начал криминалист, – но мы сейчас проводим важную операцию – вот-вот схватим очень опасного киллера. Я не могу бросить это дело.

– Конечно, тебе не следует из-за нас забывать о своих прямых обязанностях. Но сделай хоть что-нибудь! Я уже не знаю, к кому мне еще обратиться! – У Джуди задрожал подбородок.

– Мы позвоним кое-куда, разведаем обстановку, – пообещал Райм. – Я не имею права знакомить тебя с информацией, выходящей за рамки той, что ты можешь получить от адвоката, но честно поделюсь своим мнением насчет того, насколько убедительными для присяжных могут показаться улики против Артура.

– Ах, спасибо, Линкольн!

– Кстати, кто ваш адвокат?

Джуди назвала фамилию и номер телефона. Итак, защиту взял на себя известный, высокооплачиваемый специалист по уголовным делам, причем Райм водил с ним личное знакомство. Однако круг его профессиональных интересов ограничивался финансовыми преступлениями, и он не обладал достаточным опытом защиты обвиняемых в убийстве, зато имел полно своих хлопот.

Сакс поинтересовалась, кого назначили государственным обвинителем.

– Это Бернхард Гроссман. Я могу разузнать номер его телефона.

– Не надо, – тут же успокоила ее Сакс. – У меня есть. Мы работали вместе. С ним можно договориться. Полагаю, от него уже поступило предложение вашему мужу признать себя виновным в обмен на смягчение приговора?

– Да, и наш адвокат хотел согласиться, но Арт отказался. Он все твердит, что это ошибка и все образуется. Но ведь справедливость не всегда торжествует, правда? Бывает, и невинных людей сажают в тюрьму?

Бывает, мысленно подтвердил Райм, а вслух отстраненным тоном заметил:

– Нам надо сделать несколько телефонных звонков.

Джуди поднялась со стула.

– Мне так жаль, что мы не сумели сберечь наше семейное счастье, просто не могу выразить словами.

Неожиданно для Райма она подошла вплотную к инвалидной коляске, наклонилась и прикоснулась щекой к его щеке. Обоняние криминалиста уловило сочетание трех разных запахов – причиной одного был, несомненно, пот, вызванный нервным возбуждением, а два других исходили от дезодоранта и лака для волос. Но определенно не духов. Джуди Райм принадлежала к типу женщин, не пользующихся духами.

– Спасибо тебе, Линкольн. – Она зашагала к выходу, но остановилась и сказала, чтобы обратиться к Райму и Сакс: – Не страшно, если всплывет что-то новое об Артуре и той женщине. Для меня главное, чтобы его не отправили за решетку.

– Я сделаю все, что в моих силах, – заверил ее Райм. – Мы позвоним, когда будем располагать конкретной информацией.

Сакс проводила Джуди до двери. А когда вернулась, Райм предложил:

– Давай прежде всего начнем с юристов.

– Мне очень жаль, Райм. – Тот непонимающе нахмурился, и Сакс пояснила: – Могу себе представить, насколько это тяжело для тебя.

– Ты о чем?

– Ну, все-таки близкий родственник арестован по обвинению в убийстве.

Райм пожал плечами – один из немногих посильных ему жестов:

– Серийный убийца Тед Банди тоже был чьим-то сыном. А может, и двоюродным братом.

– И тем не менее. – Сакс взяла телефонную трубку, узнала в справочной домашний номер адвоката Артура и, услышав автоответчик, оставила сообщение. Райм невольно спросил себя, на какой площадке для гольфа тот сейчас находится и у какой лунки.

Затем Сакс позвонила помощнику окружного прокурора Гроссману, который, вместо того чтобы в воскресный день отдыхать, продолжал работать в своем офисе в центре Манхэттена, оказывается, включив при этом громкую связь, так чтобы и Райм мог участвовать в разговоре, – тому и в голову не приходило, что преступник с данной фамилией имеет какое-то отношение к известному криминалисту.

– Послушай, мне очень жаль, Линкольн, – искренне посочувствовал он, – но должен сказать тебе, что дело не дает поводов к сомнениям. Я не преувеличиваю. Если бы в нем были слабые места, скрывать бы от тебя этого не стал. Но их нет! Присяжные определенно посадят твоего родственника. Если тебе удастся уговорить его признать себя виновным, ты сделаешь для него великое благо. Я тогда, возможно, сбавил бы до двенадцати безвылазных.

Двенадцать лет тюрьмы без права на условно-досрочное освобождение! Это убьет Артура, подумал Райм.

– Вы очень великодушны, – отметила Сакс.

Помощник окружного прокурора добавил, что у него начинается сложный судебный процесс и на разговоры сейчас просто нет времени, но обещал перезвонить на следующей неделе.

Он, однако, сообщил Райму фамилию детектива, возглавляющего расследование этого дела, – Бобби Лагранж.

– Я знаю его, – как бы про себя отметила Сакс и позвонила ему по домашнему телефону, но в ответ прозвучало предложение оставить сообщение. Тогда она набрала номер мобильника, и детектив тут же взял трубку.

– Лагранж.

Посвистывание ветра в микрофоне и звуки, явно соответствующие всплескам воды, однозначно указывали на то, чем занимается детектив в этот безоблачный, теплый денек.

Сакс назвала себя.

– А, да! Как дела, Амелия? Мне вот-вот должен позвонить один мой стукач из Ред-Хука. У нас там заваривается горячая каша. – Выходит, он не на рыбалке. – Так что я, возможно, буду вынужден прервать разговор без предупреждения.

– Понятно. У меня здесь включена громкая связь.

– Детектив, с вами говорит Линкольн Райм.

Секундная пауза.

– А! Да. – Детектив, видимо, насторожился. Если вам звонит сам Линкольн Райм, это неспроста.

Райм изложил обстоятельства ареста своего двоюродного брата.

– Постойте… Райм! То-то, думаю, фамилия какая-то чудная! То есть я хотел сказать, необычная. Но мне и в голову не приходило, что между вами есть что-то общее. Да он ни разу и не заикнулся про вас ни на одном допросе. Брат, двоюродный! Сочувствую, старина!

– Детектив, я не собираюсь вмешиваться в расследование, но должен выполнить свое обещание разобраться в этой истории. Мне известно, что обвинение представляет помощник окружного прокурора. Я только что с ним разговаривал.

– Вынужден признать, ваш родственник влип так, что дальше некуда. Я уже пять лет тяну лямку в начальниках убойного отдела, и, поверьте, повязали его так же чисто, как если бы он завалил свою лялю на глазах у патрульного копа.

– Так в чем там дело? Жена брата рассказала мне только самую суть.

Голос Лагранжа стал монотонным и тусклым – таким копы обычно воспроизводят обстоятельства преступления:

– Ваш кузен ушел с работы пораньше. Поехал в Гринвич-Виллидж на квартиру к женщине по имени Элис Сандерсон. Она тоже ушла с работы пораньше. Мы не знаем точно, сколько времени он там пробыл, но около шести вечера ей нанесли смертельную ножевую рану, а картину украли.

– Картина, очевидно, не простая?

– Ага. Но до Ван-Гога далеко.

– А кто художник?

– Некто по фамилии Прескотт. А еще мы нашли у вашего кузена несколько почтовых извещений от картинных галерей – ну, знаете, типа рекламных листков – с информацией о работах Прескотта. Тоже не в его пользу, сами понимаете.

– Что вам еще известно о событиях двенадцатого мая? – спросил Райм.

– Есть свидетель, слышавший около шести вечера крики, а через несколько минут заметивший мужчину, выносящего из дома картину. Сев в светло-голубой «мерседес», припаркованный на улице, неизвестный быстро уехал с места преступления. Свидетель запомнил только три первые буквы номера и не успел прочитать индекс штата, но мы составили полный список владельцев голубых «мерседесов» вокруг Большого Нью-Йорка и стали опрашивать их, расширяя зону поиска по мере сокращения числа подозреваемых. Дошла очередь и до вашего кузена. Я лично со своим напарником ездил в Нью-Джерси, мы и местного копа с собой прихватили, как положено. На заднем сиденье и дверце машины имелись пятна, похожие на кровь. Под сиденьем обнаружена окровавленная махровая салфетка – установлено, что она из комплекта, найденного в квартире убитой.

– Анализ ДНК дал положительный результат?

– Да, полное совпадение с кровью жертвы.

– Свидетель опознал моего брата на очной ставке?

– Дело в том, что мы ее не проводили. Звонок был анонимный, из телефона-автомата. Свидетель отказался назвать свою фамилию. Не хотел ввязываться. Но мы и без него обошлись. Дело можно включать в учебник по криминалистике. В коридоре квартиры, где совершено убийство, обнаружен отпечаток точно такого же ботинка, как у вашего кузена. И вообще он здорово наследил.

– Косвенные улики?

– Пожалуйста: следы крема для бритья, крошки картофельных чипсов, частички удобрения для газона – все однозначно совпадает с тем, что найдено у него дома и в гараже.

Нет, не однозначно, отметил про себя Райм. Вещдоки подразделяются на несколько категорий. Есть прямые, «индивидуализирующие», улики вроде ДНК или отпечатков пальцев, поскольку свойственны только одному человеку. Зато косвенные, или «однотипные», вещественные доказательства обладают общими характеристиками со всеми предметами, изготовленными из того же материала, и могут

принадлежать разным владельцам. Взять, к примеру, ворсинки от ковра. Положительный результат анализа ДНК крови, обнаруженной на месте преступления, показывает однозначное совпадение с кровью жертвы. Найденные же там ворсинки лишь ассоциируются с волокнами, из которых соткан ковер, украшающий жилище подозреваемого. Это тем не менее может дать присяжным повод предположить, что он все же был на месте преступления.

– Ну а насколько близко они были знакомы? – спросила Сакс.

– Он утверждает, что вообще не знал ту женщину, однако мы нашли у нее две записи, одну в офисе, другую дома. В первой говорится: «Арт – в баре», а во второй только: «Артур». Да, и еще его имя есть у нее в телефонной книге.

– А номер телефона, рабочий или домашний? – нахмурился Райм.

– Ни тот ни другой. Мобильник с предварительной оплатой. Никаких сведений о владельце.

– Так вы полагаете, они не просто дружили?

– Это приходило нам в голову. А как еще объяснить его нежелание дать ей свой рабочий или домашний телефон? – Лагранж усмехнулся. – А ей, видать, было абсолютно все равно. Порой диву даешься, на что только люди готовы купиться и не задавать при этом лишних вопросов.

«Чему ж тут удивляться?» – подумал Райм.

– А сам телефон?

– Не нашли. Как в воду канул.

– И вы думаете, Артур убил любовницу, потому что та принуждала его уйти от жены?

– Во всяком случае, такой будет позиция обвинения на предстоящем суде. Ну, или что-то в том же духе.

Райм попытался проанализировать эту схему, взвесив все «за» и «против», но не сумел; он просто недостаточно хорошо знал своего двоюродного брата, с которым не виделся больше десяти лет.

А Сакс задала очередной вопрос:

– Был ли мотив для убийства у кого-нибудь еще?

– Нет. Родственники и друзья утверждают, что Элис Сандерсон встречалась с мужчинами, но нерегулярно и без всяких скандальных разрывов. Я даже прикинул, не жена ли Артура – Джуди – отправила ее на тот свет, но у нее твердое алиби.

– А разве у Артура нет алиби?

– Нет. Он якобы был на пробежке в Клинтон-стейт-парке, но подтвердить это некому. Парк большой и безлюдный.

– Любопытно, – заметила Сакс, – а как он ведет себя на допросах?

Лагранж усмехнулся:

– Забавно, что вы спросили об этом. Именно то, как он держится, и удивляет более всего во всем этом деле. Прибалдевший какой-то. Наше появление в его доме он воспринял как что-то совершенно невероятное. Я на своем веку упаковал немало волчар, в том числе матерых. Профессионалов своего дела, так сказать. Но он, в натуре, ловчее всех косит под невинную овечку. Большой артист! За ним и раньше такое водилось, детектив Райм?

Криминалист вместо ответа спросил:

– А что случилось с картиной?

Вопрос вызвал некоторое замешательство.

– Картину так и не нашли. Вот какая штука. Ни в доме, ни в гараже. Зато заднее сиденье машины и пол в гараже испачканы землей, идентичной по составу с почвой в лесопарке рядом с домом, где он бегал по вечерам. Похоже, там и закопал картину.

– Еще один вопрос, детектив, – продолжал допытываться Райм.

В ответ из динамика раздался чей-то отдаленный голос, произносящий слова, неразличимые в порыве ветра.

– Да, слушаю, – снова заговорил Лагранж.

– Можно мне ознакомиться с материалами следствия?

– С материалами следствия? – замялся Лагранж. – Детектив, дело верняк, даю слово. Расследование проведено по всем правилам.

– Детектив Лагранж, мы ни на минуту не сомневаемся в этом! – вмешалась Сакс. – Однако, как мы поняли, Артур Райм отказывается признать себя виновным.

– А, так вы хотите уговорить его? Теперь понятно. Такой расклад для него самый лучший. Вообще-то все материалы вместе с вещдоками уже у помощника окружного прокурора, у меня осталась только копия дела. Могу одолжить, только ненадолго. Денек-другой вам хватит?

Райм молча качнул головой. Сакс обратилась к детективу:

– Я сама заберу копию дела из архива, только поставьте их об этом в известность.

В динамике опять засвистел ветер, но внезапно прекратился – очевидно, Лагранж зашел в какое-то помещение.

– Ладно, я сейчас позвоню им.

– Спасибо.

– Без проблем. Желаю удачи.

Выключив телефон, Райм едва заметно улыбнулся:

– Какая трогательная забота о моем брате! Все будто сговорились. Это я о сделке с правосудием.

– Ты прекрасно знаешь, с кем имеешь дело, – ответила Сакс и, перекинув через плечо ремешок сумочки, зашагала к выходу.

Глава четвертая

Сакс обернулась до Полис-плаза-один и обратно намного быстрее, чем если бы воспользовалась муниципальным транспортом или воспринимала всерьез запрещающие сигналы светофоров. Райм догадался, что она опять отрывалась на своем багровом «камаро-СС» производства 1969 года, не позабыв, правда, водрузить проблесковый маячок на переднюю панель. Сакс перекрасила машину несколько лет назад, так чтобы та гармонировала с любимым цветом Райма, избранным им для своих инвалидных колясок. Ей до сих пор по-ребячески не терпелось при любой возможности выжать из мощного двигателя максимум скорости, так чтобы визжали покрышки и пахло паленой резиной.

– Все отксерила, – сообщила она, входя в помещение с толстым скоросшивателем в руках, и болезненно поморщилась, опустив его на лабораторный стол.

– Что, прихватило? – посочувствовал Райм.

Амелию Сакс мучил застарелый артрит. По этой причине она беспрестанно поглощала таблетки глюкозамина, хондроитина, адвила и напросина, бросая их в рот, будто мармеладки, однако редко жаловалась на недомогание вслух – опасалась, если узнает полицейское начальство, пошлет ее на медкомиссию и переведет на канцелярскую работу. Даже наедине с Раймом Сакс старалась не подавать виду, что ей больно. Но сегодня призналась:

– Да, чего-то петли скрипят.

– Сядь, передохни.

Она отрицательно мотнула головой.

– Ну, рассказывай, что у нас есть.

– Полный отчет, опись вещдоков и копии фотоснимков. Все, кроме видеокассет. Их передали окружному прокурору.

– Так, давай-ка перепишем все на доску. Я хочу видеть то, что обнаружено на месте преступления и в доме Артура.

Сакс подошла к доске из гладкого белого пластика – несколько десятков таких досок были развешаны по стенам лаборатории Райма – и принялась писать под пристальным взглядом криминалиста.

УБИЙСТВО ЭЛИС САНДЕРСОН

Квартира Элис Сандерсон.

• Следы крема для бритья «Эдж-адвэнст-джел» с алоэ.

• Крошки картофельных чипсов «Принглс», обезжиренных, со вкусом барбекю.

• Нож «Чикаго-катлери» (орудие убийства).

• Удобрение марки «ТруГроу».

• Отпечаток подошвы мужского ботинка модели «Alton EZ-Work» размера 10 с половиной.

• Лоскут перчаточного латекса.

• Номер мобильника под именем «Арт» в телефонной книжке (отключен, отследить невозможно) – любовная связь?

• Две записи: «Арт – в баре» (офис) и «Артур» (дома).

• Свидетель указал на светло-голубой «мерседес» и буквы номерного знака NLP.

Машина Артура Райма.

• Светло-голубой «мерседес», седан класса «Си», 2004 года, номерной знак штата Нью-Джерси NLP 745, зарегистрирован на Артура Райма.

• Кровь на полу и задней дверце (ДНК совпадает с кровью убитой).

• Окровавленная салфетка из комнаты убитой (ДНК совпадает).

• Земля, одинаковая по составу с почвой в Клинтон-стейт-парке.

Дом Артура Райма.

• Крем для бритья «Эдж-адвэнст-джел» с алоэ, ассоциируется со следами, найденными непосредственно на месте преступления.

• Чипсы «Принглс» со вкусом барбекю, обезжиренные.

• Удобрение «ТруГроу» (в гараже).

• Лопата, испачканная землей, одинаковой по составу с почвой в Клинтон-стейт-парке (гараж).

• Ножи «Чикаго-катлери» – той же марки, что и орудие убийства.

• Ботинки мужские модельные «Alton EZ-Work», размер 10 с половиной.

• Почтовые извещения от галереи «Уилкокс» в Бостоне и «Галереи изящных искусств Андерсон-Биллингс» в Кармеле о выставках работ Харви Прескотта.

• Упаковка латексных перчаток «сэйф-хэнд» (в гараже), химический состав одинаков с лоскутом, найденным на месте преступления.

– Послушай, Райм, а ведь улики довольно убедительные! – заметила Сакс, отступив на шаг и подбоченясь.

– А то, что они договаривались по мобильнику? И «Арт» в ее записях звучит достаточно фамильярно. Зато ни домашнего адреса, ни упоминания места работы. Все это, конечно, наводит на мысль о любовной связи… Есть еще какие-нибудь подробности?

– Нет, только фотоснимки.

– Давай их тоже на доску, – велел Райм, изучая таблицу. Он сожалел, что ему на этот раз не представилась возможность обследовать место преступления самому – то есть с помощью Амелии Сакс, экипированной специальной аппаратурой, состоящей из головного телефона и видеокамеры с высокой разрешающей способностью. Криминалисты из управления проделали работу, похоже, добросовестно, но без проявления сообразительности. Например, не догадались сфотографировать смежные помещения. Или вот нож… На снимке окровавленное орудие убийства лежит под кроватью. Полицейский услужливо приподнимает свисающую до пола оборку покрывала, чтобы фото получилось лучше. А ведь очень хотелось бы знать, был ли нож полностью скрыт под опущенной оборкой (и тогда логично предположить, что преступник впопыхах забыл про него) или заметен, а значит, мог быть нарочно подброшен в качестве ложной улики.

Райм принялся разглядывать снимок с остатками упаковочного материала на полу, в который, очевидно, была завернута картина Прескотта.

– Тут что-то не так, – прошептал он.

Сакс, продолжая стоять у доски, обернулась.

– Картина, – промолвил Райм чуть громче.

– А что с ней не так?

– Лагранж считает, что убийство было мотивировано желанием Артура избавиться от Элис, отравлявшей ему жизнь, а Прескотта он забрал просто для отвода глаз.

– Так.

– Но, – продолжал рассуждать Райм, – для инсценировки случайного характера убийства, совершенного во время ограбления мало-мальски сообразительный преступник не станет уносить с собой вещь, от которой ниточка потянется прямо к нему. Достаточно вспомнить, что Артур тоже владел картиной Прескотта и получал информацию о его работах из картинных галерей.

– Ты прав, Райм. Это крайне неразумно.

– А теперь предположим, Артур действительно захотел присвоить картину, не имея средств приобрести ее законным путем. Куда проще и безопаснее залезть в пустую квартиру, пока хозяйка на работе, и преспокойно вынести добычу, не пачкаясь в крови.

Поведение двоюродного брата, хоть и не образцовое – по оценочной шкале Райма оно колебалось между честностью и ложью, – тоже как-то «не сочеталось» с приписываемым ему преступлением.

– Возможно, он и не разыгрывает невиновного. Возможно, он в самом деле не виноват... Так, говоришь, улики довольно убедительные? Нет, я бы сказал, чересчур убедительные!

Про себя Райм подумал: предположим на минутку, что Артур не делал этого. В таком случае дело примет совершенно иной оборот и может иметь далеко ведущие последствия. Потому что речь будет идти уже не просто о следственной ошибке. Не слишком ли упорно указывают на Артура многочисленные свидетельства, в том числе решающая улика – наличие крови жертвы в его машине. Получается, если Артур невиновен, значит, кто-то не поленился здорово напрячься, чтобы повесить на него убийство.

– Думаю, его подставили.

– Зачем?

– Зачем? – повторил Райм, будто размышляя вслух. – На данном этапе мотив нас не интересует. Зато вопрос «как?» непосредственно относится к делу. Ответ на него укажет нам – «кто». Заодно мы сможем узнать и «зачем», но для нас не это главное. Итак, мы исходим из того, что не Артур, а некий мистер Икс убил Элис Сандерсон и украл ее картину, сфабриковав улики против моего брата. Итак, Сакс, *как* он это сделал?

Амелия расположилась в кресле с болезненной гримасой на лице – проклятый артрит! – и после короткого раздумья сказала:

– Мистер Икс следил за Артуром и Элис. Засек их в картинной галерее и таким образом узнал о том, что они увлекаются живописью, потом докопался как-то и до личных данных.

– До мистера Икса доходят сведения о том, что Элис купила картину Прескотта. Он тоже хотел бы заполучить одно из его полотен, но ему это не по карману.

– Да. – Сакс кивнула в сторону доски со списком вещдоков. – Тогда мистер Икс проникает в дом Артура, видит там чипсы «Принглс», крем для бритья «Эдж», удобрение «Тру-Гроу» и ножи «Чикаго-катлери». Он берет с собой всего понемножку, чтобы наследить на месте преступления, и с этой же целью обзаводится точно таким же ботинком, как у Артура. Потом вымазывает его лопату землей из лесопарка…

– Так, теперь воспроизведем события двенадцатого мая. Каким-то образом мистер Икс узнает, что по четвергам Артур всегда уходит с работы пораньше и долго бегает по безлюдному парку, – значит, алиби как такового у него не будет. Убийца заявляется в квартиру жертвы, совершает кровавое злодеяние, крадет картину и сообщает из телефона-автомата о криках и якобы виденном им мужчине с картиной, уехавшем на «мерседесе», точно таком, как у Артура, причем даже с частично таким же номером. После он отправляется в Нью-Джерси домой к Артуру, оставляет следы крови и грязи, подбрасывает салфетку и лопату.

Эти рассуждения прервал звонок телефона. Это был адвокат, которому предстояло защищать на суде Артура. Измученным голосом он, по сути, пересказал то, что им уже сообщил помощник окружного прокурора. У адвоката не нашлось никаких конструктивных предложений, зато он недвусмысленно убеждал Райма повлиять на Артура таким образом, чтобы тот согласился признать себя виновным.

– Прокурор припрет моего подзащитного к стенке, – причитал адвокат. – Сделайте для него доброе дело! Тогда пятнадцать лет я гарантирую.

– Для Артура это крах, – сказал Райм.

– Настоящий крах наступит, когда его приговорят к пожизненному заключению!

Райм холодно попрощался и отключил связь. Потом вернулся к изучению списка вещественных доказательств.

Внезапно криминалиста осенило.

– В чем дело? – Сакс заметила, как Райм задумчиво уперся взглядом в потолок.

– А что, если он и прежде это проделывал?

– Что ты имеешь в виду?

– Предположим, кража картины действительно его истинная цель или мотив. Но это не мог быть однократный ход – сорвал куш и вышел из игры. Прескотт не Ренуар, которого сбыл миллионов за десять, и поминай как звали. Тут, похоже, целое предприятие. Преступник изобрел хитроумный способ избегать наказания, и он будет пользоваться им, пока его не остановят.

– Да, похоже, это верная мысль. Значит, нам надо копать среди других дел по кражам картин.

– Не обязательно. Он может воровать не только картины. Существуют и другие ценности. Но общее у таких дел есть.

Сакс наморщила лоб, затем предложила вариант ответа:

– Убийство.

– Вот именно! Поскольку преступник подставляет вместо себя других людей, он вынужден убивать, чтобы не быть опознанным своими жертвами. Позвони сейчас же кому-нибудь из убойного отдела – домой, если потребуется. Мы ищем дела с точно таким же раскладом: первичное преступление, скорее всего кража, затем убийство с многочисленными косвенными уликами.

– И вероятно, наличие положительного результата анализа ДНК крови жертвы, причем следы ее могли быть сфабрикованы.

– Неплохо, – согласился Райм, радостно возбужденный от ощущения, что они нащупали верный путь. – А если преступник всегда придерживается своего метода, то еще должен быть телефонный звонок анонимного свидетеля на «девять один один» с указанием примет кандидата в подставы.

Сакс пересела за письменный стол с телефоном, находившийся в углу лаборатории, и сняла трубку.

Райм, облокотившись затылком на подголовник инвалидного кресла, сквозь прикрытые веки наблюдал за напарницей. Под ногтем большого пальца, сжимающего телефонную трубку, он разглядел пятнышко засохшей крови. Над ухом тоже виднелась царапинка, едва заметная под рыжими волосами. Райм знал, что за Сакс водилась привычка терзать себя понемногу, особенно при этом доставалось ногтям, ими же она нещадно царапала кожу на голове – показатель того, что ее нервы напряжены.

Ее взгляд стал сосредоточенным, она кивала, слушая собеседника, и быстро записывала. Райм понял, что информация проходит важная, и его сердце тоже забилось быстрее. У Сакс перестала писать ручка, и она, отшвырнув ее на пол, извлекла новую так же стремительно, как выхватывала из кобуры пистолет на соревнованиях по стрельбе.

Спустя десять минут беседа завершилась.

– Райм, ты только послушай! – Сакс подсела к нему на стоящий рядом плетеный стул. – Я говорила с Флинтлоком.

– Это как раз то, что надо было сделать.

Теперь уже мало кто помнил, случайно или нет пристало к Джозефу Флинтику прозвище, соответствующее названию старинного кремневого ружья. Он служил детективом в убойном отделе, когда Райм еще был начинающим желторотиком. Постаревший и ворчливый, Флинтлок хранил в памяти детали почти каждого убийства, совершенного в Нью-Йорке на протяжении всей его продолжительной карьеры полицейского, многое он помнил и из того, что происходило в окрестностях мегаполиса. Иные в его возрасте по воскресным дням навещают правнуков, а он все никак не наработается. Так что Райм ничуточки не удивился тому, что старого детектива удалось застать на месте.

– Я рассказала Флинтлоку о наших соображениях, и он с ходу припомнил два убийства с похожими обстоятельствами. Одно связано с кражей редких монет примерно на пятьдесят кусков. В другом жертву изнасиловали.

– Изнасиловали? – Это придавало делу более многозначный тревожный аспект.

– Вот именно. В обоих случаях позвонил неизвестный свидетель и сообщил о преступлении, а также дал наводку, позволяющую идентифицировать преступника. Ну, вроде замечаний по поводу цвета и номера машины в деле твоего двоюродного брата.

– Звонили, конечно же, мужчины.

– Верно. Городские власти каждый раз предлагали вознаграждение, но свидетели так и не объявились.

– А вещественные доказательства?

– Флинтлок уже не помнит во всех подробностях, но, по его словам, хватало и следов, и косвенных улик. Точно так же, как в деле твоего

брата, на месте преступления и в жилище подозреваемых нашли по пять-шесть однотипных предметов и следов, ассоциирующихся по идентифицирующим признакам. И в обоих случаях следы крови жертвы были обнаружены дома у подозреваемых и на принадлежащих им вещах.

– Держу пари, в деле с изнасилованием отсутствует положительный результат анализа «СПС»[4].

– Точно, результатов анализа нет.

– А неизвестные свидетели сообщали неполные номера автомобилей подозреваемых.

Сакс сверилась со своими записями.

– Угадал. Как тебе удалось?

– Легко. Нашему преступнику нужно время, чтобы успеть подбросить улики. Зная же полный номер, полиция сразу могла бы выехать к дому подставы. Убийца все досконально продумал. А подозреваемые все отрицали?

– Ну да. Ни тот ни другой не признали себя виновными. Сделали ставку на то, что присяжные им поверят, и проиграли.

– Нет, нет и нет, все это слишком притянуто за уши, – недовольно поморщился Райм. – Надо бы посмотреть…

– Я уже попросила кое-кого забрать для меня из архива эти два дела.

Райм усмехнулся. Сакс опять опередила его на целый ход. Ему припомнилась их первая встреча несколько лет назад. Сакс тогда служила обычным патрульным копом, до предела разочарованная и готовая расстаться с карьерой в полиции. Райм находился на грани того, чтобы расстаться с чем-то еще большим. С тех пор в их жизни многое изменилось.

Райм произнес в микрофон, установленный на ножке его кресла:

– Команда, вызовите Селлитто.

Криминалиста охватил азарт, то неповторимое радостное волнение, что всегда возникало у него в предвкушении предстоящей погони за преступником по оставленному им следу. Он опять с нетерпением ждал, когда оживет телефон, однако на этот раз даже не вспомнил про Англию.

– Привет, Линк. – Бруклинский говорок Селлитто заполнил помещение. – Какого…

– Послушай, есть одна проблема.

– Знаешь, у меня тут своих заморочек по горло. – Бывший напарник Райма, лейтенант Лон Селлитто пребывал не в лучшем настроении. Многолетняя работа руководимой им большой оперативной группы на днях пошла под откос. В прошлом году они арестовали и привлекли к суду по обвинению в рэкете и убийствах свирепого главаря русской мафии, базирующейся на Брайтон-Бич, Владимира Дьенко. Райм тоже был в курсе этого расследования, поскольку его привлекали к участию в криминалистической экспертизе. И вот в минувшую пятницу детективы с негодованием узнали, что дело против Дьенко и трех его подручных прекращено после того, как все свидетели один за другим отказались давать показания в суде либо просто исчезли. Селлитто вместе с агентами ФБР трудился даже в выходные, пытаясь разыскать новых свидетелей и осведомителей.

– Я тебя долго не задержу. – Райм вкратце пересказал то, что ему и Сакс удалось выяснить относительно ареста двоюродного брата, а также об обстоятельствах дел, связанных с изнасилованием и кражей монет.

– Еще два дела? Ничего себе. А что говорит твой родственник?

– Я с ним еще не общался. Но он все отрицает. В этом надо разобраться.

– А какого черта тут еще разбираться?

– Я не думаю, что Артур сделал это.

– Он твой брат. Естественно, ты не думаешь, что он сделал это. Или у тебя есть доказательства?

– Пока нет. Потому и звоню тебе. Дай мне людей.

– Я по самую задницу увяз в деле Дьенко с Брайтон-Бич, а ты вместо того, чтобы помочь, гоняешь чаи со своими долбаными бриттами!

– Лон, это может оказаться чем-то очень серьезным, поверь. От тех двух дел так и разит подтасованными уликами и лжесвидетельством. И я уверен, что это не исключение. Лон, ты ведь любишь красивые фразы – так неужели твою душу не возбудят слова «а настоящий убийца остался на свободе»?

– Можешь умничать сколько хочешь. Мне некогда.

– Я не умничаю, Лон. Я стараюсь пробудить в тебе лучшие человеческие и профессиональные качества.

– Да думай что угодно. Мне надо спасать город от русских. В Сити-Холле и в Федеральном доме после решения суда все впали в ступор.

– Шлю им свои глубочайшие соболезнования. Однако брось это дело и возьмись-ка за наше.

– Я занимаюсь не отдельными убийцами, а организованной преступностью.

Понятно, что ОБОП полицейского управления Нью-Йорка расследовал особо важные преступления, и все же ответ Селлитто вызвал у Райма лишь саркастическую усмешку.

– Ты можешь заниматься убийствами, когда захочешь! С каких это пор официальное распределение обязанностей в управлении стало иметь для тебя такое значение?

– Ладно, дам тебе совет, – проворчал детектив. – Есть такой капитан Джо Мэллой. Кстати, он сейчас у себя в кабинете. Знаешь его?

– Нет.

– Я знаю, – вставила Сакс. – Крутой мужик.

– Привет, Амелия. Как тебе сегодняшнее похолодание?

Сакс засмеялась. Райм же угрюмо заметил:

– Очень забавно. Ну, так что этот капитан, черт возьми, собой представляет?

– Правильный капитан. Железный. Шутить не любит. Тебе он понравится.

– Много клоунов развелось в последнее время, – насупившись, пробормотал Райм.

– Мэллой не клоун. Он фанатик. При попытке ограбления пять или шесть лет назад у него убили жену.

– Я не знала об этом, – нахмурилась Сакс.

– Ну вот, и теперь он все время проводит на службе. Ему прочат место начальника управления. А то и в доме через улицу. То есть в Сити-Холле. Звони Мэллою, может, у него найдутся для тебя свободные люди.

– Я хочу, чтобы для меня освободился ты!

– Не катит, Линк. Мне быка надо пасти. Задолбал меня этот геморрой. Но ты звони, если что, и…

– Ладно, Лон… Команда, отбой!

– Стоило ли бросать трубку, Райм? – осуждающе заметила Сакс.

Тот лишь хмыкнул и дал команду соединить его с Мэллоем. Если бы в ответ сейчас прозвучало предложение оставить сообщение, Райм, несомненно, пришел бы в ярость.

– Мэллой слушает.

Райм назвал себя.

Короткая пауза. Затем:

– Да, Линкольн… Не думаю, что мы когда-либо встречались, но я, конечно, о вас знаю.

– Я здесь вместе с вашим детективом, Амелией Сакс. Мы на громкой связи, Джо.

– Добрый день, детектив Сакс. – Формальность приветствия подчеркивалась сдержанностью голоса. – Чем могу быть полезен вам?

Райм ввел в курс дела и объяснил, почему он полагает, что его двоюродного брата подставили.

– Так это ваш двоюродный брат? Сочувствую. – Однако особого сочувствия в голосе не слышалось. Мэллой наверняка опасается, что Райм попросит его вмешаться в расследование и содействовать смягчению приговора. Как бы не так – это попахивает как минимум нарушением профессиональной этики. А в худшем случае может послужить основанием для служебного расследования и вызвать огласку в средствах массовой информации. Конечно, другую чашу весов отягощает отказ в помощи эксперту, оказывающему неоценимое содействие нью-йоркской полиции и являющемуся бывшим коллегой, потерявшим здоровье при исполнении служебных обязанностей. В общем, следует учитывать, что городские власти всемерно поощряют политически корректное поведение.

К тому же обращение Райма содержит в себе нечто большее, чем призыв к корпоративной солидарности.

– Я думаю, есть высокая степень вероятности того, что это не первая подстава на счету у данного преступника. – И Райм рассказал об убийствах с кражей монет и изнасилованием.

Итак, выходит, не один, а целых три невинных человека ошибочно арестованы командой Мэллоя. Кроме того, на нью-йоркском управлении полиции повисают три лишних «глухаря», а на свободе разгуливает серийный убийца. Это было чревато крупным скандалом.

– Хм, довольно странное заявление… Неожиданно все это как-то, знаете… Ваше желание помочь двоюродному брату вполне объяснимо…

– Я хочу помочь правосудию, Джо! – воскликнул Райм совершенно искренне, не стесняясь внешней напыщенности своих слов.

– Хм…

– Я только прошу прикомандировать ко мне пару оперов, чтобы еще раз изучить вещдоки по названным мной делам. Ну, и немного нарыть дополнительной информации.

– Ах вот что! К сожалению, ничего не получится, Линкольн. Лишних людей просто нет. В любом случае такое задание я никому поручить не могу. Но обещаю поднять этот вопрос завтра на докладе у заместителя нашего комиссара.

– А нельзя ли позвонить ему прямо сейчас, как думаете?

Снова короткое раздумье.

– Нет. Он сегодня слишком занят.

Поздний завтрак. Или барбекю. Или воскресный дневной сеанс какой-нибудь дурацкой архаической комедии вроде «Молодого Франкенштейна» либо не менее идиотского мюзикла «Спамалот».

– Еще раз обещаю поднять этот вопрос завтра на докладе. Любопытная ситуация. Но вы, пожалуйста, ничего не предпринимайте без моей санкции. С вами свяжутся.

– Я буду ждать.

После окончания разговора Райм и Сакс хранили молчание еще какое-то время.

«Любопытная ситуация»…

Райм поднял взгляд на доску с останками мертворожденного расследования.

Сакс первой нарушила тишину:

– Интересно, чем сейчас занят Рон?

– И правда, давай-ка узнаем! – Райм счастливо улыбнулся, что случалось с ним весьма редко.

Сакс вынула свой телефон, нажала кнопку автоматического набора номера, а затем кнопку «громкая связь».

Молодой голос бодро отчеканил:

– Слушаю, мэм!

Сакс не первый год пыталась отучить патрульного полицейского Рона Пуласки от почтительно-официального обращения, но тому не всегда удавалось пересилить себя и назвать ее Амелией.

– Ты на громкой связи, Пуласки, – предупредил Райм.

– Да, сэр.

Райму тоже не нравился этот «сэр», но сейчас просто не хотелось пререкаться с упрямым парнем.

– Как ваше здоровье? – вежливо поинтересовался Пуласки.

– Не дождешься! – отрезал Райм. – Ты чем сейчас занят? И насколько это важно?

– Прямо сейчас?

– Я, кажется, ясно выразился.

– Мою посуду. Мы с Дженни только что из-за стола. У нас в гостях были мой брат с женой. Ездили с детьми на фермерский рынок. Это полный улет! А вы и детектив Сакс когда-нибудь бывали на…

– Значит, ты дома. И ничем не занят.

– Ну, как… посуду мою.

– Забудь про посуду и мигом сюда! – Райм не имел полицейского чина и, следовательно, формально не был правомочен отдавать приказания кому-либо из сотрудников нью-йоркского управления, даже регулировщикам.

Однако Сакс была в ранге детектива третьего класса, и хотя тоже не могла приказать Пуласки перейти в их распоряжение, у нее имелась возможность официально обратиться к его начальству с соответствующей просьбой.

– Рон, ты нам нужен сегодня. И возможно, завтра.

Рона Пуласки регулярно привлекали к работе под началом Райма, Сакс или Селлитто. Такие временные прикомандирования в помощь известному в профессиональных кругах криминалисту способствовали повышению авторитета молодого полицейского среди товарищей по управлению. Кстати, сам Райм был приятно удивлен, когда он прослышал об этом. У него не вызывало сомнений, что непосредственное начальство Пуласки отпустит его на несколько дней – если, конечно, не позвонит Мэллою или еще кому-нибудь из вышестоящего руководства и таким образом не выяснит, что никакого спецзадания нет и все это сплошная самодеятельность.

Пуласки сообщил Сакс фамилию дежурного офицера в полицейском участке своего округа. Попутно он спросил:

– Да, сэр, а лейтенант Селлитто тоже будет работать по этому делу? Может, позвонить ему, спросить, не надо ли чего?

– Нет! – разом выкрикнули Райм и Сакс.

Последовало короткое молчание, прерванное неуверенным голосом Пуласки:

– Ну, тогда я сейчас прямо к вам. Только… можно, я сначала стаканы протру? Дженни не любит, когда на стенках остаются капли от воды.

Глава пятая

Лучший день недели – воскресенье.

Именно по воскресеньям я чаще всего свободен и могу посвятить их любимому занятию.

Я коллекционирую вещи.

То есть любые вещи, какие только можно вообразить. Если мне что-то приглянулось и помещается в мой рюкзак или багажник машины, я забираю это в свою коллекцию. Кому-то может прийти в голову сравнить меня с древесной крысой, крадущей у людей мелкие предметы, но приносящей что-нибудь взамен. Нет, уж коли я положу глаз на вещь, она будет моя навеки. Из рук не выпущу. Ни за что.

Итак, воскресенье – мой любимый день. Потому что наступает выходной для масс – тех, кто считает этот потрясающий город своим домом, – мужчин, женщин, детей, юристов, артистов, велосипедистов, поваров, воров, жен и любовниц (в моей коллекции есть и «DVD»), политиков, любителей бега трусцой и хранителей музеев… Чем только не занимаются они ради собственной потехи, иногда просто диву даешься!

Стадами необузданных антилоп мечутся они по городским улицам и паркам Нью-Джерси, Лонг-Айленда и самых отдаленных уголков штата Нью-Йорк.

И ничто не мешает мне охотиться на них.

Этим я и увлечен сейчас, презрев все остальные наскучившие воскресные удовольствия: поздний завтрак, поход в кино и даже приглашение поиграть в гольф. Ах да, и богослужение – очень популярное времяпрепровождение среди антилоп, естественно, при условии, что после визита в церковь они получат свой вышеупомянутый поздний завтрак или клюшку, мячик и девять лунок.

Я охочусь…

А потому еще одна коллекция хранится у меня в памяти, и в данный момент я смакую воспоминание о моей самой последней транзакции с молоденькой Элис Сандерсон (она у меня числится под номером 9538-0967-7524-3630). С ней все шло в общем-то хорошо, очень хорошо – пока не появился нож, разумеется.

Ах, Элис-9538, в милом розовом платьице, подчеркивающем ее полные грудки, с таким игривым подольчиком (я даже присвоил ей еще один номер: 95-65-90 – в шутку, конечно). Довольно красивая. Духи с ароматом каких-то экзотических цветов.

Присвоение картины Харви Прескотта, которую она так удачно увела из-под носа других потенциальных покупателей (но сыгравшую с ней самой довольно злую шутку, как оказалось впоследствии), являлось только частью моего плана. Убедившись, что сей шедевр доставлен, я спокойно занялся делом: связал Элис, заклеил ей рот пластырем, а затем провел с ней в спальне несколько упоительных часов. Она сама же все и

испортила. Я уже подкрался сзади как можно осторожнее, когда она вдруг обернулась и душераздирающе заверещала. Ну у меня не оставалось иного выбора, кроме как полоснуть ее ножом по горлу, лопнувшему, надо признать, не хуже спелого помидора, забрать моего великолепного Прескотта и испариться – через трубу, образно выражаясь.

Вот и не выходит у меня из головы эта красотка Элис-9538 в своем куцем розовом платьишке, с кожей, пропитанной пряным ароматом, будто воздух в восточной чайхане. А это значит: мне нужна женщина.

И вот шагаю я по этим тротуарам, присматриваясь к возможным кандидатурам сквозь темные очки. А они в общем-то даже не замечают меня. Но так и задумано: я превращаю себя в человека-невидимку, а где еще, как не на Манхэттене, можно совершенно исчезнуть из виду?

Я петляю по городу, ныряю в узкий проулок, захожу в магазинчик – расплачиваюсь, понятно, наличными, – выныриваю в безлюдной, когда-то промышленной части города рядом с Сохо, перестраиваемой теперь под жилье и торговые комплексы. Здесь тихо, и это хорошо. Хочу, чтобы моя трансакция с Майрой Уэйнберг, 9834-4452-6740-3418 – этот номер я держу на примете уже некоторое время, – прошла в спокойной обстановке.

Майра-9834, мне о тебе все известно. У меня на тебя есть все личные данные.

Итак, досье на Майру-9834. Живет девушка на Уэйверли-плейс в Гринвич-Виллидж. Снимает квартиру в доме, владелец которого хочет продать его в собственность кооператива, выселив жильцов через суд. (Мне об этом известно, но бедным квартиросъемщикам еще нет, и, судя по учетам доходов и долговых обязательств, большинство из них будут просто разорены.)

Великолепная, экзотичная, черноволосая Майра-9834 окончила Нью-Йоркский университет и проработала несколько лет в одном из рекламных агентств мегаполиса. Мать еще жива, а отец погиб под колесами автомобиля много лет назад, хотя ордер на арест неизвестного водителя, скрывшегося с места происшествия, до сих пор не исполнен. Полиция явно не лезет из кожи вон, чтобы раскрыть подобные преступления.

Майра-9834 рассталась с прежним любовником, а найти нового пока не удалось, так как, должно быть, для нее это не просто. Об этом свидетельствует ее недавний тридцать второй день рождения, отмеченный дома порцией свинины «му-шу» (неплохой выбор) из

ресторана «Династия Хунань» на Четвертой Западной улице и бутылкой белого вина «Загадка Каймю» (по завышенной цене двадцать восемь долларов из магазина «Виллидж уайнз»). Полагаю, одинокий ужин с лихвой возместила последовавшая за ним субботняя вылазка на Лонг-Айленд в компании с обитающими поблизости родственниками и знакомыми. Судя по солидным счетам за выпитое «Брунелло» в ресторане «Гарден сити», весьма рекомендуемым газетой «Ньюсдей», мероприятие удалось.

Вместо ночных рубашек Майра-9834 использует футболки «Тайна Виктории». К такому выводу меня подвело то, что у нее их целых пять и они ей слишком велики, чтобы носить их вне дома. Просыпается рано с мыслью о датском печенье «Энтенманн» канадского производства (только не с пониженным содержанием жиров, за что я горжусь ею) и о чашечке приготовляемого ею кофе «Старбакс». К моему великому сожалению, Майра-9834 очень редко пьет кофе вне дома. Я обожаю наблюдать за приглянувшейся мне антилопой в среде ее обитания, а кофейни «Старбакс» подходят для этого все-таки более, чем другие места общения, коими славится саванна. Примерно в восемь двадцать Майра-9834 покидает свою квартиру и направляется в Мидтаун, в рекламное агентство «Мейпл, Рид энд Саммерс», где развивает бурную деятельность в качестве младшего менеджера по работе с клиентами.

А я все шагаю и шагаю своей дорогой этим воскресным утром. У меня на голове ничем не примечательная бейсболка (в таких кепчонках ходят 87,3 процента мужчин в Нью-Йорке и окрестностях). Носа, как всегда, не задираю. Если кто-то полагает, что спутник не запечатлит его улыбающееся лицо с тридцатимильной высоты, то он просто не владеет информацией. Сотни ваших снимков, посланных из космоса, хранятся на дюжине серверов в разных уголках света. Хорошо еще, если в момент, когда щелкнула экспозиция, вы были увлечены тем, что пялились, прищурясь от солнца, на рекламный аэростат или кудрявое, как барашек, облачко.

Моя страсть к коллекционированию включает не только эти повседневные реальности, но и умонастроения моих подопечных, представляющих для меня интерес, – и Майра-9834 не является исключением. Она имеет обыкновение после работы зайти с подругами в бар и, как я заметил, довольно часто (даже слишком часто, на мой взгляд) берет на себя оплату общего счета – явно покупает их расположение к себе (вы согласны, доктор Фил[5]?). Вероятно, в переходном возрасте ее одолевали угри, да и до сих пор она ходит на прием к дерматологу. Причем суммы счетов невелики, как будто ей просто чистят кожу (в чем нет никакой необходимости, судя по моим наблюдениям) либо следят, чтобы прыщи снова не выскочили, как ниндзя из ночного мрака.

После распития с «девчонками» обычно трех коктейлей «Космополитан» или посещения фитнес-клуба Майра-9834 возвращается домой к болтовне по телефону, к непременному компьютеру и кабельному телевидению с самой дешевой программой (мне доставляет удовольствие наблюдать за ее зрительскими предпочтениями, отличающимися, что примечательно, крайним консерватизмом; когда, например, показ телесериала «Сайнфелд» перенесли на другой канал, она немедленно переключилась на него. А ради вечера в компании Джека Бауэра легко была принесена в жертву и пара свиданий.

Когда же наступает время ложиться в постель, Майра-9834 иногда позволяет себе немного развлечься (не зря же она пачками закупает пальчиковые батарейки «АА», хотя ее цифровая камера и айпод работают на подзарядке).

Разумеется, эти данные относятся к ее будничной жизни. Но сегодня выходной, славный воскресный денек, а потому все иначе. Именно по воскресеньям Майра-9834 садится на свой любимый и очень дорогой велосипед и отправляется колесить по городским улицам.

Маршруты разные. Это может быть и Центральный парк, и Риверсайд-парк, и Проспект-парк в Бруклине. Однако каков бы ни был выбран курс, к концу поездки он неизменно приведет к магазину деликатесов на Бродвее, где Майра-9834 обязательно остановится. И оттуда, подгоняемая разыгравшимся аппетитом и желанием принять душ, она мчится домой по кратчайшей велосипедной дорожке, пролегающей в силу перегруженности движения в центре как раз мимо того места, где я в данный момент стою, то есть напротив входа во дворик перед лофтом – большой квартирой на первом этаже, перестроенной из хозяйственного помещения. Подумать только, десять лет назад нынешние владельцы – Мори и Стелла Гришински – купили его всего за 278 тысяч долларов! Сейчас хозяев нет дома – наслаждаются весенним круизом вокруг Скандинавии. По их просьбе им прекратили доставку почты, однако они не стали нанимать персонал по уходу за комнатными растениями и домашними животными. И охранной сигнализации в доме нет.

Что-то не видать моей Майры-9834. Хм… Неужели помешали непредвиденные обстоятельства? Мог и я ошибиться.

Но это случается редко.

Проходят пять мучительных минут. Я занят тем, что в своем воображении рассматриваю лица на картине Прескотта из коллекции, хранимой глубоко в памяти. Налюбовавшись, возвращаю картину

обратно в запасник. Оглядываюсь вокруг и сглатываю слюнки от почти неодолимого желания порыться в сокровищах, таящихся в объемистом мусорном контейнере.

«Оставайся в тени. Держись подальше от „сетей“. Особенно в подобной ситуации. И ни в коем случае не маячь перед окнами». Просто диву даешься, насколько падки люди до вуайеризма и как много находится любителей подглядывать за тобой через оконные стекла, в которых тебе видно лишь отражение улицы или слепящий отблеск солнечного луча.

Но где же она, где?!

Если в ближайшее же время не осуществлю свою очередную операцию…

И вдруг – ах! – чувствую, как ёкает сердце при виде ее, этой самой Майры-9834.

А она катит себе не спеша, красивые ноги ритмично вращают педали на низкой передаче. Байк за тысячу двадцать баксов. Моя первая машина стоила мне дешевле.

Велосипедные шортики туго облегают бедра, а у меня учащается дыхание. Хочу, значит, ее со страшной силой.

Быстрый взгляд в оба конца улицы. Никого, кроме женщины, едущей на велосипеде в мою сторону – уже недалеко, в каких-то тридцати футах. Прижимаю к уху открытый, но выключенный мобильник, в руке небрежно болтается пакет «Империя еды». Поднимаю на нее глаза, отступаю с проезжей части к тротуару, продолжая вести оживленный разговор с несуществующим собеседником. Замолкаю, когда она совсем рядом. Вглядываюсь, сосредоточенно прищурясь. И тут же с улыбкой:

– Майра!

Она притормаживает. Ну как роскошно обтягивают ее эти шорты! «Так, держи себя в руках. Все должно выглядеть естественно».

В окнах, выходящих на улицу, нет ни одной любопытной рожи. Ни одной машины на проезжей части.

– Майра Уэйнберг?

Скрипнули тормоза велосипеда.

– А, здрасьте. – Это приветствие и попытка изобразить узнавание означают только одно – люди готовы на все, лишь бы не очутиться в неловком положении.

Я не спеша направляюсь к ней, влившись в образ преуспевающего бизнесмена, на ходу обещаю перезвонить невидимому приятелю и складываю телефон.

– Простите, – говорит она с неуверенной улыбкой, – я не совсем припоминаю…

– Я – Майк. Менеджер по работе с клиентами из «Огилви». Постойте, мы познакомились… ну, конечно, на пробной фотосессии «Нэшнл фудс» у Дэвида. Мы работали во второй студии. А я зашел к вам, и мы познакомились. Там еще был… этот… как его? Ричи! Ну, вы нас, ребята, тогда переплюнули! Вам оформитель попался получше нашего.

Теперь Майра-9834 улыбается от души.

– Да-да, конечно! – Она помнит Дэвида, «Нэшнл фудс», и Ричи, и студию, и как ее фирма обошла конкурентов. Естественно, ей не удается припомнить меня, поскольку ни я и никто другой по имени Майк там не присутствовал. Но Майра-9834 над этим не задумывается, потому что по неслучайному совпадению Майком звали ее покойного отца.

– Рад нашей встрече, – совершенно искренне говорю я, всем своим видом выражая восторженное удивление по поводу такого счастливого стечения обстоятельств. – Вы живете поблизости?

– В Гринвич-Виллидж. А вы?

Кивок в сторону жилища Гришински.

– А я вот тут.

– Ух ты, лофт! Здорово.

Спрашиваю, как дела на работе, она вежливо интересуется моей. Потом озабоченно хмурюсь.

– Мне надо идти… Выскочил на минутку за лимонами. – В подтверждение поднимаю в воздух бутафорский пакет. – У меня гости… – Я замолкаю, осененный блестящей идеей. – Послушайте, мы тут собрались на воскресный бранч[6]. Не хотите присоединиться? Если, конечно, у вас нет других планов.

– Нет, спасибо, я в таком виде…

– В самом деле, прошу вас! Мы с подругой тоже все утро упражнялись на воздухе в клубе «Ходьба ради здоровья». – Пожалуй, удачная находка. Причем полная импровизация. – Верите, с нас семь потов сошло! Вы по

сравнению с нами свежая как огурчик. У нас попросту, без церемоний. Там еще старший менеджер из «Томпсона» и два парня из «Берстона». Ребята крутые, но не надутые. – Я с извиняющимся видом пожал плечами. – Кроме того, присутствует один известный актер, но кто – не скажу. Пусть будет сюрприз.

– Н-ну, что ж…

– Вот и отлично! Вам явно не помешает бокальчик «Космо»! Разве мы не выяснили на фотосессии, что это наш с вами любимый напиток?

Глава шестая

«Могильник».

Пусть даже это уже не тот самый «Могильник», что построили в первых годах девятнадцатого века. То здание давно снесли, но по старой памяти данное когда-то прозвище обретает исходный смысл, когда речь заходит о «центре содержания под стражей» или попросту о городской тюрьме, расположенной прямо на Манхэттене. Именно здесь сидел сейчас Артур Райм и прислушивался к отчаянному биению собственного сердца, не прекращающемуся с момента ареста.

Но как бы ни называли это место – «Могильник», ЦСС или, сравнительно недолго, «центр имени Бернарда Керика», в честь бывшего шефа полиции и исправительных учреждений Нью-Йорка, чья карьера рухнула так внезапно, – для Артура оно было воплощением ада.

Просто самой настоящей преисподней.

На Артуре, как и на остальных зеках, была оранжевая тюремная роба, но на этом сходство между ними заканчивалось. И действительно, мужчина ростом сто восемьдесят сантиметров, весом восемьдесят шесть килограммов, с аккуратно постриженными каштановыми волосами внешне не имел ничего общего с прочими грешными душами, ожидающими здесь судебного разбирательства. К тому же он не амбал и не «синий» (то есть без татуировок), не бритоголовый и не отмороженный, не черный и не латинос. Его, скорее, можно принять за бизнесмена, обвиненного в каком-нибудь «беловоротничковом» преступлении. Таких в «Могильнике» обычно не встретишь, поскольку до суда их оставляют на свободе под залог. Какими бы безнравственными ни были совершенные ими деяния, они не тянули на два миллиона долларов залога, установленного для Артура Райма.

Итак, с тринадцатого мая, когда «Могильник» стал для Артура местом постоянного обитания, для него начался самый тяжелый и беспросветный период в его жизни.

Действительность обрела все признаки кошмарного сна.

Артур, допуская то, что он мог бы встречать женщину, в убийстве которой его обвиняли, тем не менее заведомо был не в состоянии восстановить в памяти ее внешность. Да, он бывал в той картинной галерее в Сохо, куда, очевидно, захаживала и она, однако не помнил, чтобы хоть раз разговаривал с ней. И наконец, да, ему очень нравятся работы Харви Прескотта, и было бесконечно жаль расставаться с одной из них после потери работы. Но чтобы украсть картину и убить из-за нее человека? У этих долболобов, наверное, крыша поехала! Неужели я похож на убийцу?

Для Артура происходящее представлялось непостижимой головоломкой вроде доказательства теоремы Ферма, суть которой, сколько ни пытался, он так и не сумел уразуметь. Ну как могли оказаться следы крови той женщины в его машине? Ясно как день, кто-то пытается его подставить! Собственно, если поразмыслить, сами копы могли это сделать.

После десяти суток мучительных раздумий в «Могильнике» аргументация защиты в знаменитом деле О-Джея, сумевшей убедить присяжных в неправомерности использования результатов анализа ДНК в качестве абсолютного доказательства, уже не казалась ему такой же надуманной, как в фильме «Сумеречная зона».

Но почему, почему?! Кто и зачем подстроил это? Артур вспомнил свои злые, глупые, слабо обоснованные заявления, которыми донимал университетское руководство после того, как его обошли в повышении должности. Звучали в них и угрозы. А ведь среди ученых мужей сыщется немало неуравновешенных личностей. Возможно, кому-то из них захотелось отомстить за грязь, вылитую на них Артуром. Ну и еще та студенточка из его группы, что заигрывала с ним. Она будто с цепи сорвалась, когда услышала от Артура, что он не собирается заводить с ней роман.

«Роковое влечение»…

Полиция решила, что эта особа ни при чем, проверив ее алиби, – правда, неизвестно, насколько добросовестно.

Артур оглядел просторное общее помещение, где находилось несколько десятков зеков, – он уже привык про себя называть так заключенных. Поначалу его восприняли здесь как некое совершенно несовместимое с

местными реалиями явление. Узнав, что новичок загремел за мокруху, сокамерники его зауважали, но ненадолго, поскольку для них существовали только два мотива, оправдывающих убийство женщины, – если та попалась на измене либо скрысятничала твои наркотики.

Когда стало ясно, что залетевший на мокром белый просто облажался, ему с радостью постарались испортить жизнь.

Артуру не давали проходу, задирали, оскорбляли, отбирали рационное молоко – то есть пакостили на уровне средней школы. Но до принуждения к мужеложству дело не доходило. Видимо, потому, что все его сокамерники еще недавно разгуливали на воле и пока проявляли определенное терпение и умение сдерживать свои чувства, не давая им вырваться из их арестантских комби. Однако нашлись «доброжелатели», участливо предупредившие Артура, чтобы он морально готовился распрощаться с невинностью, особенно если ему «обломится четвертак» или пожизненный срок и его переведут в более суровое местечко вроде тюрьмы в Аттике.

Он уже успел схлопотать четыре подскульника, дважды падал навзничь, налетев на подножки. Как-то явно взбесившийся Акилла Санчес повалил Артура на пол и, обливаясь потом и брызгая на него слюной, кричал в лицо что-то нечленораздельное на смеси английского с испанским, пока его не оттащили все-таки решившие вмешаться хаки (то есть охранники).

Артуру дважды приходилось мочиться под себя, раз десять его тошнило. Он превратился в отброс, ничтожество, не достойное даже того, чтобы его трахали.

Не сейчас, во всяком случае.

А сердце стучало не переставая и, казалось, могло разорваться в любое мгновение. Именно это случилось когда-то с Генри Раймом, отцом Артура. Только прославленный профессор умер не в отхожем месте вроде «Могильника», а на вполне пристойной пешеходной дорожке университетского кампуса в Гайд-парке, что в штате Иллинойс.

Так как же произошло, что нашлись и свидетель, и вещественные доказательства? Просто уму непостижимо.

– Рекомендую вам, мистер Райм, – обратился как-то к нему помощник окружного прокурора, – признать себя виновным.

Адвокат советовал то же самое.

– Арт, я прекрасно знаю все входы и выходы и вижу, к чему дело идет, как на экране долбаного джипиэсовского девайса. Нет, мой друг, имеется в виду не инъекция – Олбани[7] не может принять закон о смертной казни даже ради собственного спасения… Прости, неудачная шутка. Но тебе светят двадцать пять лет. Если согласишься на сделку, я добьюсь, чтобы скинули десятку.

– Но я не убивал!

– Ответ неверный. Этим никого не переубедишь, Артур.

– Но я действительно не убивал ту женщину!

– Ответ неверный.

– Ну так вот: я не признаю себя виновным. Присяжные мне поверят. Увидят меня и поверят. Они поймут, что я не убийца.

После непродолжительного молчания адвокат нехотя выдавил из себя:

– Хорошо, – хотя не видел ничего хорошего. Он был явно недоволен, несмотря на то что каждый час рабочего времени обогащал его на шестьсот с лишним долларов. Кстати, где взять такие деньги, черт возьми? Он…

Движимый внезапным тревожным чувством, Артур поднял глаза. На него неотрывно смотрели два зека, оба латиносы. Их лица были совершенно бесстрастны и не выражали ни угрозы, ни любопытства, ни дружелюбия. Они просто пялились, и все.

Наконец латиносы решительно направились к нему. Артур не знал, то ли остаться сидеть, то ли встретить их стоя, чтобы чувствовать себя увереннее.

«Замри! – приказал он себе. – Не смотри на них».

Он опустил взгляд. Прямо перед его глазами остановилась пара изношенных кроссовок.

Второй зек встал у него за спиной.

Это конец. Артур Райм понял, что настал его последний час. Лишь бы не тянули слишком долго, сволочи.

– Йо, – произнес из-за спины тонкий голос.

Артур взглянул на того, что стоял перед ним. Он увидел раскрасневшиеся глаза, крупную серьгу в ухе, гнилые зубы. У него пропал дар речи.

– Йо, – повторил все тот же голосок.

Артур тяжело сглотнул.

– Ты чё, не понял? Мы с тобой базарим, я и мой кореш. Ты чё, забурел?

– Извините, я просто… Здравствуйте.

– Йо. Ты в натуре какой халявой на жизнь намываешь, фраер? – снова обратился к его спине тонкоголосый.

– Я… – Артур не сразу сообразил, что ответить. – Я научный работник.

С серьгой в ухе:

– Мать твою! Научный работник! Так ты чё, ракеты, што ль, мастеришь?

Оба заржали.

– Нет, медицинское оборудование.

– Это чё, как то дерьмо, ну, типа, когда чувак в отключке, ему к груди прикладывают, говорят «Разряд!» и его шибает током?

– Нет. Долго объяснять.

С серьгой в ухе нахмурился.

– Я хочу сказать, не поймите меня превратно, – поспешил уточнить Артур. – Просто действительно трудно объяснить, но это не то, что вы могли подумать. Например, я занимаюсь системами контроля качества для диализа. Или…

Тонкоголосый:

– Небось бабла гребешь немерено, а? Говорят, когда тебя паковали, из грамотного костюмчика вынули?

– Пак… А, оформляли, наверное. Свой костюм я купил в «Нордстроме».

– В каком еще норст… Это чё за хренотень?

– Магазин такой.

Артур опять уставился на ноги того, что с серьгой, а тонкоголосый сзади повторил:

– Ну, так как у тебя с баблом? Сколько тебе отваливают?

– Я…

– Только не говори, что это некорректный вопрос.

А ведь именно это он и хотел сказать.

– Ну, сколько тебе платят?

– Я не… Думаю, что-то около шестизначной цифры.

– Мать твою!

Артур не понял, означало это много или мало в их восприятии.

Тонкоголосый засмеялся.

– У тебя семья-то есть?

– А вот этого я вам не скажу! – Прозвучало вызывающе.

– У тебя семья есть?

Артур Райм отвернулся и стал смотреть на ближайшую к нему стену. Там из щели между шлаковыми блоками торчал гвоздь, предназначенный, наверное, для какой-нибудь таблички с правилами или распорядком, снятой много лет назад.

– И вообще, оставьте меня в покое. Я не хочу разговаривать с вами. – Артур пытался говорить твердо, но прозвучало капризно, будто у школьницы на дискотеке, приглашенной зубрилой одноклассником.

– С тобой ведут беседу культурные люди, фраер!

«Культурные люди»? Он в самом деле произнес эти слова?

И тут Артур подумал – а что, если им действительно просто захотелось пообщаться? Возможно, эти двое даже станут его друзьями и защитниками. Именно сейчас друзья необходимы ему, как никогда. Сумеет ли он заслужить их расположение?

– Простите меня. Понимаете, я сейчас в очень непривычном для себя положении. Никогда прежде у меня не было подобных неприятностей. Я просто...

– Чем занимается твоя жена, в смысле днем? Тоже научный работник? Клевая маруха?

– Я... – Все приготовленные слова испарились.

– У нее большие сиськи?

– Ты ее трахаешь в задницу?

– Слушай сюда, научная мудилка, и запоминай! Пусть твоя швабра снимет бабки с банковского счета. Десять штук. А потом прокатится в Бронкс к моему двоюродному брату. И...

Тенорок замер.

К ним приближался огромный негр ростом под сто девяносто, поигрывая мускулами и жировыми складками, рукава его оранжевой тюремной робы были закатаны выше локтей. Он со злым прищуром смотрел в упор на двух латиносов.

– Ну-ка, вы, чиуауа! Пошли на хрен отсюда!

Артур Райм оцепенел. Он не смог бы пошевелиться, даже если бы в него начали стрелять (чему ничуть не удивился бы, хотя тут шагу ступить нельзя, чтобы тебя не просветили металлодетектором в поисках оружия).

– Долбаный ниггер, – выругался с серьгой в ухе.

– Кусок дерьма, – добавил тонкоголосый, на что чернокожий зек только рассмеялся. Тонкоголосый обхватил приятеля за плечи и повел прочь, что-то ему нашептывая. Тот кивнул в ответ и недобро сверкнул глазами на Артура. Оба, раздосадованные, сместились в дальний угол, будто шкодливые мальчишки, наказанные за плохое поведение в школе. Если бы Артур не был так перепуган, то нашел бы эту сценку даже забавной.

Огромный негр с хрустом потянулся. Сердце у Артура забилось еще сильнее. В голове мелькнула мысль, больше похожая на молитву: «Вот бы сейчас же, сию минуту умереть от сердечной недостаточности!»

– Спасибо.

– Да пошел ты! – ответил негр. – И те два долболоба вместе с тобой. А ты не тормози, просекай фишку! Догоняешь, о чем базар?

«Вообще-то не очень», – подумал он про себя. А вслух произнес:

– И тем не менее. Меня зовут Арт.

– Я знаю, что ты долбаный Арт. Тут все обо всем знают. Кроме тебя. Здесь только ты ни хрена не знаешь.

Артур Райм знал только одно, причем с полной уверенностью, – так или иначе, ему больше не жить на белом свете. И тогда он сказал:

– Ну и ладно, черножопый, а теперь просто назови мне свое долбаное имя.

Круглое черное лицо повернулось в его сторону. На Артура пахнуло потной кожей и прокуренным дыханием. Ему вспомнилась семья – сначала дети, затем Джуди, его родители – сначала мать, затем отец. Потом, к собственному удивлению, он вспомнил о двоюродном брате Линкольне и как они подростками бегали по пышущему летним зноем полю в Иллинойсе.

– Давай наперегонки до того дуба! Вон там, видишь? На счет три. Готов? Раз... два... три... старт!

Негр отвернулся и зашагал через зал к своему чернокожему приятелю. Они поприветствовали друг друга, коснувшись сжатыми кулаками, а об Артуре Райме, видимо, и речи не было.

А он, наблюдая эти проявления тюремного братства, еще больше ощутил себя всеми покинутым и несчастным. Его глаза устало закрылись, голова бессильно свесилась на грудь. Артур Райм был ученым и верил, что природа совершенствуется путем естественного отбора и воля провидения тут ни при чем.

Но теперь, страдая от безысходности, леденящей и безжалостной, будто зимнее штормовое море, Артур не мог не задуматься о существовании неизвестной науке карающей силе, такой же реальной и невидимой, как земное тяготение, и воздействующей сейчас на него, наказывая за все плохое, что он совершил в своей жизни. Да, на его счету есть немало добрых деяний: растил детей, учил их общечеловеческим ценностям и толерантности, любил жену, помог ей преодолеть трудный период, связанный с лечением онкологического заболевания; внес свой вклад в великую сокровищницу науки, обогащающую весь мир.

Но творил и зло. Без этого не бывает.

Томясь теперь в грязной и вонючей оранжевой тюремной робе, Артур из последних душевных сил пытался убедить себя, что, предавшись

благопристойным мыслям и соблюдая добродетельные обеты и, конечно, веруя в систему, что подтверждалось, кстати, неукоснительным участием в голосовании за нее, причем на всех выборах, он снова сможет оказаться на противоположной половине шкалы, отмеривающей правосудие, то есть воссоединиться с семьей и вернуться к нормальной жизни.

Он, движимый нравственной энергией и благими устремлениями, присущими добропорядочному гражданину, сумеет на одном дыхании убежать от судьбы, как когда-то обогнал Линкольна, изо всех сил рванув к вожделенному дубу по горячему пыльному полю.

Так что, возможно, ему удастся спастись. Возможно…

– Пошел!

Артур вздрогнул, будто оглушенный раскатом грома, хотя голос прозвучал негромко. У него за спиной возник другой зек – белый. Сразу бросились в глаза его свалявшиеся волосы, обилие татуировок и нехватка зубов. По телу пробегали судороги – вероятно, по мере того, как наркотическая отрава вымывалась из организма. Невидящий взгляд уперся в скамейку, на которой сидел Артур, хотя точно так же мог остановиться на любом другом предмете. Эти холодные глаза не предвещали ничего хорошего.

И надежда Артура на существование научно объяснимой и поддающейся измерению системы нравственной справедливости моментально развеялась. Ее убило только одно слово, произнесенное этим человечком – низкорослым и ущербным, но опасным: «Пошел…»

Сглатывая подступившие слезы, Артур встал и таки пошел.

Глава седьмая

Зазвонил телефон, и Линкольн Райм недовольно поморщился. Ему не хотелось отвлекаться от размышлений о мистере Иксе и приемах, какими тот пользуется для создания лжесвидетельств.

Однако цифры 44 на дисплее определителя, означающие код Англии, сразу вернули его в действительность.

– Команда, ответить, – поспешно приказал он компьютеру.

Щелчок.

– Слушаю вас, инспектор Лонгхерст! – Сотрудничество со Скотланд-Ярдом требует соблюдения определенного этикета. В частности, Райму пришлось отказаться от обращения по имени.

– Детектив Райм, здравствуйте! – отозвалась англичанка. – У нас тут кое-что изменилось.

– Продолжайте, – сразу же отреагировал Райм.

– С Дэнни Крюгером связался один из его бывших подручных, занимавшийся контрабандой оружия. Похоже, Ричард Логан направился из Лондона в Манчестер, где ему должны что-то передать. Мы пока не знаем, что именно, зато нам хорошо известно о более чем солидных оборотах торговли оружием на манчестерском черном рынке.

– У вас есть возможность установить его точное местонахождение?

– Дэнни пытается это сделать. Вот бы взять Логана прямо там, а не ждать, когда он вернется в Лондон.

– Надеюсь, Дэнни достаточно осмотрителен? – Райм помнил здоровенного и шумного южноафриканца с огромным животом и весьма примечательным золотым перстнем на мизинце по проводившейся когда-то видеоконференции. Райм тогда занимался расследованием дела, связанного с событиями в Дарфуре, и Крюгер поведал ему в трагических подробностях о конфликте в этой провинции Судана.

– О-о, Дэнни знает, что делает. Он умеет быть очень осторожным или свирепым, как волкодав, в зависимости от обстановки. Если появится информация, Дэнни ее не упустит. Мы координируем наши действия с полицией Манчестера. Они предоставят в наше распоряжение команду захвата, как только понадобится. Когда узнаем что-то новое, немедленно вам сообщим.

Райм поблагодарил собеседницу, и они распрощались.

– Мы возьмем его, Райм, – уверенно заявила Сакс, и не просто ради того, чтобы доставить ему удовольствие. Она сама чуть не погибла во время одной из вылазок Логана.

На ее телефон позвонили. Сакс выслушала и пообещала приехать через десять минут.

– В архиве приготовили для нас дела, о которых говорил Флинтлок. Поеду, заберу… Да, Пам может заскочить.

– Что она тут делает?

– Приехала на Манхэттен, в гости – к бойфренду!

– Молодец. Кто он?

– Какой-то паренек из ее школы. У Памелы сейчас все разговоры только о нем. Мне уж самой не терпится познакомиться. Пам заслужила, чтобы в ее жизни появился хороший человек. Только не хочется, чтобы они сближались слишком быстро. У меня на душе будет спокойнее после того, как я встречусь с ним лично и проведу допрос с пристрастием.

Сакс направилась к выходу, Райм рассеянно кивнул ей вслед, мысли же его были уже далеко. Несколько минут он рассматривал белую поверхность доски с информацией по делу Элис Сандерсон, затем приказал компьютеру набрать очередной телефонный номер.

– Алло? – ответил мягкий мужской голос, заглушаемый звуками вальса.

– Мел, это ты?

– Линкольн?

– Что там у тебя за дурацкая музыка? Ты где?

– На конкурсе бальных танцев Новой Англии, – объяснил Мел Купер.

Райм тяжело вздохнул. Мытье тарелок, дневные спектакли, бальные танцы… Достали его эти воскресенья!

– Ты мне нужен. Я начал расследование. Дело уникальное.

– У тебя все дела уникальные, Линкольн.

– А это из всех остальных самое уникальное, если можно так сказать. Ну как, подключишься? Конкурс в Новой Англии? Только не говори, что ты сейчас где-нибудь в Бостоне или в штате Мэн!

– Да нет, я здесь, в Мидтауне. И думаю, смогу подъехать – мы с Гретой только что сошли с дистанции. Победит скорее всего пара Роузи Тэлбот – Брайан Маршалл. Вот что самое неприятное, – добавил он с многозначительной ноткой в голосе. – Так я тебе срочно нужен?

– Немедленно.

Купер хмыкнул.

– Надолго?

– Ну, скажем, на определенное время.

– Определенное – это сегодня до шести вечера? Или дня на три?

– Позвони-ка ты лучше своему начальнику и доложи, что тебя перевели в другое подчинение. К среде, надеюсь, успеем закончить.

– Он спросит, в чье подчинение. Кто проводит расследование? Лон?

– А ты постарайся обойти этот вопрос.

– Послушай, Линкольн, ты ведь сам служил в копах, не забыл? В полиции вопросы не обходят, на них дают четкие, конкретные ответы.

– Вообще-то наша следственная группа пока без начальника.

– Ты что, в одиночку работаешь? – В голосе Купера зазвучала неуверенность.

– Не совсем. Со мной Амелия, Рон.

– И все?

– Еще ты.

– Понятно. Кто подозреваемый?

– Вообще-то все подозреваемые уже за решеткой. Двум дали срок, третий ожидает суда.

– Но у тебя появились сомнения в том, что мы взяли того, кого надо.

– Что-то в этом роде.

Детектив оперативно-криминалистического отдела нью-йоркского департамента полиции Мел Купер был специалистом по лабораторной экспертизе и одним из самых способных и опытных сотрудников своего подразделения.

– Понятно. Значит, ты хочешь, чтобы я помог тебе выяснить, каким образом мои начальники облажались и упекли за решетку невинных людей. После этого им придется начать новое дорогостоящее расследование и заниматься поисками настоящих преступников, кстати, тоже, наверное, весьма разочарованных тем, что им не удалось выйти сухими из воды. А тебе не кажется, что в итоге все останутся в проигрыше, Линкольн?

– Извинись за меня перед своей партнершей, Мел, и сразу сюда.

Сакс уже подходила к своему кроваво-красному «камаро-СС», как вдруг услышала:

– Привет, Амелия!

Она обернулась на голос и увидела хорошенькую девочку-подростка. У той были длинные каштановые волосы, перемежающиеся малиновыми прядями. Оба уха невызывающе украшены пирсингами. В каждой руке она держала по тяжелой матерчатой сумке. Лицо с милыми веснушками радостно сияло.

– Ты уезжаешь? – спросила девочка.

– Да, мне надо в центр. По срочному делу. Подбросить тебя?

– Ага. До станции Сити-Холл. – Пам забралась в машину.

– Как учеба?

– Будто не знаешь.

– А где же твой приятель? – Сакс осмотрелась вокруг.

– Ты чуть-чуть его не застала.

Стюарт Эверетт учился вместе с Пам в манхэттенской средней школе. Они встречались уже несколько месяцев после того, как познакомились на одном из совместных уроков, и сразу открыли для себя общее пристрастие к чтению и музыке. Стюарт, как и Пам, посещал школьный клуб любителей поэзии, и это успокаивало Сакс – по крайней мере он не байкер и не отмороженный качок.

Пам перекинула одну из сумок – ту, что с учебниками, – на заднее сиденье машины, а вторую положила на колени и расстегнула молнию. Оттуда немедленно высунулась пушистая собачья мордочка.

– Привет, Джексон, – сказала Сакс, потрепав собачку по голове.

Крошечный гаванес схватил зубками искусственную «молочную косточку», извлеченную Амелией из держателя для стаканов с кофе и другими напитками, установленного в машине с единственной целью – хранить в нем всякие собачьи радости (манера Сакс водить автомобиль с

резкими ускорениями и крутыми виражами не позволяла использовать устройство по прямому назначению).

– А почему Стюарт не проводил тебя до машины? Какой же из него после этого кавалер?

– Он опаздывал на футбольный матч. И вообще, спорт для него значит очень много. Скажи, все парни такие?

Выруливая на проезжую часть, Сакс сдержанно усмехнулась:

– Ну да, все.

Со стороны показалось бы странным слышать от Пам подобный вопрос. Большинство девочек в ее возрасте уже все знают о мальчишках и о спорте. Но судьба Памелы Уиллоуби существенно отличалась от жизни ее сверстниц. Она была совсем юной, когда ее отец погиб при исполнении служебных обязанностей в миротворческой миссии ООН. Психически неуравновешенная мать втянулась в ультраправую политическую и религиозную деятельность, постепенно принимавшую все более экстремистский характер, и оказалась фактически вне закона. Ее арестовали и приговорили к пожизненному за преднамеренное убийство (несколько лет назад она организовала взрыв в каком-то представительстве ООН, в результате чего погибли шесть человек). Амелия Сакс как раз тогда спасла Памелу от посягательств серийного похитителя; так они познакомились. Потом девочка исчезла, но уже совсем недавно Сакс снова случилось спасти ее.

Памеле, разлученной со своей опасной для общества мамашей, назначили опекунов, и она очутилась в Бруклине, но не раньше, чем Сакс проверила будущих приемных родителей с доскональностью, проявляемой агентом секретной службы, разрабатывающим меры по обеспечению безопасности визита президента. Девочке понравилось жить в новой семье. С тех пор Пам и Сакс не переставали встречаться и все больше сближались. У мачехи, занятой собственными малолетними детьми, зачастую не хватало времени на приемную дочь, и Сакс фактически заменила ей старшую сестру.

Их дружба пошла на пользу обеим. Сакс всегда хотела иметь детей, но постоянно что-то мешало. Она всерьез планировала создать семью со своим первым приятелем, полицейским с ее же участка, но тот оказался, возможно, самым недостойным кандидатом на свете (вымогательство, вооруженное нападение и в итоге тюрьма). После него у Сакс долгое время никого не было. Но потом она познакомилась с Раймом, и с тех пор они не расставались. Криминалист не отличался особым пониманием или привязанностью к детям, но был добрым, честным и

умным, кроме того, он держал свой холодный профессионализм за рамками личной жизни. Большинство мужчин этого делать не умеют или не хотят.

Однако создание сейчас семьи означало бы для них столкновение со слишком большими дополнительными трудностями. Обоим приходилось противостоять опасностям и превратностям полицейской службы, да и собственная, бьющая через край энергия не давала покоя. Сказывалась также неуверенность в дальнейшем состоянии здоровья Райма. Существовал и еще один физиологический барьер, не позволявший им завести детей, но, как выяснилось, проблема тут заключалась в Сакс, а не в Райме, чья репродуктивная функция была в полном порядке.

Поэтому на данном этапе обоих в достаточной мере устраивало присутствие в их жизни Памелы. Сакс с любовью и ответственностью исполняла роль старшей сестры, радуясь, что девочка все больше забывает о своих страхах и недоверии по отношению к взрослым. Райм получал искреннюю радость от общения с Пам. В настоящее время он помогал ей готовиться к работе над книгой о жизни в условиях правоэкстремистского подполья. Уже и заглавие придумали – «В неволе». Памеле пророчили приглашение на телевизионное ток-шоу Опры.

Объезжая на полной скорости такси, Сакс заметила:

– Ты так и не ответила, как учеба.

– Нормально.

– Подготовилась к контрольной в четверг?

– Порядок, не волнуйся.

Сакс усмехнулась:

– Ты сегодня, наверное, и в учебник-то ни разу не заглядывала. Угадала?

– Ну хватит тебе, Амелия! Такой чудный денек выдался. Всю неделю стояла мерзкая погода, мы просто должны были пойти погулять.

Сакс ощущала себя обязанной напомнить Памеле о том, как важно получить высокие оценки на выпускных экзаменах. Девочка она умная, с высоким ай-кью и неутолимой страстью к чтению, но после бессистемного обучения в школе ей будет трудно поступить в хороший колледж. Однако Пам выглядела такой счастливой, что Сакс смягчилась.

– Так чем вы занимались?

– Просто гуляли. Дошли до Гарлема, потом обогнули водохранилище. Ой, там давали такой классный концерт у лодочной станции, обычная группа, работающая «на разогрев», но у них так круто получались вещи типа «Колдплей»! – Пам чуть задумалась. – Но вообще мы со Стюартом больше разговаривали. Вроде бы так, ни о чем, но, по-моему, это было здорово…

С этим Амелия Сакс не могла не согласиться.

– Красивый мальчик?

– Еще какой! Очень красивый.

– Есть фотка?

– Амелия! Ну не подкалывайся!

– Когда я закончу с этим делом, почему бы нам не поужинать всем вместе, втроем?

– Правда? Ты действительно хочешь познакомиться со Стюартом?

– Пусть знает любой парень, вздумающий назначить тебе свидание, что у тебя есть надежный защитник, имеющий при себе ствол и наручники. Ладно, держи крепче песика, я сегодня в настроении прокатиться.

Сакс решительным движением переключила передачу и вдавила в пол педаль газа, оставив взвизгнувшими покрышками на сером асфальте два черных восклицательных знака.

Глава восьмая

С тех пор как Амелия Сакс стала время от времени оставаться у Райма на ночь или выходные, в его викторианском таунхаусе произошли кое-какие перемены. Пока он жил один, после того несчастного случая и до появления Сакс, в доме в той или иной степени сохранялись чистота и порядок – все зависело от того, увольнял ли Райм в очередной раз помощника и домработницу или нет. Но его жилище никогда не выглядело, что называется, по-домашнему уютным. Стены комнаты были украшены почетными регалиями – свидетельствами тех славных деньков, когда хозяин возглавлял оперативно-криминалистический отдел нью-йоркского управления полиции и получал за свои достижения и успехи всевозможные сертификаты, дипломы, поздравительные грамоты и медали. Не было на этих стенах ни фотоснимков родителей, детей Тедди и Энн, ни членов семейства дяди Генри.

Сакс не могла скрыть своего неодобрения.

– Это очень важно, Райм, – увещевала она. – Это твоя жизнь, твой род. Ты стираешь из памяти историю своей семьи.

Райм никогда не бывал на квартире Амелии – в доме отсутствовали проезды для инвалидных колясок, – но знал: у нее каждая комната просто напичкана памятками, иллюстрирующими различные этапы ее истории. Сакс, конечно, показывала ему свои фотографии: симпатичная неулыбчивая девочка с веснушками, теперь уже давным-давно исчезнувшими; ученица средней школы с физическими приборами в руках; студентка, приехавшая домой на каникулы, с отцом, улыбающимся во весь рот полицейским, и матерью (сурового вида женщиной) по бокам; рекламная фотомодель с элегантной холодностью в глазах (Райм уже знал, что этот профессиональный взгляд на деле выражает протест против унизительного отношения к манекенщицам как к ходячим вешалкам для пальто).

И еще сотни других фоток, в большинстве своем снятых отцом Амелии на «мыльницу» – автоматический «Кодак».

Увидев голые стены в доме Райма, Сакс направилась туда, куда не заглядывали даже Том и прислуга, – в подвал, где штабелями стояли коробки с вещами из прошлой жизни, из мира, существовавшего «до того»; семейные реликвии, о которых не вспоминали, как о первой жене в присутствии второй. Все кончилось тем, что сертификаты, дипломы и многие семейные фотографии переместились из подвала на каминную полку и стены комнат.

Среди этих артефактов находился и снимок, изучаемый сейчас Раймом. На нем был изображен худощавый юноша в спортивном костюме на финише университетских соревнований по бегу. У него взлохмаченные волосы и выступающий нос, как у Тома Круза. Он наклонился вперед, упираясь руками в колени, восстанавливая дыхание после забега, скорее всего на одну милю. Это был он сам. Райм никогда не любил короткие дистанции и был прирожденным стайером, влюбленным в романтику и элегантность бега и рассматривавшим его как процесс. Иногда он не останавливался и продолжал бежать даже после пересечения финишной черты.

Родные наверняка болели за него на трибунах. Семьи обоих братьев Райм жили в пригородах Чикаго, на некотором удалении друг от друга. Дом отца Линкольна стоял на равнине к западу от города, в районе новостройки, довольно беспорядочно расползавшейся по территориям разорявшихся фермерских хозяйств, вытесняемых бестолковыми застройщиками и наводящими страх торнадо. Дядя Генри со своей

семьей обитал в Эванстоне, на берегу озера, а потому в стороне от этих неприятных явлений.

Генри вел курс физики в Чикагском университете и два раза в неделю начинал и заканчивал день долгим путешествием на двух пригородных поездах, проходящих через многочисленные социальные анклавы города. Его жена Пола преподавала в Северо-Западном университете. Троих своих детей – Роберта, Марию и Артура – они назвали в честь ученых. Из них самыми известными были Оппенгеймер и Кюри. Артуру досталось имя инженера Комптона, руководившего в 1942 году знаменитой Металлургической лабораторией Чикагского университета, чье название служило прикрытием для секретного проекта по осуществлению первой в мире управляемой цепной реакции ядерного расщепления. Всем детям дали хорошее образование: Роберт поступил в медицинский колледж Северо-Западного университета, Мария – в Калифорнийский университет в Беркли, Артур отправился учиться в МТИ – Массачусетсский технологический институт.

Роберт погиб несколько лет назад в аварии на каком-то промышленном предприятии в Европе. Мария занималась в Китае проблемами экологии. Тетя Пола обитала в доме для престарелых, окруженная живыми и яркими образами шестидесятилетней давности, но почти неспособная воспринимать действительность.

Линкольн Райм продолжал разглядывать свою фотографию, вспоминая подробности того забега… Ведя занятия со студентами, профессор Генри Райм выражал одобрение едва заметным поднятием бровей. Однако, наблюдая с открытой трибуны за спортивными соревнованиями, он в азарте вскакивал с места, свистел и оглушительно кричал Линкольну: «Давай, давай, давай, надбавь еще немножко!» – подзадоривая племянника и призывая его непременно прибежать первым (что тот и делал очень часто).

Райм не помнил, чем занимался после соревнований, но наверняка отправлялся куда-нибудь в компании Артура. Мальчики проводили вместе, по возможности, все свободное время, восполняя тем самым нехватку общения со сверстниками в семье, – Артур был значительно младше Роберта и Марии, а Линкольн вообще единственный ребенок.

Вот так двоюродные братья и «породнились». Они проводили вместе почти все выходные и каждое лето, отправляясь на поиски приключений – в последнее время зачастую на дорогом спортивном «корвете» Артура (дядя Генри в качестве профессора зарабатывал в несколько раз больше отца Линкольна; Тедди тоже был ученым, но не гнался за славой, охраняя свой душевный покой). Вне дома мальчики развлекались так же, как и все их сверстники: встречались с девочками, участвовали в

спортивных играх, ходили в кино, спорили, утоляли голод гамбургерами и пиццей, тайком угощались пивом и философствовали о смысле жизни. И снова встречались с девочками.

И теперь, сидя в своем навороченном инвалидном кресле новейшей модели, Райм мучительно силился вспомнить, куда же они с Артуром отправились после тех соревнований?

Артур, бывший ему за родного брата, но не нашедший времени хоть раз навестить его, когда он лежал недвижимый, как колода, с надломленным хребтом.

Скажи, зачем, Артур? Ну зачем ты это сделал?..

Но все эти воспоминания и мысли Линкольна мгновенно рассеялись, когда в прихожей его таунхауса раздался звонок. Том поспешил к двери, и через миг в лабораторию вошел лысеющий худощавый мужчина в смокинге. Мел Купер подтолкнул пальцем тяжелые очки на тонком носу и кивнул Райму:

– Добрый день!

– При параде? – вопросительно произнес Райм, глянув на смокинг.

– Я прямо с конкурса бальных танцев. И вообще, если бы мы вышли в финал, я бы не приехал, сам понимаешь. – Мел Купер снял пиджак, галстук-бабочку и закатал рукава украшенной рюшем сорочки. – Ладно, рассказывай об этом своем уникальном деле.

Райм посвятил его в подробности кражи картины и убийства ее владелицы, а также поделился своими сомнениями относительно виновности Артура.

– Мне очень жаль, что это случилось с твоим двоюродным братом, Линкольн, Похоже, ты ни разу не упоминал при мне о его существовании.

– Что ты думаешь о modus operandi[8] преступника?

– Если твоя гипотеза верна, то все проделано блестяще. – Купер внимательно разглядывал доску с перечнем улик.

– Есть соображения? – спросил Райм.

– Ну, сразу бросается в глаза, что добрая половина вещдоков обнаружена в машине или в гараже твоего брата. А туда подбросить гораздо проще, чем в дом.

– Я точно такого же мнения.

В дверь снова позвонили. Мгновением позже Райм услышал шаги своего помощника – тот возвратился из прихожей в одиночестве. Сначала криминалист решил, что, наверное, доставили какую-нибудь посылку, но тут же вспомнил: сегодня воскресенье! Вероятно, гость в легкой прогулочной одежде и спортивной обуви бесшумно ступает по ковровому покрытию коридора.

Ну конечно!

В комнату вошел молодой человек и смущенно кивнул в знак общего приветствия. После нескольких лет службы в патрульной полиции Рон Пуласки набрался опыта, но внешне никак не изменился, а для Райма как был, так и остался желторотым юнцом, и, пожалуй, останется им навсегда.

Его одеяние действительно состояло из мягких кроссовок «Найк», голубых джинсов и гавайской рубашки навыпуск очень кричащей расцветки. Светлые волосы торчали вверх стильными «спайками», открывая мужественный шрам на лбу – память о его первом участии в расследовании, проводимом Раймом и Сакс и чуть не стоившем начинающему полицейскому жизни. Ведь из-за полученной тогда черепно-мозговой травмы Рон уже собирался увольняться со службы. Однако именно пример Райма побудил его изменить свое решение и помог выдержать нелегкие испытания при прохождении курса реабилитационной терапии (Райм узнал об этом от Сакс; сам Пуласки ни за что бы ему не признался).

Рон недоуменно поморгал глазами на смокинг Купера и еще раз кивнул всем присутствующим.

– Ну что, Пуласки, тарелочки сияют чистотой? Цветочки не забыл полить? Собачку покормил остатками завтрака?

– Я выехал сразу после нашего разговора, сэр!

Они увлеченно обсуждали подробности дела двоюродного брата Райма, когда в дверях раздался голос Амелии:

– Маскарад, да и только! – Она с показным интересом рассматривала смокинг Купера и пеструю рубашку Пуласки. – Первоклассный прикид. – Похвала в адрес смокинга прозвучала иронически. – И ты тоже выглядишь в нем шикарно, точно тебе говорю.

– Но к сожалению, я всего лишь полуфиналист, – с грустью заметил Купер.

– Надеюсь, Грета не слишком расстроилась?

Однако Купер сообщил, что его роскошная скандинавская парфюмерша на самом деле очень переживала неудачу и теперь «в компании подруг топила печаль в аквавите – национальном напитке ее родины».

– По мне, так его в рот взять нельзя! – добавил эксперт-криминалист.

– Как твоя мама?

Купер проживал вместе с матерью, весьма энергичной леди, коренной обитательницей Куинса[9].

– В полном порядке. Она сейчас завтракает в ресторане лодочной станции.

Сакс расспросила Купера о жене и двух его малышках, а также поблагодарила за то, что тот согласился поработать в воскресенье. Потом обратилась к Райму:

– Ты ведь сказал Мелу, как мы ему признательны?

– А как же иначе, – промямлил Райм и решительно заявил: – Ну, теперь самое время заняться работой. Так, что у тебя? – Он указал взглядом на большую коричневую папку в руках Амелии.

– Описи вещественных доказательств и фотоснимки из дел о краже редких монет и изнасиловании.

– А где сами вещдоки?

– Хранятся на складе полицейского архива на Лонг-Айленде.

– Ладно, давайте посмотрим, что там.

Сакс взяла маркер и на чистой белой доске начала составлять перечень улик по образцу схемы, ранее разработанной ею применительно к делу двоюродного брата Райма.

УБИЙСТВО/КРАЖА – 27 МАРТА

27 марта

Обвинение: убийство, кража шести футляров с ценными монетами.

Причина смерти: потеря крови, болевой шок в результате многочисленных колотых ранений.

Место преступления: Бэй-Ридж, Бруклин.

Жертва: Говард Швартц.

Подозреваемый: Рэндл Пембертон.

Перечень улик в доме жертвы

• Пото-жировые следы.

• Крупинки высохшего лака для волос.

• Ворсинки ткани из полиэфирного волокна.

• Шерстяные ворсинки.

• Отпечаток мужского ботинка «Басс-уокер», размер 10 с половиной.

Очевидец сообщил о мужчине в коричневой безрукавке, бежавшем к черной «хонде-аккорд».

Опись вещдоков в доме и машине подозреваемого

• Пото-жировые следы на ножке зонта во внутреннем дворике, аналогичные по составу с найденными в доме жертвы.

• Лак для волос «Клерол», по составу соответствует крупинке, найденной на месте преступления.

• Пара мужских ботинок «Басс-уокер» размера 10 с половиной.

• Нож (анализ следов на ручке).

• Пыль, источник не обнаружен ни на месте преступления, ни в доме подозреваемого.

• Частицы старого картона.

• Нож (анализ следов на лезвии).

• Кровь жертвы (анализ на соответствие положительный).

• Подозреваемый владеет «хондой-аккорд» 2004 года выпуска.

• Коричневая безрукавка из полистиролового волокна, соответствует найденной на месте преступления.

• Материал шерстяного одеяла в машине соответствует ворсинкам, найденным на месте преступления.

• Одна из найденных монет идентифицирована как принадлежащая к коллекции жертвы.

Примечание: в ходе следствия были проведены собеседования с крупными нумизматами и торговцами мегаполиса, а также отслежен Интернет. В этих коллекциях пропавших монет не обнаружено.

– Значит, если объект нашего расследования украл монеты, они до сих пор у него. И пыль, аналога которой не обнаружено ни на месте преступления… Это означает, что она, возможно, попала на рукоятку ножа в доме настоящего преступника. И какая пыль, черт возьми? Они что, не проводили анализ? – Райм недовольно покачал головой. – Ладно, покажи мне снимки. Ну, где они?

– Уже достаю, погоди минутку.

Сакс нашла склейку и с ее помощью принялась развешивать принтерные распечатки фотографий на одной из досок. Райм подрулил в своем кресле поближе и принялся внимательно рассматривать фотографии, сделанные на каждом месте преступления. Жилище коллекционера-нумизмата выглядело чистым и прибранным в отличие от дома преступника. На кухне, где под раковиной были найдены единственная монетка и нож, царил беспорядок, стол завален грязными тарелками и упаковками из-под продуктов. Тут же высилась горка почтовой корреспонденции, в основном представительными рекламными рассылками.

– Так, следующий, – распорядился Райм. – Побыстрее!

Ему не очень хорошо удавалось сдерживать свое нетерпение.

УБИЙСТВО/ИЗНАСИЛОВАНИЕ – 18 АПРЕЛЯ

18 апреля

Обвинение: убийство, изнасилование.

Причина смерти: удушение.

Место преступления: Бруклин.

Жертва: Рита Москоне.

Подозреваемый: Джозеф Найтли.

Улики в квартире жертвы

• Следы мыла для рук «Колгейт-Палмолив софтсоуп».

• Следы лубриканта презерватива.

• Ворсинки, оставленные веревкой.

• Пыль, прилипшая к пластырю, не совпадающая по структуре ни с одним из образцов, взятых в квартире.

• Пластырь типа «Американ-адхизив».

• Частица латекса.

• Ворсинки смешанной шерстяной и полиэфирной ткани черного цвета.

• Крошка табака, найденная на теле жертвы (см. примечание ниже).

Улики в доме подозреваемого

• Презервативы «Дюрекс», содержащие лубрикант, соответствующий найденному на теле жертвы.

• Моток веревки из волокон, идентичных по своей структуре с ворсинками, найденными на месте преступления.

• Отрезок той же веревки длиной в два фута со следами крови жертвы и прилипшей нейлоновой нитью марки 6, BASF-B35 длиной в два дюйма – скорее всего представляющей собой кукольный волос.

• Мыло «Колгейт-Палмолив софтсоуп».

• Пластырь типа «Американ-адхизив».

• Перчатки из латекса, аналогичного найденному лоскуту на месте преступления.

• Мужские носки, сотканные из смешанных шерстяных и полиэфирных волокон, совпадающих с ворсинками, найденными на месте преступления. Еще одна пара таких же носков со следами крови жертвы найдена в гараже.

• Табак из сигарет «Тейритон» (см. примечание ниже).

– Получается, преступник сберег свои окровавленные носочки, да еще и не преминул прихватить их к себе домой? Бред! Их подбросили. – Райм перечитал текст на доске. – Что такое «примечание ниже»?

Сакс покопалась в папке и нашла записку ведущего следователя по поводу возможных осложнений в деле, адресованную государственному обвинителю. Амелия поднесла ее к глазам Райма.

Стэн!

Есть пара-тройка слабых мест, и ими, возможно, попытается воспользоваться защита.

– Вероятность ложной улики: крошки табака, найденные на месте преступления и в доме подозреваемого, идентичны друг другу; примечательно, что ни он, ни жертва не курили. Я опросил группу захвата и бригаду криминалистов, и все как один утверждают, что не могли обронить эти крошки.

– За исключением крови жертвы, не обнаружено никаких следов, пригодных для идентификации по ДНК.

– У подозреваемого имеется алиби, подтверждаемое свидетелем, видевшим его примерно во время убийства возле своего дома в четырех милях от места преступления. Свидетель – местный бомж, которому подозреваемый время от времени помогал деньгами.

– У него было алиби! – многозначительно заметила Сакс. – Но присяжные, очевидно, не поверили свидетелю.

– А ты что думаешь, Мел? – поинтересовался Райм.

– Остаюсь при своем мнении: слишком уж нарочитые улики.

Пуласки кивнул в знак согласия:

– Лак для волос, мыло, ворсинки, лубрикант – все как на тарелочке!

– Они явно заранее подобраны для того, чтобы играть роль вещественных доказательств, – продолжил Купер. – Обратите внимание на идентификацию по ДНК – это кровь не убийцы на месте преступления, а жертвы в доме подозреваемого. Такую улику сфабриковать много проще.

Райм помолчал, в очередной раз внимательно изучая схемы.

– Однако есть и несовпадения, – снова заметила Сакс. – Пыль, частицы старого картона на ноже – ничего подобного больше нигде не обнаружено.

– И крошки табака, – добавил Райм. – Ни жертва убийства, ни лжеубийца не курили. Значит, их мог обронить истинный преступник.

– А как объяснить кукольный волос? – задал вопрос Пуласки. – Может, у преступника есть дети?

– Повесь-ка на доску вон те фотоснимки! – велел Райм. – Посмотрим, что там.

Полицейские криминалисты, по своему обыкновению, очень добросовестно задокументировали особенности ситуации, сложившейся в квартире жертвы, а также в доме и гараже подозреваемого. Райм углубился в изучение фотографий.

– Кукол нет. Вообще никаких игрушек. Возможно, у действительного убийцы есть дети или он каким-то образом связан с игрушками. А еще курит либо имеет какое-то отношение к табачным изделиям. Так-так, кажется, мы уже что-то нащупали!

– Предлагаю составить описание личности гипотетического преступника. До сих пор мы называли его «мистер Икс», но теперь надо как-то индивидуализировать его… Какое сегодня число?

– Двадцать второе мая, – ответил Пуласки.

– О'кей. Пусть будет неопознанный субъект «5-22». Сакс, ты не могла бы… – Райм кивнул в сторону чистой доски из белого пластика. – Итак, приступим к работе над образом неизвестного преступника.

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОСТИ НЕИЗВЕСТНОГО «5-22»

• Мужчина.

• Предположительно курит либо живет/работает по соседству с курильщиком или с местом, как-то соотносящимся с табачными изделиями.

• Имеет детей либо живет/работает по соседству с ними или с местом, где есть игрушки.

• Интересуется искусством, нумизматикой?

НЕСФАБРИКОВАННЫЕ ВЕЩДОКИ

- Пыль.

- Кусочки старого картона.

- Кукольный волос из нейлона 6, BASF-B35.

- Табак от сигареты марки «Тейритон».

«Ну что ж, для начала неплохо», – подумал Райм.

– Может, стоит позвонить Лону и Мэллою? – предположила Сакс.

Райм саркастически ухмыльнулся:

– И что мы им скажем? – Он кивнул на доску. – Думаю, они просто прикроют наше маленькое частное расследование.

– То есть мы работаем неофициально? – спросил Пуласки.

– Добро пожаловать в группу независимых следаков, – ответила Сакс.

Молодой полицейский промолчал, переваривая услышанное.

– Вот почему мы маскируемся, – пояснил ему Купер, указывая на черный сатиновый кант своих бальных брюк.

Возможно, он еще и подмигнул при этом, просто за темными очками не было видно его глаз.

– Так какие наши дальнейшие планы?

– Сакс, позвони криминалистам полицейского участка в Куинсе. Мы не можем заполучить вещественные доказательства по делу моего двоюродного брата, поскольку до начала судебного разбирательства они должны храниться у прокурора. Но попроси хотя бы, чтобы нам передали со склада полицейского архива вещдоки по двум закрытым делам – изнасилование и кража монет. Мне нужны пыль, картон и веревка. А ты, Пуласки, съезди в Большой дом и просмотри подшивки по всем убийствам за последние полгода.

– По *всем* убийствам?

– Разве ты не слышал, что мэр Нью-Йорка очистил город от преступности? Слава Богу, мы не в Детройте и не в Вашингтоне… Флинтлок вспомнил только об этих двух делах, но я уверен, их больше.

Ищи такие, чтобы убийству предшествовали кража, изнасилование и тому подобное. Да, и чтобы подозреваемый начисто отрицал свою вину.

– О'кей, сэр.

– А мы? – спросил Купер.

– А мы подождем, – процедил Райм сквозь зубы, будто выругался.

Глава девятая

Операция прошла как нельзя лучше!

Вот теперь я чувствую себя полностью удовлетворенным. Шагаю по улице счастливый, довольный. Любуюсь образами, только что пополнившими мою коллекцию. Образами Майры-9834. И не только виртуальными, бережно хранимыми в памяти. Моя цифровая видеокамера неплохо сохранила образы вполне зримые.

Так вот, шагаю по улице, приглядываюсь к снующим вокруг меня кандидатурам.

Смотрю, как они сплошным потоком текут по тротуарам, катятся мимо в салонах и кабинах машин, автобусов, такси, грузовиков.

Вижу их в окнах зданий, а они даже не замечают моего пристального взгляда.

Кандидатуры… О нет, я, конечно же, не единственный, кто таким манером адресуется по разным поводам к человеческим существам. Нет, нет и еще раз нет. В нашем деле это общепринятое обозначение. Но я, вероятно, единственный, кто, думая о людях, наделяет их соответствующими номерами и кто при этом получает истинное удовольствие.

По сравнению с именем и фамилией шестнадцатизначный номер куда как более информативен и удобен в том, чем я так увлеченно занимаюсь. Фамилии вызывают у меня нездоровые эмоции. А мне это не нравится. Ведь от того, что я ощущаю нервозность, пользы нет ни мне, ни, тем более, тем, другим. Фамилии… брр, кошмар! К примеру, фамилии Джонс и Браун носят приблизительно по 0,6 процента населения Соединенных Штатов, Мур – 0,3 процента, а нашу самую любимую, Смит, – просто чудовищный целый процент! Это почти три миллиона американцев! (А какое имя у нас самое популярное, как думаете? Джон? О нет! По распространенности оно занимает лишь второе место – 3,2 процента, а победителем выходит Джеймс – 3,3 процента!)

А теперь подумайте, чем это чревато. Скажем, мне придется иметь дело с человеком по имени Джеймс Смит. А каким именно Джеймсом Смитом, если в стране существуют сотни тысяч таких же, как он? И это только еще пока живые. А теперь присовокупите к ним всех этих джеймсов смитов, почивших в бозе!

Не приведи Господь!

У меня просто крышу сносит, когда я думаю об этом.

Вот и возвращается проклятая нервозность…

Ну а ошибки-то могут повлечь и серьезные последствия, Представьте себе Берлин 1938 года. В те времена имело, однако, решающее значение, является ли, скажем, какой-нибудь герр Вильгельм Франкель евреем Вильгельмом Франкелем или совсем наоборот. Как говорится, почувствуйте разницу. И что бы вы ни думали о коричневорубашечниках, эти ребята были абсолютными гениями в деле идентификации личности (и они использовали для этого своего рода компьютеры!).

Фамилии приводят к ошибкам, создающим помехи и засоряющим информационный поток. А засоры надо устранять.

К примеру, десятки женщин могут зваться Элис Сандерсон, но одной только Элис-9538 пришлось преждевременно расстаться с жизнью ради того, чтобы я завладел картиной «Американская семья» досточтимого мастера Прескотта.

Женщин по имени Майра Уэйнберг, конечно, не много. Но ведь встречаются, одна из них, Майра-9834, даже пожертвовала собой, чтобы насытить мою неудовлетворенность.

Готов биться об заклад, на свете существует множество делеонов уильямсов, но только 6832-5794-8891-0923 навсегда отправится в тюрьму за изнасилование и убийство той самой Майры-9834, обеспечив мне возможность обходиться таким же образом с очередными кандидатурами.

Сейчас я держу путь к его дому (точнее, к дому его сожительницы, как я выяснил), имея при себе достаточно вещественных доказательств, чтобы примерно за час полиция вычислила бедолагу как насильника и убийцу.

Делеон-6832…

Я уже позвонил по девять-один-один и сообщил о старом «додже» бежевого цвета – это его машина, – на большой скорости отъехавшем от

места преступления. За рулем сидел чернокожий. «Я видел его руки! Они были в крови! Пришлите же сюда кого-нибудь поскорее! Крики раздавались ужасные!»

О, ты будешь идеальным подозреваемым, Делеон-6832. Примерно половина изнасилований совершается в состоянии алкогольного или наркотического опьянения (теперь он употребляет лишь пиво, да и то в умеренных количествах, но несколько лет назад состоял в «анонимных алкоголиках»). Большинство жертв изнасилований знали тех, кто на них покусился (Делеон-6832 выполнял кое-какую плотницкую работу в бакалейном магазине, постоянно посещаемом новопреставленной Майрой-9834, поэтому логично предположить, что они были знакомы, хотя в действительности вряд ли).

Большинство насильников – это парни тридцати лет от роду и моложе (какое совпадение, Делеону-6832 как раз стукнуло тридцать). В отличие от тех, кто занимается сбытом и употреблением наркотиков, насильники не имеют на своем счету многочисленных арестов, разве что за бытовые правонарушения. На моем же избраннике висит одна судимость за избиение сожительницы – ну разве не идеальная биография? Насильники, как правило, принадлежат к низшим социальным слоям и нуждаются материально (мой подопечный месяцами сидит без работы).

А теперь, господа присяжные, обратите внимание на тот факт, что за пару дней до преступления обвиняемый приобрел упаковку презервативов, идентичных тем, что были обнаружены возле бездыханного тела жертвы. Разумеется, тех двух, не использованных мной, уже не сыскать. И вообще в моем деле надо быть очень внимательным, чтобы не оставлять следов, содержащих ДНК, – тем более что теперь нью-йоркская полиция собирает образцы, найденные на месте любых преступлений, а не только изнасилований. А в Великобритании у вас скоро начнут брать мазок даже при вызовах в суд по поводу того, что ваша собака нагадила на тротуар или вы на своей машине слишком лихо развернулись.

А если полиция догадается копнуть поглубже, то сможет выявить еще один небезынтересный факт. Бывший военнослужащий Делеон-6832 принимал участие в боевых действиях в Ираке. А когда настало время возвращаться домой в Штаты, возник небольшой вопрос, куда делся его табельный пистолет сорок пятого калибра. При нем оружия не оказалось. Пистолет якобы потерялся на поле боя.

Но что любопытно, несколько лет назад он купил патроны сорок пятого калибра.

Если копы прознают о пистолете – а для них это не представит никакого труда, – наверняка сделают вывод, что подозреваемый вооружен. А когда станут копать еще дальше, то выяснят, что он лечился в госпитале Комитета ветеранов от синдрома посттравматического стресса.

Выходит, подозреваемый вооружен и психически неуравновешен!

Ну какой полицейский при его задержании не будет готов выстрелить первым?

Хорошо бы. А то не всегда можно быть абсолютно уверенным в судьбе выбранных мной номеров. Того и гляди, откроется неожиданное алиби. Или в суде присяжных соберутся одни идиоты. Так что при удачном раскладе Делеон-6832 закончит сегодняшний день в мешке для трупов. А почему бы и нет? Разве я не заслужил хоть самую малость везения в качестве компенсации за то, что Господь наделил меня столь чувствительной нервной системой? У меня жизнь тоже, знаете, не сахар.

Пешком через весь Бруклин до дома этого типа топать примерно с полчаса. Однако я наслаждаюсь прогулкой, все еще согреваемый чувством глубокого удовлетворения после моей последней операции, ну с этой Майрой-9834. Плечи оттягивают лямки тяжелого рюкзака. В нем не только улики, которые мне предстоит подбросить, и башмак, что оставил след, изобличающий Делеона-6832, но также кое-что весьма ценное, подобранное мной сегодня на нью-йоркских улицах. У меня в кармане, как ни огорчительно, лишь маленький сувенир на память о Майре-9834 – кусочек ногтя с ее пальца. Я бы предпочел отрезать что-нибудь более весомое, но в Манхэттене каждое убийство привлекает чрезмерное внимание, и нехватка на трупе отдельных частей может вызвать излишние вопросы.

Я слегка ускоряю шаг, с удовольствием ощущая спиной ритмичное троекратное постукивание рюкзака, блаженствуя а весеннем тепле ясного воскресного денька и смакуя воспоминания об операции, провернутой с Майрой-9834.

Я упиваюсь чувством полной свободы и безнаказанности, зная, что являюсь, возможно, самой опасной личностью в целом Нью-Йорке. Но совершенно неуязвим и, по сути, невидим для этого сборища кандидатур, неспособных причинить мне никакого вреда.

Свет заставил его насторожиться.

Он вспыхнул красным за окном на улице.

Вспыхнул и погас.

И тут же снова вспыхнул, теперь уже синим.

Рука Делеона Уильямса с зажатой в ней телефонной трубкой медленно опустилась. Он разговаривал с приятелем, надеясь с его помощью разыскать своего бывшего работодателя. Тог скрылся из города после разорения принадлежавшего ему плотницкого производства, не оставив ничего, кроме долгов. Так, он не выплатил зарплату (больше четырех тысяч долларов) своему самому надежному работнику – Делеону Уильямсу.

– Леон, – голос в телефонной трубке звучат тревожно, – мне самому хотелось бы знать, куда сбежал этот паршивец. Он и меня оставил в подвешенном...

– Я тебе перезвоню!

Трубка со стуком упала на рычаг телефонного аппарата.

Ладони сильных рук Уильямса покрылись испариной, когда он осторожно взглянул в зазор между новенькими занавесками, повешенными им и Дженис только вчера (ему было мучительно стыдно, что они были куплены на ее деньги, – о, как он ненавидел сидеть без работы!). Источниками чередующихся красных и синих вспышек были проблесковые маячки, установленные в салонах двух легковых машин без других внешних признаков принадлежности к полиции. Два детектива в штатском выбрались наружу, расстегивая пиджаки – и не потому, что весенний день выдался теплым. Обе машины разъехались в противоположные стороны, заблокировав подъезды.

Детективы внимательно осмотрелись вокруг, затем, разрушив последнюю надежду Уильямса на какое-то уникальное совпадение, подошли к его бежевому «доджу», проверили номер, заглянули внутрь. Один стал говорить по рации.

Уильямс обреченно закрыл глаза, из груди у него вырвался вздох безысходности.

Она снова принялась за старое.

Она...

В минувшем году Уильямс познакомился с женщиной, обладавшей, как он полагал, помимо сексапильной внешности, такими качествами, как ум и доброта. Впрочем, это первое впечатление оказалось обманчивым. Вскоре после того, как между ними завязались серьезные отношения,

она превратилась в лютующую ведьму – вечно недовольную, ревнивую, мстительную. Психически неуравновешенную… Уильямс терпел четыре месяца, и они стали худшим периодом в его жизни. Большую часть времени ему приходилось защищать ее же детей от нее самой.

Но, как известно, ни одно благодеяние не остается безнаказанным, и он вскорости угодил в тюрьму. Случилось так, что как-то вечером Летисия замахнулась кулаком на дочь за то, что та недостаточно хорошо отмыла кастрюлю. Уильямс инстинктивно схватил ее за руку, а плачущая девочка в страхе убежала. Ему удалось утихомирить взбешенную женщину, и на этом, казалось, дело было улажено. Однако несколько часов спустя, когда он сидел на веранде и размышлял, как бы отобрать у Летисии детей и определить их хотя бы к отцу, приехала полиция и арестовала его.

Летисия обвинила Уильямса в рукоприкладстве и в доказательство продемонстрировала синяки на запястье, оставленные его пальцами. Он не на шутку испугался и попытался объяснить, что случилось на самом деле, но полицейские все же были вынуждены забрать его. Дело дошло до суда. Дочь Летисии выразила желание свидетельствовать в защиту Уильямса, но тот ей не позволил. Его признали виновным в мелком хулиганстве и приговорили к нескольким дням общественных работ.

Тем не менее на суде Уильямс рассказал о жестоком обращении Летисии со своими детьми. Обвинитель поверил ему и сообщил в департамент социального попечительства. В дом Летисии наведалась с инспекцией сотрудница департамента, и детей передали под опеку отца.

И вот тогда Летисия просто лишила Уильямса покоя. Долгое время она преследовала его, но несколько месяцев назад вдруг исчезла, и тот уже начал думать, что опасность миновала…

А теперь снова появились копы. Уильямс не сомневался, что это ее происки.

Боже мой, сколько же еще ему терпеть?

Уильямс осторожно выглянул в окно и оторопел – детективы держали оружие на изготовку!

Его захлестнула волна страха. Он не удивится, если окажется, что Летисия серьезно поранила кого-то из детей, а потом свалила все на него. Можно было не сомневаться, она на такое способна.

У него затряслись руки, по широкому, искаженному ужасом лицу покатились большие слезы. Уильямса охватило неконтролируемое

паническое чувство, впервые испытанное им на войне в иракской пустыне, когда у него на глазах приятель, постоянно улыбающийся негр из Алабамы, трансформировался в кровавое месиво после прямого попадания вражеской реактивной гранаты. До того мгновения Уильямс более или менее стойко переносил свист и песчаный душ от проносящихся поблизости пуль, равно как и потерю сознания от невероятной жары. Однако вид Джейсона, превращенного в *ничто,* глубоко потряс его психику. С тех пор Уильямс и начал страдать от синдрома посттравматического стресса. После курсового лечения его состояние улучшилось, он даже прекратил прием медикаментов, но теперь нервное расстройство опять стало проявляться в полной мере.

Безысходный, отупляющий страх.

– Нет, нет, нет, нет! – Задыхаясь, он хватал воздух широко раскрытым ртом.

При виде полицейских, окружающих дом, Делеон Уильямс мог думать лишь об одном: надо бежать, уносить ноги, пока не поздно!

Ему необходимо скрыться, исчезнуть и, самое главное, спасти Дженис и ее сына, двух по-настоящему любимых им людей на всем белом свете. Нельзя показывать, что они имеют к нему отношение. Уильямс накинул цепочку на входную дверь, запер ее на засов, взбежал на второй этаж за сумкой, запихнул в нее первое, что попало под руку, второпях, бездумно, крем для бритья, забыв про лезвия; пару нижнего белья, но ни одной рубашки; запасную обувь без носков.

И еще он достал из стенного шкафа свой боевой «кольт» сорок пятого калибра. Пистолет был не заряжен – Уильямс не собирался ни в кого стрелять, – но мог пригодиться, если понадобится взять на испуг копов или угнать чужую машину.

В его ослепленном недугом сознании вертелась одна-единственная мысль – бросай все, беги!

Уильямс в последний раз взглянул на фото, где он с Дженис и ее сыном сняты во время поездки в парк развлечений «Шесть флагов», смахнул вновь выступившие слезы, накинул на плечо ремень сумки и стал быстро спускаться по лестнице, нервно сдавливая рукоятку тяжелого пистолета.

Глава десятая

– Передовой снайпер на позиции?

Бо Хоманн, бывший строевой сержант, а ныне командир ПЧР – подразделения чрезвычайного реагирования (спецназа нью-йоркской полиции), – жестом указал в сторону здания, с крыши которого открывалась отличная зона обстрела, включающая крошечный задний дворик частного дома, жилища Делеона Уильямса.

– Да, сэр, – подтвердил стоящий рядом пэчеэровец. – А Джонни его подстраховывает.

– Хорошо.

Хоманн – крепкий и жилистый, с коротко стриженными седеющими волосами – по рации передал обеим группам захвата приказ быть в полной готовности. – И не высовывайтесь! – добавил он.

Несколько минут до этого Хоманн находился на заднем дворе своего дома, безуспешно пытаясь разжечь оставшийся с прошлого года уголь для барбекю, когда поступил срочный вызов на операцию по захвату преступника, совершившего изнасилование и убийство. Хоманн возложил на сына миссию добывания огня, спешно облачился в пэчеэровские доспехи и умчался на своей машине, благодаря Бога, что не успел открыть первую банку пива. За руль он бы сел, даже выпив две банки, но огнестрельное оружие брал в руки не раньше чем спустя восемь часов после потребления алкоголя.

А сегодня, в это чудесное воскресенье, существовала высокая вероятность того, что придется поиграть в войну.

В наушниках рации зашуршало, и чей-то голос произнес:

– ПНГ-один вызывает базу, прием. – Поисково-наблюдательная группа вместе со вторым снайпером занимала позицию перед домом на противоположной стороне улицы. – База. Что у вас? Прием.

– Фиксируем тепловое излучение. Возможно, внутри кто-то есть. Акустика молчит.

«Возможно, кто-то есть», – мысленно передразнил Хоманн. Он своими глазами видел платежки на оборудование, входившее в снаряжение пэянгэшников. Да за такие деньги эти приборы должны не только точно определять, находятся ли в доме люди, но даже размер их обуви и пользовались ли они утром ниткой для чистки зубов.

– Еще раз проверьте.

Казалось, прошла вечность, прежде чем снова раздался тот же голос:

– ПНГ-один. О'кей, засекли в доме одного человека. Плюс видели через окно. Это однозначно Делеон Уильямс, судя по размноженному снимку на водительское удостоверение. Прием.

– Хорошо. Конец связи.

Обе оперативные группы теперь почти незаметно выдвигались на передовые позиции, окружая дом по периметру. Хоманн обратился к ним по рации:

– Значит, так, у нас больше не остается времени на инструктаж, а потому слушайте внимательно. Мы имеем дело с насильником и убийцей. Его нужно взять живым, но он слишком опасен, чтобы можно было позволить ему уйти. Так что при любой его попытке оказать сопротивление даю вам «зеленый свет».

– Группа «Би». Вас понял. Докладываю, мы на позиции. Перекрыли проулок, подходы с севера и заднюю дверь дома. На приеме.

– Группа «Эй – база». «Зеленый свет», принято. Мы на позиции, перекрываем входную дверь и улицы с юга и востока.

– Снайперы, – обратился Хоманн в микрофон рации, – как поняли «зеленый свет»?

Каждый снайпер ответил утвердительно и доложил, что он «заперт и заряжен», то есть используя профессиональный штамп, что неизменно вызывало раздражение у старого вояки Хоманна. На допотопной армейской винтовке «М-1», давно снятой с вооружения, приходилось сперва взводить затвор, приводя в готовность спусковой механизм, а сверху вставлять обойму с восемью патронами, затем «запирать» затвор, возвращая его в исходное положение; в современных же образцах огнестрельного оружия заряжание производится проще и безопаснее. Но сейчас не время читать нотации подчиненным.

Хоманн расстегнул ремешок, удерживающий в кобуре его «глок», и стал крадучись продвигаться по проулку за домом. Тут к нему присоединились другие пэчеэровцы, чьи личные планы на это идиллическое весеннее воскресенье так внезапно были нарушены.

В следующий миг у него в наушниках прохрипел голос:

– «ПНГ-два» вызывает базу. Похоже, у нас изменилась обстановка.

Стоя на коленях, Делеон Уильямс осторожно прильнул к щели в двери (которую он все собирался заделать) и убедился, что полицейские куда-то запропастились.

Нет, поправил себя Уильямс, не запропастились, а скрылись из виду, что далеко не одно и то же. Он заметил в кустах отблеск металла или стекла. Может, это одна из тех дурацких декоративных фигурок эльфов и зверюшек, расставляемых соседом со странностями у себя на газоне?

Или ствол полицейского пистолета.

Волоча за собой сумку, Уильямс переполз в противоположную часть дома и, собравшись с духом, рискнул выглянуть через дверное окошко.

Во дворике и дальше в проулке никого не видно.

И снова поправил себя: «не видно» еще не значит, что там никто не прячется.

Его опять затрясло от приступа паники, вызванного синдромом посттравматического стресса, сознание затуманилось от неодолимого желания выскочить через дверь и броситься бежать по проулку, угрожая пистолетом каждому, кто попытается остановить его.

В бездумном порыве он взялся за дверную ручку.

«Нет! Не будь идиотом».

Уильямс сел на пол, прислонился спиной к стене и сделал несколько глубоких вздохов.

Успокоившись, он решил поступить иначе. Между его домом и соседским пролегала полоса земли шириной футов восемь[10], заросшая чахлой травкой. Выходившее на нее подвальное окошко располагалось напротив точно такого же в подвале соседа. Уильямс знал, что Вонги всем семейством уехали на выходные (перед отъездом они попросили Делеона поливать их газон). И вот теперь ему пришло в голову сначала попытаться проникнуть к ним в подвал, а затем незаметно выскользнуть на улицу через заднюю дверь. Если удача на его стороне, то окажется, что полиция не позаботилась о наблюдении за боковым проходом между домами. Потом по проулку он прокрадется до улицы, а по ней добежит до станции подземки.

План не ахти какой, но все же лучше, чем просто сидеть и ждать. Опять слезы. И паника.

«Перестань распускать слюни. Возьми себя в руки, солдат».

Уильямс встал и на нетвердых ногах начал спускаться по лестнице в подвал.

Надо поторапливаться. Копы могут в любую секунду выбить входную дверь и ворваться в дом.

Уильямс повернул щеколду на окне, открыл створку и выкарабкался наружу. Уже начав ползти в сторону окошка в подвале Вонгов, он посмотрел направо и оцепенел.

«О Господи милостивый!»

В проходе межу домами затаились, присев на корточки, два копа – мужчина и женщина – с пистолетами на изготовку. Оба смотрели в противоположную от него сторону – на проулок и заднюю дверь.

Сердце Уильямса заколотилось в очередном приступе паники. Похоже, ему остается только достать свой «кольт» и взять копов на мушку. Он заставит их отбросить подальше пистолеты и рации, а затем надеть друг на друга наручники. Видит Бог, ему не хотелось бы поступать так – ведь это уже настоящее преступление. Но иного выбора нет. На него явно собираются повесить какую-то чернуху. Да, он заберет их оружие и даст деру. И надо проверить, нет ли у них при себе ключей – может, в проулке стоит полицейская тачка «в штатском».

А вдруг их кто-то подстраховывает из засады – снайпер, например?

Делать нечего, придется рискнуть.

Уильямс выпустил из руки сумку и потянулся за пистолетом.

В то же мгновение женщина-коп обернулась в его сторону. У него оборвалось дыхание. Все кончено, мелькнуло в голове.

«Дженис, я люблю тебя!»

Женщина перевела взгляд на листок бумаги у нее в руке, а затем еще раз внимательно посмотрела на Уильямса.

– Делеон Уильямс?

– Я… – У него сорвался голос, все тело обмякло; он не мог оторвать взгляда от этого красивого лица, рыжих волос, завязанных в хвост на затылке, пристально смотрящих холодных глаз.

Она предъявила ему свой служебный жетон, висевший на шнурке на шее.

– Мы из полиции. Как вам удалось выбраться наружу?

В тот же миг она заметила подвальное окошко и понимающе кивнула.

– Мистер Уильямс, здесь проводится полицейская операция. Не могли бы вы укрыться в доме? Там вы будете в большей безопасности.

– Я… – Голос Уильямса дрожал от терзающей его паники. – Я…

– Немедленно укройтесь в доме, – уже строгим тоном повторила женщина-полицейский. – Вам все объяснят после завершения операции. Ведите себя тихо. И не пытайтесь опять покинуть дом! Пожалуйста.

– Да, конечно, я… Конечно!

Уильямс бросил сумку и начал заползать обратно в подвальное окошко.

Женщина поднесла ко рту рацию.

– Говорит Сакс. Я бы расширила периметр оцепления, Бо. Он будет вести себя очень осторожно.

«Что происходит, черт возьми?» Однако Уильямс не стал попусту тратить время на размышления. Он неловко сполз в подвал, поднялся по лестнице в дом и сразу направился наверх, в ванную комнату спальни. Там он поднял крышку бачка унитаза и опустил в него пистолет. Затем пошел было к окну, намереваясь еще раз выглянуть наружу, но тут же бегом вернулся, едва успев склониться к унитазу в мучительном приступе рвоты.

Может прозвучать странно, но в этот чудесный день и после приятных минут, проведенных с Майрой-9834, я все-таки скучаю по работе.

Во-первых, я по жизни люблю работать, я имею в виду, по-настоящему, ну как я умею это делать. И мне хорошо среди сотрудничающих со мной номеров, в их товарищеском, чуть ли не родственном окружении.

Кроме того, я получаю удовольствие от того, что произвожу впечатление, созидаю образ. Меня захватывает бешеный темп нью-йоркского бизнеса – «гонка на выживание», точная, но часто повторяемая расхожая формулировка, хотя я не терплю всякие словесные штампы. Ни один из великих лидеров – Рузвельт, Трумэн, Цезарь, Гитлер – не видел нужды в том, чтобы разводить вокруг себя туман примитивного краснобайства.

Важнее всего, разумеется, то, что моя работа помогает – нет, позволяет мне заниматься моим хобби. Без нее я просто не сумел бы реализовать в полной мере свои насущные жизненные потребности.

У меня очень комфортное служебное положение. Как правило, я могу уйти с работы, когда захочу. Достаточно слегка перетасовать запланированные на неделю мероприятия, и всегда найдется время для удовлетворения своих столь естественных пристрастий. А учитывая, кем я предстаю на публике – мое, так сказать, общественное лицо, – очень трудно заподозрить, что в душе у меня рождаются совершенно иные, говоря, конечно, высоким стилем, порывы.

Люблю работать по выходным и часто провожу их у себя в офисе – если, понятно, не занят очередной операцией с хорошенькой девицей вроде Майры-9834, либо изыманием редкой картины, книжки комиксов, коллекции монет или антикварного фарфора. Даже присутствие отдельных номеров, решивших выйти на работу в праздник, субботу или воскресенье, не нарушает наполняющего коридоры мягкого «белого шума» колесиков, медленно движущих общество вперед, в новый – вызывающе новый – мир.

Ага, вот какая-то антикварная лавка. Я на несколько минут задерживаюсь перед витриной. Кое-что мне приглянулось – картины, сувенирные тарелки, чашки, плакаты. К сожалению, не смогу зайти сюда попозже, так как лавчонка расположена слишком близко к жилищу Делеона-6832. Вряд ли кому-то придет в голову искать связь между мной и «насильником», но… береженого Бог бережет. Вообще-то я приобретаю экспонаты для своей коллекции только в магазинах за наличку либо добываю бесплатно. Мне нравится изучать интернет-каталоги подержанных вещей, однако надо быть сумасшедшим, чтобы покупать что-то в онлайне. Наличные деньги еще не перестали быть удобным платежным средством, но скоро в них, как и во все остальное, начнут вставлять радиоидентификаторы. В некоторых странах это уже делают. Банки будут знать, кому, когда и в каком филиале или банкомате выдана двадцатидолларовая купюра под таким-то номером. А еще станет известно, на что вы ее потратили – то ли на кока-колу, то ли на лифчик для своей любовницы, то ли на вознаграждение наемному убийце за выполненный заказ. Поневоле задумываешься, не пора ли вернуться к старому доброму золоту.

Главное – подальше от «сетей».

Ах, бедолага Делеон-6832! Я помню его лицо по фотографии с водительского удостоверения, дежурно-невыразительный взгляд для казенного снимка. Представляю, как оно преобразится, когда полиция постучит к нему в дверь и предъявит ордер на арест за изнасилование и

убийство. Так и вижу его преисполненные отчаяния (а может быть, и слез) глаза, обращенные на сожительницу, Дженис-9810, и ее десятилетнего сынулю (если тем повезет оказаться в этот момент дома).

Мне осталось пройти три квартала. И…

Постой-ка! Тут что-то не так.

На обочине тенистой боковой улочки пристроилась парочка новеньких «краун-викторий». Появление в этом районе автомобиля подобного класса в неповрежденном состоянии статистически маловероятно, и уж совсем редкий случай лицезреть рядышком сразу две такие особи. Их в отличие от припаркованных по соседству не присыпало ни листочками, ни пыльцой с деревьев – значит, прибыли недавно.

Достаточно одного на ходу брошенного взгляда внутрь – обычное любопытство случайного прохожего, – чтобы понять: да, машины полицейские.

Можно предположить, что они приехали по вызову, связанному с бытовой дракой или незаконным проникновением в частное владение. Да, подобные правонарушения то и дело совершаются в здешней части Бруклина, однако опять же, по статистике, не очень часто в это время дня, то есть до того, как распиты первые полдюжины пива. И вряд ли к месту происшествия скрытно подкатили бы машины без полицейской маркировки – наоборот, пошлют обычные бело-голубые патрульные тачки, чтобы все видели… Так, надо подумать. Они в трех кварталах от Делеона-6832. Что же получается? Вполне допустимо, что полицейский начальник сказал, инструктируя своих подчиненных: «Он насильник. Он опасен. Через десять минут начинаем операцию по захвату. Отгоните машины за три квартала и возвращайтесь сюда. Пронто![11]»

Бросаю осторожный взгляд вдоль ближайшего проулка. Еще не легче. В тени затаился фургон ПЧР, спецназа нью-йоркской полиции. Подразделение чрезвычайного реагирования. Этих бойцов частенько привлекают к участию в полицейских операциях по задержанию номеров вроде Делеона-6832. Но как им удалось вычислить его так быстро? Прошло только полчаса, как я позвонил по девять один один (звонить сразу после операции чересчур рискованно, а если слишком промедлишь, копы могут задаться вопросом, почему ты сообщаешь о криках с таким запозданием, и засомневаться в честности свидетеля).

Итак, есть два объяснения присутствия здесь полиции. Логичнее всего предположить то, что после моего анонимного звонка они проверили по базе данных владельцев всех бежевых «доджей», произведенных больше пяти лет назад (на вчерашний день в городе их насчитывалось 1357), и

каким-то образом сумели выйти именно на того, на кого нужно. Они убеждены в том, что Делеон-6832 насильник и убийца Майры-9834, даже без улик, которые я собирался подбросить к нему в гараж, и либо уже арестовали его, либо устроили засаду в ожидании его возвращения домой.

Второе объяснение намного тревожнее. Копы догадалась, что Делеона-6832 подставили, и затаились, поджидая меня.

И вот я уже в холодном поту. Плохо это, плохо это, плохо…

Однако паниковать преждевременно. Твои сокровища в безопасности, твоя «кладовая» в безопасности. Не дрейфь.

Но что бы ни случилось, я должен знать. Если присутствие полиции здесь всего лишь аномальное совпадение и не имеет никакого отношения к Делеону-6832 или ко мне, я сделаю что задумал и уберусь обратно в свою «кладовую».

Если же они догадались о моем существовании, значит, могут всплыть и все остальные фигуранты – и Рэндл-6794, и Рита-2907, и Артур-3480…

Бейсболка надвинута поглубже на глаза, темные очки поддеты повыше; я совершенно меняю направление движения, ныряю в узкие переулки, чужие огороды и задние дворы, обхожу дом Делеона-6832 по широкой дуге радиусом в три квартала, не нарушая эту границу благодаря усилиям полиции, заботливо обозначившей безопасную зону буйками из припаркованных «краун-виков».

Описав полукруг, оказываюсь у подножия травянистого склона насыпи с проходящей по верху автострадой. Взбираюсь повыше, откуда могу обозревать веранды и крошечные дворики квартала, где расположен дом Делеона-6832. Чтобы найти его, начинаю отсчитывать строения.

Но тут же понимаю, что в этом нет необходимости. Я отчетливо вижу, что через дорогу от дома, на крыше двухэтажного здания, залег полицейский с винтовкой. Снайпер! А вон другой полицейский, с биноклем. Потом замечаю еще несколько человек в гражданских костюмах и одежде попроще; они засели в кустах рядом с домом.

Вот два полицейских показывают в мою сторону. Тут я вижу еще одного копа на крыше здания через улицу. Он тоже показывает в моем направлении. А поскольку во мне нет ни 190 сантиметров роста, ни больше ста килограммов веса и кожа моя не черна как смоль, значит, полиция поджидает не Делеона-6832. Она устроила засаду именно на меня.

У меня затряслись руки. Страшно представить, что только могло случиться, если бы я вперся прямиком в полицейское оцепление с рюкзаком, набитым самопальными уликами.

С десяток полицейских бросаются к своим машинам или к тому месту, где стою я. Бегут, как стая голодных волков. Я поворачиваюсь и в панике, тяжело дыша, карабкаюсь по склону насыпи. Еще не успев добраться до верха, слышу завывание сирен.

Нет, нет!

Мои сокровища, моя «кладовая»…

На шоссе шириной в четыре полосы очень плотное движение – это хорошо, потому что номера вынуждены ехать медленно. Я легко лавирую в потоке машин, низко нагнув голову; уверен, ни один из водителей и пассажиров не разглядел моего лица. Добежав до противоположной обочины, одним махом перескакиваю через защитное ограждение и, оступаясь, неловко сбегаю по насыпи. Благодаря увлечению коллекционированием и вследствие приверженности активному образу жизни я нахожусь в хорошей физической форме, а потому что есть духу припускаюсь к ближайшей станции подземки. Только однажды приостанавливаюсь, натягиваю на руки матерчатые перчатки, вытряхиваю из рюкзака сфабрикованные, но так и не подброшенные мной улики и запихиваю их в мусорный бак. Нельзя, чтобы их обнаружили при мне в случае задержания. Нельзя! Пробежав еще полквартала, я ныряю в переулок за каким-то рестораном, выворачиваю свою куртку внутренней стороной наружу, меняю бейсболку, засовываю рюкзак в хозяйственную сумку и, преображенный, вновь появляюсь на улице.

Наконец я спускаюсь на станцию подземки и с облегчением ощущаю дуновение затхлого воздуха, гонимого из туннеля приближающимся поездом. До меня доносится грохот тяжелых колес, скрежет металла о металл.

Однако, не доходя до турникетов, я замедляю шаг. От былой паники не осталось и следа. Зато вернулась прежняя нервозность. Но мне кажется, что рвать когти отсюда еще рановато.

Мне вдруг становится ясной суть нависшей надо мной угрозы. Полиции пока неизвестна моя личность, но они уже просекли, что за всеми этими делами угадывается такой тип, как я.

А значит, копы захотят лишить меня всего – моих сокровищ, моей «кладовой»…

Само собой, я не могу им этого позволить.

Стараясь держаться подальше от камер системы наблюдения, я с беспечным видом возвращаюсь к лестнице, ведущей на улицу со станции подземки, и на ходу роюсь в своей сумке.

– Где? – раздался голос Райма в наушниках радиотелефона Амелии Сакс. – Где он, черт возьми?

– Заметил нас и сбежал.

– Ты уверена, что это был он?

– Практически не сомневаюсь. Наблюдатели обратили внимание на неизвестного мужчину в трех кварталах от дома Уильямса. Похоже, нас выдали припаркованные там полицейские машины. Мужчина резко отвернулся, потом следил за нами, а поняв, что его засекли, бросился бежать. Сейчас его продолжают разыскивать.

Сакс стояла во дворе дома Делеона Уильямса вместе с Пуласки, Бо Хоманном и группой бойцов ПЧР. Эксперты оперативно-криминалистического отдела и патрульные полицейские в форме исследовали маршрут бегства подозреваемого и опрашивали жителей близлежащих домов в надежде раздобыть информацию, позволившую бы установить его личность.

– Есть ли какие-то признаки того, что он прибыл сюда на машине?

– Мне о них неизвестно. Мы его видели лишь передвигающимся на своих двоих.

– Черт! Ладно, если появится что-то новое, дай мне знать.

– Я...

В наушниках щелкнуло, и связь прервалась.

Сакс поморщилась и бросила недовольный взгляд на Пуласки, стоявшего с прижатой к уху рацией и слушавшего переговоры оперативников. Хоманн был занят тем же. Похоже, исследование местности и поиски свидетелей пока не принесли существенных результатов. Никто из проезжавших по шоссе не видел подозреваемого либо не желал в этом признаваться. Сакс обернулась и увидела в окне дома выглядывающую из-под приподнятой занавески крайне озабоченную и растерянную физиономию Делеона Уильямса.

Ему удалось избежать участи, уготованной другим жертвам подставы подозреваемого «5-22», лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств да тому, что полицейские не формально отнеслись к исполнению своих служебных обязанностей.

Ну и особо следует, конечно, отметить действия Рона Пуласки. Молодой полицейский в цветастой гавайской рубашке четко исполнил поручение Райма: немедленно отправился по адресу Полис-плаза-один и принялся отыскивать в полицейском архиве уголовные дела, примечательные наличием в них признаков, характерных для *modus operandi* «5-22». Он, правда, не успел найти ни одного такого дела, но зато как раз во время его разговора с детективом убойного отдела поступило сообщение с центрального полицейского поста об анонимном телефонном звонке в Службу спасения. Неизвестный мужчина заявлял о том, что слышал крики, доносящиеся из жилого строения неподалеку от Сохо, и видел чернокожего мужчину, поспешно отъезжающего от дома на старом бежевом «додже». Вызванный на место происшествия патрульный полицейский обнаружил труп молодой женщины, подвергшейся изнасилованию. Установлено, что ее зовут Майра Уэйнберг.

Внимательного Пуласки сразу насторожил телефонный звонок анонимного свидетеля, отмеченный и в остальных порученных ему делах. Он немедленно доложил об этом Райму. Криминалист согласился с тем, что данное преступление могло быть совершено подозреваемым «5-22». В таком случае тот, вероятно, попытается осуществить свой уже не раз апробированный план и подбросит фиктивные улики жертве, выбранной для подставы. Значит, необходимо срочно вычислить, на кого из более 1300 владельцев старых бежевых «доджей» он положил глаз. Впрочем, «5-22» может и не иметь никакого отношения к этому преступлению, однако в любом случае у Райма с помощниками возникает шанс отправить в тюрьму насильника и убийцу.

Мел Купер сопоставил по указанию Райма данные департамента автотранспорта с информацией о криминальном прошлом входящих в эту группу афроамериканцев и получил семь кандидатур, имеющих на своем счету нарушения законов более серьезных, чем правила дорожного движения. Но из всех семерых один лишь Делеон Уильямс был осужден за нанесение побоев женщине, а следовательно, более, чем кто-либо другой, подходил на роль козла отпущения.

Стечение обстоятельств и добросовестные полицейские.

Дать санкцию на проведение операции с привлечением бойцов спецназа мог только офицер в звании не ниже лейтенантского. Капитан Джо Мэллой по-прежнему не был в курсе информационного расследования

дела подозреваемого «5-22», поэтому Райм позвонил Селлитто, и тот со скрипом, но согласился дать соответствующее указание Бо Хоманну.

Амелия Сакс присоединилась к Пуласки и пэчеэровцам, устроившим засаду возле дома Делеона Уильямса. По данным, полученным от поисково-наблюдательной группы, внутри находился лишь хозяин, а «5-22» отсутствовал. Тогда решили попытаться схватить убийцу, когда тот явится, чтобы подбросить ложные улики. Плана как такового не было, действовать собирались по обстоятельствам, и операция в итоге провалилась. Если, конечно, не считать того, что спасли невинного человека от ареста за не совершенные им преступления и, возможно, нащупали прочную ниточку, ведущую к настоящему преступнику.

– Нашли что-нибудь? – спросила Сакс, как только Хоманн завершил переговоры по рации с кем-то из подчиненных.

– Нет.

Рация снова ожила, и Сакс услышала трескучий голос:

– База, мы находимся по другую сторону насыпи. Похоже, он ушел. Очевидно, успел добежать до станции подземки.

– Вот чертовщина! – процедила сквозь зубы Сакс.

Хоманн с досады скорчил гримасу, но промолчал.

Пэчеэровец продолжал:

– Мы проследовали по его возможному пути отхода и, похоже, нашли в мусорном баке вещдоки, брошенные им на бегу.

– Это уже кое-что, – обрадовалась Сакс. – Где это место?

Она быстро записала адрес, повторенный для нее командиром ПЧР.

– Прикажите им никого туда не подпускать. Я буду через десять минут.

Сакс поднялась по ступенькам веранды, постучала в дверь и обратилась к отворившему ей Делеону Уильямсу:

– Простите, что не успела вас предупредить. В ваш дом направлялся человек, которого мы собирались арестовать.

– В мой дом?

– Мы так думаем. Но ему удалось скрыться.

Сакс рассказала ему про Майру Уэйнберг.

– О нет! Она мертва?

– Боюсь, что да.

– Честное слово, мне очень жаль!

– Вы ее знали?

– Нет, впервые о ней слышу.

– Мы подозреваем, что убийца намеревался выдать вас за того, кто совершил это преступление.

– Меня? Но почему?

– Пока не знаем. Возможно, по ходу следствия нам понадобится побеседовать с вами.

– Само собой. – Уильямс продиктовал номера домашнего и мобильного телефонов. Затем неуверенно нахмурился. – Можно вопрос? Похоже, вы не сомневаетесь в моей невиновности. Как вы поняли, что я не убийца?

– Мы осмотрели вашу машину и гараж и не нашли никаких следов с места преступления. Настоящий убийца намеревался подбросить поддельные улики, чтобы подозрение пало на вас. Если бы прибыли сюда *после* того, как он это сделал, вы бы оказались в более трудном положении. – После неловкого молчания Сакс добавила: – Да, я хотела бы сказать вам еще кое о чем, мистер Уильямс.

– Я слушаю, детектив.

– Просто нелишне будет напомнить кое о чем, в ваших же интересах. Вы знаете, что владение незарегистрированным огнестрельным оружием считается в Нью-Йорке серьезным преступлением?

– Да, кажется, слышал что-то такое…

– И еще одно замечание в этой связи: в полицейском участке вашего района действует программа добровольной сдачи незаконно хранимого оружия. Те, кто ею воспользуется, обходятся без неприятных вопросов и автоматически попадают под амнистию… Будьте здоровы. Желаю хорошо провести остаток воскресенья.

– Постараюсь.

Глава одиннадцатая

В мусорном баке с брошенным в него свертком, набитым ложными уликами, роется женщина-полицейский. Я сначала обомлел при виде этого зрелища, но тут же успокоился, поняв, что все логично: раз «они» оказались достаточно сообразительными, чтобы вычислить меня, «им» хватило ума откопать и скинутую мной «чернуху».

Вряд ли «они» достаточно хорошо разглядели мою внешность, но я все-таки веду себя очень осторожно. Естественно, не околачиваюсь поблизости, а наблюдаю через окно ресторана на противоположной стороне улицы, запихивая в себя гамбургер и запивая его водой. В полиции этот отдел называют «противокриминальным», что неизменно поражает меня своей абсурдностью. Как будто остальные полицейские подразделения «*про*криминальные»! Его сотрудники носят гражданскую одежду, прочесывают местность в поисках улик и свидетелей, а иногда даже находят преступников, вернувшихся к месту совершенного ими злодеяния, – те, кстати, поступают так главным образом по причине глупости и других отклонений в оценке своего поведения. Я же нахожусь здесь по двум конкретным причинам. Во-первых, у меня определенно возникла заморочка. Просто так от нее не отмахнешься, поэтому надо действовать. А чтобы знать, как действовать, нужна информация. И мне уже кое-что стало ясно.

В частности, я уже знаю в лицо некоторых полицейских, столь усердно занимающихся мной персонально. Вот, к примеру, эта рыжеволосая девица в белом синтетическом комбинезоне, обследующая место преступления с той же сосредоточенностью, с какой я изучаю интересующие меня досье.

Я вижу, как она выходит за территорию, обтянутую желтой лентой, и выносит с собой несколько пакетов. Укладывает их в серые пластиковые ящики и стягивает с себя белый комбинезон. Хотя у меня еще не выветрился неприятный осадок, оставленный недавним ужасом, я ощущаю внутренний позыв при виде обтягивающих ее джинсов – тем более что от чувства глубокого удовлетворения, возникшего после моей операции с Майрой-9834, не осталось и следа.

Пока ее коллеги расходятся по машинам, рыжеволосая звонит по телефону.

Я оплачиваю счет и с безмятежным видом выхожу на улицу, изображая заурядного обывателя, отужинавшего в ресторане в воскресный вечер.

Подальше от «сетей».

Ах да, кажется, была еще какая-то причина, приведшая меня сюда.

Просто хотелось бы защитить себя – свои сокровища, свою драгоценную жизнь. И я пойду на все, чтобы заставить «их» убраться прочь с моего пути.

– Что нашли в мусорном баке? – Райм говорил в микрофон головного телефона.

– Не много. Но мы уверены, что наследил именно «5-22». Окровавленное бумажное полотенце и пластиковая упаковка со свежей кровью – очевидно, намеревался испачкать ею машину или гараж Уильямса. Я уже отправила образец в лабораторию, чтобы срочно сделали анализ на соответствие ДНК Майры Уэйнберг. Еще там была компьютерная распечатка ее фотографии, моток винилового пластыря из «Хоум-депо». И одна кроссовка – похоже, совсем новая.

– Только одна?

– Ну да. Правая.

– Возможно, украл ее из дома Уильямса, чтобы оставить след на месте преступления. Его кто-нибудь видел?

– Снайпер и двое ребят из ПНГ, но он был от них далековато. Вероятно, белый или светлокожий цветной, нормального телосложения. Темно-желтая бейсболка, солнцезащитные очки, рюкзак. Возраст и цвет волос не установлены.

– Это все?

– Все.

– Значит, так, во-первых, срочно тащи сюда обнаруженные вещдоки. А после поезжай на место изнасилования и убийства Майры Уэйнберг и прочеши там все «по сетке». Оперативники обещали мне ничего не трогать до твоего приезда.

– Райм, у меня есть еще одна ниточка!

– Вот как? Что за ниточка?

– Мы нашли стикер, прилепленный к свертку с вещдоками. «5-22», несомненно, собирался избавиться от него, но не думаю, что вместе с той записочкой.

– Что в ней?

– Номер меблированной комнаты в гостинице на Манхэттене, в Верхнем Ист-Сайде. Хочу проведать ее обитателя.

– Полагаешь, это «5-22»?

– Нет, я уже позвонила в приемную гостиницы, и мне сказали, что жилец за весь день ни разу не выходил из комнаты. Некто по имени Роберт Джоргенсен.

– Сакс, нам надо осмотреть место преступления.

– Пошли туда Рона, он справится.

– Лучше займись этим сама.

– Печенкой чую, между Джоргенсеном и «5-22» существует связь. И если мы хотим выяснить какая, необходимо поторопиться.

Райм и сам это понимал. Кроме того, он вместе с Сакс долго и упорно учил Пуласки прочесывать по сетке – изобретенный им термин, подразумевающий разделение места преступления на квадраты и обследование их один за другим; при этом минимизировалась вероятность пропуска какой-нибудь важной детали.

Райм, обуреваемый противоречивыми чувствами начальника и наставника, испытываемыми по отношению к молодому полицейскому, понимал, что тому рано или поздно предстоит провести первое самостоятельное расследование убийства, а потому пора доверять ему серьезные задания.

– Ладно, – с явным недовольством проворчал он. – Будем надеяться, этот стикер действительно окажется ниточкой. – И, не удержавшись, добавил: – А не пустышкой, на которую только время зря потратим.

Сакс рассмеялась:

– Мы ведь всякий раз надеемся на это, правда, Райм?

– И Пуласки пусть знает, что не имеет права на ошибку!

Разговор закончился, и Райм сообщил Куперу, что вещдоки уже в пути. Затем, задумчиво глядя на список улик, пробормотал:

– Он ушел...

Велев Тому переписать на доску уместившееся в одну строчку описание внешности подозреваемого «5-22», Райм несколько раз перечитал его.

Вероятно, белый или светлокожий…

Интересно, будет ли от этого какой-нибудь толк?

Амелия Сакс сидела на переднем сиденье своего «камаро», припаркованного у тротуара. Предвечерний весенний воздух вливался через открытую дверь в машину, пахнущую старой кожей и машинным маслом. Сакс делала пометки для будущего протокола обследования места преступления. Она всегда записывала свои находки и наблюдения сразу после окончания подобных процедур, зная, как поразительно легко стирается из памяти информация за короткий промежуток времени. Искажаются цвета, левое становится правым, окна и двери перемещаются с одной стены на другую или исчезают вовсе.

Сакс остановилась на минуту, в очередной раз задумавшись над хитросплетением обстоятельств нынешнего дела. Еще немного, и убийце удалось бы повесить совершенные им вопиющие преступления на невинного человека. Как такое могло произойти? Ничего подобного в ее практике еще не бывало. То есть случалось, конечно, что полиции подбрасывали фиктивные улики с целью направить ее по ложному следу, но сегодня Сакс узнала о существовании прямо-таки виртуозного устроителя подстав.

Ее машина стояла на безлюдной тенистой улочке в двух кварталах от места, где находился тот самый мусорный бак.

Боковым зрением Сакс уловила какое-то движение и, погруженная в мысли о подозреваемом «5-22», внезапно испытала неясное чувство тревоги. Подняв глаза, она увидела в зеркало заднего обзора, что к ней по тротуару приближается мужчина. Рассматривая его, сосредоточенно щурясь, Сакс пришла к заключению, что внешне незнакомец выглядел вполне безобидно, типичный манхэттенский бизнесмен. В одной руке он нес пакет, в какие упаковывают в ресторане еду, купленную навынос; другой прижимал к уху мобильник, разговаривая на ходу и улыбаясь. Ну что ж, ньюйоркцы любят побаловать себя на ужин блюдом китайской или мексиканской кухни, приобретая его в ближайшем к своему жилищу заведении.

Сакс вернулась к своим записям.

Закончив, она убрала бумаги в кейс и тут же до нее дошло – происходит нечто непонятное. Тот мужчина уже давно должен бы прошагать мимо, однако он еще даже не поравнялся с ее «камаро». Может, вошел в дом? Сакс обернулась и посмотрела туда, где видела его несколько минут назад.

О нет!

На тротуаре, слева и чуть позади машины, стоял знакомый пакет – как оказалось, это был лишь своего рода реквизит.

Сакс потянулась за своим «глоком», но выхватить не успела. Дверь справа рывком распахнулась, и перед ней возникло лицо киллера, щелочки безжалостных глаз и черное отверстие пистолетного дула.

В дверь позвонили, и мгновением позже Райм услышал шаги очередного посетителя – на этот раз тяжелые.

– Сюда, Лон!

Детектив Лон Селлитто кивнул в знак приветствия. Его грузная фигура, казалось, с трудом умещалась в голубых джинсах и темно-бордовой рубашке навыпуск, но особенно удивило Райма то, что коллега был в кроссовках. Ему не часто доводилось видеть лейтенанта полиции в гражданской одежде. Но самое поразительное, она выглядела отутюженной, будто прямо с гладильной доски, хотя Райм не мог припомнить Селлитто в форме, не испещренной бесчисленными складками. Только вокруг того места, где из-под брючного ремня выпирало солидное брюшко, обозначилась измятая ткань рубашки да сзади на поясе ее оттопыривал не слишком старательно таимый в отсутствие табельной кобуры пистолет.

– Говорят, он задал стрекача?

– Ушел с концами! – в сердцах вырвалось у Райма.

Пол жалобно скрипнул под тяжестью весьма грузного Селлитто, неспешно приблизившегося к доскам со схемами. Бегло просмотрев их содержание, он заметил:

– Вот, значит, как вы его окрестили? «5-22»?

– Май месяц, двадцать второе число, – пояснил Райм. – Что нового по русскому делу?

Вместо ответа Селлитто спросил:

– Этот мистер «5-22» оставил на память о себе что-нибудь осязаемое?

– Скоро узнаем. Он избавился от поддельных улик, которые хотел подбросить очередной подставе. Их уже везут.

– Очень любезно с его стороны.

– Кофе, чай со льдом? – предложил Том.

– Да, – ответил Селлитто, – спасибо. Кофе. Есть нежирное молоко?

– Двухпроцентное.

– Годится. А печенье, как в прошлый раз? Ну такое, с шоколадными крошками?

– Только овсяное.

– Тоже неплохо.

– Мел, – обратился Том к Куперу, – вам принести что-нибудь?

– Если меня увидят с едой или даже стаканом воды возле лабораторного стола, крику не оберешься.

Райм тут же парировал:

– Вряд ли меня можно винить в том, что представители защиты имеют обыкновение требовать того, чтобы из числа вещественных доказательств исключали «грязные» улики. Не я установил эти правила.

– Я смотрю, настроение у тебя так и не поправилось, – заметил Селлитто. – Что слышно из Лондона?

– Вот об этом говорить у меня нет ни малейшего желания!

– Ладно, побеседуем о чем-нибудь более веселом. У нас есть еще одна проблема.

– Мэллой?

– Ну да. Ему стало известно, что Амелия обследует место преступления, а я дал добро на операцию ПЧР. Он обрадовался, решив, что есть подвижки по делу Дьенко. Потом загрустил, узнав, что это не так. Позвонил мне и спросил, имеешь ли ты к этому отношение. Линк, за

тебя я готов получить по челюсти, но голую задницу подставлять не согласен. Короче, я тебя спалил… А, спасибо! – Селлитто кивнул Тому, забирая с подноса принесенное для него кофе. Таким же образом был обслужен и Купер, сразу принявшийся за печенье.

– А мне шотландского виски, пожалуйста, – надеясь попасть под раздачу, поспешил напомнить о себе Райм.

– Нет! – бросил Том, удаляясь.

Сделав недовольную гримасу, Райм возобновил разговор с лейтенантом:

– Я-то думал, как только Мэллой узнает, что мы привлекли ПЧР к участию в операции, просто даст нам пинка под зад. Но теперь, когда мы раскрутили это дело, поддержка начальства нам не помешает. Что будем делать?

– Шевели мозгами, да побыстрее. Мы должны были позвонить ему еще полчаса назад. – Он отпил из чашки кофе и, чуть поколебавшись, отложил недоеденный кусочек печенья, видимо, твердо решив воздержаться.

– Как ни верти, без помощи Мэллоя не обойтись. Вчетвером этого парня не разыскать.

– Тогда будем звонить. Готов?

– Да, да!

Селлитто набрал номер и нажал кнопку громкой связи.

– Убавь звук, – посоветовал Райм, – а то оглохнем от крика.

– Мэллой слушает. – Из динамика зашуршал ветер, донеслись голоса и звон посуды. Возможно, капитан сидел за столиком на открытом воздухе в каком-нибудь кафе.

– Капитан, вы на громкой связи со мной и Линкольном Раймом.

– Так, объясни мне, что, черт возьми, происходит? Мог бы сразу сказать, что ПЧР задействовали в операции, о которой Линкольн говорил со мной накануне! Ты знал, что я отложил до завтра принятие решения относительно любого оперативного мероприятия по этому делу?

– Нет, он не знал, – ответил Райм за Селлитто.

Детектив тут же вмешался, буркнув:

– Я знал достаточно, чтобы самому догадаться.

– Это очень трогательно, что каждый из вас старается выгородить друг друга, но вопрос остается все тот же – почему не известили меня?

– Потому что у нас появилась реальная возможность повязать насильника и убийцу, – объяснил Селлитто. – Я решил, что всякое промедление только навредит.

– Лейтенант, мы не в игрушки играем! Забыл, как это делается? *Ты* мне докладываешь, а *я* принимаю решение!

– Простите, капитан. В ту минуту мне казалось, что я поступаю правильно.

Молчание. Затем:

– Но он от вас ушел.

– Да, – подтвердил Райм.

– Как это случилось?

– Мы успели вовремя собрать команду, но прикрытие оказалось не на высоте. Неизвестный подошел ближе, чем мы предполагали. Думаю, он засек полицейскую машину или кого-то из пэчеэровцев. Кинулся рвать когти и по пути избавился от вещдоков, которые, возможно, на многое прольют свет.

– И их сейчас транспортируют в лабораторию в Куинсе? Или к вам?

Райм бросил на Селлитто многозначительный взгляд. В таких организациях, как департамент полиции Нью-Йорка, нельзя дослужиться до высокого чина без богатого профессионального опыта, целеустремленности и сообразительности. Мэллой опережал их на добрые полшага.

– Я попросил привезти вещдоки сюда, Джо, – признался Райм.

На этот раз вместо зловещего молчания из динамика послышался долгий вздох.

– Линкольн, вы понимаете, в чем ваша проблема?

«В конфликте мотиваций», – мысленно ответил Райм.

– Совершенно очевидно, что у вас конфликт мотиваций. С одной стороны, вами как советником департамента полиции движет профессиональный долг, с другой – стремление отмазать своего двоюродного брата. Существует также вероятность того, что его арестовали по ложному обвинению.

– Но ведь именно это и произошло! А еще по меньшей мере двух человек осудили по ложному обвинению! – Райм проинформировал Мэллоя о припомненных Флинтлоком делах, связанных с изнасилованием и кражей монет. – И я не удивлюсь, когда всплывут и другие подставы… Джо, вы слышали про принцип Локара?

– Да, вы, кажется, писали о нем в своем учебнике для полицейской академии.

Дело в том, что французский криминалист Эдмон Локар утверждал, что преступник непременно оставляет свои следы на месте преступления или на жертве. Он говорил, в частности, о пыли, но данное правило относится ко многим веществам и типам улик. Иногда след бывает трудно найти, но он всегда есть.

– Принцип Локара – руководство к действию для нас, Джо. Но мы имеем дело с преступником, пользующимся им как своим инструментом. Это его *modus operandi*. Он убивает безнаказанно, потому что отправляет под суд кого-то другого, зная точно, когда нанести удар и какие улики подбросить. Оперативники, следователи, криминалисты, адвокаты и судьи – все пляшут под его дудку и становятся соучастниками преступления. Джо, я прошу вас о помощи не ради моего родственника. Мы должны остановить очень опасного человека.

На сей раз в динамике воцарилась тишина иного рода.

– О'кей. Разрешаю вам продолжать расследование этого дела.

Селлитто изумленно поднял бровь.

– Но с оговоркой. Держите меня в курсе любых подвижек и изменений. Даже самых, казалось бы, незначительных.

– Само собой разумеется.

– А тебя, Лон, если еще раз попытаешься темнить со мной, переведу в бухгалтерию. Понятно?

– Так точно, капитан!

– И поскольку ты сейчас с Линкольном, могу предположить, что тебе больше не хочется заниматься Владимиром Дьенко.

– У Пити Джименеза все под контролем. Он с самого начала плотно занимался этим делом и лично участвовал в расстановке всех наших капканов на русского.

– А сетью осведомителей, насколько я помню, руководит Деллрей? И он же отвечает за взаимодействие с федералами, верно?

– Так точно.

– Ладно, я отстраняю тебя от этого дела. Временно! Начинайте собирать материалы на неизвестного подозреваемого – я хочу сказать, направьте мне рапорт об открытии уголовного дела, поскольку вы и так уже занимаетесь им у меня за спиной! А теперь слушайте меня внимательно: я не поручаю ни вам, ни кому-либо еще расследовать обстоятельства того, как осудили непричастных к преступлениям людей. Об этом речь сейчас не идет. И никакой самодеятельности! Вы работаете только по сегодняшнему изнасилованию с убийством, точка! Возможно, в рамках своего *modus operandi* преступник и пытался свалить на кого-то вину за содеянное, но это все, что вы можете сказать, и лишь в том случае, если вопрос всплывет сам собой. Никакой личной инициативы и, ради Бога, не вздумайте проболтаться газетчикам!

– Я не общаюсь с газетчиками, – ответил Райм. Кому вообще это нужно? – Однако нам надо ознакомиться с предыдущими делами, чтобы понять, как действует преступник.

– Этого я вам не запрещал, – произнес капитан твердым, но не строгим голосом. – Держите меня в курсе. – И положил трубку.

– Ну вот мы и при деле, – с облегчением выдохнул Селлитто и, немного подумав, отправил в рот остаток печенья, запив его остывшим кофе.

* * *

Стоя возле бордюра в компании трех мужчин, Амелия беседовала с одним из них – невысоким крепышом, незадолго до этого рывком распахнувшим дверь ее «камаро» и наставившим на нее пистолет. Он оказался никаким не «5-22», а сотрудником федерального Агентства по борьбе с наркотиками.

– Мы все еще выясняем, как это могло произойти, – объяснял крепыш, поглядывая на своего босса – помощника спецагента бруклинского отделения АБН.

Тот добавил:

– Совсем скоро у нас будет дополнительная информация.

Когда под пистолетным дулом Сакс медленно подняла руки и сказала, что она из полиции, агент забрал у нее оружие и тщательно изучил служебное удостоверение, придирчиво сверив фотографию с оригиналом. После чего вернул ей пистолет, недоуменно качая головой:

– Ничего не понимаю. – Он извинился, но лицо его выражало скорее растерянность, чем сожаление. Через какое-то время подоспели его босс и два других агента и объяснили, как все произошло. Дело в том, что в бруклинское отделение Агентства по борьбе с наркотиками поступил анонимный звонок. Неизвестный сообщил из телефона-автомата о предполагаемой разборке наркодилеров, в которой женщина, похожая по описанию на Сакс, только что застрелила своего конкурента.

– Мы тут как раз проводим оперативные мероприятия, – продолжал помощник спецагента. – Расследуем недавнюю серию убийств торговцев и поставщиков наркотиков. – Он кивнул головой в сторону агента, пытавшегося арестовать Сакс. – Энтони живет в квартале от этого места. Начальник оперативного отдела послал его сюда, чтобы оценить обстановку, пока не прибудет группа захвата.

– Мне показалось, что вы собираетесь уехать, и я решил действовать, подхватив для отвода глаз пару брошенных пакетов из-под заказов навынос, – добавил Энтони. – Вот черт… – Только теперь до него начал доходить смысл того, что могло случиться. Лицо агента стало пепельно-серым. Сакс знала, что у «глоков» очень легко срабатывает спусковой механизм. Одно неверное движение пальцем, и валялась бы она сейчас с простреленной головой.

– Что вы тут делали? – спросил ее помощник спецагента.

– Мы расследуем изнасилование с убийством. – Она не стала вдаваться в подробности того, как «5-22» подставляет вместо себя непричастных к делу людей. – Могу предположить, что подозреваемый засек меня и сделал ложный вызов, желая затруднить преследование.

«А заодно прикончить меня руками моих же коллег из правоохранительных органов…»

Федеральный агент хмуро покачал головой.

– В чем дело? – спросила его Сакс.

– Да просто слишком уж ушлый этот парень. Позвони он в полицию, как поступило бы большинство обычных людей на его месте, там бы сразу поняли, что речь идет о вашей операции, и узнали вас по описанию. Следовательно, он сознательно обратился к нам. А нам было сообщено только то, что вы вооружены и очень опасны, а потому мы готовились действовать решительно и открывать огонь при первой вашей попытке воспользоваться оружием. – Абээновец опять нахмурился. – Умно!

– И стремно, мать его… – снова добавил все еще бледный Энтони.

Агенты отправились восвояси, а Сакс позвонила Райму и рассказала о происшествии.

Поразмыслив над услышанным, криминалист задался риторическим вопросом:

– Значит, он вызвал именно федералов?

– Ну да.

– Можно подумать, он знал об этой операции АБН против местных наркодилеров и о том, что агент, чуть не повязавший тебя, живет по соседству.

– Он не мог этого знать, – возразила Сакс.

– Твоими бы устами… Но одно ему известно совершенно точно.

– Что именно?

– Место, где ты находишься. А значит, он наблюдает за тобой. Будь осторожна, Сакс!

* * *

Райм пересказал Селлитто о том, как «5-22» подставил Сакс в Бруклине.

– Думаешь, его рук дело?

– Похоже на то.

Детективы стали гадать, каким образом преступнику удалось добыть нужную информацию, но так и не нашли вразумительного объяснения. В это время задребезжал телефон. Райм взглянул на определитель номера и поспешно ответил:

– Да, инспектор!

В динамике раздался голос инспектора Лонгхерст:

– Как самочувствие, детектив Райм?

– Хорошо.

– Рада за вас. Я просто хотела сообщить о том, что мы обнаружили берлогу Логана. Оказалось, он вовсе не в Манчестере, а неподалеку, в Олдаме – к востоку от города. Один из осведомителей Дэнни Крюгера доложил, что мужчина – предположительно Ричард Логан – пытался приобрести отдельные компоненты огнестрельного оружия. Обратите внимание, не готовый ствол, а разрозненные его детали. Но если запчасти годятся для замены износившихся, из них с таким же успехом можно собрать новенькую винтовку!

– Винтовку? – переспросил Райм.

– Да. Причем крупного калибра.

– Логан предъявил какое-нибудь удостоверение личности?

– Нет, хотя, кажется, прикидывался американским военным. Якобы пообещал в обмен продать торговцам оружия большое количество боеприпасов с хорошей скидкой и даже показывал оригиналы инвентаризационных описей и технических характеристик.

– Выходит, приманка в Лондоне сработала?

– Будем надеяться. А теперь по поводу логова преступника. У нас есть очень надежные контакты в индийской диаспоре Олдама. Они прослышали об американце, снявшем старый дом в окрестностях городка. Мы разыскали тот дом, хотя обыск пока не производили. Для этого уже выдвинута оперативная группа, но мы решили сперва посоветоваться с вами. – Лонгхерст продолжала: – Так вот, детектив, как подсказывает мне профессиональное чутье, Логан пока не подозревает, что мы знаем, где он отлеживается. А в доме как пить дать имеются весьма существенные улики. Я связалась со знакомыми ребятами из МИ-5 и позаимствовала у них одну дорогостоящую игрушку – видеокамеру с высокой разрешающей способностью. Мы хотели бы, чтобы в ходе обыска вы с ее помощью направляли одного из наших сотрудников и высказывали свои замечания и делились наблюдениями. Камеру доставят в наше распоряжение минут через сорок.

Чтобы произвести доскональный обыск большого строения со всеми входами и путями отхода, обшарить каждый угол, изучить содержимое

ящиков и полок, заглянуть под матрасы и в бачки унитазов, понадобится целая ночь.

Ну почему именно сейчас? Райм чувствовал, какую серьезную опасность представляет «5-22». А если принять во внимание фактор времени – тенденцию к сокращению интервалов между преступлениями, в частности, то, что практически непосредственно за делом Артура последовало сегодняшнее убийство, – становится понятно, что надо спешить. Самое последнее происшествие внушает особую тревогу: «5-22» начал действовать против их группы и едва не подставил Сакс под пулю.

Так соглашаться или нет?

После непродолжительных, но мучительных колебаний Райм ответил:

– Инспектор, мне очень жаль, но у нас здесь серьезные события. Совершена серия убийств. Я вынужден сосредоточиться на их расследовании.

– Понимаю. – Непоколебимая британская сдержанность.

– Вам придется полностью взять на себя руководство оперативно-следственными мероприятиями по делу Логана.

– Разумеется, детектив.

– Вы вольны самостоятельно принимать любое решение.

– Благодарю за доверие. Мы сами во всем разберемся. Буду держать вас в курсе. А сейчас мне, пожалуй, пора заняться текущими делами.

– Желаю удачи.

– Взаимно, детектив.

Линкольну Райму было совсем не просто отказаться от личного участия в охоте на такого зверя, как киллер Ричард Логан.

Однако решение принято. «5-22» стал для криминалиста первоочередной и единственной целью.

– Мел, иди к телефону и выясни, когда, черт возьми, нам доставят вещдоки из Бруклина!

Глава двенадцатая

Вот это прикол!

Амелия Сакс никак не ожидала, что меблированные комнаты «Хендерсон», чей адрес значился на стикере, прилепленном к свертку с ложными уликами, окажутся настолько неуютными, учитывая то, что данная гостиница находилась в Верхнем Ист-Сайде, а хирург-ортопед Роберт Джоргенсен избрал их в качестве своего постоянного жилища.

В действительности это был мерзкий притон, в котором ненадолго оседают лишь наркоманы да пьяницы. Воздух в замызганном лобби, обставленном совершенно разнородной, почерневшей от плесени мебелью, насквозь пропах чесноком, дезинфекцией, дешевым освежителем воздуха и запахом давно не мытого человеческого тела. Даже ночлежки для бездомных, как правило, внушают меньшее отвращение.

Сакс невольно остановилась в дверях, потом выглянула на улицу и внимательно осмотрелась по сторонам. Ее все еще тревожило сознание того, что «5-22», возможно, продолжает следить за ней, а также то, с какой легкостью преступник натравил на нее агентов федеральной службы в Бруклине. Здесь пока она не заметила ничего подозрительного. Впрочем, убийца находился поблизости и возле дома Делеона Уильямса, однако и там Сакс его не усмотрела. Она перевела взгляд на старый, заброшенный дом через улицу, и ей почудилось, что из-за пыльных оконных стекол за ней наблюдает чей-то пристальный взгляд.

Или вон то разбитое окно на втором этаже, где – Сакс могла поклясться – только что мелькнуло светлое пятно! Чье-то лицо? Или рассеянный дневной свет, пробившийся через пролом в потолке?

Сакс шагнула на тротуар и стала вглядываться в окна. Убедившись, что в развалюхе нет ни души, она решила, что ей и впрямь померещилось. После чего повернулась к гостинице и, едва дыша, вошла внутрь. Безнадежно ожиревший портье за регистрационной стойкой, не выразив ни удивления, ни беспокойства при виде полицейского жетона, указал ей, как пройти к лифту. Из открывшейся двери кабинки на Сакс пахнуло тошнотворным зловонием. Придется взбираться по лестнице.

Морщась от артрической боли в натруженных суставах, она достигла лестничной площадки шестого этажа и по коридору дохромала до номера 672. Постучав, отступила в сторону.

– Полиция! Мистер Джоргенсен, откройте, пожалуйста!

Кто знает, что за связь существует между ним и убийцей, а потому ее рука потянулась к рукоятке «глока», оружия хорошего, на которое всегда можно рассчитывать, как на восход солнца.

Ответа не последовало, зато легонько стукнула металлическая крышечка глазка. Или ей послышалось?

– Полиция, откройте! – повторила Сакс.

– Подсуньте свое удостоверение под дверь!

Она так и сделала.

Тишина, потом загремели снимаемые цепочки. Щелкнул засов. Дверь приоткрылась, остановленная ограничителем. Образовалась щель побольше, чем при надетой цепочке, но все же недостаточно широкая, чтобы в нее мог пролезть человек.

Появилась голова мужчины средних лет. Длинные немытые волосы, лицо заросло неряшливой бородой. Веки нервно подергиваются.

– Вы Роберт Джоргенсен?

Мужчина вгляделся ей в лицо, опустил глаза на удостоверение, повернул обратной стороной и посмотрел на свет, хотя закатанная в ламинат прямоугольная карточка не отличалась прозрачностью. Затем отдал документ, снял ограничитель и, распахнув дверь, выглянул в коридор. И только после этого жестом пригласил Сакс войти. Она осторожно ступила внутрь, продолжая держать руку возле кобуры, осмотрела комнату и стенные шкафы, но не увидела ни оружия, ни посторонних.

– Вы Роберт Джоргенсен? – повторила Сакс свой вопрос.

Тот молча кивнул.

Сакс еще раз, без спешки, оглядела убогую комнатенку. В ней имелась кровать, письменный стол со стулом, кресло и продавленный диван. Темно-серый ковролин покрывали грязные пятна. Окно плотно задернуто шторами, и торшер, единственный осветительный прибор, распространял в полумраке тусклое желтое сияние. Все пожитки Джоргенсена, видимо, умещались в четырех больших чемоданах и спортивной сумке. Один угол отведен под кухню – там стояли маленький холодильник, пара микроволновок и кофейник. Питался он, похоже, в основном китайской лапшой быстрого приготовления. Возле стены аккуратно выстроилась сотня скоросшивателей из тонкого бурого картона.

Гардероб состоял из одежды разных и явно лучших времен жизни владельца. Вся она выглядела дорогой, но до предела изношенной и засаленной. Каблуки когда-то роскошных туфель стоптались до пяток. Можно предположить, что Джоргенсену пришлось расстаться с врачебной практикой по причине злоупотребления алкоголем или наркотиками.

Приход Сакс оторвал его от странного, как ей показалось, занятия: он препарировал толстый, переплетенный явно вручную фолиант, используя при этом щербатое увеличительное стекло на длинной гибкой подставке, удерживаемой кронштейном на краю стола. Джоргенсен разделял страницы канцелярским ножиком с острым как бритва выдвижным лезвием, а потом разрезал их на полосы.

Вероятно, причиной его деградации стало помутнение рассудка.

– Вы здесь по поводу писем? Давно пора.

– Каких писем?

Он бросил на нее подозрительный взгляд.

– Разве нет?

– Я не знаю ни про какие письма.

– Я несколько раз писал в Вашингтон. Но вы ведь только и делаете, что говорите, не так ли? Все вы, сотрудники правоохранительных органов. Блюстители общественного порядка. Конечно, все говорят! Куда же вы денетесь, пусть говорят. Базы данных по криминалу и прочее…

– Я действительно не понимаю, о чем речь.

Видимо, Джоргенсен решил, что Сакс не врет.

– Ну, в таком случае… – Его глаза вдруг широко раскрылись, остановившись у нее на поясе. – Погодите, у вас сотовый включен, что ли?

– Д-да, а что?

– Господи милостивый и всемогущий! Да что с вами такое!

– Со мной…

– Почему бы вам просто не выскочить голой на улицу и сообщить каждому встречному незнакомцу ваш домашний адрес? Выньте к черту батарею! Не просто отключите телефон, а выньте батарею!

– И не подумаю.

– Выньте, я вам говорю! Иначе можете убираться отсюда ко всем чертям. И из «наладонника» тоже! И из пейджера!

Джоргенсена, похоже, переклинило капитально. Однако Сакс решительно заявила:

– Я уберу питание из телефона и пейджера, но память из ПЦС сливать не стану!

– Ладно, – проворчал чудик и подался вперед, наблюдая, как она извлекает батарейки из мобильника, пейджера и отключает персональный цифровой секретарь.

После этого Сакс попросила Джоргенсена предъявить удостоверение личности. Покопавшись в своем барахле, тот достал водительские права. В домашнем адресе значился Гринвич, штат Коннектикут, один из самых фешенебельных из близлежащих к Нью-Йорку городков.

– Я пришла сюда не из-за писем, мистер Джоргенсен. Просто хочу задать вам несколько вопросов. Это не займет много времени.

Джоргенсен указал ей на источающий затхлый запах тлена диван, а сам уселся на шаткий стул при письменном столе и, будто не в силах сдерживать себя, быстрым и уверенным движением отрезал ножиком кусочек корешка книги. Сакс подивилась умению, с каким он владеет своим обоюдоострым инструментом, и вполне искренне порадовалась тому, что их двоих разделяет стол, а при ней находится ее верный «глок».

– Мистер Джоргенсен, я хочу поговорить с вами о преступлении, совершенном сегодня утром.

– А, ну да, конечно! – Он брезгливо поджал губы и бросил на Сакс взгляд, полный презрения и отрешенности. – Что же, по-вашему, я натворил на *этот* раз?

«На *этот* раз?»

– Была изнасилована и убита женщина. Но мы знаем, что вы тут ни при чем. Вы находились здесь.

Едкая ухмылка.

– А-а, держите меня под колпаком! Ну разумеется. – Недовольная гримаса. – Черт подери!

Это уже реакция на находку – или отсутствие таковой – в сегменте препарированного им книжного корешка. Джоргенсен выбросил его в пластиковый мешок для мусора. Сакс увидела на полу несколько таких мешков, наполненных остатками изрезанной одежды, книг, газет и каких-то коробочек. Затем ее взгляд упал на микроволновую печь – ту, что побольше, – и внутри она заметила книгу.

Микробофобия, решила Сакс.

Джоргенсен перехватил ее взгляд.

– Микроволны – самый надежный способ умертвить их.

– Бактерии? Вирусы?

Джоргенсен расхохотался, словно Сакс удачно пошутила. Потом кивнул на лежащую перед ним толстую книгу:

– Иногда их очень трудно найти. Но искать надо. Врага необходимо знать в лицо. – Опять кивок, теперь уже в сторону микроволновки: – Хотите верьте, хотите нет, но очень скоро начнут делать такие, что их невозможно будет уничтожить.

Кто начнет? Кого уничтожить? Сакс несколько лет прослужила в постовых копах патрульного дивизиона – в «передвижниках», как их прозвали на полицейском жаргоне. Она дежурила на Таймс-сквер еще в те времена, когда площадь оставалась прежней Таймс-сквер, то есть не превращенной в нынешнюю диснейлендовскую пародию на саму себя. В качестве постового полицейского Сакс не раз приходилось иметь дело с бомжами и разного рода неадекватными типами. И что-то из ее тогдашнего опыта подсказывало ей, что Джоргенсен страдает паранойей или даже шизофренией.

– Вам знаком некий Делеон Уильямс?

– Нет.

Сакс назвала фамилии остальных жертв убийств и подстав, включая двоюродного брата Райма.

– Нет, никогда не слышал об этих людях.

Похоже, Джоргенсен не врал. Он продолжал возиться с книгой и добрые полминуты не обращал на Сакс никакого внимания. Подняв к свету

очередную секвестированную страницу, он снова скорчил недовольную мину и бросил скомканный листок в мусор.

– Мистер Джоргенсен, номер вашей комнаты значился в записке, найденной сегодня на месте преступления.

Рука с ножом замерла. Джоргенсен, не дыша, поднял на Сакс безумно горящие глаза. Потом выдохнул:

– Где?! Где, черт возьми, вы нашли записку?

– В Бруклине, в мусорном контейнере. Она была приклеена к свертку с уликами. Предположительно от него избавился убийца.

Голос Джоргенсена понизился до зловещего шепота.

– Вы знаете, как его зовут? Как он выглядит? Отвечайте!

Он медленно приподнялся из-за письменного стола, его лицо налилось кровью, губы дрожали.

– Успокойтесь, мистер Джоргенсен. Не надо так волноваться. Мы еще не знаем наверняка, действительно ли записка оставлена преступником.

– Да-да, это он! Можете не сомневаться. Ублюдок! – Джоргенсен наклонился вперед. – Как его зовут?!

– Я не знаю.

– Назовите мне его имя, черт подери! Сделайте хоть что-нибудь *для меня,* а не *со мной!*

– Я помогу вам, если это в моих силах, – твердо произнесла Сакс. – Но вам надо взять себя в руки. О ком вы говорите?

Джоргенсен уронил нож и бессильно опустился на стул. Его плечи поникли, лицо исказила горькая улыбка.

– О ком, о ком… О Боге, конечно!

– О Боге?

– Я же Иов. Знаете ли вы, кто такой Иов? Невинный страдалец, беспрестанно третируемый Богом. Каким только испытаниям он его ни подвергал! Но все они ничто в сравнении с тем, что выпало на *мою* долю!.. О-о, это он! Разузнал, где я теперь нахожусь, и пометил на этой

вашей записочке. А я-то надеялся, что мне удалось спастись… Он снова нашел меня.

Сакс показалось, что у него на глазах выступили слезы. Она спросила:

– Что с вами произошло? Пожалуйста, расскажите мне.

Джоргенсен провел ладонью по лицу.

– Хорошо. Несколько лет назад я занимался врачебной практикой, жил в Коннектикуте. У меня была жена, двое замечательных детишек. Деньги в банке, пенсионный счет, загородный дом. Спокойная, обеспеченная жизнь. Я был счастлив. Потом случилось странное. Поначалу ничего катастрофического. Я подал заявку на новую кредитную карточку, чтобы начислялись мили по программе частых авиаперелетов. Мой годовой доход составлял триста тысяч долларов. Я всегда вовремя вносил деньги на ипотечный и кредитный счета. Но однажды мне отказали. Я решил, что это какая-то ошибка. Но в компании мне сказали, что я отношусь к рискованным заемщикам, поскольку за последние полгода три раза менял место проживания. А я вообще ни разу не переезжал. Просто кто-то снимал квартиры под моей фамилией, пользуясь номером моей социальной страховки и кредитными реквизитами. А потом отказался вносить арендную плату. Однако накануне закупил в кредит товаров на общую сумму почти в сто тысяч долларов, указав доставлять их по тем самым адресам.

– Мошенничество под чужим именем…

– В том-то и дело, что не под чужим! Весь этот фейерверк мошенничества посыпался на *меня*. Бог открывал кредитки на мое имя, делал заказы на огромные суммы, оформлял поставки в разные места – и, само собой, никогда их не оплачивал. Стоило мне разобраться с одной фальшивкой, он уже подстраивал другую. И был в курсе всего, что я делаю, чем живу. Бог все видит! Он знал девичью фамилию моей матери, день ее рождения, кличку моей первой собаки, марку моего первого автомобиля – те цифры и слова, что обычно используются в качестве паролей доступа на кредитные и банковские счета. Он знал номера моих телефонов и моей телефонной карты. Мне выставили счет за международные звонки на десять тысяч долларов. Как он это сделал? Набирал номер автоматической справочной времени или температуры в Москве, Сингапуре, Сиднее и на несколько часов оставлял трубку снятой.

– Зачем?

– Как зачем? Затем, что он Бог! А я Иов… Сукин сын купил дом на мое имя. Целый дом! И отказался вносить платежи в рассрочку. Я узнал об

этом, только когда адвокат, нанятый коллекторским агентством, явился ко мне в нью-йоркскую клинику и потребовал вернуть накопившийся долг в триста семьдесят тысяч долларов. А еще я задолжал четверть миллиона, проигранные Богом в онлайновом казино. Он сфабриковал адресованные мне судебные иски по обвинению во врачебной халатности, и страховая компания аннулировала мой договор. Без страховки меня не брали на работу ни в одну клинику и ни один страховщик не желал иметь со мной дела. Нам пришлось продать дом, и все деньги до последнего цента, естественно, ушли на погашение долгов, к тому времени наделанных уже мной самим, – около двух миллионов долларов.

– Двух миллионов?!

Джоргенсен на мгновение прикрыл глаза.

– Дальше – больше. Моя жена долго терпела все это. Ей пришлось нелегко, но она меня не бросала… пока Бог не начал посылать подарки – дорогие подарки, от моего имени и купленные на мою кредитную карточку, – медсестрам, работавшим прежде вместе со мной. К ним прилагались послания с недвусмысленными намеками и приглашениями. Одна из женщин позвонила мне домой и в разговоре с моей дочерью просила передать, что с удовольствием соглашается провести со мной выходные. Девочка рыдала, когда рассказывала об этом жене. Четыре месяца назад жена ушла от меня, хотя, думаю, не верила, что я ей изменял. Теперь она вместе с детьми живет у своей сестры в Колорадо.

– Мне очень жаль.

– Неужели? О-о, ну, великое вам спасибо! Однако я еще не закончил, нет! Сразу после отъезда жены на меня начала наезжать полиция. И все потому, что в вооруженных ограблениях, совершенных на востоке Нью-Йорка, в Нью-Хейвене и Йонкерсе, применялось оружие, приобретенное на мою кредитку, и поддельное водительское удостоверение. Один банковский служащий был тяжело ранен. Меня арестовали нью-йоркские фэбээровцы – потом, правда, отпустили, но пятно в биографии осталось. Навсегда. К нему добавился мой арест Агентством по борьбе с наркотиками, когда по якобы выписанному мной чеку была закуплена партия нелегально ввезенных в страну опасных медикаментов. Да, и я таки побывал в тюрьме – недолго правда, и не я лично, а кто-то, кому Бог загнал мою поддельную кредитку и водительское удостоверение. То есть вместо меня за решетку угодила совершенно посторонняя личность. Кто знает, как его настоящее имя? Но для всего мира существует официально зарегистрированный факт, что Роберт Сэмюел Джоргенсен, номер социального страхования девять

два три, шесть семь, четыре один восемь два, бывший хирург-ортопед из Гринвича, штат Коннектикут, отсидел в тюрьме по приговору суда. И это занесено в мои личные учетные данные. На-всег-да!

– Но почему вы не обратились в полицию, не восстановили справедливость?

Джоргенсен презрительно усмехнулся:

– Я вас умоляю! Вы же сами коп! Будто не знаете, как в полиции относятся к расследованию подобных преступлений. Они скорее займутся пешеходом, перешедшим дорогу в неположенном месте.

– А вам удалось добыть какую-нибудь полезную информацию *о нем?* Возраст, раса, образование, место жительства или работы?

– Нет, ничего. Во всех случаях был только один след – мой. Он отнял меня у самого себя... Все эти разговоры о защите, об охранных системах – сплошное дерьмо! Да, вероятно, вы до определенной степени защищены, если, скажем, потеряете кредитную карточку. Но задайся кто-нибудь целью разрушить вашу жизнь, ничто не сможет спасти вас. Люди верят компьютерам, а не вам. Если в компьютере сказано, что вы должник – значит, так и есть. Если вы значитесь в категории высокого страхового риска, вас лишат страховки и никто не станет разбираться в том, правильные ли данные предоставляет компьютер. Если в распечатке против вашей фамилии написано «в кредите отказать», вам его не дадут, будь вы хоть мультимиллионер. Верят не живому человеку, а бездушной машине. Хотите знать, чем я теперь зарабатываю на жизнь?

Джоргенсен вскочил и открыл дверцу шкафа. Там висела униформа работника ресторана быстрого обслуживания. Он вернулся за стол и снова принялся кромсать книгу, бормоча себе под нос:

– Я найду тебя, гадское семя! – Потом поднял глаза. – А хотите знать, что в этой истории самое страшное?

Сакс утвердительно кивнула.

– Бог ни разу не воспользовался квартирами, снятыми им на мое имя. Он не получал незаконно ввезенной партии медикаментов. И не присвоил товары, поставленные в кредит. Полиция изъяла их в целости и сохранности. Бог никогда не жил в великолепном доме, купленном за мой счет. Теперь понимаете? Он делал все это только ради того, чтобы истязать меня! Он – Бог. Я – Иов.

Сакс заметила на столе фотографию. На ней Джоргенсен стоял рядом с белокурой женщиной примерно его возраста, они обнимали девочку-подростка и маленького мальчика. Дом позади них выглядел очень красивым. Чего ради «5-22» пошел на подобные ухищрения, чтобы в итоге погубить человеческую жизнь – если действительно именно он стоял за этим? Может, отрабатывал приемы, потом применявшиеся в отношении жертв своих убийств и подстав? А Роберта Джоргенсена использовал в качестве подопытного кролика?

Или «5-22» – опасный и жестокий социопат? То, что он проделал с Джоргенсеном, можно назвать несексуальным по своей природе изнасилованием.

– Мистер Джоргенсен, мне кажется, вам лучше поселиться в более достойном месте.

Горькая улыбка.

– Знаю. Но так безопаснее. В трущобах ему меня не достать.

Сакс вспомнила любимое изречение отца: «Чем больше перемещаешься, тем труднее в тебя попасть». Пожалуй, оно очень верно отражает и ее собственное мировосприятие.

– Знаете, как он нашел меня здесь? – Джоргенсен кивком указал на книгу. – Вот, через нее. Печенкой чую. После того как я купил эту книгу, сразу начались заморочки. Голову даю на отсечение, что в ней-то все дело. Обработал ее в микроволновке, но, очевидно, не помогло. Однако объяснение все же должно быть! Оно кроется внутри книги!

– А что конкретно вы ищете?

– А вы будто не знаете?

– Нет.

– Хм, следящие устройства, конечно. Их теперь пичкают в книги, одежду. Скоро почти все вещи будут оснащены «жучками».

Значит, он опасается «жучков», а не микробов.

– А микроволны убивают «жучки»? – с наивным видом спросила Сакс, желая поддержать разговор.

– По большей части да. Теоретически можно также сломать антенну, но их нынче делают слишком маленькими, почти микроскопическими. –

Джоргенсен вдруг замолк, будто осененный догадкой, и Сакс поймала на себе его пристальный взгляд. – Заберите ее! – потребовал он.

– Кого? – не поняла Сакс.

– Книгу! – Он окинул комнату безумным взглядом. – В ней содержится объяснение всему, что со мной приключилось… Прошу вас! Вы первая, кто ни разу не закатил глаза, слушая мою историю, и единственная, кто не смотрел на меня как на сумасшедшего. – Джоргенсен разгоряченно подался вперед. – Вы не меньше моего хотите добраться до него. В вашем распоряжении наверняка есть всякое современное оборудование – сканирующие микроскопы, сенсоры… Вы найдете «жучок», и он выведет вас на него! Да!

И Джоргенсен резком движением протянул ей книгу.

– Я даже не представляю, как выглядит то, что мы ищем.

Джоргенсен сочувственно покивал:

– О-о, мне ли вас не понять. В этом-то вся проблема. Они их постоянно совершенствуют и видоизменяют. Всякий раз оказываются на шаг впереди нас. И тем не менее прошу вас…

Они…

Сакс взяла книгу и по привычке уже собиралась сунуть ее в полиэтиленовый пакет для вещдоков, снабдив ее, как положено, сопроводительно-передаточным формуляром. Но тут же вообразила, как ее поднимут на смех в доме Райма, и решила просто доставить книгу более традиционным путем.

Джоргенсен перегнулся через стол и с чувством признательности пожал ей руку:

– Спасибо! – На глазах его опять появились слезы.

– Так вы съедете отсюда? – спросила Сакс.

Он ответил утвердительно и назвал ей адрес другой дешевой гостиницы в Нижнем Ист-Сайде.

– Не записывайте! И никому не говорите. Не упоминайте мое имя в телефонных разговорах. Помните, они постоянно прослушивают все линии!

– Позвоните мне, если вспомните еще что-нибудь про вашего… Бога. – Сакс дала ему свою визитную карточку.

Джоргенсен несколько секунд разглядывал визитку, запоминая содержащиеся в ней данные, потом мелко порвал, шагнул в туалет и смыл в унитаз половину клочков. Заметив любопытный взгляд Сакс, объяснил:

– Вторую половину спущу через полчаса. Отправлять в канализацию все разом так же неразумно, как оставлять просроченные счета в почтовом ящике. Однако некоторые идиоты именно так и делают.

Джоргенсен проводил Сакс до двери и остановился. Оказавшись совсем рядом с ним, она ощутила резкий запах давно не стиранной одежды и обжигающий взгляд его воспаленных глаз.

– Послушайте меня! Вот вы служите в полиции и носите на боку большую пушку. Но против такого, как он, от оружия мало проку. Чтобы убить его, вам потребуется подойти хотя бы на расстояние выстрела. А ему на вас даже смотреть не надо. Он может сидеть в полумраке какой-нибудь комнаты, потягивать из бокала вино и разрушать всю вашу жизнь по кирпичикам.

Джоргенсен кивнул на книгу в руках Сакс:

– Имейте в виду, теперь, вместе с ней, зараза передалась и вам!

Глава тринадцатая

Я слежу за новостями (в наши дни не счесть источников оперативной информации), но пока что-то не услышал ни одного сообщения о гибели рыжеволосой полицейской в перестрелке с коллегами из правоохранительных органов в Бруклине.

Но теперь «им», надо полагать, хотя бы страшно.

И то правда, настал «их» черед понервничать.

Вот и ладненько. Почему только я должен мучиться?

Рассуждаю на ходу. Как это случилось? Как это *вообще могло* случиться?

Плохо это, плохо это, плохо…

Надо признать, «они» в точности разгадали мой замысел и знали, кого я наметил себе в жертвы.

«Они» поджидали меня именно в то время, когда я приближался к дому Делеона-6832.

Как же это случилось?

Я просеиваю информацию, комбинирую все данные, анализирую их. Но нет, мне по-прежнему непонятно, как «они» сумели вычислить меня.

Пока непонятно. Надо еще подумать.

Мне не хватает информации. Как я могу сделать выводы, не имея нужной информации? Как?!

Ох, не гони лошадей, говорю я себе. Когда *пронумерованные* начинают суетиться, они имеют обыкновение сорить вокруг себя информацией.

Одна за другой остаются позади серые, неуютные улицы. Прекрасное воскресенье загублено бесповоротно, превратившись в будничный, безрадостный день. В резком солнечном свете заметнее городская грязь. Нью-Йорк холоден и неприветлив. *Пронумерованные* издевательски самодовольны и насмешливы.

Как я их всех ненавижу!

Однако не высовывайся… Притворяйся, что и тебе хорошо.

И думай, думай! Анализируй. Представь, что ты бесчувственный компьютер, решающий возникшую проблему.

Думай. Итак, как «они» сумели докопаться?

Прохожу один квартал, второй квартал, третий квартал, четвертый…

А ответа не нахожу. И единственный вывод: «они» действительно хороши. И очередной вопрос: кто «они»? Ну наверное…

Внезапно я осознаю, что случилось непоправимое. О нет, только не это! Я останавливаюсь и роюсь в рюкзаке. Его нет, нет нигде, пропал! Тот стикер, приклеенный к упаковке с ложными уликами, я забыл отлепить его, прежде чем все выбросить! Вместе с адресом моего избранного *пронумерованного* 3694-8938-5330-2498, моего любимца, известного в миру как доктор Роберт Джоргенсен. Я только что выяснил, куда он сбежал в попытке скрыться от меня, и переписал адрес на первую попавшуюся под руку бумажку. Теперь меня душит злость на самого себя за то, что не потрудился запомнить адрес, а записку не выбросил.

Ненавижу себя, ненавижу весь белый свет! Как я мог поступить так небрежно?!

Мне хочется плакать, кричать от отчаяния.

Мой Роберт-3694! Целых два года он служил мне подопытным кроликом, объектом моего эксперимента на живом человеке, на его учетных данных, кредитных карточках, на его личности…

И самое главное, что´ заменит этот невероятный кайф, ощущаемый при втаптывании его в грязь. Так это же был самый настоящий, неописуемый оргазм. Примерно такой же, как от дозы кокса или героина. Шутка ли – совершенно нормальный, счастливый семейный индивидуум, высокопрофессиональный и добросовестный врач планомерно превращается в полное ничтожество.

И я сам оставил открытой дверцу клетки. Нет, в данном случае нельзя полагаться на удачу. Придется смириться с худшим – записку найдут и навестят моего кролика. Теперь он вырвется на волю… Ну а вот я не стану ему препятствовать.

Многого лишили меня сегодня. Трудно выразить словами то, что я чувствую, когда со мной происходит подобное. Это обжигающая боль, это слепой, панический страх, это падение с высоты и ожидание неизбежного удара о мелькающую перед глазами землю в любое мгновение… однако оно так и не наступает.

Я иду куда глаза глядят, сквозь стада нумерованных антилоп, мечущихся по городу в свой день отдыха. Радостное настроение улетучилось, чувство удовлетворения рассеялось. Еще несколько часов назад я поглядывал на встречных со снисходительным любопытством или скромным вожделением, но теперь мне хочется наброситься на любого из них и кромсать эту бледную плоть, прикрытую тонкой помидорной кожицей, острым лезвием одной из моих восьмидесяти девяти опасных бритв.

К примеру, подошла бы модель «Братьев Крузиус» второй половины девятнадцатого столетия. У нее удлиненное лезвие и красивая рукоятка из оленьего рога. Эта бритва – гордость моей коллекции.

– Вещдоки пришли, Мел. Давай посмотрим, что там.

Райм указал на сверток, найденный в мусорном контейнере неподалеку от дома Делеона Уильямса.

– Прежде всего дактилоскопия.

Купер приступил к поиску отпечатков папиллярного рисунка ладоней с пластиковых пакетов – сперва на внешнем, содержащем все улики, которые «5-22» намеревался подбросить Уильямсу, затем на тех, что были внутри, – со все еще не свернувшейся кровью и с окровавленным бумажным полотенцем. Однако криминалистов ожидало разочарование: отпечатков не оказалось, хотя на полиэтиленовой пленке они сохраняются превосходно (обычно их хорошо видно даже невооруженным глазом, без применения специальных химикатов или освещения). Однако Купер нашел признаки того, что неизвестный подозреваемый брался за пакеты руками в хлопчатобумажных перчатках; опытные преступники отдают им предпочтение перед резиновыми, поскольку в последних отпечатки кожных линий неизбежно остаются с внутренней стороны.

Мел Купер исследовал все прочие предметы, прыская на поверхность из разных баллончиков и меняя источники света, но и на них не нашел хотя бы одного отпечатка пальца.

Райм понимал, что это дело – и другие, где, как он полагал, фигурировал «5-22», – определенно незаурядное – видимо, из-за наличия двух категорий вещественных доказательств. К первой относились ложные улики, предназначенные для натравливания полиции на Делеона Уильямса. Убийца, несомненно, позаботился о том, чтобы ни одна из этих улик не вывела копов обратно на него. Вторую категорию составляли настоящие вещдоки и следы, оставленные оборотнем не нарочно, такие, как крошки табака или кукольный волос. Следовательно, они вполне могли пригодиться для установления личности или места проживания преступника.

В первой категории были окровавленное полотенце и сырая кровь, кои предполагалось использовать в качестве материального обеспечения подставы, а также моток липкой ленты. Его подозреваемый наверняка подбросил бы в гараж или машину Уильямса, ранее использовав отрезанные от него куски, чтобы заклеить рот и связать руки Майры Уэйнберг. Однако вряд ли можно рассчитывать на то, что к ленте прилипли хоть какие-то частички, идентифицирующие самого «5-22», поскольку тот постарался предохранить ее от соприкосновения с собой и своими вещами.

Возможно, «5-22» и не собирался оставлять кроссовку «Шур-трэк» тринадцатого размера в доме Уильямса, однако она все равно являлась бы «лжесвидетельством» в том смысле, что с ее помощью на месте преступления оставлен отпечаток, совпадающий с одной из кроссовок самого Уильямса. Мел Купер тем не менее обработал и этот предмет и нашел-таки посторонний след: остатки пива на подошве. Сверившись с базой данных по ингредиентам ферментированных напитков, созданной

Раймом для нью-йоркского управления полиции несколько лет назад, Мел пришел к выводу, что марка пива скорее всего «Миллер». Этот след мог относиться как к первой, так и ко второй категории, то есть поддельным или настоящим уликам. Чтобы знать точно, к какой именно, придется подождать результатов осмотра Роном Пуласки места убийства Майры Уэйнберг.

В пакете находилась также компьютерная распечатка фотографии Майры. Ее назначение, вероятно, состояло в том, чтобы навести полицию на ту мысль, что Уильямс выслеживал женщину через Интернет. Следовательно, фотография тоже являлась ложной уликой. Тем не менее Райм велел Куперу тщательно исследовать этот, казалось бы, обычный лист бумаги. Нингидриновый тест показал полное отсутствие на нем отпечатков пальцев. Изучение под микроскопом и химический анализ не выявили никаких специфических особенностей в составе бумаги и принтерного тонера весьма распространенной марки «Хьюлетт-Паккард».

И все же Райм и Купер сделали открытие, обещающее оказаться полезным. Они обнаружили, что в некоторых местах в текстуру бумаги проникла плесень Stachybotrys Chartarum, печально известная как «жилых помещений проказа». Поскольку она оказалась представлена в ничтожном количестве, вряд ли ее преднамеренно нанес на бумагу неизвестный подозреваемый. Логичнее предположить, что плесень присутствует в помещении, где тот живет или работает. А поскольку плесень не появится в сухой, проветриваемой комнате, значит, по крайней мере часть жилища или рабочего места «5-22» темная и влажная.

Записка на квадратном листочке с липкой полоской, вероятно, также не входила в число ложных улик. На стикере стоял логотип фирмы «3M», и хотя качество бумаги превосходное, что само по себе – отличительный признак, определить ее происхождение не удалось. Купер не нашел на ней никаких следов, кроме спор все той же плесени, – что, впрочем, опять указывало на предположительную принадлежность стикера подозреваемому «5-22». Надпись же была сделана обычной шариковой ручкой.

Каких-либо других улик просто не было, но пока Купер записывал результаты исследований, позвонили из медицинской лаборатории, к услугам которой Райм прибегал в экстренных случаях, и сообщили, что предварительный анализ следов крови на содержимом свертка подтвердил ее идентичность с кровью Майры Уэйнберг.

Селлитто ответил на телефонный звонок и после короткой беседы положил трубку.

– Абээновцы установили, что Амелии позвонили из телефона-автомата. Кто это сделал – неизвестно. Не нашлось и свидетелей, запомнивших перебегающего шоссе человека. Опросили жителей домов вокруг ближайших станций подземки, но и те не заметили ничего подозрительного.

– Вопрос в том, что считать подозрительным. Спасающийся от погони убийца с разбега перемахивает через турникет, на ходу сбрасывает с себя одежду и облачается в доспехи супермена? Естественно, он теперь особенно постарается не привлекать к себе внимания.

– Линк, я просто повторяю то, что мне сказали.

Райм недовольно поморщился и велел Тому переписать на доску результаты изучения имеющихся вещдоков.

УЛИКИ В РАЙОНЕ ДОМА ДЕЛЕОНА УИЛЬЯМСА

• Три пластиковых упаковки типа «ЗипЛок-фризер» емкостью в один галлон.

• Одна кроссовка «Шур-трэк» на правую ногу, размер 13, без следов износа; на подошве засохшие пятна пива (предположительно марки «Миллер»). Куплена, чтобы оставить след на месте преступления?

• Бумажное полотенце со следами крови на пластиковой упаковке. Предварительный анализ подтвердил совпадение с кровью жертвы.

• 2 куб. см крови в пластиковой упаковке. Предварительный анализ подтвердил совпадение с кровью жертвы.

• Стикер с адресом меблированных комнат гостиницы «Хендерсон», номер 672, постоялец Роберт Джоргенсен. Происхождение бумаги, на которой сделаны записи и используемой при этом ручки, установить невозможно. Присутствие спор плесени Stachybotrys Chartarum в текстуре бумаги.

• Снимок жертвы – очевидно, компьютерная распечатка, цветная, чернила для принтера «Хьюлетт-Паккард». Происхождение принтера и бумаги установить невозможно. В текстуре бумаги следы плесени Stachybotrys Chartarum.

• Виниловый пластырь типа «Хоум-депо», происхождение установить невозможно.

• Нет отпечатков кожных линий.

В дверь позвонили, и в комнату быстрым шагом вошел Рон Пуласки, доставивший наконец в двух ящиках для перевозки пакетов с молоком вещдоки с места убийства Майры Уэйнберг.

Райм сразу заметил перемену в выражении лица молодого полицейского. Оно словно окаменело. Обычно все чувства Пуласки у него на лбу написаны – благоговение перед более опытными коллегами, неуверенность в возможности справиться с трудным заданием, изредка гордость по поводу собственных достижений – иногда он даже краснел. Но теперь его глаза казались пустыми – куда только подевалась прежняя целеустремленность во взоре? Он кивнул, мельком взглянув на Райма, молча подошел к лабораторным столам и вручил Куперу вещдоки. Тот расписался в сопроводительно-передаточных формулярах.

Пуласки, с руками в карманах джинсов, в гавайской рубашке навыпуск, застыл перед доской с записями, сделанными Томом. Было заметно, что он никак не может сосредоточиться и осмыслить хотя бы слово.

– Ты в порядке, Пуласки?

– В полном.

– По тебе этого не скажешь, – заметил Селлитто.

– Да нет, все нормально.

Он явно кривил душой. Что-то сильно огорчило молодого полицейского в ходе его первого самостоятельного выезда на место преступления.

Наконец он не выдержал:

– Она просто лежала там на спине, будто упорно разглядывала что-то на потолке, даже чуть прищурилась. Прямо как живая, только ни на кого не обращала внимания. Они бы хоть укрыли ее, что ли…

– Не положено, сам знаешь, – буркнул Селлитто.

Пуласки отвернулся к окну.

– Дело в том… Знаю, это бред… Просто она чем-то напомнила мне мою Дженни. Даже стремно стало.

У Линкольна Райма и Амелии Сакс было много общего в том, что касалось методики выполнения служебных обязанностей. Так, оба владели искусством мысленно влезать в чужую шкуру, позволяющим при осмотре места преступления живо представить ощущения преступника и его жертвы. А это, в свою очередь, помогало лучше

оценивать обстановку и находить улики, иначе оставшиеся бы незамеченными.

Детективы, обладающие подобным навыком – какое бы побочное влияние ни оказывало это на их психику, – славились умением мастерски прочесывать по сетке.

Но в одном Райм и Сакс существенно различались. Сакс считала важным не относиться отстраненно и безучастно к отдельным особо ужасным аспектам преступления, прочувствовать их с начала следствия и не расставаться с этими ощущениями до его завершения. В противном случае, по ее словам, сердце очерствеет, а душа постепенно станет черной, как у тех, с кем копы призваны вести борьбу. Райм же полагал, что надо оставаться бесстрастным, насколько возможно. Самый лучший полицейский тот, кто не дает данной трагедии довлеть над собой, а потому обретает хладнокровие, необходимое для предотвращения новых трагедий. «Люди для вас больше не люди, – поучал он новобранцев. – Они источники свидетельских показаний. Значит, ваша задача – просто выжать из них максимум информации».

Старый криминалист верил, что Пуласки со временем станет его твердым последователем, но сейчас, на начальном этапе служебной карьеры, точка зрения Амелии Сакс была ему ближе. Райм сочувственно относился к переживаниям молодого полицейского, но они могли помешать следствию. Вот вернется вечером домой, обнимет жену и пусть себе горюет по поводу смерти женщины, похожей на его Дженни.

– Ты с нами, Пуласки? – грубовато спросил Райм.

– Да, сэр! Я в порядке.

Не совсем так – поэтому Райм и дал ему понять, что следует держать себя в руках.

– Ты осмотрел тело?

Кивок.

– Вместе с дежурным судмедэкспертом. Я заставил его надеть на туфли бахилы.

Чтобы избежать путаницы со следами обуви, Райм установил для своих сотрудников правило надевать на ноги резиновые чехлы, даже если они работают в покрывающих их с ног до головы синтетических комбинезонах, предназначенных для защиты от «засорения» места

преступления, то есть от случайного появления там посторонних волос, чешуек кожного покрова, отпечатков и прочего.

– Хорошо.

Райм, явно выражая нетерпение, посмотрел на ящики с вещдоками:

– Приступим! Мы только что испортили преступнику обедню. Нельзя исключать, что это его только подстегнуло и он нацелился на новую жертву. Или, наоборот, он собирается приобрести билет на ближайший самолет в Мехико. В любом случае действовать надо быстро.

Рон Пуласки раскрыл свой блокнот с заметками.

– Я…

– Том, иди сюда! Том, где ты, черт подери?!

– Да-да, Линкольн, лечу! – откликнулся помощник, входя в комнату с бодрой улыбкой на лице. – Все готов бросить, лишь бы угодить тому, кто обращается со мной так вежливо.

– Ты нам нужен – надо составить еще одну схему.

– Да неужели?

– Пожалуйста!

– Звучит неискренне.

– Том!

– Так и быть.

– Место убийства Майры Уэйнберг.

Помощник написал заголовок и остановился в ожидании с маркером в руке. Райм задал вопрос:

– Так, Пуласки, насколько я понял, квартира принадлежала не жертве?

– Так точно, сэр. Хозяева – супружеская пара – в отъезде, проводят отпуск в морском круизе. Я до них дозвонился. Имя Майры Уэйнберг им неизвестно. Они понятия не имеют, о ком речь. Послушали бы вы, как они причитали! Он ведь у них на двери замок сломал, чтобы проникнуть в квартиру.

– Значит, преступник знал, что дома никого нет, охранная сигнализация отсутствует, – заметил Купер. – Любопытно.

– Что ж получается? – Селлитто покачал головой. – Он просто подыскал для себя подходящее место?

– Причем совершенно безлюдное, – заметил Пуласки.

– Интересно, а как же женщина там оказалась?

– Снаружи на блокировке стоял велосипед, а при ней был ключ от замка.

– Любительница велосипедных прогулок. Похоже, он изучил маршрут и заранее знал о ее появлении в том месте в определенное время. И каким-то образом проведал, что хозяева квартиры в отъезде и больше никто его там не потревожит... О'кей, сынок, выкладывай свою добычу. Том, не будешь ли ты настолько любезен, чтобы переписать все это на доску?

– Не переигрывайте.

– Ладно-ладно! Итак, причина смерти? – обратился Райм к Пуласки.

– Я велел судмедэксперту поторопить патологоанатома с заключением по результатам вскрытия.

Селлитто издал хрипловатый смешок.

– А он тебе что ответил?

– Кажется, что-то вроде «ага, щас». И еще пару слов добавил.

– Ты еще слишком мелко плаваешь, чтобы давать такие указания. Но все равно, хвалю за проявленную инициативу. Каково предварительное заключение?

Пуласки заглянул в свои записи.

– Несколько ударов по голове. Чтоб сломить сопротивление, как полагает медик. – Молодой полицейский помедлил, видимо, припомнив собственные травмы, полученные несколько лет назад. Потом продолжил: – Причина смерти удушение. На глазах и внутренней поверхности век петехия – это такая сыпь из мельчайших кровоизлияний...

– Я знаю, что это такое, желторотик!

– А-а… Ну да. И еще венозное вздутие в черепной коробке и на лице. А вот вероятное орудие убийства.

Пуласки представил на всеобщее обозрение прозрачный пакет с куском веревки длиной примерно в четыре фута.

– Мел!

Купер выложил веревку на газету и кисточкой аккуратно смел с нее приставшие частички и ворсинки. Затем внимательно изучил их и взял несколько образчиков волокна.

– Ну что? – нетерпеливо спросил Райм.

– Сейчас.

Пуласки опять углубился в свои записи.

– Что касается изнасилования, то оно было совершено вагинальным и анальным путем – *после смерти,* по мнению судмедэксперта.

– Тело находилось в какой-то особой позе?

– Нет… Но вот на что я обратил внимание, детектив, – продолжил Пуласки. – Все ногти у нее на пальцах длинные, кроме одного – обрезан, причем совсем коротко.

– Кровь?

– Да! Срезан до мяса. – Он помедлил. – Вероятно, *до наступления смерти.*

Значит, «5-22» еще немного и садист, отметил про себя Райм, а вслух добавил:

– Ему нравится причинять боль. Давайте посмотрим фотоснимки с места предыдущего изнасилования.

Молодой полицейский бросился выполнять приказание. Он порылся в фотографиях и, отобрав одну, уставился на нее с прищуром.

– Вы только посмотрите, детектив! Здесь тоже ноготь отрезан! На том же самом пальце!

– Наш герой коллекционирует «сувениры» на память о своих жертвах. Возьмем себе на заметку.

Пуласки энергично закивал головой.

– И не случайно то, что в обоих случаях это безымянный палец! На нем обычно носят обручальное кольцо. Наверное, это связано с какой-нибудь трагедией в прошлом – ушла жена, не любила мать или та, кого он считал матерью…

– Интересное наблюдение, Пуласки! Кстати, мы кое-что упустили из виду.

– Что, сэр?

– Ты сверился со своим гороскопом сегодня утром до того, как мы приступили к расследованию?

– С моим?..

– Да, и вот еще что – я запамятовал, кому у нас поручено гадать на кофейной гуще?

Селлитто добродушно усмехнулся. Пуласки залился румянцем.

Райм заговорил резким тоном:

– Бесполезное занятие – пытаться высосать из пальца, точнее, из ногтя, психологический портрет преступника. Польза от этого ногтя в том, что мы теперь знаем – «5-22» имеет при себе вещественное доказательство, напрямую связывающее его посредством ДНК с данным убийством. А если нам удастся установить, каким инструментом отрезан ноготь, мы сможем выяснить, где его приобрели, и таким путем выйти на самого преступника! Вещдоки, сынок! А не болтология.

– Так точно, детектив! Я все понял.

– Просто Линкольн.

– Так точно. Есть.

– Что там с веревкой, Мел?

Купер изучал в компьютере базу данных по волокнам.

– Обычная пенька. Такую веревку можно купить в тысяче магазинов по всей стране. Химический анализ тоже не дал никакого следа.

Вот чертовщина!

– У тебя есть что-нибудь еще, Пуласки? – спросил Селлитто.

Тот сверился со своими записями. Руки жертвы связаны рыболовной леской, впившейся ей в кожу и тем самым вызвавшей кровотечение. Рот заклеен пластырем – естественно, типа «Хоум-депо», – оторванным от рулона, брошенным преступником вместе с другими лжеуликами: линии отрыва полностью совпадали. Рядом с телом найдены два невскрытых презерватива «Троджан энз».

Пуласки демонстративно поднял полиэтиленовый пакет.

– Да, и вот еще мазки.

Мел Купер взял пакетики с вагинальными и ректальными мазками и подверг их химическому анализу. Позже судебный патологоанатом предоставит более подробный отчет, но и теперь было ясно, что из посторонних веществ присутствовал только спермицидный лубрикант с поверхности презерватива. Никаких следов спермы на месте преступления не обнаружено.

Еще один мазок с того места на полу, где Пуласки заметил отпечаток кроссовки, показал наличие пива, как выяснилось, сорта «Миллер». Электростатический рисунок подошвы сюрприза не преподнес – «Шур-трэк» тринадцатого размера, та же модель, что и кроссовка, найденная в мусорном баке.

– А у хозяев лофта как насчет пива? Ты смотрел на кухне и в кладовой?

– Так точно, сэр, – но пива нигде не нашел.

– Ставлю десять баксов, что «Миллер» – любимое пиво Делеона Уильямса, – провозгласил Лон Селлитто, весьма довольный своей догадкой.

– Вот тут я не стану спорить с тобой, Лон. Ну что там еще есть?

Пуласки снова поднял пакет с какой-то коричневой крошкой, найденной им возле самого уха жертвы.

– Анализ показал, что это табак.

– Что можешь добавить в этой связи, Мел?

В результате дальнейшего лабораторного исследования выяснилось, что табак измельчен фабричным способом и предназначен для набивки сигарет, однако он отличался от образца марки «Тейритон», занесенного ранее в базу данных. Линкольн Райм принадлежал к немногочисленным

некурящим гражданам, выступающим против запрета на курение. Дело в том, что табак и пепел всегда служили прекрасной уликой, подтверждающей присутствие подозреваемого на месте преступления. Купер не сумел определить марку сигарет, но по чрезвычайно выраженной сухости табака пришел к выводу, что он, вероятно, очень старый.

– А Майра или хозяева лофта курили?

– Да нет, не похоже. В квартире нет ни сигарет, ни пепельниц. И я сделал, как вы учили: едва вошел, сразу принюхался, но запаха табачного дыма не почувствовал.

– Хорошо.

Райм пока был доволен результатами осмотра места преступления.

– А как обстоит дело со следами дактилоскопических линий?

– Я снял отпечатки пальцев хозяев с дверцы аптечки и ночного столика.

– Значит, не трепался – ты действительно читал мою книгу.

В своем пособии по криминалистике Райм посвятил несколько абзацев одной из первоочередных операций, проводимых при осмотре места преступления, а именно сбору контрольных отпечатков, указав при этом, где их следует искать.

– Да, сэр!

– Как приятно. Выходит, что я на тебе даже заработал?

– Я одолжил книгу у брата.

У Пуласки был брат-близнец, служивший копом в шестом округе Гринвич-Виллидж.

– Надеюсь, хоть он заплатил за свой экземпляр.

Большинство отпечатков, найденных в квартире, совпали с контрольными образцами, то есть были оставлены хозяевами. Другие, вероятно, принадлежали гостям – впрочем, сыщики не сбрасывали со счетов, что «5-22» мог тоже наследить по неосторожности. Купер с помощью сканера загрузил снимки в Единую автоматизированную систему идентификации по отпечаткам пальцев, и теперь оставалось только дождаться результатов поиска.

– О'кей, Пуласки, расскажи мне, какое общее впечатление произвело на тебя место, где совершено убийство.

Вопрос, видимо, озадачил молодого полицейского.

– Впечатление?

– Это все деревья. – Райм глазами указал на пакеты с вещдоками. – А какие мысли возникли у тебя по поводу леса?

Пуласки задумался.

– Вообще-то у меня действительно появилась одна мысль. Правда, дурацкая, наверное.

– Ты же знаешь, сынок, если твоя версия дурацкая, я первый скажу тебе об этом.

– Просто как только я вошел в квартиру, то сразу подумал, что она оказалась там не против своей воли!

– Как это?

– Понимаете, ве´лик жертвы был приблокирован цепочкой к фонарному столбу. То есть, получается, она его спокойно оставила, не заподозрив ничего стремного.

– Значит, «5-22» не уволок ее с улицы силком.

– Вот-вот. Чтобы попасть в квартиру, надо сначала пройти через калитку, а потом по длинному коридору до входной двери. Коридор очень узкий и заставлен хозяйским барахлом – всякими банками, склянками, причиндалами для занятий спортом, пустой тарой на переработку, садовыми инструментами… И ничего не разбито, не сдвинуто.

Пуласки постучал пальцем по другому снимку.

– А теперь посмотрите, что творится внутри. Стол, вазы… Вот когда она начала сопротивляться – едва ступила внутрь. – И добавил чуть сдавленным от волнения голосом: – Видать, вырывалась изо всех сил.

Райм согласно кивнул:

– Ясно. Таким образом, «5-22» пудрит женщине мозги, заманивает в ее лофт, та, ничего не подозревая, оставляет велосипед на улице, безмятежно шествует по коридору, входит в квартиру и останавливается

в дверях, поняв, что купилась на туфту. Она рвется обратно, но не тут-то было… – Криминалист помолчал, размышляя. – Следовательно, «5-22» знал про Майру что-то такое, отчего она расслабилась, почувствовала доверие к нему… Ну конечно, вы только подумайте, он ведь располагает самой полной информацией о человеке – где тот работает, что покупает, куда направляется, когда уезжает в отпуск, оборудован ли дом охранной сигнализацией… Что же, сынок, неплохо для начала. Теперь мы имеем о нем более определенное представление.

Пуласки с трудом сдержал счастливую улыбку.

Дзинь! – раздалось в компьютере Купера. Он прочитал сообщение на экране.

– Ни одного совпадения отпечатков. Ноль!

Райм, ничуть не удивившись, пожал плечами.

– У меня все большее любопытство вызывает необычайная осведомленность этого оборотня. Кто-нибудь, позвоните Делеону Уильямсу. Неужели все приготовленные для подставы улики попали бы в яблочко?

Короткий разговор Селлитто подтвердил это. Уильямс носил кроссовки «Шур-трэк» тринадцатого размера, пользовался презервативами «Троджан-энз», имел моток сорокафунтовой рыболовной лески, пил пиво «Миллер» и недавно купил в магазине «Хоум-депо» виниловый пластырь и пеньковую веревку для крепления багажа на машине.

Взглянув на список улик с места предыдущего изнасилования, Райм обратил внимание, что тогда «5-22» использовал презервативы «Дюрекс», поскольку именно такие приобретал осужденный за это преступление Джозеф Найтли.

Криминалист спросил Уильямса по включенной громкой связи:

– Не пропадала ли у вас одна кроссовка?

– Нет, обе на месте.

– Значит, он купил новую пару, – заключил Селлитто. – Той же модели и размера. Но как он узнал? Может, вы видели незнакомого человека поблизости от дома в последнее время? Было такое, что кто-то заглядывал в гараж, крутился возле машины, мусорных баков? Или вламывался в жилище?

– Нет, ничего подобного. Я сейчас без работы, поэтому почти целыми днями торчу дома, занимаюсь хозяйством. Мимо меня и мышь не прошмыгнет. А потом, у нас такой район, что без охранной сигнализации не обойдешься. Мы ее всегда включаем.

Райм поблагодарил Уильямса и скомандовал телефону отбой.

Потом облокотился затылком на подголовник и начал диктовать Тому свои выводы, следя за появляющимися на доске строчками.

МЕСТО УБИЙСТВА МАЙРЫ УЭЙНБЕРГ

• Причина смерти: удушение (по предварительному заключению судмедэксперта).

• Тело в естественной позе, увечья отсутствуют, однако на безымянном пальце левой руки глубоко отрезан ноготь. Вероятно, до наступления смерти. Похоже на «сувенир».

• Лубрикант с презерватива марки «Троджан-энз».

• Два невскрытых презерватива марки «Троджан-энз».

• Отсутствуют использованные презервативы и следы физиологических жидкостей.

• На полу следы пива «Миллер» (отсутствующего на месте преступления).

• Рыболовная леска, 40-фунтовая одножильная, общего назначения.

• Пеньковая веревка бурого цвета длиной 4 фута (орудие убийства).

• Виниловый пластырь поверх рта жертвы.

• Крошка табака, очень старого, марка сигарет не установлена.

• След подошвы мужской кроссовки модели «Шур-трэк» 13-го размера.

• Отпечатки пальцев отсутствуют.

Райм спросил:

– Наш оборотень позвонил по «девять-один-один», верно? Настучал на «додж»?

– Естественно, – подтвердил Селлитто.

– Разузнай-ка поточнее насчет этого звонка. Что сказал, каким голосом. – Детектив добавил: – По предыдущим делам тоже надо – касающимся твоего двоюродного брата, кражи монет и изнасилования.

– Да, разумеется. Я об этом не подумал.

Селлитто связался с центральной диспетчерской. Все звонки на номер 911 записываются на «винчестер» и остаются на нем еще некоторое время. Селлитто запросил нужную информацию и спустя десять минут получил ответ. Старший смены сообщил, что записи по делу Артура и сегодняшнего убийства еще были в наличии. Их тут же переслали на адрес электронной почты Купера в виде wav-файлов. Записи по двум более ранним делам скопированы на компакт-диски и сданы в архив. На них незамедлительно оформили запрос, исходя, однако, из того, что поиск может занять несколько дней.

Купер открыл поступившие аудиофайлы и включил воспроизведение. Зазвучал мужской голос, призывающий полицию поскорее прибыть по адресу, где якобы слышались крики. За этим последовало описание автомобиля, унесшего предполагаемого злодея. В обоих случаях голос был один и тот же.

– Снимем отпечаток? – предложил Купер. – Если выйдем на подозреваемого, будет с чем сравнить.

Среди криминалистов отпечатки, или образцы, голоса ценятся выше, чем даже показатели детектора лжи, а некоторые судьи принимают проведенное с их помощью опознание в качестве доказательства. Но Райм отрицательно покачал головой.

– Ты только вслушайся! Он говорит в ящик. Неужели не чувствуешь?

«Ящиком» прозвали устройство, искажающее голос в телефонной трубке. Оно не придает ему нарочито механического тембра, как у Дарта Вейдера, – нет, речь звучит вполне нормально, разве что чуточку гулко. Многие информационные и справочные службы пользуются «ящиками», чтобы операторы отвечали клиентам одинаковыми голосами.

Именно в этот момент дверь в лабораторию распахнулась, и в нее решительным шагом вошла Амелия Сакс, держа под мышкой какой-то крупный предмет. Райм не сразу сообразил, что это. Она кивнула в знак приветствия, впилась взглядом в список вещдоков, затем одобрительно взглянула на Пуласки:

– Похоже, ты неплохо справился с заданием!

– Спасибо.

Райм наконец понял, что у нее в руках книга, причем наполовину распотрошенная.

– Это еще что за штуковина?

– Подарок от нашего друга доктора Роберта Джоргенсена.

– И что это? Вещдок?

– Трудно сказать. И вообще, недетский у меня с ним разговорчик состоялся.

– Что ты имеешь в виду, Амелия? – недоуменно переспросил Селлитто.

– Ну представь, тебе толкуют, что за убийством Кеннеди стоят Бэтбой и Элвис вместе с инопланетянами. Вот что я имею в виду!

Пуласки прыснул со смеху, чем заработал гневный взгляд Линкольна Райма.

Глава четырнадцатая

Сакс поведала историю слегка свихнувшегося мужчины, обезличенного и деградировавшего. Рассказала о страданиях человека, называющего себя Иовом, потому что Бог избрал его объектом своей кары.

То, что Джоргенсен был явно не в себе, сомнений у присутствующих не вызывало. Но даже если предположить, что его история правдива лишь наполовину, все равно она внушала сострадание и некоторый трепет. Ради чего кому-то понадобилось ломать человеческую судьбу – непонятно.

Райма насторожила фраза, произнесенная Амелией Сакс:

– Джоргенсен утверждает, что с того дня, как два года назад он купил эту книгу, неизвестный преследователь наблюдает за каждым его шагом и знает о нем все.

– Знает о нем все... – задумчиво повторил Райм, глядя на доски с расписанными на них обстоятельствами совершенных в разное время преступлений. – Мы как раз только что говорили об этом: «5-22» каким-то образом ухитряется собирать всю необходимую информацию о своих жертвах и подставных лицах.

Райм поделился с Амелией Сакс новыми сведениями.

Та вручила книгу Мелу Куперу, сказав, что, по убеждению Джоргенсена, в ней спрятано какое-то следящее устройство.

– Следящее устройство? – презрительно скривился Райм. – Да он просто насмотрелся фильмов Оливера Стоуна! Ладно, ищите, если хочется, но не переставайте отрабатывать реальные зацепки!

Телефонные переговоры Сакс с несколькими полицейскими участками, в разное время занимавшимися делами Джоргенсена, не принесли ощутимых результатов. Там не отрицали того, что действительно имело место незаконное использование личных учетных данных гражданина.

– Но, – возразил один коп из Флориды, – вы хоть представляете, сколько сейчас такого творится? Стоит нам засечь липовый домашний адрес и нагрянуть туда с обыском – глядь, а там пусто! Они уже слиняли в Техас или Монтану, прихватив с собой весь товар, оплаченный со счета жертвы подставы!

В большинстве полицейских участков слышали про Джоргенсена («Это тот, что жалобы на всех пишет?») и в целом относились к нему с сочувствием. Однако никто из коллег-детективов не располагал сведениями об одном или нескольких преступниках, совершивших против него незаконные действия. Впрочем, даже если бы они и хотели разобраться с его делами, у них просто не было на это времени. «У нас тут столько всякого дерьма накопилось, что, добавь нам в помощь еще сотню агентов, все равно не разгрести!»

Сакс положила трубку, не выведав ничего нового. Поскольку «5-22» знал адрес Джоргенсена, она велела гостиничному портье немедленно известить ее, если кто-нибудь будет звонить или спрашивать в отеле об их постояльце. Сакс рассказала Райму, как заставила портье согласиться на сотрудничество, пригрозив в случае отказа натравить на их заведение городскую строительную инспекцию.

– Молодец, – похвалил Райм. – А ты уверена, что у них были нарушения?

– Судя по скорости, с которой он согласился, так оно и есть. – Сакс приблизилась к доске с перечнем вещдоков, принесенных Роном Пуласки из лофта в районе Сохо, и принялась изучать его.

– Ну, какие соображения, Амелия? – спросил Селлитто.

Пальцы Сакс нервно впивались ногтями в ладони, пока она рассматривала накопленные к этому времени разрозненные сведения, пытаясь привести их к общему знаменателю.

– Как он раздобыл вот это? – Сакс подняла прозрачный файл с распечатанным на принтере портретом Майры Уэйнберг. Ее красивое веселое лицо улыбалось прямо в объектив фотокамеры. – Надо бы выяснить.

А ведь она права. Райм с самого начала решил, что «5-22» просто скопировал фотку с какого-то веб-сайта, на том и успокоился. В качестве вещественного доказательства для него больший интерес представляла бумага, на которой напечатан портрет.

На снимке Майра Уэйнберг стояла возле цветущего дерева и держала в руке бокал для мартини с напитком розового цвета. На лице ее играла улыбка.

Райм заметил, что Пуласки тоже уставился на портрет, и глаза его опять погрустнели.

Дело в том… она чем-то напомнила мне Дженни.

Портрет очерчивала своеобразная рамка, а справа по самому краю бумажного листа выстроились начальные штрихи каких-то букв.

– «5-22» целенаправленно сделал распечатку с онлайна, желая убедить нас, будто Делеон Уильямс отслеживал свою жертву в Интернете.

– А нельзя ли засечь его через сайт, на который он заходил? Как бы нам узнать, где «5-22» раздобыл этот снимок?

– Запусти ее имя и фамилию в «Гугл», – предложил Райм.

Купер так и сделал, получив в ответ с дюжину сайтов со словами «Майра Уэйнберг». Те из них, что относились к имени жертвы, принадлежали профессиональным организациям, но ни на одном не оказалось фотографии, распечатанной убийцей.

– У меня появилась идея, – оживилась Сакс. – Позвоню-ка я своему эксперту по компьютерам.

– Это кому же – тому парню из отдела компьютерных преступлений? – спросил Селлитто.

– Нет, я знаю специалиста получше, чем он!

Она взяла телефон и набрала номер.

– Привет, Памми! Ты где?.. А, хорошо. Для тебя есть задание. Заходи на веб-чат, а разговаривать будем по громкой связи. – Сакс обернулась к Куперу: – Мел, включи, пожалуйста, веб-кам.

Тот пробежал пальцами по клавиатуре, входя в нужную программу, и мгновением позже экран монитора заполнила картинка комнаты Пам в доме ее приемных родителей в Бруклине. Потом появилась сама девочка, расположившаяся за компьютером. Ее красивое лицо слегка искажали линзы широкоформатного объектива камеры.

– Привет, Пам.

– Здрасьте, мистер Купер, – ответил из динамика звонкий голос.

– Дальше я сама, – сказала Сакс и заняла место Купера в кресле перед компьютером. – Милая, у нас есть фотография, предположительно из Интернета. Не могла бы ты взглянуть и определить, если получится, ее происхождение?

– Хорошо.

Сакс подняла перед собой листок с портретом.

– Отсвечивает. Ты не могла бы вытащить бумагу из файла?

Амелия натянула на руки резиновые перчатки, аккуратно извлекла листок и опять поднесла к объективу камеры.

– Вот теперь все видно. Ну конечно, это из «Нашего мира».

– А что это?

– Ну знаешь, такой социально-сетевой сайт, для общения. Наподобие «Книги лиц» или «Моего пространства». Его открыли совсем недавно и моментально раскрутили. На него теперь все так и рвутся.

– Райм, ты знаешь о них? – спросила Сакс.

Криминалист утвердительно кивнул. По удивительному совпадению как раз об этом варианте он недавно размышлял, прочитав в «Нью-Йорк таймс» статью о сетевых сайтах и виртуальных мирах вроде «Второй жизни». Райм с удивлением узнал, что его соотечественники проводят меньше времени в реальном мире и все чаще пропадают в виртуальных, компьютерных, – аватарах, социальных сетях, телеиграх... Оказывается, сегодня американские подростки бывают на улице реже, чем это когда-либо было за всю историю США. Как ни странно, сам Райм вопреки общей тенденции и благодаря постоянным упражнениям,

улучшающим его физическое и моральное состояние, сокращал продолжительность своих сеансов за компьютером и старался не упускать возможности выбраться на воздух. Для него разделительная черта между жизнью инвалида и полноценного человека постепенно стиралась.

Сакс опять обратилась к Пам:

– Ты уверена, что это с того сайта?

– Ага. Это у них такая особенная рамка. Если приглядитесь, это даже не полоска, а цепочка крошечных шариков, типа глобусов.

Райм прищурился. Да, рамка полностью соответствовала описанию девочки. Он задумался, вспоминая, что писали в газетной статье о «Нашем мире».

– Хелло, Пам… Так, говоришь, у этого сайта много подписчиков?

– Ой, здрасьте, мистер Райм. Ага, много. Порядка тридцати-сорока миллионов. На чьем *релме* размещена эта фотка?

– Релм? – переспросила Сакс.

– Ну да, так называется страничка подписчика – релм, то есть его собственная территория, королевство. А кто эта женщина?

– К сожалению, ее сегодня убили, – невозмутимо пояснила Сакс. – Я тебе рассказывала об этом деле.

Райм не осмелился бы в беседе с подростком упомянуть об убийстве. Но разговор затеяла Сакс – ей и решать, стоит ли посвящать Пам в жестокие подробности или лучше о них умолчать.

– Мне очень жаль, – сочувственно отреагировала Пам, ничуть не смущенная и не испуганная.

Райм спросил:

– Пам, может ли постороннее лицо зарегистрироваться на сайте и войти в чужой релм?

– Вообще-то сначала надо подписаться. Но если вы не собираетесь размещать никаких посланий или открывать собственный релм, а так, хотите полюбопытствовать, можете просто влезть в программу.

– Значит, резонно предположить, что человек, распечатавший эту фотографию, разбирается в компьютерах?

– Да, пожалуй… Вряд ли это сделал чайник. Только он ее не распечатал.

– Как так?

– Нельзя просто взять, что хочешь, и распечатать или скачать, даже с помощью клавиши «печать с экрана». Система оснащена специальной программой-фильтром – знаете, чтобы неповадно было всяким приставалам. Похожие фильтры устанавливаются в Интернете для защиты от скачивания литературных текстов, охраняемых авторским правом. Такую программу не взломаешь.

– Тогда как же он раздобыл эту фотографию? – недоуменно спросил Райм.

Пам рассмеялась.

– Возможно, он поступил так же, как мы с девчонками в школе, когда нам хочется заиметь фотку симпатичного парня или какой-нибудь цыпы в прикольном готском прикиде. Мы просто переснимаем ее с экрана на цифровую камеру. У нас все так делают.

– Ну конечно! – воскликнул Райм, изумленно пожимая плечами. – А мне это и в голову не пришло.

– Не огорчайтесь, мистер Райм, – успокоила его девочка. – Очевидное очень часто ускользает от внимания многих людей.

Сакс бросила на Райма настороженный взгляд, но тот только улыбнулся снисходительному тону ее подопечной.

– О'кей, Пам, спасибо. До встречи.

– Пока!

– Что ж, давайте обновим описание нашего приятеля.

Сакс взяла в руку маркер и подошла к белой пластиковой доске.

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОСТИ НЕИЗВЕСТНОГО «5-22»

• Мужчина.

• Предположительно курит либо живет/работает по соседству с курильщиком или с местом, где употребляют/хранят табачные изделия.

• Имеет детей либо живет/работает по соседству с ними или с местом, где есть игрушки.

• Интересуется искусством, нумизматикой?

• Предположительно белый либо светлокожий цветной.

• Нормального телосложения.

• Физически сильный – способен задушить жертву.

• Имеет доступ к устройству, маскирующему голос в микрофоне.

• Вероятно, знаком с компьютерами; пользуется сайтом «Наш мир» и другими социальными сайтами?

• Отрезает от жертв «сувениры» на память. Садист?

• Часть жилого/рабочего помещения темная и сырая.

НЕСФАБРИКОВАННЫЕ ВЕЩДОКИ

• Пыль.

• Частицы старого картона.

• Кукольный волос из нейлона 6, BASF-B35.

• Табак от сигареты марки «Тейритон».

• Старый табак, марка сигарет не идентифицирована, но не «Тейритон».

• Следы плесени Stachybotrys Chartarum.

Райм внимательно изучал перечисленные детали, как вдруг услышал смех Мела Купера.

– Вот это да!

– В чем дело?

– Любопытно!

– Что значит «любопытно»? Нельзя ли поконкретнее? Мне нужны факты!

– Все равно любопытно. – Лаборант светил ярким лучиком фонарика в растерзанное чрево книги Роберта Джоргенсена. – Вы считали, что

болтовня доктора про следящие устройства – признак его нервно-психического расстройства? Так вот, может, конечно, Оливер Стоун снимает здесь свой новый фильм, но старик не ошибся: в корешок действительно что-то вклеено!

– Не может быть! – изумленно вскинула голову Сакс. – А мне показалось, у него крыша течет…

– Дай посмотреть! – нетерпеливо проговорил Райм, на короткое время позабыв про свой скептицизм.

Купер придвинул поближе к лабораторному столу складной штатив с маленькой камерой, имеющей высокую разрешающую способность, и направил на книгу инфракрасный свет. На экране появилось изображение спрятанного под отрезком липкой ленты прямоугольничка из пересекающихся полосок.

– А ну-ка вытащи его, – велел Райм.

Осторожно поддев острием ножа краешек ленты, Купер извлек кусочек пластифицированной бумаги длиной в дюйм с нанесенными на ней схемой наподобие печатной платы, а также рядом цифр и названием фирмы-производителя – «ДМС, инк.».

Селлитто спросил:

– Что за чертовщина? И правда, что ли, устройство для слежки?

Купер ответил:

– Непонятно, однако, каким образом она может проводиться. Я не вижу ни батареек, ни иного источника питания.

– Мел, пробей-ка фирму.

Недолгий поиск по базе данных выявил, что полное название компании – «Дейта менеджмент системс, инкорпорейтед», расположена она в предместье Бостона, а одно из ее подразделений занимается производством тех самых мелких деталек, известных как радиочастотные идентификаторы, или арфиды.

– Я про них слышал, – сказал Пуласки. – На Си-эн-эн была передача.

– О да, это признанный источник криминалистических знаний, – саркастично заметил Райм.

– Нет, признанный источник – Си-эс-ай, – невпопад пошутил Селлитто, упомянув название популярного телесериала о работе полицейских и криминалистов и вызвав тем самым очередной смешок у молодого коллеги.

– А как действуют арфиды? – спросила Сакс.

– О, это любопытно!

– Любопытно, и только-то?

– Вообще арфид представляет собой программируемый чип. Информацию с него можно считывать радиосканером. Он не нуждается в источнике питания, поскольку получает достаточное для работы количество энергии вместе с радиоволнами, улавливаемыми антенной.

– Джоргенсен говорил, что, если сломать антенну, они выходят из строя, – вспомнила Сакс. – И что некоторые арфиды можно уничтожить в микроволновой печи. Правда, этого, – она кивнула на картонный квадратик, – умертвить не удалось. По словам самого Джоргенсена.

Купер продолжил:

– Арфиды используются для инвентаризационного контроля в производстве и розничной торговле. В ближайшие годы почти все товары, продаваемые на территории США, будут снабжены радиочастотными идентификаторами. Некоторые крупные розничные сети уже теперь загодя вносят установку арфидов в число необходимых требований к каждому новому ассортименту, прежде чем выставлять его на продажу.

Сакс рассмеялась:

– То же самое мне говорил Джоргенсен. Наверное, я все-таки преувеличивала, оценивая степень его паранойи наравне с содержанием «Нэшнл энкуайрер».

– Так это относится ко всем товарам? – переспросил Райм.

– Ну да. Это дает более полную информацию о том, где находится определенный товар, каково его количество, какие изделия реализуются быстрее, когда надо пополнить прилавок или убрать лишнее. Арфиды также помогают авиакомпаниям сортировать багаж – пропадает необходимость вручную сканировать штрих-код на каждой сумке. А еще их применяют в кредитках, водительских и служебных удостоверениях. Такие карточки называют «смарт-карты».

– Джоргенсен попросил у меня удостоверение и долго, внимательно разглядывал его. Может, он искал как раз эту липучку?

– Арфиды уже повсюду, – продолжая Купер. – На дисконтных картах супермаркетов, на бонусных карточках авиакомпаний, на «радиокошельках» для проезда по платным дорогам.

Сакс кивнула головой на доски с перечнями вещдоков:

– Райм, а теперь сопоставь со всем этим вот что. Джоргенсен говорил о незнакомце, называя его Богом, знающим о нем все, действовавшим под его обличьем, делавшим покупки на его имя, бравшим ссуды, пользовавшимся его кредитными картами и ни на день не выпускавшим его из виду.

Райм ощутил азарт охотника, напавшего на след зверя.

– И «5-22» знал о своих жертвах достаточно, чтобы подобраться к ним вплотную, напасть на них с тыла так, чтобы исключить возможность защиты от подобной агрессии. Он был хорошо осведомлен о кандидатах в подставные лица, а потому мог подбрасывать им ложные улики, аналогичные их собственным вещам, хранящимся дома.

– А еще, – добавил Селлитто, – ему было точно известно их местонахождение во время совершения преступления, что помогало оставлять их без алиби.

Сакс задумчиво посмотрела на маленький, невзрачный чип.

– Джоргенсен сказал, что неприятности в его жизни начались сразу после того, как он купил эту книгу.

– А где он ее купил? Мел, посмотри-ка, может, остался чек или наклейка с ценником?

– Нет ничего. Если и были стикеры, он их срезал.

– Сакс, позвони Джоргенсену. Надо пригласить его сюда.

Амелия набрала на своем мобильнике номер меблированных комнат, где вот только что разговаривала с Джоргенсеном. Нахмурившись, она выслушала ответ портье на заданный вопрос, потом, сказав лишь «уже», выключила связь.

Похоже, не срослось, подумал Райм.

– Выехал, – объявила Сакс. – Но я, кажется, знаю, куда он направился.

Она извлекла бумажный квадратик, снова набрала номер, однако очень скоро закончила беседу и тяжело вздохнула. В другой гостинице Джоргенсена тоже не было; он даже не позвонил, чтоб зарезервировать комнату.

– У тебя есть номер его сотового?

– Джоргенсен не пользуется сотовым. Он не доверяет мобильной связи. Но у него есть моя визитка. Если повезет, он сам позвонит.

Сакс склонилась над крошечным чипом.

– Мел, удали ты к чертям эту антенну!

– Что?

– Джоргенсен сказал, что с этой книгой зараза передалась и нам. Удали антенну!

Купер пожал плечами и вопросительно посмотрел на Райма. У того на лице было написано, мол, Сакс мелет чепуху, однако она стояла на своем.

– Давай, Мел, чего ждешь? Просто сделай пометку в передаточном формуляре: «улика обезврежена».

Будто речь шла о бомбе или другом смертоносном устройстве.

К этому моменту Райм потерял к арфиду всякий интерес.

– Значит, так, – произнес он, обращаясь ко всем присутствующим. – Раз Джоргенсен для нас пока недоступен, давайте порассуждаем… Ну-ну, просыпайтесь! Включайте мозги! Нужны свежие идеи. У нас есть убийца, способный разнюхать все, что ему нужно, о тех, кто его интересует. Как он этого добивается? Ему становились известны любые покупки подставляемых им людей – рыболовная леска, кухонные ножи, крем для бритья, удобрение, презервативы, клейкая лента, веревка, пиво. На его счету четыре убийства и четыре несправедливо обвиненных человека – по меньшей мере! Не ходил же он за каждым по пятам, не вламывался в их дома!

– Может, он работает в каком-нибудь универмаге с дисконтной системой платежей, – предположил Купер.

– Часть вещдоков из списка Делеона Уильямса приобретена в «Хоум-депо», а там не торгуют презервативами и съестным.

– А что, если «5-22» – служащий кредитной компании? – выдвинул свою идею Пуласки. – Он может отслеживать, за какие покупки клиенты расплачиваются кредитками.

– Неплохо, сынок, только жертвы наверняка иногда выкладывали и наличные.

Ко всеобщему удивлению, в обсуждение включился и Том. Он пошарил в кармане брюк и вытащил связку ключей. От нее тянулась цепочка с двумя небольшими пластиковыми карточками.

– Мел упомянул тут дисконтные карты.

Том выставил на всеобщее обозрение свою коллекцию: одна для Эй-энд-пи, другая для «Эмпориум фуд».

– Система считывает мою карточку, и я получаю скидку. Даже если я плачу наличными, магазин знает, что я купил.

– Хорошо, – похвалил Райм. – Только куда нас это ведет? Перед нами по-прежнему несколько торговых точек, в которых отоваривались жертвы убийств и подстав.

– Ой!

Райм покосился на Сакс, уставившуюся с призрачной улыбкой на доску с перечнем вещдоков.

– Кажется, я поняла!

– Так-так, – заинтересованно произнес Райм в ожидании образцового применения методики научной криминалистики.

– Обувь! – выпалила Сакс. – Вот где собака зарыта!

Глава пятнадцатая

– Дело не в том, что оборотень знал, какие вообще вещи покупали убитые и оклеветанные им люди, – излагала свою теорию Сакс. – Важно, что ему были известны конкретные личные данные каждого из них. Взять три наших дела – Майры Уэйнберг, двоюродного брата Райма и похищение монет. «5-22» знал не только, какую модель обуви носят подставы. Он знал размер ноги!

Обдумав это, Райм предложил:

– Хорошо, давайте выясним, где Артур и Делеон Уильямс покупали себе обувь.

После недолгих переговоров по телефону с Джуди Райм и Уильямсом выяснилось, что в обоих случаях обувь заказывали и получали по почте напрямую от компаний-производителей, только один – из каталога, а другой – с веб-сайта.

– Ладно, – резюмировал Райм, – бросим монетку и позвоним в одну из компаний – разберемся, как работает обувной бизнес.

Жребий пал на «Шур-трэк». Еще каких-то четыре телефонных звонка, и удалось связаться с самим президентом и генеральным директором компании в одном лице, ни больше ни меньше.

В трубке слышался отдаленный плеск воды и детский смех.

– Преступление? – недоверчиво переспросил собеседник.

– Нет-нет, непосредственно с вами оно никак не связано, – поспешил заверить его Райм. – Просто одно из ваших изделий попало в число вещественных доказательств.

– Надеюсь, больше никто не пытался пронести в самолет бомбу, спрятанную в ботинке? – произнес мужчина приглушенным голосом, как будто даже упоминание об этом инциденте представляло угрозу национальной безопасности.

Райм пояснил суть дела: преступник располагал подробной информацией о своих жертвах, включая размер «шур-трэковских» кроссовок, туфлей «Олтон» Артура и «басс-уокеров» последнего из трех подставленных им.

– Вы реализуете свою продукцию через розничные магазины?

– Нет, только через Интернет.

– Вы с кем-нибудь делитесь информацией о своих клиентах? С конкурентами, например?

Замешательство.

– Вы слышали вопрос? – поторопил его Райм.

– О нет, нам нельзя делиться информацией. Это нарушение антитрестовского законодательства.

– Хорошо, как, по вашему мнению, кто-то может получить информацию о покупателях вашей обуви?

– Знаете, мне сложно об этом говорить.

Райм поморщился.

В разговор вмешалась Сакс:

– Сэр, мы ищем убийцу и насильника. Нам могут помочь любые ваши соображения относительно того, каким образом ему удалось получить информацию о клиенте компании «Шур-трэк»!

– Вообще-то я не знаю…

– Тогда мы явимся на вашу долбаную фирму с ордером на обыск и распотрошим всю коммерческую корреспонденцию! – рявкнул Лон Селлитто.

Райм предпочитал вести дела более деликатными способами, однако в данном конкретном случае лобовая атака мгновенно принесла требуемый результат. Мужчина выпалил испуганной скороговоркой:

– Постойте, постойте! Кажется, я догадываюсь, откуда могла произойти утечка информации!

– Ну и откуда? – снова рявкнул Селлитто.

– Может быть, он… В общем, если ваш преступник располагал информацией из разных компаний, то, возможно, он получал ее от дейта-майнера.

– Это еще что такое! – с недоумением воскликнул Райм.

Вновь последовало молчание, только на этот раз, вероятно, обусловленное удивлением.

– Так вы не слышали о дейта-майнинге?

Райм, явно выражая нетерпение, закатил глаза.

– Нет. Что это значит?

– Бизнес, построенный на электронном сборе и накоплении данных о населении. Дейта-майнеры – это фирмы по оказанию информационных услуг. Они добывают сведения о потребителях, об их покупках, недвижимости, машинах, хронологии банковских кредитов – короче,

разведывают всю подноготную, анализируют ее и продают коммерческим компаниям, отслеживающим рыночные тенденции и стремящимся привлечь новых клиентов, а также правильно сориентировать рассылку рекламы по почте и грамотно спланировать рекламную кампанию. Ну, вы понимаете…

Всю подноготную…

«Возможно, мы на верном пути», – подумал Райм.

– Скажите, а дейта-майнеры имеют доступ к информации с радиочастотных идентификационных чипов?

– Конечно, имеют. Это один из величайших источников личных учетных данных.

– С каким дейта-майнером сотрудничает ваша компания?

– Н-ну, не знаю… У нас есть несколько партнеров… – заюлил президент.

– Нам действительно очень важно это знать, – проникновенно сказала Сакс, изображая «хорошего» копа в противовес «плохому» в столь убедительном исполнении Селлитто. – Мы не хотим, чтобы опять пострадали ни в чем не повинные люди. Тот человек чрезвычайно опасен.

Глубокий вздох указывал на то, что собеседника раздирают противоречивые чувства.

– Ну пожалуй, не ошибусь, если назову нашим главным партнером компанию «ССД». Это очень солидная организация. Просто невозможно, чтобы кто-то из ее структуры имел отношение к преступлению. Вы только даром потеряете время. Там работают величайшие профессионалы. Кроме того, у них есть охрана, у них…

– Где находится эта компания? – прервала его Сакс.

И вновь неуверенное молчание. «Ну же, черт тебя побери!» – мысленно выругался Райм.

– В Нью-Йорк-Сити.

В том же районе, где развернул свою деятельность «5-22». Райм и Сакс многозначительно переглянулись. Криминалист даже улыбнулся – становилось все теплее.

– А есть по соседству другие дейта-майнеры?

– Хм-м… нет. Такие же крупные, как «ССД» – «Аксиом», «Экспириан» и «Чойспойнт», – находятся за пределами Нью-Йорка. Но поверьте, не может быть, чтобы кто-нибудь из «ССД» оказался вовлеченным в преступление. Клянусь вам!

– Как расшифровывается аббревиатура «ССД»? – спросил Райм.

– «Стратиджик системс дейтакорп».

– С кем лично в этой фирме вы ведете дела?

– Лично ни с кем! – быстро последовал ответ. Пожалуй, слишком быстро.

– Не понял?

– У них есть торговые представители, сотрудничающие с нами. Я сейчас не припомню фамилии… Мне надо заглянуть в записи.

– Кто руководит этой компанией?

И снова молчание.

– Его зовут Эндрю Стерлинг. Он основатель и генеральный управляющий «ССД». Послушайте, я даю вам гарантию, что никто на этой фирме никогда не совершит ничего противозаконного. Это просто невозможно!

И тут до Райма дошло: да их собеседник здорово напуган! Но не тем, что его допрашивает полиция. Он боялся «ССД»!

– Что вас тревожит?

– Нет, просто… – Президент запнулся, потом заговорил, доверительно понизив голос: – Без них мы просто не сможем существовать. У нас с ними… настоящее партнерство.

Хотя, судя по его тону, словосочетание «настоящее партнерство» на самом деле означало «жесткую зависимость».

– Мы сохраним наш разговор втайне, – пообещала Сакс.

– Спасибо! Очень вам признателен! Спасибо! – с явным облегчением воскликнул тот.

Сакс вежливо поблагодарила президента фирмы «Шур-трэк» за сотрудничество, чем вызвала презрительную гримасу на лице Лона Селлитто.

Райм скомандовал отбой связи.

– Ну, кто что слышал о дейта-майнинге?

Том ответил первым:

– Ничего не знаю насчет «ССД», но дейта-майнинг называют бизнесом двадцать первого века!

Райм бросил взгляд на доску с перечнем вещдоков.

– Значит, если «5-22» работает в «ССД» или является их клиентом, он может иметь доступ к информации о том, кто и когда приобрел крем для бритья, веревку, презервативы, леску, – то есть в его распоряжении имеются все лжеулики.

Тут его озарила еще одна догадка.

– Директор обувной компании сказал, что «ССД» продает сведения, используемые при составлении списков адресов для рассылки рекламных листков. Помните, Артур получал по почте извещения о выставках картин Прескотта? «5-22» мог узнать о его увлечении этим художником из списка адресатов. Возможно, Элис Сандерсон тоже значилась в таком списке.

– Да, и взгляните на снимки с мест преступлений!

Сакс подошла к белой пластиковой доске с приколотыми на ней фотографиями, иллюстрирующими дело о краже монет; на них отчетливо виднелись почтовые рекламные листки, разбросанные на столе и по полу.

– Сэр, разрешите? – вызвался поделиться своими соображениями Пуласки. – Детектив Купер упомянул «радиокошельки» для проезда по платным дорогам. Если «ССД» обрабатывает их данные тоже, значит, убийца мог точно знать, когда ваш брат находился в городе и в котором часу поехал домой.

– Вот черт! – выдохнул Селлитто. – Если это так, то наш оборотень прямо-таки напал на золотую жилу наводок и подстав.

– Мел, узнай-ка поподробнее о дейта-майнинге. Посмотри, что об этом пишут в «Гугле». И проверь, нет ли в Нью-Йорке другой компании наподобие «ССД».

Купер нажал несколько клавиш и доложил:

– Хм-м… На запрос «дейта-майнинг» «Гугл» выдал около двадцати миллионов статей!

– Двадцать миллионов?!

В течение следующего часа Куперу все же удалось сократить список передовых американских дейта-майнеров до полудюжины. Он скачал сотни страниц информации с их сайтов и других источников. Сопоставив списки клиентов различных дейта-майнеров с предметами, использованными подозреваемым «5-22» в качестве лжесвидетельств, детективы пришли к выводу, что, вероятнее всего, он получил нужную ему информацию именно из «Стратиджик системс дейтакорп» – единственного обработчика данных в Нью-Йорке и его окрестностях.

– Если хотите, – предложил Купер, – могу скачать текст их рекламной брошюры.

– О да, Мел, именно это мы и хотим. Сделай одолжение.

Сакс присела рядом с Раймом, и у них на глазах на экране открылся сайт «ССД», увенчанный логотипом компании: изображением сторожевой башни, из окошка которой расходятся лучики света.

«СТРАТИДЖИК СИСТЕМС ДЕЙТАКОРП»
Мы открываем для вас новые возможности™
ССД®

«Знание – сила»… Информация – это самый ценный товар двадцать первого столетия, а «ССД» – лидер номер один в применении знаний для формирования вашей стратегии, выбора новых целей и оказания помощи в разработке решений, позволяющих вам преодолевать бесчисленные препятствия, то и дело возникающие у вас на пути в сложных условиях современной действительности. Имея более четырех тысяч клиентов в США и других странах, «ССД» становится непревзойденным провайдером информационных услуг мирового уровня.

БАЗА ДАННЫХ

innerCircle® – по объему это величайшая в мире частная база данных с ключевой информацией о 280 миллионах американцев и 130 миллионах

граждан других стран. innerCircle© функционирует в нашей запатентованной программной сети, основанной на принципе параллельных информационных массивов (MPCAN®), самой мощной из когда-либо созданных коммерческих компьютерных систем.

innerCircle® имеет память объемом более 500 петабайтов, вмещающую триллионы страниц текста; по нашим расчетам, мощность системы скоро увеличится до одного эксабайта (при этом, чтобы создать электронный архив всех слов, произнесенных каждым человеком с начала исторического периода, достаточно памяти в пять эксабайтов!).

Мы располагаем неисчерпаемым источником полезной информации. Это прежде всего: телефоны, адреса, данные о регистрации транспортных средств, выдаче лицензий и сертификатов, хронологии покупок, эволюции вкусов и предпочтений, маршрутах поездок и пунктах назначения, об административном учете и актуальной статистике, взятых кредитах, полученных доходах и еще о многом, многом другом. Мы передадим вам эти сведения из рук в руки со скоростью света в удобной для вас форме, полностью готовыми к использованию, приспособленными к вашим специфическим потребностям.

Каждый день innerCircle® пополняется сотнями тысяч новых записей и статей.

РАБОЧИЕ ПРОГРАММЫ

• Watchtower DBM® является самой совершенной на сегодняшний день программой управления базой данных и вашим партнером в стратегическом планировании. В любое время суток, без перерывов и выходных Watchtower® поможет вам определить первоочередные цели, обеспечит наиболее значимой информацией из innerCircle® и с быстротой молнии доставит с наших сверхнадежных серверов прямо на ваш письменный стол наиболее оптимальный стратегический план. Watchtower® полностью соответствует высоким стандартам, достигнутым благодаря ранее применявшейся программе SQL, при этом превосходя ее по многим параметрам.

• Xpectation® – программа, предсказывающая поведение человека. Она создана на основе новейших достижений в области искусственного интеллекта и технологии моделирования. Товаропроизводители, поставщики услуг, оптовые и розничные торговцы! Вы желаете знать, в каком направлении будет развиваться рынок и чем могут заинтересоваться в будущем потребители вашей продукции? В таком случае это предложение обращено именно к вам. Правоохранительные органы, вам тоже стоит взять себе на заметку: Xpectation® позволяет вычислить, где, когда и, самое главное, кем, вероятнее всего, будет совершено очередное преступление.

• FORT® (программа обнаружения скрытых связей) – уникальный инновационный инструмент поиска среди миллионов факсов, не имеющих, казалось бы, ничего общего, взаимозависимостей, не поддающихся выявлению силой только лишь человеческого интеллекта. Будь вы руководитель коммерческой компании, желающий знать больше о конъюнктуре рынка и ваших конкурентах, или следователь правоохранительной организации, столкнувшийся со сложной криминальной ситуацией, FORT® укажет вам путь к решению такого рода проблем!

• ConsumerChoice® – это мониторинговая программа и средства ее технического обеспечения, позволяющие с высокой точностью отслеживать реакцию потребителей на рекламную или маркетинговую кампанию и процесс продвижения на рынок нового продукта. Забудьте о субъективных оценках фокус-групп! Отныне посредством биометрического мониторинга вы сможете получать и анализировать информацию об истинном восприятии вашего коммерческого предложения отдельными индивидуумами, причем тем будет неведомо то, что за ними наблюдают!

• Hub Overvue® – программа сведения информации воедино. Этот простой в применении инструмент способен контролировать все базы данных в вашей организации, а при обеспечении определенных условий и деятельность других компаний.

• SafeGard® – охранно-идентификационная система и средства ее обслуживания. Если вы опасаетесь угроз террористов, похищений

руководителей компании, желаете уберечься от промышленного шпионажа или кражи со стороны недобросовестных работников и клиентов, то знайте, SafeGard® обеспечит надежную защиту вашего предприятия и вы сможете спокойно заниматься своим основным бизнесом. В систему входит программа сбора, накопления и проверки биографических данных, а также услуги ведущих международных охранных фирм, специализирующихся на обеспечении территориальной и физической безопасности, сотрудничающих с корпоративными и государственными заказчиками по всему миру. Отдел SafeGard® «ССД» имеет в своем распоряжении самое передовое электронное биометрическое оборудование Bio-Chek®.

• NanoCure® – программа медицинского обслуживания и научных исследований в области здравоохранения. Добро пожаловать в мир микробиологических интеллектуальных систем диагностики и лечения болезней. Наши нанотехнологи в сотрудничестве с учеными-медиками и практикующими врачами разрабатывают решения наболевших проблем со здоровьем, подстерегающих современного человека на каждом шагу. Отдел NanoCure® делает все – от мониторинга генетических процессов до создания впрыскиваемых нанозондов – в целях оздоровления общества и избавления его от смертельных заболеваний, считавшихся до того неизлечимыми.

• On-Trial® – это системы и услуги юридической и судебно-процессуальной поддержки по широкому спектру вопросов – от гражданской ответственности до антитрестовского законодательства. On-Trial® максимально повышает эффективность делопроизводства, управляемость свидетельской и вещественно-доказательственной базой.

• PublicSure® – программа категории Ти-эйч-и, предусматривающая оказание помощи правоохранительным органам путем обобщения, унификации и автоматизации пользования сведениями криминального и смежных с ним учетов, хранящимися в базах данных муниципалитетов, штатов, федерального и международного уровня. Результаты поиска в системе PublicSure® могут быть приняты на компьютеры, установленные в полицейских участках и патрульных машинах, на ПЦС или сотовые телефоны в течение считанных секунд после запроса, тем самым способствуя скорейшему завершению расследования, повышению бдительности и защищенности оперативных сотрудников.

• EduServe® – программа и услуги поддержки системы школьного образования. Для здорового и процветающего общества жизненно важное значение имеет правильное обучение детей. EduServe® помогает школьным советам и преподавателям от подготовительных до выпускных классов самым эффективным образом задействовать все имеющиеся у них ресурсы и предлагает свои услуги с гарантией лучшего качества образования, полученного школьниками на каждый инвестированный в сферу просвещения доллар налогоплательщиков.

Райм рассмеялся, не веря своим глазам.

– Ну, если «5-22» имеет доступ ко всей этой информации… тогда он действительно всезнающий.

И тут ко всем обратился Мел Купер:

– О'кей, вы только послушайте! Я стал просматривать список компаний в собственности «ССД». Угадайте, что я нашел?

Райм ответил:

– Попробую и назову только эти чертовы инициалы, если я их правильно запомнил, – ДМС! Верно?

– Точно! Угадали!

На несколько мгновений в лаборатории воцарилась мертвая тишина. Райм обратил внимание на то, что взоры его коллег были прикованы к лучезарному окошку логотипа «ССД» на экране монитора.

Первым очнулся Селлитто.

– Ну и что дальше? – проговорил он, переводя взгляд на доску со списком вещдоков.

– Установим слежку? – предложил Пуласки.

– В этом есть резон, – согласился Селлитто. – Я позвоню в службу наружного наблюдения, пусть выделят пару-тройку бригад.

Райм снисходительно скривился.

– Наблюдение за фирмой, на которой работают… Сколько? С тысячу сотрудников? – Он покачал головой и добавил: – Лон, ты слышал про бритву Оккамы?

– Какого еще, к чертям, Оккамы? Он что – парикмахер?

– Нет, философ. Бритва – это метафора. Ею следует удалять ненужные толкования изучаемого явления. Из теории Оккамы следует, что из множества возможных объяснений верным почти всегда является простейшее.

– Ну так поделись своей «простой» теорией, Райм!

Еще раз взглянув на заставку рекламного сайта, криминалист ответил Амелии Сакс:

– Думаю, хорошо бы тебе и Пуласки завтра утром наведаться в «ССД».

– И чем нам там заняться?

Райм пожал плечами:

– Просто спросите, нет ли среди их сотрудников убийцы.

Глава шестнадцатая

Наконец-то я дома!

Закрываю за собой дверь.

И запираю за ней весь мир.

Вдыхаю полной грудью и медленно делаю полный выдох, потом кладу рюкзак на диван, прохожу на сверкающую чистотой кухню и выпиваю стакан воды. Обойдусь пока без стимуляторов.

Опять эта нервозность…

Хороший у меня дом. Довоенной постройки, огромный. Такой и должен быть при моем-то образе жизни и с моими коллекциями. Не сразу я обрел его. Да, не так-то просто сыскать идеальное жилище. Здесь я почти незаметен. В Нью-Йорке до неприличия легко оставаться неузнаваемым. Ведь действительно чудесный город! Тут ничего не надо делать, чтобы жить невидимкой. Достаточно просто не пользоваться «сетями», то есть не светиться в интернет-шопах, не расплачиваться кредитками и «радиокошельками» – короче, держаться подальше от предательских чипов. В этом городе нужно драться, чтобы на тебя обратили внимание. Многие *пронумерованные* так и поступают. Ну да что говорить, дураков на свете всегда хоть отбавляй.

Однако стоп – условности тоже надо соблюдать. Передние комнаты моего жилища обставлены просто и со вкусом (спасибо, Скандинавия!). Я не часто общаюсь здесь с *пронумерованными,* но содержу общепринятый фасад, чтобы внешне выглядеть заурядно. Приходится подстраиваться под реальный мир. Иначе у *пронумерованных* начнут закрадываться сомнения – что-то у него непонятное творится, не завелся ли черт в тихом омуте.

А там уж один шаг до того, что кто-нибудь припрется в дом, заглянет в «кладовую» – и прости-прощай все мои сокровища, нажитые непосильным трудом.

Прощай все!

Для меня потеря моих коллекций страшнее смерти.

Поэтому никак нельзя допустить, чтобы о существовании «кладовой» пронюхали посторонние, а сокровища должны быть спрятаны от любопытных глаз за оконными шторами и жалюзи. Зато для них широко открыта моя другая жизнь, будто освещенная солнцем луна. Чтобы оставаться вне сетей, лучше иметь запасное жизненное пространство. Поступайте, как я, – сохраняйте ухоженный и стерильный, модный нынче внешний лоск датского производства, пусть даже он действует вам на нервы, как скрип гвоздя по стеклу.

И тогда у вас будет нормальный дом. Как у всех.

Ведите себя любезно с коллегами и знакомыми. Как все.

Иногда встречайтесь с женщиной и по взаимному согласию приводите ее на ночь к себе домой.

Потому что так поступают все. Хотя полученное удовольствие ни в коей мере не сравнимо с тем кайфом, когда вы обманом, улыбками, разговорами о родстве душ и общности интересов проникаете в спальню заранее намеченной вами жертвы, имея наготове в кармане пиджака нож и магнитофон.

Вот я завешиваю шторами окна в гостиной, выходящие в оба конца улицы, и прохожу в глубь комнаты.

– Ах, какой уютный домик! Снаружи он кажется гораздо больше.

– Да, прямо чудеса архитектуры.

– Ух ты, у тебя тут дверь в гостиной! А куда она ведет?

– А, эта… Всего лишь в кладовку. Ничего интересного. Хочешь вина?

А ведет эта дверь, «дебби-сандра-сьюзан-бренда», туда, куда я сейчас как раз направляюсь. В мой настоящий дом. В мою «кладовую», как я ее называю. Что-то вроде донжона – центральной, наиболее укрепленной башни средневекового замка, последнего рубежа обороны, хранилища священного алтаря. Именно в донжоне укроется король со своим семейством после того, как крепостные стены не выдержат натиска осаждающих.

Я вхожу в свой донжон через эту волшебную дверцу. За ней действительно кладовка, точнее, стенной шкаф, где висит одежда и стоят обувные коробки. Но сдвиньте в стороны вешалки, и за ними отыщется вторая дверь, ведущая в заднюю часть дома. Она намного больше – величественнее! – фасадных комнат с их отвратительным, бледным шведским минимализмом.

Моя «кладовая»…

Вот я вхожу в нее, запираю за собой дверь и включаю свет.

Пытаюсь расслабиться, но после сегодняшних событий, после пережитого потрясения мне трудно избавиться от нервозности.

Плохо это, плохо это, плохо это…

Падаю в кресло перед письменным столом, включаю компьютер и, пока загружается программа, рассматриваю картину Прескотта, сувенир на память об Элис-3895. Какая своеобразная манера письма у этого художника! Глаза сидящих за столом членов семьи просто завораживают. Прескотту удалось наделить каждого своим особенным взглядом. По схожести в выражениях лиц ясно, что они родственники. И в то же время все разные, как будто каждый воплощает одно из многих состояний семейного бытия – счастье, тревогу, гнев, непонимание, властность, покорность…

Вот вам и суть родственных отношений.

Я так думаю.

Открываю рюкзак и достаю добытые мной сегодня сокровища – жестяную банку с крышкой, набор карандашей, допотопную овощную терку. И чего их люди повыкидывали? Потом извлекаю еще кое-какие полезные находки. Надеюсь, что найдется применение в ближайшем будущем всем этим распечаткам произведенных платежей, кредитных

карт, ваучеров, телефонных счетов, бездумно выброшенным владельцами. Ну не дураки ли они после этого!

Есть еще одна новая вещица для моей коллекции, но до магнитофона очередь дойдет позже. Запись гортанных криков Майры-9834 в ходе, не спорю, болезненной операции по обрезанию ногтя получилась не ахти какая, поскольку рот ей пришлось заклеить пластырем (но ведь так на моем месте поступил бы каждый – ее могли же услышать прохожие). Но коллекция и не может состоять из одних шедевров; зато среди полудрагоценных камней настоящие бриллианты сверкают еще ярче.

Я прохаживаюсь по «кладовой» и раскладываю сокровища по своим местам.

– Снаружи он кажется гораздо больше…

На сегодняшний день моя коллекция насчитывает 7403 газеты, 3234 журнала (львиную долю составляет, конечно же, «Нэшнл джиографик»), 4235 спичечных книжечек; здесь также имеются вешалки, кухонная утварь, корзинки для завтраков, бутылки из-под содовой, коробки из-под кукурузных хлопьев, ножницы, бритвенные станки, обувные рожки и распорки, футлярчики для запонок, расчески, наручные часы, всевозможная одежда, инструменты в хорошем и плохом состоянии, цветные и черные граммофонные пластинки, пустые флаконы, игрушки, банки из-под джема, свечи и подсвечники, конфетницы, оружие… В общем, перечислять можно очень долго.

Ну что еще сказать про «кладовую»? Она состоит из шестнадцати комнат наподобие музейных галерей, отведенных под определенный тип экспонатов, начиная с веселеньких игрушек (впрочем, этот Хауди-Дуди выглядит довольно-таки стремно) до предметов, реально представляющих для меня великую ценность, однако большинство *пронумерованных* сочли бы их по меньшей мере неприятными. Я имею в виду пряди человеческих волос, обрезки ногтей и другие высохшие и сморщившиеся «сувениры» на память о моих проделках вроде сегодняшней. Я помещаю ноготь Майры-9834 на почетное место. Обычно эта процедура мне настолько приятна, что возбуждает до эрекции, но только не сейчас – на душе мрачно, и настроение испорчено.

Как же я «их» ненавижу!

Дрожащими от ярости руками я опускаю крышку сигарной коробки, не получив удовольствия от созерцания моих драгоценностей.

Ненавижу, ненавижу, ненавижу…

Вернувшись к компьютеру, анализирую ситуацию: возможно, угрозы никакой нет, а к дому Делеона-6832 «их» привело случайное стечение обстоятельств.

Однако мне нельзя полагаться на случай.

Итак, проблема: опасность лишиться всех сокровищ и ее разрушительное воздействие на мое душевное равновесие.

Решение проблемы: продолжать делать то, что я начал в Бруклине, – наносить ответные удары, подавлять любую угрозу, направленную против меня.

Я имею одно важное преимущество перед большинством *пронумерованных*, включая моих преследователей, ставящее их в довольно жалкое положение. Их пониманию недоступна безусловная истина, постигнутая мной: нет ничего аморального в том, чтобы отнять у человека жизнь. Потому что ему уготовано вечное существование, ничуть не зависимое от временно влачимого им бремени кожаного мешка, набитого костями и плотью. И доказательство тому – несметные залежи информации о человеке, накапливающиеся с момента его рождения. Они никуда не деваются, а хранятся в тысячах разных мест, копируются и множатся, невидимые и неистребимые. Тело человека умирает, как и положено всем телам, но информация о нем живет вечно.

И если это, по-вашему, не есть определение бессмертной души, то я не знаю, чего вам еще нужно.

Глава семнадцатая

В спальне было тихо.

Райм отослал Тома провести остаток воскресенья с его давнишним приятелем Питером Ходдинсом. Криминалист, сам того не желая, не лучшим образом обращался со своим ассистентом, а потом его из-за этого мучила совесть. Он старался хоть как-то замолить грехи, и когда Сакс оставалась с ним на ночь, гнал Тома прочь, понимая, что молодому парню необходимо почаще давать «увольнительные», чтобы тот мог приходить в себя после нелегких забот об упрямом и вздорном калеке.

Из-за двери ванной комнаты до Райма доносились звуки, сопутствующие манипуляциям, производимым женщиной, обстоятельно занимающейся приготовлением к постели. Особенно выделялись звяканье стеклянных флаконов, стук пластмассовых крышечек, шипение аэрозоля и плеск воды. Теплый, влажный воздух пропитался косметическими ароматами.

Райм с удовольствием прислушивался. Такие моменты напоминали ему о жизни «до того».

Мысли о прошлом, в свою очередь, вызвали в памяти две фотографии, висящие бок о бок на стене в лаборатории. На одной был снят он в спортивной форме, а на другой фигурировали два стоящих рядом худощавых молодых человека лет двадцати с небольшим, в строгих черных костюмах. Руки у обоих неуверенно свисают, будто они никак не решаются обняться.

Отец и дядя Линкольна.

Райм часто вспоминал дядю Генри. Чаще, чем отца. И так было всю жизнь. Нет, он не имел ничего против Тедди Райма. Тот всегда был застенчив, во всем уступал старшему брату. Любил свою работу, связанную с компьютерным моделированием, проводимым в разных лабораториях; любил читать и по вечерам всегда просиживал с книгой в большом истертом кресле, пока его жена Энн занималась шитьем или смотрела телевизор. Тедди увлекался историей, особенно периодом Гражданской войны в Америке, – недаром, как догадывался Райм, его назвали Линкольном.

Отец и сын сосуществовали весьма мирно, хотя Райм помнил, как воцарялось неловкое молчание, стоило им остаться вдвоем. Нет любви без тревоги. Нет дружбы без драки. А Тедди никогда никого не тревожил и не задирал.

А вот дядя Генри был задирой. Да еще каким!

Нельзя было пробыть с ним в одной комнате дольше нескольких минут, чтобы не попасть в сферу его внимания, будто оказаться выхваченным из мрака лучом прожектора. Разговор начинался с анекдотов, с банальностей, с семейных новостей, но всегда перемежался вопросами дяди Генри. Некоторые он задавал потому, что искренне хотел знать ответы, но большинство все же звучали как вызов, приглашение к спору. Да, Генри Райм обожал интеллектуальные поединки! Он мог загнать соперника в угол, вогнать в краску, довести до белого каления. Однако если удавалось заслужить одну из его редких похвал, душу переполняла гордость. Никогда с уст дяди Генри не слетали слова притворного или необоснованного поощрения.

– Так, уже тепло! Шевели мозгами! Ты можешь! Эйнштейн был не намного старше тебя, когда сделал свои самые значимые научные открытия.

Услышав правильный ответ, он лишь одобрительно приподнимал брови, что воспринималось как вознаграждение, равноценное призу Вестингаузской научной ярмарки, кстати, столь же труднодостижимому, поскольку чаще всего твои аргументы хромали, факты были притянуты за уши, предпосылки не выдерживали критики, а критические замечания основывались в основном на эмоциях. Однако не личное превосходство над собеседником воодушевляло дядю Генри, но стремление довести его за ручку до истины, чтобы тот не заблудился по дороге. Как только он разбивал умозаключения оппонента в пух и прах и убеждался, что тот все понял, спор стихал.

– Значит, ты уразумел, что тебя с самого начала не туда занесло? Ты рассчитал температуру на основе неверного ряда допущений. Так-то! А теперь давай позвоним кое-кому и вместе сходим на субботний матч «Белых носков». На «Комиски-парк» продают отличные хот-доги, но черта с два нам достанется хоть один сейчас, в октябре, на финальной серии игр бейсбольного сезона.

Линкольн с восторгом вступал в интеллектуальные поединки с дядей Генри. А еще ему нравилось сидеть у него в университете на семинарах или неформальных дискуссиях в группах. Он специально ездил для этого в Гайд-парк, причем гораздо чаще, чем Артур, интересовавшийся совсем другими делами.

Если бы Генри Райм был жив и вошел сейчас в комнату Линкольна, то, несомненно, даже не взглянув на обездвиженного племянника, первым делом, указывая на газовый хроматограф, проревел бы: «Ты что – все еще пользуешься этими отбросами?» Затем, устроившись поудобнее напротив досок с перечнями вещдоков, начал бы расспрашивать Райма о том, как идет расследование дела «5-22».

– Да, но насколько логично поведение этого субъекта? Изложи-ка мне еще раз твои исходные данные.

Райм опять вспомнил тот последний сочельник, проведенный им накануне окончания школы в доме дяди Генри в Эванстоне. Народу собралось немало: Генри и Пола со своими детьми Робертом, Артуром и Марией; Тедди и Энн с Линкольном; другие тети и дяди, двоюродные сестры и братья; кое-кто из соседей.

Линкольн и Артур провели большую часть вечера в бильярдной за игрой в пул и разговорами о будущей осени, то есть о предстоящей учебе в вузе. Линкольн твердо решил поступать в МТИ[12]. Артур намеревался последовать его примеру. Оба не сомневались, что их примут, и уже обсуждали, что будет лучше – поселиться в одной комнате в институтском общежитии или снять квартиру на стороне (следовало

выбрать между романтикой мужского братства и соблазнами холостяцкой свободы).

Потом хозяева и гости собрались за массивным столом в обеденной комнате, за окнами которой пенились серые воды озера Мичиган, и ветер сердито завывал, запутавшись в ветках голых деревьев на заднем дворе. Генри сидел во главе стола и со смешинкой в лукаво прищуренных глазах пристально поглядывал на гостей, будто на своих студентов во время семинара, успевая прореагировать на все, о чем говорилось вокруг него. Он шутил, рассказывал анекдоты, задавал вопросы родственникам, живо интересовался новостями из их жизни, во все вникал и зачастую определенным образом манипулировал собеседником. «Так… Мария, раз уж все здесь, расскажи-ка нам об этой аспирантуре в Джорджтауне! Ты, насколько я помню, согласилась с тем, что для тебя это отличный вариант. И Джерри сможет приезжать к тебе по выходным на своей новой крутой тачке. Кстати, когда истекает последний срок подачи заявления? Совсем скоро, если не ошибаюсь?»

И его дочка, выделяющаяся своей весьма экстраординарной прической, отводила глаза и смущенно бормотала себе в оправдание что-то о рождественских праздниках, выпускных экзаменах и не собранных еще документах… Но она еще успеет. Обязательно!

И Генри добился своего, заставив девушку дать обещание в присутствии свидетелей, хотя это грозило ей новой полугодовой разлукой с женихом.

Райм всегда считал, что из дяди получился бы прекрасный политик или адвокат.

После того как со стола убрали остатки индейки и рождественского пирога, подали ликер «Гран-Марнье», кофе и чай, а Генри пригласил всех в гостиную, где стояла огромная елка, вовсю полыхало пламя в камине, а с портрета на гостей сурово взирал дед Линкольна, трижды доктор наук и профессор Гарвардского университета.

Все знали, что наступил час семейной научной олимпиады.

Генри задавал вопрос, и первый, кто отвечал на него, получал одно очко. Три лучших конкурсанта получали призы, приготовленные самим Генри и аккуратно завернутые в праздничную упаковку тетей Полой.

Напряженность нарастала и достигала своей высшей точки – так бывало всегда, когда делом руководил Генри. Это проявлялось в том, что соревнующиеся начинали сражаться с полной отдачей. Тедди Райм мог уверенно ответить на изрядное количество вопросов по химии. Когда речь заходила о математике, то мать Линкольна, преподававшая этот

предмет неполный рабочий день, давала ответ даже раньше, чем Генри успевал договорить. Но лидерами соревнований от начала до конца оставались их дети – Роберт, Мария, Линкольн и Артур, – а также Джерри, жених Марии.

К концу этого соревнования, почти в восемь вечера, участники буквально не могли усидеть на своих стульях, от волнения и азарта у них повлажнели ладони. Лидеры сменялись после каждого вопроса. Когда на часах Полы, следившей за временем, оставалось всего несколько минут, Линкольн правильно ответил на три вопроса подряд, опередив в результате соперников и заняв первое место; на втором оказалась Мария, на третьем – Артур.

Линкольн театрально поклонился аплодирующей ему родне и принял от дяди Генри главный приз. Он хорошо помнил свое удивление, когда, развернув темно-зеленую подарочную упаковку, увидел в прозрачном пластмассовом футлярчике дюймовый кубик бетона. Однако это не был шуточный приз. На руке Линкольна лежал кусочек трибуны стадиона Стэгг-Филд Чикагского университета, где американскими учеными под руководством Энрико Ферми и тезки Артура, инженера Комптона, была впервые проведена управляемая ядерная цепная реакция. Очевидно, что Генри подобрал этот обломок, когда стадион снесли в пятидесятых годах. Линкольна очень тронул подарок, обладающий такой исторической ценностью, и он тут же обрадовался тому, что всерьез соревновался с остальными участниками устроенного дядей конкурса. Тот камешек до сих пор лежит в одной из картонных коробок, загромоздивших его подвал.

Однако в тот вечер у Линкольна не было времени любоваться своей наградой.

Дело в том, что впереди его ожидало позднее свидание с Адрианной.

Так же непредсказуемо, как воспоминания о родственниках, в его сознании возник образ прекрасной рыжеволосой гимнастки.

Адрианна по фамилии Валеска, произносимой ею с характерным польским «В», являющимся отголоском ее гданьских корней в двух предыдущих поколениях, работала в офисе консультанта по университетскому образованию в средней школе, где учился Райм. В начале выпускного учебного года Линкольн зашел в офис, чтобы сдать документы, и обратил внимание на лежащий на столе у юной секретарши изрядно зачитанный роман Хейнлейна «Чужой среди чужих». Целый час они вдвоем обсуждали содержание повести, часто соглашаясь друг с другом, иногда споря, пока Линкольн не сообразил,

что пропустил урок химии. Это не особенно его расстроило, так как он понял, что у него появились новые приоритеты.

Адрианна была высокая, тоненькая, в своем «невидимом» корсетике, с несомненно привлекательной фигуркой, угадывающейся под пушистым свитером и едва ли не лопающимися по швам джинсами. На губах у нее постоянно играла улыбка – то ли восторженная, то ли кокетливая.

Для молодых людей наступила пора первых серьезных романтических увлечений, они болели друг за друга на спортивных соревнованиях, ходили в Институт искусств, слушали джазовую музыку в клубах Старого города и от случая к случаю наведывались на заднее сиденье «шеви-монзы» – малолитражки Адрианны (одно название, что заднее сиденье, но именно поэтому то, что нужно). Между их домами, по легкоатлетическим стандартам Линкольна, пролегала короткая дистанция, однако он никогда не решился бы прибежать на свидание весь в поту, а потому, когда появлялась возможность, просил у родителей разрешения воспользоваться семейной машиной.

Они могли разговаривать часами. Как и в отношениях Линкольна с дядей Генри, его и Адрианну тянуло друг к другу.

Да, не все складывалось просто. На следующий год ему пришлось отправиться в бостонский колледж, ей – в Сан-Диего изучать биологию и работать в местном зоопарке. Но эти трудности воспринимались как временные, а для Линкольна Райма – тогда, как и сейчас, – вообще не существовало непреодолимых препятствий.

Позже – после несчастного случая и развода с Блэйн – Райм часто задумывался над тем, как бы сложилась его судьба, если бы он не расстался с Адрианной и они продолжили идти по жизни вместе. А ведь в тот предрождественский вечер он чуть было не сделал ей предложение. Линкольн придумал даже, что вместо обручального колечка с бриллиантом преподнесет ей «камешек другого рода» – свой приз, полученный от дяди за победу в научной викторине.

Однако погода спутала все карты. Пока они сидели в обнимку на скамейке, сверху, с бездонного неба американского Среднего Запада, отчаянно повалил снег. За считанные минуты их волосы и одежду накрыло мокрое белое одеяло. Оба едва успели разъехаться по домам, прежде чем сугробами перекрыло дороги. Ночью Линкольн без сна лежал в постели и сочинял в уме слова признания в любви. Рядом, на тумбочке, стоял пластмассовый футлярчик с бетонным обломком.

Но ему так и не довелось произнести вслух свое признание. Жизнь разбросала их в разные стороны после вмешавшихся в нее, казалось бы,

мелких, незначительных событий. Однако даже такая невидимая глазу мелочь, как атомы, вовлеченные в распад на холодном университетском стадионе, навсегда изменила весь мир.

Все было бы иначе…

Через приоткрытую дверь ванной комнаты Райм видел, как Сакс расчесывает свои длинные рыжие волосы. Он наблюдал за ней несколько мгновений, довольный, что эту ночь проведет не один. Сегодня ее присутствие радовало его больше обычного. Райма и Сакс не назовешь любовной парой в общепринятом понимании. Оба являлись твердыми приверженцами личной независимости и зачастую предпочитали проводить свободное время порознь. Но сегодня Райм хотел, чтобы она была рядом, хотел наслаждаться близостью ее тела – малодоступным для него ощущением из-за ограниченности чувствительных участков собственной плоти, а потому еще более желанным.

Любовь к этой женщине стала для Райма одним из побудительных факторов для занятий комплексом физических упражнений на компьютеризованной бегущей дорожке и электротерапевтическом велотренажере. И если медицинская наука когда-нибудь одолеет тот критический рубеж, за которым может открыться возможность вернуть Райму способность ходить, его мышцы будут подготовлены для этого. Кроме того, он подумывал о новой операции, способной существенно улучшить его состояние, хотя, по сути, она относилась к разряду экспериментальных и вызывала споры среди специалистов. На протяжении уже многих лет велись разговоры о «ремаршрутизации» периферийного нерва, и время от времени даже пытались осуществить ее на практике, но без заметных позитивных результатов. И вот недавно за границей появились сведения о первых успехах в проведении подобных операций, несмотря на скептическое отношение к ним медицинского сообщества в США. Иностранные нейрохирурги стремились воссоединить нервные окончания на одной стороне нарушенного участка с нервными окончаниями по другую сторону. То есть процедура заключалась как бы в строительстве объездного пути из-за того, что мост был смыт половодьем.

Успехи достигались при ранениях менее тяжелых, чем у Райма, однако результаты поражали: восстанавливалась функция мочевого пузыря, способность двигать конечностями и даже ходить. Рассчитывать на последнее Райму не приходилось, тем не менее консультации с японским врачом, первопроходцем нейрохирургической «ремаршрутизации», и его коллегой из учебной клиники одного из престижных университетов давали надежду на повышение чувствительности, обретение

возможности шевелить руками, пальцами, контролировать мочеиспускание.

И заниматься сексом.

Парализованные мужчины – даже на все четыре конечности, как Райм, – вполне способны заниматься любовью. Если источник возбуждения ментальный – вид мужчины или женщины, которые нам нравятся, – тогда сигнал не пройдет через поврежденный участок спинного мозга. Но человеческое тело – великолепный механизм. В нем есть волшебный нервный узел, независимый от спинного мозга, и при местном возбуждающем воздействии он делает секс доступным даже для совершенно беспомощных калек.

Щелкнул выключатель, и в ванной комнате погас свет. Райм проследил, как через комнату проплыл женский силуэт и присоединился к нему в постели, уже давно объявленной Амелией самой удобной в мире.

– Я… – начал Райм, но не договорил, так как ощутил на своих губах поцелуй Амелии, страстно прильнувшей к нему.

– Ты что-то хотел сказать? – прошептала она, скользнув губами по его подбородку, потом по горлу.

Райм уже не помнил.

– Я забыл.

Он ухватил губами ее ухо и почувствовал, как с него поползло прочь одеяло. Для этого Сакс была вынуждена приложить некоторое усилие: Том заправлял постель старательно, будто солдат под строгим оком сержанта. В итоге одеяло скомкалось в кучу где-то в ногах; туда же полетел и топик Амелии.

Она опять поцеловала его, и Райм с готовностью ответил.

В то же мгновение призывно зазвонил телефон Сакс.

– Только не это! – прошептала она. – Я ничего не слышала.

После четырех гудков ответил спасительный голос войс-мейла. Однако после отбоя телефон зазвонил снова.

– А вдруг твоя мама? – предположил Райм.

Роуз Сакс проходила курс лечения по поводу сердечного заболевания. Прогнозы были оптимистичные, однако недавно произошло некоторое ухудшение.

Сакс со стоном раскрыла мобильник, озарив их тела голубым светом. Посмотрев на дисплей со входящим номером, она заметила:

– Это Пам. Пожалуй, надо ответить.

– Разумеется!

– Привет! Что нового?

По тому, как Сакс молча слушала, Райм догадался, что случилась неприятность.

– Ага… Ну да… Только я сейчас у Линкольна. Ты можешь подъехать сюда? – Сакс вопросительно посмотрела на Райма, и тот кивнул в знак согласия. – О'кей, детка… Конечно, мы не уснем. – Она захлопнула телефон.

– Что?

– Не знаю. Пам не говорит. Сказала только, что к ее приемным родителям срочно доставили двух новых ребят. Старшим детям пришлось разместиться всем вместе в одной комнате. Памела приехала ко мне, но не хочет оставаться в доме одна.

– Да пусть приезжает. Я не против, ты же знаешь.

Сакс снова легла и принялась целовать его с удвоенной энергией, шепча с придыханием:

– Я подсчитала… Ей надо собрать сумку, выкатить машину из гаража… Приедет минут через тридцать пять, не раньше. У нас есть время.

Поцелуи возобновились.

Почти одновременно с дребезжанием звонка у входной двери и голосом в домофоне:

– Мистер Райм! Амелия! Это я, Пам. Откройте мне, пожалуйста!

Райм рассмеялся:

– Похоже, она звонила, уже стоя на пороге.

Пам и Сакс расположились в одной из верхних спальных комнат в доме Райма, уже давно отведенной для девочки на случай, если та захочет посетить их. На полке скучала обделенная вниманием парочка плюшевых зверюшек (игрушки не много значат в твоем детстве, если мать и отчим скрываются от ФБР). Зато здесь скопилась целая коллекция из сотен книг и компакт-дисков. Тут же стояли проигрыватель и спутниковый радиоприемник. Благодаря заботам Тома в комнате имелся запас чистых свитеров, футболок и носков, а также пара кроссовок – Пам любила пробежаться по дорожке длиной в 1,6 мили вокруг водохранилища Центрального парка. Ей нравилось это, и ее организм испытывал жадную потребность в беге.

Девочка сидела на кровати и аккуратно красила золотым лаком ногти на ногах, вставив между пальцами комочки ваты. Раньше мать запрещала ей делать это и вообще пользоваться косметикой (она почему-то видела в макияже «неуважение к Христу»), и когда Пам наконец вырвалась на свободу из правоэкстремистского подполья, то сразу дополнила свою внешность маленькими, радующими душу украшениями вроде этих золотистых ноготков, малиновых прядей в волосах и пирсингов – по три в каждом ухе. Сакс радовалась тому, что девочку не тянет на крайности, хотя Памела Уиллоуби имела больше причин пуститься во все тяжкие, чем любая другая ее сверстница.

Амелия удобно расположилась в кресле, положив на кровать босые ноги – с некрашеными ногтями. Через открытое окно весенний ветерок заносил из Центрального парка сложное сочетание запахов сырой земли, перегноя, молодой листвы и выхлопных газов. Сакс отпила из чашки горячего шоколада и обожглась.

– Ой! Подуй сначала!

Пам подула в свою чашку и осторожно пригубила.

– Ага, горяченький. Хорошо!

И опять принялась колдовать над ногтями. И если днем ее лицо не покидало счастливое выражение, то теперь оно выглядело явно озабоченным.

– Знаешь, как их называют? – спросила Сакс, указывая на свои босые ноги.

– Что – ступни? Пальцы?

– Нет, подушечки ступней и пальцев.

– Конечно, знаю. Подушечки ступней и пальцев.

Обе засмеялись.

– А еще есть ученый термин «плантарные поверхности». Они, как и пальцы рук, оставляют отпечатки. Линкольн сумел доказать вину одного костолома, вырубившего человека вторым ударом босой ноги. Но в первый раз он промахнулся и вмазал по двери, оставив на ней след.

– Прикольно! Мистеру Райму надо еще одну книгу написать.

– Я сама ему все время говорю… У тебя что-то случилось? Стюарт?

– Ага.

– Рассказывай.

– Наверно, зря я приехала. Дура я все-таки.

– Рассказывай, Пам! Я коп, не забывай. Все равно у тебя выпытаю.

– Просто Эмили позвонила, раньше она никогда не звонила мне по воскресеньям, я сразу подумала: тут что-то не так и она чего-то недоговаривает. Потом все-таки сказала. В общем, она сегодня видела Стюарта с другой девчонкой. Есть там одна в соседней школе. После футбола. А мне он сказал, что пойдет домой.

– Ну и что из этого? Что же ему теперь, нельзя с другими девчонками общаться? Это еще ничего не значит.

– Эмили сказала, что он вроде бы ее обнимал. Ей так показалось, во всяком случае. А потом этот тип заметил Эмили и быстренько так слинял из поля зрения вместе с той девчонкой. Как бы не хотел, чтобы их видели.

Процесс лакировки ногтей приостановился.

– Знаешь, я реально тащусь от Стюарта. Если он меня бросит, мне будет паршиво.

Сакс и Пам вместе ходили на прием к психотерапевту, и с согласия девочки женщины переговорили с глазу на глаз. Памелу ожидал длительный период преодоления симптомов посттравматического стресса, развившегося вследствие совместного проживания с социопатической родительницей. Усугубило тогда ситуацию и то, что ее

сожитель чуть не пожертвовал жизнью падчерицы во время перестрелки с полицейскими. И теперь любые душевные переживания наподобие нынешних, связанных со Стюартом Эвереттом, казалось бы, незначительные в глазах большинства людей, могли оказывать повышенное влияние на психику девочки и нанести определенный ущерб ее состоянию. Психотерапевт посоветовала Сакс по возможности оберегать Памелу от лишних огорчений, но и не создавать ей тепличных условий. Любую проблему следует обсуждать, изыскивая способы ее решения.

– А вы со Стюартом когда-нибудь разговаривали о своих друзьях?

– Стюарт сказал мне – с месяц назад, – что у него никого, кроме меня, нет. Он тоже знает, что я больше ни с кем не встречаюсь.

– А оперативная информация имеется? – спросила Сакс.

– Что за оперативная информация?

– Ну, подружки тебе больше ничего про него не рассказывали?

– Нет.

– А ты знаешь кого-нибудь из его друзей?

– Ну, так... Не настолько хорошо, чтобы расспрашивать о нем. И вообще, шпионить – это отстой.

Сакс улыбнулась:

– Значит, агентурная разведка отпадает. Тогда тебе надо просто спросить прямо у него.

– Ты так думаешь?

– Я так думаю.

– А если Стюарт скажет, что встречается с той девчонкой?

– Тогда радуйся, что он тебе не врет. Значит, он честный малый, а это плюс в его пользу. Тебе останется только убедить Стюарта, что та красотка ему не пара.

Обе засмеялись.

– Упирай на то, что ты хочешь встречаться только с одним человеком. – Проснувшаяся в Амелии материнская мудрость заставила ее поспешно

добавить: – Но главное, не перегнуть палку, то есть сейчас и речи нет о замужестве. Мы лишь решаем вопрос, кто с кем ходит на свидания.

Пам согласно закивала:

– Да-да, конечно.

Успокоенная, Сакс продолжала:

– А Стюарт и есть тот человек. Но ты ожидаешь от него того же. Между вами много общего, вам есть о чем говорить, ваши отношения важны вам обоим – следовательно, необходимо реализовать их в полной мере.

– Как у тебя с мистером Раймом.

– Ну да, примерно. А если Стюарту этого не надо – что же, это замечательно.

– Ну нет, не замечательно, – насупилась Пам.

– Послушай, ты только скажешь ему так! А еще скажешь, что тоже будешь ходить на свидания с другими. Пусть выбирает, ты или она. На двух стульях разом не усидишь.

– Да, наверно… А если он выберет ее? – Лицо Пам еще больше помрачнело.

Сакс усмехнулась и покачала головой:

– Да, не хотелось бы пролететь с этим. Но я думаю, этого не случится.

– Ладно. Мы завтра встречаемся после уроков. Я поговорю с ним.

– Потом позвони, расскажешь, как все прошло.

Сакс встала со стула, забрала флакончик с лаком и закрутила колпачок.

– Ложись спать, поздно уже.

– Погоди, я еще не все ногти накрасила.

– Надень завтра на ноги что-нибудь с закрытыми мысками.

– Амелия!

Сакс остановилась в дверях.

– А вы с мистером Раймом поженитесь?

Сакс улыбнулась и закрыла за собой дверь.

III

Предсказатели судеб

Понедельник, 23 мая

Просеивая горы информации, накопленной коммерческими предприятиями, компьютеры со сверхъестественной точностью предсказывают, как поведут себя покупатели. Это заглядывание в будущее посредством электронного хрустального шара, называемое аналитическим прогнозированием, превратилось в Соединенных Штатах в целую отрасль с оборотом в 2,3 млрд долларов, обещающим дорасти до трех миллиардов в 2008 году.

«Чикаго трибюн»

Глава восемнадцатая

«Это очень солидная организация...»

Мягко сказано, подумала Сакс, сидя в приемной компании «Стратиджик системс дейтакорп», расположившейся на высоте птичьего полета, и вспоминая оценку масштабов деятельности «ССД», данную президентом обувной компании.

Тридцатиэтажное островерхое здание со стенами из серого гранита, мерцающего слюдяными блестками. Окна напоминали узкие бойницы, что вызывало недоумение, ведь в этом месте манхэттенского Мидтауна, да еще с такой высоты, открывались великолепные виды на город. Здание, похожее на монолит и прозванное в народе «серой глыбой», было знакомо Амелии, хотя до сих пор она понятия не имела, кто его владелец.

Сакс и Рон Пуласки, сменившие свои джинсы соответственно на костюм и мундир темно-синего цвета, сидели, созерцая прямо перед собой массивную стену с нанесенными на ней названиями городов мира, где имелись зарубежные офисы «ССД», среди них фигурировали Лондон, Буэнос-Айрес, Мумбай, Сингапур, Пекин, Дубай, Сидней и Токио.

Солидная организация...

Перечень филиалов компании венчал ее логотип: светящееся окошко сторожевой башни.

Сакс вспомнила окна заброшенного дома напротив гостиницы, где жил Роберт Джоргенсен, и у нее защемило сердце. На память пришли слова Линкольна Райма, сказанные по поводу чуть не случившейся перестрелки в Бруклине между ней и федеральным агентом.

«Ему совершенно точно известно, где ты находишься. А значит, он наблюдает за тобой. Будь осторожна, Сакс…»

В приемной сидели еще с полдюжины посетителей, по внешнему виду деловые люди, причем ведущие себя довольно скованно. Сакс припомнила страх президента обувной компании лишиться услуг «ССД». Внезапно головы присутствующих, будто по команде, повернулись, а взгляды устремились мимо девушки-администратора на вошедшего в приемную невысокого моложавого мужчину с рыжеватыми волосами и великолепной осанкой, уверенно зашагавшего по ковровому покрытию с черно-белым рисунком прямиком к Сакс и Пуласки. Улыбаясь и кивая на ходу, он одним-двумя словами приветствовал посетителей, почти каждого называя по имени.

«Ну прямо кандидат в президенты США», – мелькнуло в голове у Сакс.

Мужчина ни разу не остановился, пока не дошел до поджидающих его полицейских.

– Доброе утро. Я – Эндрю Стерлинг.

– Детектив Сакс. А это оперативный работник Пуласки.

Ростом Стерлинг был ниже Сакс на несколько дюймов, широк в плечах и, судя по всему, находился в хорошей спортивной форме. Под безупречно сидящим пиджаком и белоснежной сорочкой со сверкающими накрахмаленной белизной воротником и манжетами угадывались мускулистые руки и мощный торс. Никаких стразов и аксессуаров. Лукавые морщинки проступают в уголках глаз всякий раз, когда по лицу с готовностью пробегает улыбка.

– Прошу ко мне в кабинет.

Глава такой огромной компании… и тем не менее вышел к ним сам, а не поручил лакею проводить посетителей в свой тронный зал.

Стерлинг легко шагал в тишине широких коридоров, здоровался по пути с сотрудниками, иногда останавливался и спрашивал, как прошли выходные. Их глаза жадно впитывали его улыбку, которой он реагировал на рассказ о приятно проведенном времени, или выражение сочувствия,

если выяснялось, что заболел родственник или отменили игру с участием любимой команды.

– Привет, Тони, – окликнул Стерлинг уборщика, вытряхивающего в пластиковый мешок для мусора бумажную труху измельченных в шредере документов. – На бейсбол ходил?

– Нет, Эндрю, не удалось. Дел накопилось по горло.

– Наверно, пора нам ввести третий выходной, – пошутил Стерлинг.

– Я – «за», Эндрю!

Все трое с улыбками зашагали дальше.

Сакс подумала, что такого множества знакомых, сколько Стерлинг поприветствовал за те пять минут, пока они шли по коридору, у нее, пожалуй, не наберется во всем полицейском управлении Нью-Йорка.

Интерьер помещений был выдержан в духе минимализма: стерильная белизна стен и редкие фотоснимки и рисунки в рамках, причем среди них не было ни одного цветного. Мебель от «ИКЕА» простая, но не эконом-класса и тоже черная или белая. Возможно, этот строгий стиль должен что-то символизировать, но Сакс он показался просто невыразительным.

По дороге детектив мысленно «прокрутила» информацию об основателе «ССД», собранную ею минувшей ночью после того, как уехала Пам. Его биография, сложенная из разрозненных фрагментов разных статей, содержащихся в Интернете, определенно не будоражила воображение. Стерлинг вел необычайно замкнутый образ жизни – был похож скорее на Говарда Хьюза, чем на Билла Гейтса, если сравнивать с известными персонами. Загадки возникли, правда, уже на самом раннем жизненном этапе. Так, Сакс не нашла никаких сведений о его детстве и родителях. Судя по отрывочным заметкам в прессе, впервые Стерлинг «засветился» в семнадцатилетнем возрасте, когда начал трудовую деятельность, торгуя вразнос и в телемаркетинге. Он постоянно совершенствовал свой ассортимент путем включения в него все более престижных и дорогостоящих товаров. Дошла очередь и до компьютеров. В одном из интервью Стерлинг признался, что «для пацана с неполным высшим образованием», полученным посредством вечерней формы обучения, он оказался вполне успешным коммерсантом. Вернувшись в университет, он играючи сдал оставшиеся академические задолженности и получил диплом исследователя-программиста и конструктора компьютеров. В общем, все газеты писали о Стерлинге в духе Хорейшо Алджера и

всячески восхваляли его как прекрасного специалиста и влиятельного бизнесмена.

Затем, по словам самого Стерлинга, звучавшим для Сакс как заимствование из терминологии китайских диктаторов-коммунистов, когда ему перевалило за двадцать, наступило «великое пробуждение». Торговля компьютерами шла бойко, но не настолько, чтобы он чувствовал себя удовлетворенным. Ему хотелось, но все не удавалось достичь большего. Но почему? Ведь не лодырь и не дурак.

И тогда он понял, что причина заключается в неэффективном ведении дела.

Утешало лишь то, что этот недостаток присущ не только ему, но и всем остальным предпринимателям.

Стерлинг подтянул свои знания в области программирования, а потом неделями, по четырнадцать часов в сутки, не выходил из дома, создавая оригинальную компьютерную систему. Он заложил все принадлежащее ему имущество и на вырученные деньги учредил компанию, чья деятельность основывалась на концепции, многим казавшейся абсолютно бессмысленной. Он же считал ее гениальной исходя из того, что главным и самым ценным активом – информацией – владели миллионы посторонних людей, и по большей части совершенно бесплатно. Стерлинг начал составлять базу данных о демографической ситуации в зонах, охваченных рынками ряда товаров и услуг, о реальных и потенциальных потребителях, об их семейном положении, собственности, доходах, долгах, об уклонении от уплаты налогов, о проблемах в отношениях с законом и о многих других аспектах личной жизни. Объем освоенной информации – персональной и профессионально-ориентированной – рос как снежный ком по мере того, как Стерлинг ее находил, покупал, крал или добывал иными способами. Ему приписывают слова: «Какие бы факты ни валялись под ногами, я приберу их к рукам».

Созданная им программа управления базой данных, ранняя версия нынешней «Сторожевой башни», стала в свое время революционной, превзойдя на несколько порядков прославленную «SQL» (или «Сиквел» – «Последствия»), За считанные минуты «Сторожевая башня» принимала решение, с кем из потребителей стоит работать и каким приемом склонить их к покупке данного товара, а на кого без толку тратить время, однако можно с выгодой сбыть другим компаниям, заинтересованным в такого рода клиентах.

Досье Стерлинга росло, словно монстр в научно-фантастическом фильме. Он перебрался на Манхэттен, переименовал свою фирму в

«Стратиджик системс дейтакорп» и принялся расширять свою империю, поглощая маленькие предприятия, специализирующиеся в информационном бизнесе. Несмотря на неприязнь к «ССД» со стороны организаций, защищающих право граждан на невмешательство в личную жизнь, за всю историю компании ни разу не возникала ситуация, хоть сколько-нибудь чреватая опасностью вовлечения в общественный скандал. Сотрудники «ССД» регулярно получали жалованье – скромное по сравнению с высокими до неприличия бонусами Уолл-стрит, но за ростом прибыли компании следовала и прибавка к зарплате. Персоналу оказывалась помощь в приобретении жилья, в обучении детей и содержании их в школах-интернатах; матерям или отцам предоставлялся годичный оплачиваемый отпуск по уходу за новорожденным ребенком. Стерлинг вел дело так, чтобы компания существовала как одна большая, заинтересованная в общем благополучии семья, поощрял принятие на работу супругов или родителей и их взрослых детей, ежемесячно выделял деньги для корпоративных вылазок на природу.

О личности самого генерального управляющего было известно не много. Сакс удалось выяснить, что он не курит, не употребляет алкогольных напитков и никто никогда не слышал от него непристойного слова. Жил скромно, назначил себе на удивление маленькое жалованье, и все его состояние складывалось из акций «ССД». Не участвовал в светских тусовках Нью-Йорка, не раскатывал на крутых тачках, не владел реактивным самолетом. И хотя работники, связанные семейными узами, занимали в компании привилегированное положение, сам Стерлинг после двух разводов остался не женат. Приводились противоречивые сведения о прижитых им в молодости детях. Также говорилось о якобы имеющихся у него нескольких резиденциях, однако их адреса не были занесены ни в какие официальные реестры – познав могущество информации, Эндрю Стерлинг, очевидно, разглядел и таящуюся в ней опасность.

Стерлинг, Сакс и Пуласки миновали наконец длиннющий коридор и вошли в офис, разделенный на две секции. Во внешней половине стояли два письменных стола с аккуратно разложенными на них скоросшивателями, стопками документов и распечатками с компьютеров. Здесь располагались секретари генерального управляющего. В данный момент присутствовал только один из них – симпатичный молодой человек в строгом деловом костюме. Именная табличка возвещала о том, что перед посетителями Мартин Койл. На его рабочем месте царил особый порядок; даже многочисленные книги на стеллаже позади кресла были выстроены по ранжиру – от самой большой до самой маленькой. Это зрелище позабавило Сакс.

– Доброе утро, Эндрю, – поздоровался молодой человек со своим боссом, не обращая внимания на его спутников, поняв, что их ему не представят. – Телефонные сообщения у вас в компьютере.

– Спасибо. – Стерлинг взглянул на второй стол. – А где Джереми? Ему надо заехать в ресторан, проверить, как идет подготовка к банкету для прессы.

– Он уже был там. Незадолго до вашего прихода отправился с документами на юридическую фирму – по тому делу.

Сакс подивилась такой роскоши – наличию у Стерлинга двух персональных секретарей. Один, видимо, занимался внутренними проблемами компании, а второй осуществлял внешние контакты. В полицейском управлении Нью-Йорка если и выделяли кого-то в помощь детективам, то ему приходилось разрываться между множеством разных дел.

Стерлинг проводил посетителей через внешний офис в свой кабинет – не намного больший по размеру, отметила про себя Сакс, чем любое другое помещение, виденное ею в «ССД». Стены здесь были вообще лишены всяких украшений. В отличие от «недремлющего ока» сторожевой башни, фигурирующей в логотипе компании, все окна в кабинете Эндрю Стерлинга были завешаны плотными шторами, скрывающими находящуюся за ними великолепную панораму Нью-Йорка. Всем своим существом Сакс вдруг на мгновение ощутила приступ клаустрофобии.

Стерлинг уселся в простое деревянное кресло, а не на столь любимый топ-менеджерами кожаный трон на колесиках и широким жестом указал гостям на такие же, только с мягкой обивкой. Низкий стеллаж у него за спиной был сплошь заставлен книгами, причем так, что увидеть, какой литературе отдает предпочтение хозяин кабинета, удалось бы, лишь обойдя его и взяв книгу в руки.

Генеральный управляющий кивнул в сторону подноса со стоявшими на нем кувшином и полдюжиной стаканов, перевернутых вверх донышком.

– Есть вода. Но если хотите чаю или кофе, я скажу, чтобы за ними сходили.

Сходили? Такое Сакс слышала впервые.

– Нет, спасибо.

Пуласки молча мотнул головой.

– Простите, одну минуту. – Стерлинг взял телефонную трубку и набрал номер. – Энди, ты звонил?

Хотя разговор зашел о решении какого-то рабочего вопроса, Сакс по тону Стерлинга догадалась, что собеседник приходится ему близким человеком. Однако он не произнес ни слова, не относящегося к делу.

– Вот как. Ну что ж, думаю, деваться некуда. Нам нужны эти номера. Знаешь, они не сидят сложа руки. Того и гляди, начнут действовать… Хорошо.

Стерлинг положил трубку и перехватил направленный на него изучающий взгляд детектива.

– У меня тут сын работает, – пояснил он и кивнул на фото у себя на столе, где Стерлинг был снят вместе с похожим на него симпатичным худощавым юношей, оба в футболках с эмблемой «ССД», Видимо, дело происходило на одном из пикников, организованных для персонала компании. Отец и сын стояли рядом, но не касались друг друга. На лицах не было улыбок.

Итак, нашелся ответ на один из вопросов о частной жизни генерального управляющего «ССД».

– А теперь расскажите мне, – Стерлинг обратил на Сакс свои зеленые глаза, – что же все-таки случилось? Вы упомянули какое-то преступление…

Сакс объяснила вкратце:

– За последние месяцы в городе совершено несколько убийств. Мы подозреваем, что кто-то воспользовался информацией из ваших компьютеров с целью сблизиться с жертвами, расправиться с ними, а затем, опять же с помощью вашей информации, указал полиции на совершенно непричастных людей как на исполнителей этих преступлений.

Человек всезнающий…

– С помощью нашей информации?

Его озабоченность казалась искренней. Так же как и растерянность.

– Не возьму в толк, как это могло случиться. Расскажите поподробнее.

– Убийца знал в точности, какими вещами пользуются жертвы, и подбросил точно такие же в жилища невинных людей, чтобы навести на них подозрение.

Пока она говорила, брови Стерлинга то и дело обеспокоенно нависали над изумрудного цвета глазами. Обстоятельства краж картины и монет, а также сексуального насилия над обеими женщинами явно встревожили его.

– Это ужасно…

Огорченный печальным известием, Стерлинг отвел взгляд.

– Их действительно изнасиловали?

Сакс угрюмо кивнула и объяснила свой визит в «ССД» тем фактом, что это единственная компания в округе, располагающая информацией, использованной убийцей.

Стерлинг провел ладонью по лицу и медленно кивнул:

– Я понимаю, на чем основан ваш профессиональный интерес к нам… Но разве этому убийце было не проще выследить свои жертвы, пронаблюдать в магазине, какие покупки они делают? Или даже проникнуть в операционные системы их компьютеров, потрошить почтовые ящики, забираться в жилища, переписать номера машин прямо на улице?

– Видите ли, в том-то и проблема: да, он мог так поступить. Но тогда ему пришлось бы проделать все, что вы перечислили, дабы получить нужную информацию. За короткий период времени совершено по меньшей мере четыре преступления – а мы полагаем, их было больше, – для чего убийце понадобились самые свежие сведения о четырех своих жертвах, плюс еще о четырех подставленных им мужчинах, да еще нужно было успеть подготовить ложные улики. Вот и получается, что быстро получить такой объем информации можно только от дейта-майнера.

Стерлинг улыбнулся и чуть поморщился.

Сакс нахмурилась и вопросительно подняла голову.

Ответил информационный магнат весьма уклончиво:

– В термине «дейта-майнер» нет ничего предосудительного. Тем более что пресса давно за него ухватилась, и теперь он не сходит с газетных полос.

Двадцать миллионов статей в Интернете…

– Но я предпочитаю называть нашу компанию ПИУ – поставщик информационных услуг – по аналогии с провайдером интернет-услуг.

К своему удивлению, Сакс ощутила себя несколько виноватой из-за того, что Стерлинг чуть ли не обиделся на использованную ею формулировку. Ей даже захотелось сказать, что она в дальнейшем будет воздерживаться от столь необдуманных высказываний.

Стерлинг поправил и без того безупречно ровную стопку чистых, как поначалу решила Сакс, листов бумаги на столе. Однако потом она заметила, что это документы, перевернутые текстом вниз.

– Поверьте, причастен ли кто-то из сотрудников «ССД» к этим делам, я хочу знать не меньше вашего. Для нас это может стать настоящим ударом; провайдеры информационных услуг в последнее время и так неважно выглядят в глазах прессы и обитателей Капитолия.

– Прежде всего, – возразила Сакс, – у нас почти нет сомнений в том, что убийца приобрел большинство предметов за наличные.

Стерлинг согласно кивнул:

– Ему наверняка не захочется оставлять следов.

– Вот именно. Однако обувь куплена им по почте или через Интернет. Вы можете составить список тех, кто заказывал вот эти модели и размеры в Нью-Йорке и пригородах? – Сакс передала Стерлингу листок с переписанными из уголовных дел параметрами мужской обуви. – По идее их купил один и тот же человек.

– На протяжении какого периода?

– Последних трех месяцев.

Стерлинг быстро переговорил с кем-то по телефону, и минуты через полторы, не больше, уже устремил взгляд на экран компьютера. Потом развернул его в сторону Сакс; ее глазам предстали малопонятные строчки товарных наименований и кодов.

Генеральный управляющий покачал головой:

– За это время реализовано приблизительно восемьсот пар ботинок «Олтон», тысяча двести «басс-уокеров» и две сотни кроссовок «Шур-трэк». Но ни три, ни даже две пары вместе не проданы в одни руки.

Как и предполагал Райм, убийца, воспользовавшись информацией «ССД», постарался замести свои следы, но все же у детективов до последнего момента сохранялась надежда, что эта зацепка сработает. Глядя на экран монитора, Сакс подумала, не применил ли оборотень и при заказах обуви приемы, отработанные на Роберте Джоргенсене.

– Мне очень жаль, – произнес Стерлинг.

Она только кивнула.

Стерлинг снял колпачок со старинной серебряной авторучки, придвинул к себе блокнот и вписал в него что-то недоступное для прочтения с позиции, занимаемой Сакс. Он несколько секунд смотрел в блокнот, утвердительно кивая собственным мыслям.

– Ваша версия, как мне представляется, сводится к тому, что кто-то скрытно воспользовался нашей информацией. Это может быть проникший в компанию казачок, ее сотрудник, клиент или хакер, взломавший нашу компьютерную систему. Правильно?

Рон Пуласки взглянул на Сакс и ответил:

– Именно так.

– Хорошо. Тогда давайте займемся этим вплотную.

Стерлинг посмотрел на свои часы – скромные «Сейко».

– Через несколько минут здесь соберутся, возможно, люди, заинтересующие вас. Только придется немного подождать. Каждый понедельник в это время мы созываем «хранителей корпоративного духа».

– Хранителей корпоративного духа? – недоуменно переспросил Пуласки.

– Собрание руководителей групп, культивирующих определенный морально-психологический настрой в коллективе. Они скоро будут здесь. Мы начинаем ровно в восемь. Просто некоторые добираются дольше, чем остальные. Это зависит от самого руководителя. – Стерлинг произнес в микрофон: – Команда, интерком, Мартин.

Сакс чуть не рассмеялась – у него установлена та же система управления голосом, какой пользуется Райм.

– Да, Эндрю, – раздалось из интеркома.

– Мне нужен Том – начальник охраны – и Сэм. Они участвуют в сегодняшнем собрании?

– Вообще-то нет, Эндрю, а Сэм, наверно, всю неделю пробудет в Вашингтоне. Вернется не раньше пятницы. За Сэма остался Марк, его заместитель.

– Тогда пусть он зайдет.

– Да, сэр.

– Команда, интерком, отбой. – Стерлинг повернулся к Сакс и повторил: – Придется обождать немножко.

А она-то думала, когда на ковер вызывает сам Эндрю Стерлинг, подчиненные материализуются у него в кабинете моментально. Генеральный вернулся к своим пометкам, а Сакс принялась разглядывать эмблему «ССД» на стене. Дождавшись, когда Стерлинг закончил свою писанину, она спросила:

– Можно полюбопытствовать? Башня и окно – что они символизируют?

– Ну, самое очевидное, обзор информации – на то и сторожевая башня. Но есть и скрытый смысл.

Стерлинг улыбнулся, радуясь представившейся возможности объяснить идеологию своего дела.

– Вы слышали о концепции разбитого окна в социальной философии?

– Нет.

– Я ознакомился с этой идеей давным-давно, и она навсегда врезалась мне в память. Суть ее в том, что приступать к усовершенствованию общества следует с малого. Если вам удается наводить – и поддерживать – порядок в мелочах, то, естественно, у вас появляется возможность для более крупных позитивных перемен. Взять хотя бы городские районы-новостройки с высоким уровнем преступности. Можно вложить миллионы долларов в усиленные полицейские патрули и камеры наблюдения, но если внешне район выглядит неухоженным и опасным, то он и останется таковым. Эти миллионы можно сэкономить, если потратить тысячи и вставить стекла в разбитые окна, покрасить стены, убрать мусор – принять, казалось бы, несущественные, чисто косметические меры, способные, однако, привести к тому, что люди почувствуют себя иначе. Они станут гордиться местом, где живут, и возмущаться, если кто-то начнет вести себя неподобающим образом, пренебрежительно относиться к собственному жилищу, а в итоге сами

обратятся к властям с просьбой навести порядок. Вы наверняка знаете, что именно эта концепция была положена в основу кампании по предупреждению преступности в Нью-Йорке в девяностых годах. И она сработала.

– Эндрю, – раздался по интеркому голос Мартина, – здесь Том и Марк.

– Пусть войдут, – быстро распорядился Стерлинг и положил прямо перед собой листок бумаги с только что сделанными пометками. Потом заметил с недоброй улыбкой: – Разберемся, кому хватило дерзости заглядывать к нам в окошко.

Глава девятнадцатая

В дверь позвонили, и вслед за Томом в лабораторию уверенным шагом вошел худощавый мужчина лет тридцати со взъерошенными каштановыми волосами, одетый в джинсы и старую спортивную куртку коричневого цвета, под которой виднелась футболка с надписью «Чокнутый Эл Янкович».

Компьютерная грамотность просто необходима для современного криминалиста, однако и Райм, и Купер признавали свое отставание в этой области. Когда стало ясно, что в расследовании дела «5-22» не обойтись без знания цифровых технологий, Селлитто обратился за помощью в отдел компьютерных преступлений при Управлении полиции Нью-Йорка, элитное подразделение, состоящее из тридцати двух детективов и электронщиков.

– Привет, – обратился к присутствующим Родни Шарнек, глядя в то же время на ближайший монитор. Потом все-таки повернулся к Райму и, будто не замечая его физического состояния, все свое внимание сосредоточил на пульте дистанционного контроля окружающей среды. Прибор явно произвел на него глубокое впечатление.

– У тебя что, выходной? – суровым тоном спросил Селлитто, с неодобрением взирая на небрежно одетого компьютерщика.

Лон принадлежал к старой гвардии и считал, что полицейский не может себе позволить иметь разгильдяйский вид.

– Выходной? – переспросил Шарнек, не замечая сарказма. – С какой стати у меня сегодня должен быть выходной? Нет, я на дежурстве.

– По тебе не скажешь.

– Да ладно уж! Ну, так в чем тут у вас дело?

– Нужно устроить западню.

Идея Линкольна Райма заявиться в «ССД» и напрямую завести разговор об убийце была не такой наивной, как казалась. Когда он увидел на веб-сайте компании, что одно из подразделений (PublicSure) оказывает информационную поддержку полиции, то сразу понял, что среди клиентов наверняка есть и нью-йоркское управление. В таком случае доступ к его файлам мог иметь и убийца. Короткий телефонный разговор лишь подтвердил догадку: да, их управление в числе клиентов. Консультанты «ССД» и программа PublicSure оказывают ему услуги по мониторингу базой данных и сведению воедино информации по уголовным делам, оперативным отчетам и архивам. Если патрульному полицейскому во время дежурства понадобится срочно выяснить, находится ли данный гражданин в розыске, или следователь, недавно переведенный в убойный отдел, захочет ознакомиться с содержанием какого-нибудь старого дела, программа PublicSure за считанные минуты сбросит нужную информацию прямо на компьютер у него на столе или в патрульной машине, а также на ПЦС «наладонник» и даже на сотовый телефон.

Столь демонстративная акция, как наведение справок об убийце и злостном дезинформаторе, скрывающемся среди тех, кто имеет доступ к базам данных о его жертвах, не могла остаться незамеченной для «5-22». Вероятно, он попытается с помощью PublicSure заглянуть в полицейские файлы, чтобы понаблюдать за ходом расследования, и тогда появится шанс вычислить его, узнав, кто из посторонних проник в систему.

Пока Райм объяснял ситуацию Шарнеку, тот понимающе кивал, будто только и занимался тем, что расставлял подобные ловушки. Однако он встревожился, узнав, на какую фирму пало подозрение в связи с совершенными преступлениями.

– «ССД»? Да это же крупнейший дейта-майнер в мире! У них под колпаком каждый смертный на земле.

– И в чем проблема?

Беспечное выражение ненадолго стерлось с лица компьютерного аса, и он невнятно пробормотал:

– Да в общем-то нет проблемы… Надеюсь.

Шарнек принялся за работу, на ходу поясняя свои действия. Сначала он убрал из файлов все данные, подлежащие сокрытию от «5-22», сбросил их на диск и сохранил на другом компьютере, не имеющем выхода в Интернет. Затем разместил перед файлом «Дело об изнасиловании и

убийстве Майры Уэйнберг» на сервере полицейского управления программу, определяющую источник поступившего запроса, снабженную визуальным сигналом тревоги. Кроме того, в качестве дополнительной наживки создал субфайлы с провокационными названиями «Передвижения подозреваемых», «Криминалистическая экспертиза» и «Свидетели», на самом деле содержащие лишь общие сведения о результатах осмотров мест, где были совершены преступления. Теперь при любой попытке открыть их, взломав программу или двигаясь по официальным каналам, Шарнек немедленно узнает фактическое местонахождение чрезмерно любопытного незнакомца, а также имя его интернет-провайдера. Эти данные, в свою очередь, позволят ему тут же определить, кто изучает содержание файла: полицейский по служебной необходимости либо посторонний. В таком случае Шарнек известит Райма или Селлитто, а тот в срочном порядке направит по указанному адресу группу захвата из ПЧР. Еще компьютерщик вставил в файлы крупные блоки закодированной информации, состоящей в основном из открытых публикаций о «ССД» ю. Смысл этого состоял в том, чтобы вынудить преступника надолго застрять в системе, расшифровывая текст, и таким образом еще больше повысить вероятность его идентификации.

– Сколько тебе понадобится времени, чтобы закончить с этими делами?

– Минут пятнадцать-двадцать.

– Хорошо. А потом я хочу знать, можно ли проникнуть в их систему извне.

– «Крэкнуть» систему «ССД»?

– Ну да.

– Ничего себе! Да у них же тройная файерволовая защита «огненная стена».

– Вот и проверим.

– Так… То есть, насколько я понял, если убийца засел в «ССД», мне надо влезть к ним в систему без их ведома и согласия?

– Верно.

Шарнек помрачнел.

– Я, конечно, могу прощупать защиту…

– Значит, это не противозаконно?

– И да, и нет. Тестирование файерволов само по себе не преступление до тех пор, пока я фактически не вторгся в систему. Вот тогда поднимется жуткая шумиха в прессе, а нас всех упекут за решетку. – И добавил зловеще: – Или еще чего похуже.

– О'кей, первым делом мне нужна западня. Срочно!

Райм бросил взгляд на часы. Весть о цели прихода Сакс и Пуласки уже распространилась по «серой глыбе».

Шарнек вынул из висящей на плече сумки тяжелый переносной компьютер и поставил его на ближайший стол.

– А у вас, случайно, нет... А, спасибо!

В лабораторию вошел Том с кофейником и чашками на подносе.

– Как раз то, что нужно! Мне без молока, побольше сахара. Если у слабака слабость на компьютеры, его уже не исправить, даже если он коп. Лично я так и не взял себе в привычку спать по ночам.

Шарнек высыпал сахар в кофе, размешал и, не успел отойти Том, залпом выпил полчашки. Помощник Райма тут же долил ее доверху.

– Спасибо. Так, что у нас здесь? – Шарнек окинул взглядом рабочее место Купера. – Ой-ой-ой!

– Чего ой-ой-ой?

– Я смотрю, вы пользуетесь кабельным модемом с пропускной способностью в полтора мегабита? А вам известно, что в наше время уже производят мониторы с цветным изображением и существует такая вещь, как Интернет?

– Смешно, – буркнул Райм.

– Свяжитесь со мной, когда закончите расследование. Мы тут вам кое-что заменим, подстроим ЛВС, установим БЭ.

«Господи, о чем это он? БЭ, ЛВС, Чокнутый Эл...»

Шарнек надел затемненные очки, подсоединил кабели к портам своего компьютера и компьютера Райма и забарабанил пальцами по клавиатуре. Криминалист обратил внимание на то, что некоторые буквы на клавишах стерлись, в щели между ними забились какие-то крошки, на пульте образовалось жирное пятно.

Селлитто бросил на Райма красноречивый взгляд – мол, кого только не встретишь в нашей конторе.

Первым в кабинете Эндрю Стерлинга появился подтянутый, спортивного вида, мужчина средних лет с непроницаемым лицом. Сакс, по ее выражению, печенкой почуяла, что это бывший коп. Вслед за ним вошел типичный современный молодой менеджер – постоянно настороженный и очень похожий на светловолосого персонажа из ситуационной комедии «Фрейзер».

Сакс почти угадала относительно первого, только Том О'Дей отработал в свое время не копом, а федеральным агентом, а после ухода на пенсию возглавил службу безопасности «ССД». Второго звали Марк Уитком; в компании он занимал должность заместителя начальника исполнительно-правового отдела.

Стерлинг объяснил:

– Том и его парни из охраны обеспечивают нашу безопасность от посягательств извне. Отдел Марка следит, чтобы мы не навредили общественности. Нам приходится маневрировать на минном поле. Вы наверняка уже предварительно изучили нашу компанию и поняли, что «ССД» вынуждена учитывать в своей деятельности сотни федеральных и местных законов о праве на невмешательство в личную жизнь – Акт Грэмма-Лича-Блайли о незаконном использовании персональной информации на ложных основаниях; Акт о недискриминативной отчетности по кредитованию; Акт об ответственности за хранение врачебной тайны; Акт о защите приватности автомобилистов, а также множество законодательных норм штатов. Исполнительно-правовой отдел заботится о том, чтобы мы знали правила игры и не нарушали их.

Отлично, подумала Сакс. Эти двое лучше других сумеют распространить по компании новость о расследовании убийств и вызвать у «5-22» желание поскорее сунуть свой нос в западню, устроенную для него на сервере полицейского управления.

Марк Уитком вступил в разговор, продолжая с рассеянным видом рисовать каракули в своем желтом блокноте:

– Похоже, придется позаботиться еще и о том, чтобы содержание будущего фильма Майкла Мура о поставщиках информационных услуг не сосредотачивалось на нашей компании.

– Типун тебе на язык! – пошутил Стерлинг, хотя по его лицу было заметно, что встревожен он не на шутку. Потом обратился к Сакс: – Можно, я поделюсь с ними тем, что услышал от вас?

– О да, конечно.

Стерлинг сжато и доходчиво объяснил подчиненным суть дела, не упустив, однако, даже таких конкретных подробностей, как марки изделий, попавших в число вещественных доказательств.

По ходу рассказа Уитком все больше хмурился. О'Дей слушал молча, с серьезным выражением на лице. Сакс решила про себя, что эта сдержанность не только отпечаток долголетней службы в ФБР, но и персональная черта характера, присущая начальнику охраны.

– Вот, – подытожил Стерлинг, – какая проблема встала перед нами. Во-первых, я хочу знать, имеет ли «ССД» отношение к этим преступлениям? Во-вторых, я хочу, чтобы эта проблема была решена. Мы уже определили четыре вероятных источника риска: хакеры, лазутчики, сотрудники и клиенты компании. Ваши соображения?

О'Дей, бывший агент ФБР, обратился к Сакс:

– Начнем с хакеров. Наша система защищена более надежными файерволами, чем другие крупные компании, включая «Майкрософт» и «Сан». Чтобы обезопасить себя со стороны Интернета, мы пользуемся компьютинговой интернет-службой в Бостоне. Уверяю вас, «ССД» все равно что заяц в открытом поле в разгар сезона охоты – вожделенная цель для хакеров всего мира. Однако за пять лет, прошедших с тех пор, как мы обосновались в Нью-Йорке, еще никому не удалось взломать нашу систему. Несколько умельцев смогли залезть на десять-пятнадцать минут в административные серверы, но только не в innerCircle – базу данных «Внутреннего круга». Именно туда должен был проникнуть ваш неизвестный, чтобы получить нужную информацию, использованную при совершении преступлений. А для этого ему понадобилось бы взломать защиту не одной, а трех или четырех независимых операционных систем.

Стерлинг добавил:

– Для постороннего лазутчика такое тоже невыполнимо. Наша система жесткой охраны внешнего периметра точно такая же, как у Национального агентства безопасности. Круглосуточно дежурят пятнадцать охранников и еще двадцать подключаются по ночам. Посетителей вообще не подпускают к серверам, обслуживающим innerCircle. Мы регистрируем приход каждого постороннего, и никто не

может перемещаться по зданию без сопровождения, даже наши клиенты.

Действительно, Сакс и Пуласки прибыли в поднебесную приемную в компании неулыбчивого молодого охранника, чью бдительность ничуть не ослабил тот факт, что оба гостя служили в полиции.

В разговор опять вступил О'Дей:

– Года три назад был у нас один случай. – Он взглянул на Стерлинга. – Тот журналист. Но с тех пор ничего.

Генеральный управляющий кивнул:

– Да, слишком ретивый репортер одной из городских газет. Писал статью о мошенниках, действующих под чужим именем, и, представляете, вдруг решил, что мы есть само воплощение дьявола. Недаром ему уже дали от ворот поворот в «Аксиоме» и «Чойспойнте». Я уважаю свободу прессы, поэтому встретился с ним. Репортер попросился в туалет и якобы заблудился. Потом объявился – веселый, дальше некуда! Мы сразу заподозрили неладное. Заглянули в его кейс, а там фотоаппарат со снимками секретных бизнес-планов и даже кодов доступа.

О'Дей добавил:

– Журналист не только потерял работу, но и попал под суд по обвинению в незаконном вторжении на территорию частной собственности. Полгода просидел в тюрьме штата. Насколько я знаю, теперь ни одно издание не хочет сотрудничать с ним на постоянной основе.

Стерлинг многозначительно наклонил голову и, стараясь быть убедительным, произнес, обращаясь к Сакс:

– Мы очень, очень серьезно относимся к мерам безопасности.

В дверях появился молодой человек. Сакс поначалу приняла его за Мартина, секретаря управляющего, но тут же поняла, что ошиблась из-за сходства в телосложении и такого же черного костюма.

– Извиняюсь за вторжение, Эндрю.

– А, Джереми!

Так, значит, это второй секретарь Стерлинга. Он посмотрел на мундир Пуласки, перевел взгляд на Сакс и, так же как Мартин, поняв, что их не

будут представлять друг другу, перестал обращать внимание на всех, кроме своего босса.

– Карпентера ко мне, – скомандовал Стерлинг. – Сегодня же.

– Да, Эндрю.

Секретарь удалился, а Сакс вернула беседу в нужное ей русло:

– Перейдем к персоналу. У вас случались нарушения дисциплины?

– Все наши сотрудники подверглись тщательной проверке, – ответил Стерлинг. – Я не разрешаю принимать на работу тех, у кого проблемы с законом превышают нарушения правил дорожного движения. А сбор и учет биографических данных – одна из наших специализаций. Но даже если кто-то из работников захочет проникнуть в innerCircle, украсть информацию ему не удастся. Марк, расскажи про ячейки.

– Хорошо, Эндрю. – Уитком повернулся к Сакс: – У нас ячеечная система с непробиваемой защитой.

– Я плохо разбираюсь в технике, – призналась Сакс.

Уитком рассмеялся.

– Нет-нет, тут никаких технических сложностей. Речь идет о ячейках с самыми обычными бетонными простенками и полами. Мы сортируем получаемую информацию и храним ее фактически раздельно. Будет понятнее, если я поясню, как функционирует «ССД». Начнем с той предпосылки, что информация является нашим главным активом. Если кому-то удастся создать систему, подобную innerCircle, мы обанкротимся в течение недели. Поэтому первоочередная задача, как у нас говорят, «защищай свой главный актив». Откуда же поступает к нам информация? Источников тысячи: кредитные компании, банки, государственные регистрационные учреждения, розничная торговая сеть, интернет-магазины, суды, отделения департамента автотранспорта, больницы, страховые фирмы. Всякое событие, порождающее информацию, мы называем «учетная трансакция». Это может быть, к примеру, телефонный звонок в бесплатную справочную, регистрация купленного автомобиля, оплата медицинских услуг по страховке, подача судебного иска, рождение ребенка, регистрация брака, любая покупка, возвращение товара по гарантии, рекламация… В вашем деле трансакцией может быть изнасилование, грабеж, убийство – в общем, преступление. А также открытие уголовного дела, выбор присяжного судьи, судебный процесс, исполнение приговора.

Уитком сделал паузу и продолжил:

– Всякая трансакция поступает в «ССД» через Центр приема, где происходит ее оценка. Из соображений безопасности мы проводим политику маскировки данных: вместо имени и фамилии человека используем цифровой код.

– Номер карточки социального страхования?

По лицу Стерлинга пробежало возбужденное выражение.

– Ну нет! Эти номера предназначались исключительно для государственных пенсионных счетов и лишь по стечению обстоятельств превратились фактически в удостоверение личности, хотя данную функцию выполняют плохо, карточки легко украсть, купить. Иметь их при себе так же опасно, как держать в доме заряженное ружье. Нет, код «ССД» представляет собой число из шестнадцати цифр. Такие номера присвоены уже девяносто восьми процентам американцев. Теперь каждый новорожденный в любом пункте Северной Америки автоматически получает свой код.

– А почему так много цифр – целых шестнадцать? – поинтересовался Пуласки.

– Про запас, – пояснил Стерлинг. – Чтобы хватило на всю оставшуюся жизнь. Мы можем присвоить коды почти квинтильону человек. На Земле не останется жизненного пространства, раньше чем у «ССД» закончатся шестнадцатизначные номера. Используя коды вместо фамилий или соцстраховских номеров, мы существенно усиливаем безопасность нашей системы, не говоря уж о многократном ускорении обработки данных. Очень важно также то, что использование кодов нейтрализует человеческий фактор и делает оценку личности беспристрастной. Наше подсознание заставляет нас предвзято относиться к людям с такими именами, как Адольф, Бритни, Шакира, Диего, даже если они нам совершенно незнакомы. Номер устраняет всякое предубеждение. И повышает производительность. Извини, Марк, продолжай.

– Конечно, Эндрю. Как только человеку вместо имени присвоен номер, Центр приема проводит оценку трансакции, решает, к какой категории она относится, и отправляет в один или во все три накопителя информации – ячейки данных. Так «Ячейка-Эй» предназначена для личных биографических сведений. В «Ячейке-Би» собрано все, что касается финансов, – изменения в доходах, банковские счета, полученные ссуды и займы, страхование. «Ячейка-Си» содержит официальные учетные и регистрационные данные.

– После этого информация подвергается чистке, – вступил в разговор Стерлинг. – Отсеивается всякая шелуха, и данным придается унифицированная форма. К примеру, если в некоторых документах женский пол обозначается буквой «Ж» или сокращением «жен» и иногда ноль перемежается с единицей, то в нашем деле все должно быть единообразно. Еще мы устраняем помехи, вычищаем информационную грязь – ошибки, ненужные подробности или, наоборот, слишком тезисные данные, недостаточно подтвержденные фактами. Помехи засоряют поток информации, так что их надо устранять. – Голос Стерлинга опять зазвучал возбужденно. – Очищенные данные помещаются в ячейки и хранятся там, пока какому-нибудь нашему клиенту не понадобится предсказатель судьбы.

– Что вы имеете в виду? – спросил Пуласки.

Стерлинг объяснил:

– В семидесятых годах уровень программного обеспечения баз данных позволял проводить анализ производственной и коммерческой деятельности предприятий только по ее итогам. В девяностых годах компьютеры можно было использовать для наблюдений уже за текущей ситуацией. Это стало существенным шагом вперед. Теперь же мы способны *предвидеть,* как поведут себя потребители, и указывать нашим клиентам самые эффективные варианты действий для извлечения максимальной выгоды из будущей ситуации.

– В таком случае вы не просто заглядываете в будущее, – заметила Сакс. – Вы пытаетесь изменить его.

– Совершенно верно. Но разве не за этим обращаются к услугам предсказателя судьбы?

Глаза Стерлинга смотрели на Сакс вполне благожелательно, даже чуть весело, но ей стало не по себе при воспоминании о вчерашней стычке с федеральным агентом в Бруклине. Ведь «5-22» будто смоделировал ситуацию, неизбежно ведущую к перестрелке между ними, в точном соответствии со словами генерального управляющего «ССД».

Стерлинг жестом велел Уиткому продолжать.

– Так вот, данные, содержащие одни номера вместо фамилий, распределяются по трем информационным накопителям, расположенным на разных этажах и в раздельных защищенных зонах. Например, сотрудник, занимающийся официальными учетными данными, не имеет доступа к финансовой и биографической ячейкам. Все, кто работает с ячейками данных, лишены доступа к информации,

хранящейся в Центре приема, а значит, не могут сопоставить шестнадцатизначные номера с реальными фамилиями и адресами.

– Вот почему, как уже сказал Том, хакеру пришлось бы взламывать по очереди все три ячейки данных, – добавил Стерлинг.

– А наш отдел бдительно охраняет систему, круглосуточно и без выходных, – подхватил О'Дей. – Если кто-то попытается вторгнуться в ячейку, мы тут же будем оповещены об этом. Если это сотрудник, его сразу уволят и скорее всего подвергнут аресту. Ячейки оборудованы компьютерами без портов, а значит, с них нельзя скачать информацию. Даже если кому-то удастся установить на сервере считывающее устройство, вынести его из здания он не сможет. На проходной обыскивают всех без исключения – рядовых сотрудников, начальников, охранников, пожарников, уборщиков. Не делают поблажки и генеральному управляющему. В дверях, ведущих в сектора ячеек данных и Центра приема информации, а также и на пожарных выходах, установлены детекторы металла и плотных материалов.

– А кроме того, электромагнитные генераторы, – продолжил Уитком. – Они полностью стирают запись на любом электронном носителе, имеющемся у проходящего мимо них человека, в том числе на айподе, сотовом телефоне или жестком диске. Так что из ячеек невозможно вынести ни одного килобайта информации.

Сакс уточнила:

– Значит, ни хакеры извне, ни служащие или незваные гости изнутри не могут практически ничего украсть из этих помещений, так получается?

Стерлинг утвердительно кивнул:

– Информация – наш единственный актив. Мы оберегаем ее как зеницу ока.

– Остается последний вариант – один из клиентов «ССД».

– Как уже объяснил Том, вашему преступнику пришлось бы иметь доступ к досье innerCircle на каждого из убитых или арестованных людей.

– И что из этого следует?

Стерлинг поднял перед собой обе руки и стал похож на учителя.

– Но клиенты не имеют доступа к досье. Да они им и не нужны вовсе. База данных содержит сырой фактический материал, не представляющий интереса для наших клиентов. Они хотят получить

конечный продукт – анализ информации. Клиенты обычно регистрируются в таких программах, как Watchtower – «Сторожевая башня» – наша патентованная система управления базой данных, – а также Xpectation, или FORT. Эти программы самостоятельно ведут поиск в innerCircle, отбирают нужный материал и преобразуют его в потребительскую форму. Если вас устроит сравнение работы Watchtower с золотодобычей, то можно сказать, что примерно так же старатели отсеивают тонны земли и камней, чтобы извлечь несколько самородков.

Сакс возразила:

– Но если клиент приобрел множество списков адресатов для рассылки рекламы, не исключено, что у него могло накопиться достаточно информации, чтобы совершить преступление, не так ли? – При этом она кивнула на опись вещественных доказательств, которую еще раньше показала Стерлингу. – Скажем, преступник мог заполучить списки всех, кто купил данный сорт крема для бритья, ту или иную марку презервативов, клейкой ленты, кроссовок и так далее.

Стерлинг в задумчивости поднял брови.

– Хм... Теоретически это возможно, хотя объем работы громадный... Ладно, я велю подготовить список клиентов «ССД», приобретших любую информацию, содержащую данные о фигурантах ваших дел. За какой период – последние три месяца? Нет, лучше полгода.

– Да, это нас устроит.

Сакс покопалась в своем кейсе, содержимое которого не отличалось таким же порядком, какой царил на столе Стерлинга, и протянула ему список лиц, проходящих по делу «5-22», – убитых и скомпрометированных им людей.

– Наш типовой договор дает нам право в случае необходимости предоставлять информацию о наших клиентах, так что с юридической точки зрения проблемы не будет. Однако составление полного списка может занять пару часов.

– Спасибо. Один последний вопрос по поводу сотрудников... Вы сказали, у них нет доступа к ячейкам. Но не могут ли они скопировать чье-нибудь досье на своем рабочем месте?

Стерлинг кивнул, выражая свое уважение, очевидно, не ожидая подобной проницательности от полицейского детектива, хотя вопрос Сакс бросал тень подозрения на служащих его компании.

– У большинства сотрудников нет такой возможности. Мы ввели максимальные ограничения, опять же с целью защиты нашей информации. Однако кое-кто из нас располагает так называемым безлимитным доступом.

Уитком выдавил улыбку.

– Да, но эти люди вне подозрений, Эндрю!

– Ситуация требует проверить все мало-мальски вероятные версии.

Уитком объяснил Сакс и Пуласки:

– Дело в том, что безлимитным доступом у нас пользуется только высшее руководство. Мы работаем вместе уже много лет и стали как одна семья – вместе отмечаем праздники, выезжаем на природу...

Стерлинг, подняв руку, прервал Уиткома и с твердостью в голосе заметил:

– Повторяю, Марк, ни один человек в нашей компании не избежит проверки. Подозрения должны быть сняты с нас любой ценой. Я хочу полной ясности.

– Кто обладает безлимитным доступом? – спросила Сакс.

Стерлинг пожал плечами.

– Ну, во-первых, я. А еще начальники отделов продаж и обработки информации. Думаю, главный кадровик тоже сумел бы составить досье, хотя, я уверен, ни разу этого не делал. И босс Марка, начальник исполнительно-правового отдела.

Стерлинг назвал всех по фамилиям, и Сакс записала.

Она вопросительно посмотрела на Марка, и тот покачал головой:

– У меня нет доступа.

О'Дей также не обладал безлимитным доступом к системе.

– А ваши заместители? – обратилась Сакс к Стерлингу, имея в виду Джереми и Мартина.

– У них тоже нет доступа. Так, а теперь о технарях, занимающихся ремонтом и обслуживанием системы: рядовые сотрудники не могут составить досье, но вот есть у них в отделе два менеджера,

располагающие такой возможностью. Один работает днем, второй в ночную смену.

Стерлинг назвал их фамилии тоже.

Сакс пробежала глазами по своим записям.

– Есть простой способ установить их непричастность или, напротив, выявить виновность.

– Какой?

– Мы знаем, где находился убийца в субботу во второй половине дня. Те, у кого есть алиби, свободны от подозрений. Позвольте мне переговорить со всеми. Если можно, прямо сейчас.

– Хорошо, – с готовностью согласился Стерлинг. – Это действительно простой способ внести полную ясность.

Внезапно к Сакс пришло осознание того, что всякий раз, когда Стерлинг смотрел на нее, их взгляды встречались. То есть в отличие от многих, если не большинства, мужчин, с которыми она общалась, Стерлинг не пялился на ее тело и вообще никоим образом с ней не заигрывал. Интересно, подумала она, как у него складываются отношения с женщинами, а вслух спросила:

– Можно мне самой ознакомиться с организацией охраны ячеек данных?

– Пожалуйста. Только не берите с собой свой пейджер, сотовый и ПЦС. И любые флэш-накопители, иначе их память будет стерта. При выходе вас обыщут.

– О'кей.

Стерлинг кивнул О'Дею, тот вышел из кабинета и вернулся с тем же молодым охранником сурового вида, что встречал Сакс и Пуласки в вестибюле первого этажа, а затем сопровождал сюда.

Стерлинг распечатал на принтере пропуск для Сакс, подписал его и отдал охраннику, и тот опять повел ее по длинным коридорам.

Сакс обрадовалась легкости, с какой Стерлинг согласился выполнить ее просьбу. У нее был другой, тайный интерес к тому, чтобы своими глазами увидеть ячейки данных. Во-первых, еще больше сотрудников узнают о ее присутствии и полицейском расследовании, а значит, увеличатся шансы, что убийца скорее клюнет на приманку и попадет в приготовленную для него ловушку. Ей также хотелось расспросить

охранника о мерах безопасности, принятых в компании, и проверить то, о чем только что услышала от О'Дея, Уиткома и Стерлинга.

Однако шагающий рядом парень упрямо молчал, будто ребенок, неукоснительно соблюдающий запрет родителей на разговор с чужими тетями.

Сменялись двери, коридоры, лестницы, ведущие вниз и вверх, пока Сакс окончательно не потеряла всякое представление о том, в какой части здания она находится. Время от времени по ее телу пробегала судорога. Пространство вокруг сжималось, коридоры сужались, освещение становилось все более тусклым. Сакс снова ощутила приступ клаустрофобии; если по всей «серой глыбе» окошечки и так слишком маленькие, то здесь – по мере приближения к ячейкам данных – они и вовсе отсутствовали. Она глубоко вдохнула, но облегчения не почувствовала.

Сакс взглянула на нагрудный именной бейдж охранника.

– Послушайте, Джон…

– Да, мэм?

– Почему такая странная архитектура? Я имею в виду окна – они либо крошечные, либо их вообще нет.

– Мера предосторожности. Эндрю не хочет, чтобы кто-то снаружи смог сфотографировать хранилище информации, содержащей, в частности, пароли, бизнес-планы…

– Неужели? Это в принципе возможно?

– Трудно сказать… Мы проверяем с помощью средств визуального наблюдения. Иногда поступает указание обследовать расположенные поблизости смотровые площадки, окна домов напротив. Правда, ни разу не засекали ничего подозрительного. Однако Эндрю хочет, чтобы мы продолжали это делать.

Ячейки данных производили весьма своеобразное впечатление. Стены в каждой из них были выкрашены в свой, соответствующий только ей цвет – голубой в биографической, красный в финансовой, зеленый в регистрационной. Несмотря на просторность помещений, чувство клаустрофобии, охватившее Сакс, не ослабевало. Потолки нависали низко, еще сильнее сгущая царящий здесь полумрак, ряды компьютеров разделялись узенькими проходами. В воздухе дрожало напряженное гудение, похожее на сдержанный рев. Кондиционеры работали на

полную мощность, однако атмосфера оставалась душной и спертой, что неудивительно, принимая во внимание огромное количество аппаратуры и потребляемой ею электроэнергии.

Такой концентрации компьютеров в одном месте Сакс не видела ни разу в жизни. Большие белые коробки были промаркированы – только, как ни странно, не номерами, а переводными картинками, изображающими персонажи мультфильмов; Человек-Паук, Бэтман, Барни, Подорожник, Микки-Маус.

– Это кто там – Губка-Боб? – спросила Сакс, кивком указывая на одну из картинок.

Джон впервые улыбнулся ей:

– Это еще одна защитная оболочка, придуманная Эндрю. В нашем отделе есть сотрудники, постоянно наблюдающие за переговорами в Интернете, касающимися «ССД» и innerCircle. Если вместе с упоминанием компании возникнет имя мультяшного героя вроде Хитрого Койота или Супермена, это может означать, что кого-то слишком интересуют наши компьютеры. Имена легче заметить, чем просто номер.

– Разумно, – одобрила Сакс, хотя усмотрела иронию в том, что Стерлинг предпочитает людей нумеровать, а машинам давать имена.

Наконец они оказались в Центре приема информации, в помещении с унылыми серыми стенами. По размерам оно существенно уступало ячейкам данных, и клаустрофобия нахлынула на Сакс с новой силой. Единственным украшением здесь, как и в ячейках, было изображение сторожевой башни со светящимся окном да еще большой портрет Эндрю Стерлинга с неестественной улыбкой на лице. Надпись под портретом возвещала: «Ты – самый лучший!»

Возможно, имелось в виду лидирующее положение «ССД» на рынке информационных услуг или какой-нибудь приз, завоеванный компанией. Не исключено, что похвала адресовалась сотрудникам с целью внушить им чувство самоуважения. Однако на Сакс вся эта композиция произвела неприятное впечатление, ей казалось, что она призывала стать лучшим в деле, в котором вообще не хочется участвовать.

Замкнутое пространство продолжало давить на Амелию, воздуха не хватало, дыхание участилось.

Охранник с пониманием взглянул на нее:

– Действует на психику, правда?

Сакс вымучила улыбку.

– Есть немного.

– Мы по инструкции обязаны делать обходы ячеек, но стараемся не задерживаться здесь дольше положенного.

Теперь, когда Амелии удалось растопить лед недоверия и разговорить Джона, она расспросила его о мерах безопасности, желая убедиться в искренности Стерлинга и его помощников.

Похоже, те и впрямь не кривили душой. Охранник подтвердил сказанное генеральным управляющим: все компьютеры, обслуживающие систему, включая рабочие места в офисах, не имели портов, дающих возможность снять с них информацию, просматривались только гнезда для подключения клавиатур и мониторов. По словам Джона, все помещения в здании были защищены экраном, непроницаемым для электромагнитных волн. Он повторил также то, что уже рассказывали ей Стерлинг и Уитком о принципе разделения информации: данные, хранящиеся порознь в ячейках и в Центре приема, можно использовать, только собрав их вместе. Меры безопасности в общем-то не распространялись на мониторы компьютеров, однако, чтобы попасть в ячейки, необходимо иметь электронный пропуск, знать пароль и соответствовать параметрам, выявляемым при биометрическом сканировании, – в противоположном случае, понятно, придется остаться под опекой накачанного охранника, следящего за каждым твоим движением (этим как раз и занимался Джон, причем довольно бесцеремонно).

За пределами ячеек, как и предупреждали Амелию руководители компании, также были приняты повышенные меры предосторожности. На выходе ее и Джона развели в разные стороны, тщательно обыскали, заставили пройти сквозь металлодетектор и еще какую-то массивную раму, прозванную тут. как выяснилось, «вратами беспамятства». Перед процедурой устройство возвестило механическим голосом: «После прохождения через эту систему вся цифровая информация, записанная в памяти компьютеров, драйвов, сотовых телефонов и других приборов, будет безвозвратно утеряна».

Провожая Сакс в кабинет Стерлинга, Джон рассказал, что, насколько ему известно, еще ни разу ни один посторонний не проник без разрешения в здание «ССД». Тем не менее О'Дей регулярно проводил практические занятия с персоналом своего отдела по отработке действия на случай вторжения извне. Джон, как и большинство его товарищей, на службе не

носил с собой пистолета, однако по указанию Стерлинга в здании круглосуточно присутствовали по меньшей мере два вооруженных охранника.

Вернувшись в офис генерального управляющего, Сакс застала Пуласки сидящим на огромном кожаном диване возле письменного стола Мартина. Будучи отнюдь не мелкого телосложения, молодой полицейский тем не менее казался здесь лилипутом, мальчишкой-школьником, вызванным в кабинет директора. В отсутствие Сакс он самостоятельно решил навести справки о боссе Уиткома, начальнике исполнительно-правового отдела Сэмюэле Броктоне, находившемся в командировке в Вашингтоне. По свидетельству администрации отеля, где он останавливался, во время, соответствующее вчерашнему убийству, их постоялец завтракал в ресторане. Сакс сделала пометку в списке сотрудников «ССД», имеющих безлимитный доступ в систему, и еще раз перечитала его.

Эндрю Стерлинг, президент, генеральный управляющий.

Шон Кассел, начальник отдела продаж и маркетинга.

Уэйн Гиллеспи, начальник отдела обработки информации.

Сэмюэл Броктон, начальник исполнительно-правового отдела.

Алиби: администрация отеля подтвердила его присутствие в Вашингтоне.

Питер Арлонзо-Кемпер, начальник отдела кадров.

Стивен Шрейдер, менеджер отдела ремонта и технического обслуживания, дневная смена.

Фарук Мамеда, менеджер отдела ремонта и технического обслуживания, ночная смена.

Изучив список, Сакс обратилась к Стерлингу:

– Я хотела бы поговорить со всеми безотлагательно.

Генеральный управляющий вызвал секретаря и выяснил, что, за исключением Броктона, все перечисленные в списке находятся на месте, только Шрейдер в данный момент был занят ремонтом поломки аппаратуры в Центре приема, а Мамеда сможет приехать не раньше трех часов дня. Стерлинг велел Мартину собрать присутствующих для собеседования с полицейскими и подыскать свободную переговорную комнату. Дав интеркому команду «отбой», Стерлинг обратился к Сакс:

– Ну что же, детектив. Теперь дело за вами. Очистите от подозрений наше доброе имя… либо найдите убийцу.

Глава двадцатая

Родни Шарнек закончил обустройство западни для убийцы и с готовностью перешел к выполнению второго задания – к «вскрытию» главных серверов «ССД». Райм поглядывал на молодого сотрудника, на его нервно подпрыгивающую коленку и взлохмаченную голову, которая на фоне светящегося экрана монитора казалась окруженной ореолом. Время от времени тот принимался что-то насвистывать, и это раздражало криминалиста, однако он не хотел мешать парню работать, зная, что и сам имеет привычку бормотать себе под нос при осмотре места преступления, рассуждая вслух о возможных путях расследования дела.

Кого только не встретишь в нашей конторе…

В дверь позвонили; прибыл эксперт из криминалистической лаборатории в Куинсе, привезя с собой настоящий подарок: вещдок с места преступления, совершенного ранее, – нож, послуживший орудием убийства в деле о краже монет. Правда, остальные улики все еще находились «где-то на складе». Хотя был направлен официальный запрос, никто не мог с уверенностью сказать, когда их доставят и найдут ли вообще.

Райм велел Куперу расписаться в получении на сопроводительном формуляре – правила надо соблюдать даже после закрытия дела.

– Странно, что большинство вещдоков отсутствует, – проворчал Райм, понимая, впрочем, что нож, как холодное оружие, хранился в одном из сейфов лаборатории в отличие от улик, зарегистрированных в полицейском архиве в категории «неопасных для жизни».

Криминалист перечитал подборку по данному преступлению, представленную на одной из досок.

– На рукоятке ножа обнаружена посторонняя пыль. Посмотрим, что нового нам это даст. Но сперва разберемся с самим орудием убийства.

Купер нашел в полицейской базе данных информацию о происхождении ножа.

– Китайского производства. Поставлена большая партия, разошедшаяся по тысячам розничных магазинов. Нож дешевый, так что, вероятнее всего, убийца заплатил за него наличными.

– Ну, многого я и не ожидал. Перейдем к пыли.

Купер натянул на руки резиновые перчатки, вынул нож из пластикового пакета и кисточкой аккуратно стряхнул с рукоятки едва заметный налет белесой пыльцы на подстеленный лист бумаги. Лезвие ножа было коричневым от запекшейся на нем крови жертвы.

Вообще пыль зачаровывала Райма. В криминалистике под этим словом подразумевают твердые частицы размером менее пятисот микрон, состоящие из ворсинок, отделившихся от одежды, драпировки, ковров и мебельной обивки; образуются они отшелушившимися чешуйками кожи человека и животных, мельчайшими фрагментами растений и насекомых, сухими крупинками почвы и экскрементами. Некоторые виды пыли подолгу висят в воздухе, другие быстро оседают на твердые и жидкие поверхности. Пыль может причинить вред здоровью, например, вызвать антракоз – болезнь шахтеров или быть взрывоопасной, как мучная пыль на элеваторах, и даже влиять на климат.

Для криминалистической науки пыль имеет важное значение потому, что имеет особенность прилипать к поверхностям благодаря их специфическим свойствам и статическому электричеству. Таким образом она переносится от преступника на место совершенного им злодеяния и наоборот. В итоге же, исследуя эти процессы, эксперты получают весьма ценные сведения. Когда Райм возглавлял оперативно-криминалистический отдел нью-йоркского департамента полиции, он создал обширную базу данных по пыли, собранной со всех пяти районов города, а также на некоторых участках штатов Нью-Джерси и Коннектикут.

Лишь малая толика пыли осталась на рукоятке ножа, но все же ее было достаточно, чтобы Мел Купер мог провести анализ с использованием газового хроматографа и спектрометра. При этом исследуемый препарат сначала разделяли на составные части, а потом каждую идентифицировали. Эксперт возился довольно долго, но причиной тому было лишь незаурядное усердие. Его руки, на удивление большие и сильные для мужчины субтильного телосложения, двигались уверенно и споро. Зато автоматизированные приборы не спеша и размеренно выполняли свою работу, будто творили им одним ведомое колдовство. Не теряя зря времени в ожидании результатов, Купер подверг вторую пробу пыли еще и химическому анализу на тот случай, если хроматограф и спектрометр не выявят присутствия каких-либо веществ или материалов.

Наконец искомые данные были получены, и Мел Купер принялся переписывать их маркером на белую пластиковую доску, одновременно давая пояснения.

– Значит, так, Линкольн. Из материалов здесь присутствуют вермикулит, штукатурка, пенопласт, краситель, синтетическая шерсть, стекловолокно, песчинки кальцита и кварца, бумага, легковоспламеняемый материал, металлическая стружка и хризотил. Выявлены следующие химические вещества: что-то похожее на многоядерные ароматические углеводороды, парафин, олефин, нафтен, октаны, полихлорированные дифенилы, дибензодиоксины – попадаются довольно редко – и дибензофураны. Да, и немного бромированных дифенилэфиров.

– Торговый центр, – определил Райм.

– Думаешь?

– Точно.

У многих, кто трудится на расчистке завалов на месте рухнувших в 2001 году башен Всемирного торгового центра, возникли проблемы со здоровьем. И неудивительно, что в последнее время в новостных программах много внимания уделялось составу пыли, попавшей рабочим в легкие; кстати, именно поэтому Райм хорошо его запомнил.

– Значит, он здесь, на Манхэттене?

– Вероятно, – осторожно согласился Райм. – Но такую пыль можно найти во всех пяти районах Нью-Йорка. Оставим пока его местонахождение под вопросом... – Он поморщился. – Вот что мы знаем о преступнике на данный момент: мужчина, то ли белый, то ли светлокожий цветной. Возможно, коллекционирует монеты и, возможно, питает любовь к искусству. Возможно, живет или работает на Манхэттене. Возможно, имеет детей; возможно, курит. – Райм посмотрел на нож, пристально сощурясь. – Дай-ка взглянуть на него поближе.

Купер принес нож, и Райм стал миллиметр за миллиметром изучать рукоятку. Хотя тело отказывалось служить ему, зрение оставалось острым, как в молодости.

– А это что такое?

– Где?

– Между колодкой и накладкой.

В узкой щели застряла какая-то светлая крошка.

– У тебя прямо глаз-алмаз, – восхищенно прошептал лаборант. – Я бы ни за что не заметил.

Тонюсеньким, как игла, щупом он аккуратно извлек крошку, поместил ее на предметное стекло микроскопа и принялся рассматривать при малом увеличении (от четырех- до двадцати четырех кратного, чего обычно бывает достаточно, в более же сложных случаях уже требовался сканирующий электронный микроскоп).

– Вроде бы съестное. Печеное или жареное, я бы сказал. Спектр показывает растительное масло. Рыжеватого цвета. Как у чипсов или дорито. В общем, жирное и соленое.

– Для проведения хроматического и спектрального анализа, конечно, маловато.

– Да, конечно, – подтвердил Купер.

– «5-22» наверняка не планировал использовать такую мелочь в качестве ложной улики. Значит, у нас появилось еще кое-что, связанное с личностью настоящего убийцы.

Но на что указывала эта крошка? Не на то ли, чем он подкрепился, идя на дело?

– Я хочу попробовать на вкус.

– Ты что? Там же кровь!

– Лишь на лезвии, но не на рукоятке! В том месте, где застряла крошка, нет крови. Надо узнать, черт возьми, что это такое.

– Да чего там пробовать? Ее увидеть-то нельзя, не то что распробовать. Если бы не ты, я бы и не заметил.

– Да я имею в виду не крошку, а сам нож! Может, там сохранился какой-то специфический привкус, и он подскажет нам что-нибудь.

– Линкольн, нельзя облизывать орудие убийства!

– А где это написано, Мел? Я такого не читал ни в одной инструкции. Нам нужна любая информация об убийце!

– Н-ну… ладно. – Лаборант поднес нож вплотную к лицу Райма, криминалист высунул язык и коснулся кончиком того места, где нашел крошку.

– Черт подери! – воскликнул он, отдернув голову.

– Что? – встревожился Купер.

– Принеси воды!

Купер бросил нож на лабораторный стол и бросился звать Тома на помощь отчаянно плюющемуся Райму, будто ощутившему пламя во рту.

Прибежал Том.

– Что случилось?

– Ч-черт... язык себе обжег! Я же воды просил! Это какой-то убийственно острый соус.

– Острый? Как «Табаско»?

– Не знаю какой!

Том вернулся с пакетом йогурта и заставил Райма проглотить несколько полных столовых ложек. К его несказанной радости, жжение сразу же исчезло.

– Ф-фу-у... Прямо пожар затушил! О'кей, Мел, возможно, мы узнали кое-что новое. Наш мальчик любит побаловать себя чипсами и сальсой. Занеси-ка это на доску.

Купер принялся писать, а Райм, взглянув на часы, раздраженно воскликнул:

– Где Сакс, черт возьми?!

– Ты чего, она ж в «ССД», – немного растерянно ответил Купер.

– Я знаю, что она в «ССД». Почему, черт побери, ее до сих пор нет здесь?.. И, Том, я хочу еще йогурта!

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОСТИ НЕИЗВЕСТНОГО «5-22»

• Мужчина.

• Предположительно курит, однако, может быть, просто живет/работает по соседству с курильщиком или с местом, имеющим какое-то отношение к табачным изделиям.

• Имеет детей либо живет/работает по соседству с ними или с местом, где есть игрушки.

• Интересуется искусством, нумизматикой?

• Предположительно белый либо светлокожий цветной.

• Нормального телосложения.

• Физически сильный – способен задушить жертву.

• Имеет доступ к устройству, маскирующему голос в микрофоне.

• Вероятно, знаком с компьютерами; пользуется сайтом OurWorld и другими социально-сетевыми сайтами?

• Отрезает от жертв «сувениры» и хранит. Садист?

• Часть жилого/рабочего помещения сырая и темная.

• Живет в центре Манхэттена или поблизости от него?

• Ест чипсы/острые приправы.

НЕСФАБРИКОВАННЫЕ ВЕЩДОКИ

• Частицы старого картона.

• Кукольный волос из нейлона 6, BASF-B35.

• Табак от сигареты марки «Тейритон».

• Старый табак, марка сигарет не идентифицирована, но не «Тейритон».

• Следы плесени Stachybotrys Chartarum.

• Пыль с руин Всемирного торгового центра; возможно, указывает на то, что живет/работает в центральной части Манхэттена.

• Крошка чипсов, следы острого соуса.

Глава двадцать первая

Интерьер комнаты для переговоров, выделенной для Сакс и Пуласки, был выдержан в том же минималистском духе, что и офис Стерлинга. Про себя Сакс решила, что для стиля, господствующего в резиденции компании от первого до последнего этажа, лучше всего подходит определение «аскетическое деко».

Стерлинг лично сопроводил их сюда и приглашающим жестом указал на два стула под логотипом сторожевой башни со светящимся окном на самом ее верху. Когда все расположились на отведенных им местах, сказал:

– Я не вправе рассчитывать но особое отношение к себе. Поскольку у меня есть безлимитный доступ к системе, я тоже в числе подозреваемых. Но вчера я целый день провел на Лонг-Айленде, и это мое алиби. Я часто так делаю – сажусь в машину, еду в какой-нибудь большой дисконтный универмаг или шопинг-клуб с платным членством и наблюдаю, что покупают люди, когда, как расплачиваются. Ведь для того, чтобы повысить эффективность нашего бизнеса, надо хорошо знать потребности клиентов «ССД».

– С кем вы там встречались?

– Ни с кем. Никогда никому не говорю, кто я. Хочу своими глазами видеть фактическое состояние дел, включая то, что его портит. Но счетчик-регистратор у меня в машине должен оставить отметку об оплате проездов через Мидтаунский туннель, совершенных в восточном направлении около девяти часов утра, а затем на обратном пути примерно в половине шестого. Вы можете проверить по учетам департамента автотранспорта.

Стерлинг продиктовал номер своей платежной карточки.

– Да, и вот еще что. Вчера я звонил по телефону сыну. Он направился на поезде в Вестчестер побродить там по лесному заповеднику. Поехал один, поэтому я хотел узнать, все ли у него в порядке. Звонил примерно в два часа дня из моего дома в Хэмптоне, и это покажет распечатка к телефонному счету. Или можете проверить по входящим на мобильник сына, там тоже будет дата и время. Его добавочный – семь один восемь семь.

Сакс записала все это вместе с номером телефона в летнем доме Стерлинга. Едва она успела поблагодарить его, как явился Джереми – секретарь по «внешним контактам» – и прошептал что-то на ухо своему боссу.

– Меня ждет неотложное дело. Если вам что-то понадобится, дайте мне знать.

Несколько минут спустя прибыл первый подозреваемый – Шон Кассел, начальник отдела продаж и маркетинга. Амелии сразу бросилось в глаза, что он был совсем молод, лет тридцати с небольшим. Впрочем, в «ССД» она встретила не много сотрудников старше сорока. Очевидно, информационный бизнес – это новая «силиконовая долина», мир молодых предпринимателей.

Кассел обладал классической красотой: овальное лицо со здоровым румянцем, кудрявые волосы и атлетическое телосложение – крепкие

руки, широкие плечи. Одет в форму «ССД», только цвет костюма не черный, а темно-синий. Рукава белоснежной сорочки перехвачены в манжетах массивными золотыми запонками. Глаза спокойно и прямо смотрят на Сакс через очки. Она и не знала, что существуют оправы от «Дольче и Габбаны».

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. Я детектив Сакс, это оперативный работник Пуласки. Присаживайтесь.

В отличие от обычного короткого рукопожатия, отвешенного Пуласки, Кассел сжимал ее протянутую ладонь своими сильными пальцами чуть дольше, чем того требовал этикет.

– О, так вы детектив? – воскликнул начальник отдела продаж, не проявив ни малейшего интереса к оперработнику Пуласки.

– Совершенно верно. Показать вам удостоверение?

– Нет, не стоит.

– Мы просто собираем информацию о некоторых сотрудниках компании. Вы знакомы с Майрой Уэйнберг?

– Нет. А кто она?

– Жертва убийства.

– О! – Самоуверенное лицо на мгновение исказилось гримасой сожаления. – Я слышал краем уха, что расследуется какое-то преступление, но про убийство не знал. Прошу прощения. Эта женщина работала у нас?

– Нет. Но тот, кто убил ее, мог воспользоваться информацией, хранящейся в компьютерах вашей компании. Вы, как я знаю, имеете полный доступ к базе данных. Кто-нибудь из ваших подчиненных может самостоятельно составить досье на гражданина?

Кассел отрицательно покачал головой:

– Чтобы открыть хранилище, надо знать три пароля или один пароль, но пройти биометрический контроль.

– Открыть хранилище?

Он запнулся, подыскивая объяснение.

– Так мы называем между собой процесс формирования досье. Вообще в бизнесе информационных услуг используется много условной лексики.

«Хранилище с секретами», – подумалось Амелии.

– Однако никто не мог знать мой пароль, уверяю вас. У нас вообще с этим очень строго. Эндрю лично следит за выполнением своего указания о хранении паролей в секрете.

Кассел снял очки и принялся протирать их черной тряпочкой, как по волшебству возникшей у него в руке. Он уже уволил несколько человек, пользовавшихся чужими паролями даже с разрешения владельцев. Уволил сразу, без разбирательства.

Он продолжал сосредоточенно тереть стекла очков. Потом поднял глаза на Сакс.

– Давайте говорить прямо. На самом деле вам нужно, чтобы я рассказал не о паролях, а про свое алиби – так?

– И про это тоже. Где вы были вчера с полудня до четырех часов?

– Бегал. Готовлюсь к соревнованиям по мини-триатлону… А вы, кажется, тоже занимаетесь спортом? Вы явно в хорошей форме.

Ну, если неподвижно стоять и дырявить из «глока» мишени на расстоянии двадцать пять и пятьдесят футов значит заниматься спортом, то да, Сакс в хорошей форме.

– Кто-нибудь может это подтвердить?

– Что вы в хорошей форме? Для меня это очевидно.

Поощрительная улыбка. Иногда в интересах дела стоит подыграть допрашиваемому. Пуласки нетерпеливо заерзал; Кассел удивленно взглянул на него, будто только что заметил, но Сакс не подала виду. Ей защитники не нужны; в крайнем случае она сумеет постоять за свою репутацию.

Все еще косясь на молодого полицейского, Кассел продолжил:

– Нет, боюсь, что никто. Утром я был с приятельницей – кстати, оставшейся у меня ночевать, но она уехала где-то в половине десятого. А вы что – подозреваете меня?

– Пока что просто собираем информацию, – вставил Пуласки.

– Ах вот оно что, – снизошел до него своим вниманием Кассел. – Только факты, мэм. Только факты.

Знакомая фраза из какого-то старого телефильма. Сакс не смогла припомнить название.

На вопрос, где был Кассел во время совершения остальных убийств, сопровождавшихся кражей монет, изнасилованием и похищением картины Прескотта, тот неторопливо водрузил обратно свои очки и ответил, что не помнит. Держался он совершенно спокойно.

– Как часто вы наведываетесь в ячейки данных?

– Ну, может быть, раз в неделю.

– Вам доводилось выносить оттуда какую-либо информацию?

Кассел чуть нахмурился.

– Ну, знаете… это запрещено. Да и невозможно, система охраны не позволит.

– А как часто вы скачиваете досье?

– Я даже не помню, чтобы мне когда-нибудь приходилось этим заниматься. И потом, досье содержит сырой материал. В нем слишком много информационного мусора, чтобы я мог использовать его в своей работе.

– Хорошо. Спасибо, что нашли время ответить на наши вопросы. Думаю, на сегодня достаточно.

Развязная улыбочка сползла с лица Кассела.

– Скажите, насколько это серьезно? Вы действительно меня подозреваете?

– Мы просто проводим определенные следственные действия.

– А, ну конечно. Тайна следствия. – Взгляд на Пуласки: – Не желаете раньше времени раскрывать карты, так, сержант Пятница?

Ах вот откуда была та фраза – «Перехват»! Старинный полицейский сериал. Сакс смотрела его еще в детстве в повторном показе вместе с отцом.

После завершения разговора с Касселом настала очередь Уэйна Гиллеспи, начальника отдела обработки информации, занимавшегося техническим оборудованием «ССД» – компьютерами и программным обеспечением. На первый взгляд он не был похож на компьютерных фанатов, какими их представляла себе Сакс. Загорелый, подтянутый, на запястье дорогой серебряный – или платиновый – браслет. Крепкое рукопожатие. Однако при более внимательном рассмотрении она поняла, что перед ней классический вариант студента технического колледжа, приодетого мамой для фотографии с сокурсниками. Невысокий худощавый молодой человек в поношенных ботинках, мятом костюме, с небрежно завязанным галстуком. Ногти неухоженные и не очень чистые. Волосы не мешало бы подстричь. Он будто бы по необходимости исполнял роль корпоративного менеджера, однако с неизмеримо большей радостью очутился бы сейчас в темной комнате наедине со своим компьютером.

В отличие от Кассела Гиллеспи явно нервничал. Его руки не знали покоя, то и дело доставая и снова пряча один из трех электронных дивайсов у него на поясе – смартфон «Блэкбери», ПЦС и навороченный сотовый телефон. Он не только не пытался заигрывать с Сакс, но даже избегал смотреть ей в глаза, хотя, как и директор отдела продаж, не носил обручального кольца (возможно, Стерлинг предпочитал иметь холостяков на руководящих должностях в своей компании – верный принц в королевской семье лучше честолюбивого герцога-вассала).

У Сакс сложилось впечатление, что Гиллеспи знает гораздо меньше о причинах визита полиции в «ССД». Он заметно оживился, услышав от нее подробности совершенных убийств.

– Интересно… Оч-чень даже интересно. Значит, он подписал информацию, чтобы замочить тех телок. Это круто.

– Что он сделал?

Гиллеспи нервно пощелкал пальцами.

– Ну, то есть добыл информацию. Позаимствовал, значит.

Нарочно демонстрирует циничное отношение к убийству?

Из соображения, что настоящий убийца скорее разыграл бы негодование или сочувствие?

Сакс спросила, где Гиллеспи находился в воскресенье, и у него тоже не оказалось алиби, хотя ей пришлось выслушать историю о том, как он

сначала «гасил» какого-то «глюка» в своем домашнем компьютере, а после долго «резался» в любимую ролевую игру.

– Следовательно, в Сети должны сохраниться сведения о том, в какое время вы вчера зарегистрировались в игре?

Гиллеспи на мгновение запнулся.

– Нет, я только, типа, тренировался. Для этого не надо регистрироваться. А потом смотрю – уже поздно, спать пора. Это как под дурью, знаете, забываешь обо всем на свете.

– Под дурью?

Начальник отдела обработки информации понял, что разговаривает на языке, чужом для собеседников.

– О, я имел в виду, типа, забалдел, увлекся игрой. Когда окружающий мир как бы перестает существовать.

Он также заявил, что не знает Майру Уэйнберг, и заверил Сакс в том, что ни одна живая душа не могла иметь доступ к его паролям.

– А если кому-то захочется их крэкнуть – что ж, пусть попробуют! Все мои паскоды состоят из случайного набора шестнадцати знаков, причем я их никогда не записываю: у меня у самого память – тьфу-тьфу-тьфу! – не хуже компьютерной.

Гиллеспи подтвердил, что практически все рабочее время проводит за компьютером, не выходя из системы «ССД».

– Это, типа, моя обязанность, – добавил он, словно оправдывался, и непонимающе сдвинул брови, когда Сакс спросила, не доводилось ли ему копировать индивидуальные досье. – Так, а смысл? Перечитывать все, что купил на прошлой неделе в местной бакалейной лавке какой-нибудь Джон Доу? Ну нет, у меня других дел по горло!

Начальник отдела обработки информации признал также, что проводит много времени в ячейках данных, «настраивая коробкиу». Поразительно: там, где Сакс задыхалась, будто заживо погребенная, Гиллеспи, судя по всему, чувствовал себя вполне комфортно, как рыба в воде.

Он тоже не вспомнил, где был во время совершения остальных убийств. Сакс поблагодарила его, и Гиллеспи направился к выходу, на ходу доставая свой ПЦС и набирая на нем сообщение двумя большими пальцами проворнее, чем она сумела бы всеми десятью.

В ожидании прибытия следующего подозреваемого с безлимитным доступом к электронной системе «ССД» Сакс поинтересовалась мнением Пуласки:

– Ну, как тебе эти двое?

– Кассел мне не понравился.

– Мне тоже.

– Однако для «5-22» он ведет себя слишком вызывающе. Типичный наглый «яппи». Только убить человека у него кишка тонка. Разве что своей самовлюбленностью… Гиллеспи? Не знаю… Вроде бы пытался изобразить удивление по поводу Майры Уэйнберг, но, по-моему, у него плохо получилось. А эти его словечки – «подписал», «под дурью»… Знаете, чья это терминология? Уличной шпаны. «Подписать» – значит раздобыть шмаль, наркотик. А быть «под дурью» – это испытывать эйфорию от воздействия героина или транквилизатора. Так «ботают» пацаны в Гарлеме или Бронксе, когда «бросают понты» друг перед другом, приобретая дурь у местных наркодилеров.

– Думаешь, он на игле?

– А вы обратили внимание, какой он дерганый? Хотите знать мое мнение?

– Об этом я тебя и прошу.

– У него болезненная зависимость не от наркотиков, а вот от этого… – Пуласки сделал широкий жест рукой. – От информации о них.

Сакс на секунду задумалась и мысленно согласилась. Стремное местечко. Тут все как будто под нездоровым кайфом. Чувствуешь, как у тебя постепенно тоже крыша едет. И впрямь, словно наглоталась анальгетиков.

В дверях появился молодой светлокожий афроамериканец с опрятной внешностью. Это был начальник отдела кадров «ССД» Питер Арлонзо-Кемпер. По его словам, он редко наведывался в ячейки данных, однако имел на это разрешение, так как должен был встречаться с сотрудниками компании на их рабочих местах. Он также время от времени заходил в innerCircle, но только по служебной необходимости – чтобы проверить данные на сотрудников компании, и никогда не открывал досье на посторонних граждан.

Значит, кадровик все-таки заглядывал в «хранилище», хотя Стерлинг заверял их в обратном.

Арлонзо-Кемпер держался с достоинством, отвечал на вопросы ровным голосом, с дежурной улыбкой на лице и постоянно переводил разговор на то, что Эндрю – и Сакс снова отметила про себя использование столь неформального обращения в отношении Стерлинга – «добрейший и самый заботливый руководитель, которого только можно пожелать». Никому из служащих «ССД» и в голову не придет изменить ему или «идеалам компании» (каковы бы оные ни были, мысленно добавила Сакс). Начальник отдела кадров и представить себе не мог, чтобы в благословенных коридорах «серой глыбы» завелся преступник.

Его хвалебные излияния в адрес своего босса, казалось, никогда не иссякнут.

После того как Сакс наконец остановила этот обряд чинопочитания, Арлонзо-Кемпер рассказал, что все минувшее воскресенье провел с женой (оказавшись таким образом единственным женатым сотрудником «ССД» из тех, с кем детектив успела переговорить). А в день, когда убили Элис Сандерсон, занимался уборкой в доме своей недавно умершей матери в Бронксе. Он был там один, однако полагал, что кто-нибудь из соседей видел его и сможет это подтвердить. Арлонзо-Кемпер так и не вспомнил, где находился во время остальных убийств.

Завершив допрос подозреваемых, Сакс и Пуласки в сопровождении охранника вернулись в приемную Стерлинга. Там они увидели генерального управляющего вместе с крупным мужчиной примерно его же возраста, с зачесанными на лысину русыми волосами, сидящим на одном из жестких деревянных стульев, поникнув мощными плечами. Судя по одежде – тенниска и спортивная куртка, – он не был штатным сотрудником «ССД». Увидев Сакс, Стерлинг тут же прервал беседу, поднялся и, провожая гостя, направился к выходу.

Сакс успела заметить, что на листе поверх пачки документов, зажатой в его руке, было указано название компании: «Складская ассоциация».

– Мартин, вызовите, пожалуйста, машину для мистера Карпентера.

– Да, Эндрю.

– Итак, Боб, вы с нами заодно, не так ли?

– Да, Эндрю. – Высокорослый Карпентер, сутулясь над Стерлингом, угрюмо пожал ему руку и повернулся к двери. Охранник пошел его провожать.

Полицейские вместе со Стерлингом направились в его кабинет.

– Удалось что-нибудь обнаружить? – поинтересовался генеральный управляющий.

– Ничего определенного. У одних есть алиби, у других нет. Будем работать дальше. Посмотрим, может, улики или показания свидетелей выведут нас на след убийцы. Я хотела попросить вас об одном одолжении. Нельзя ли мне получить копию досье одного человека? Его зовут Артур Райм.

– Кто он?

– Он в нашем списке – один из тех, кого, как мы считаем, арестовали по ложному обвинению.

– Да, конечно.

Стерлинг сел за свой стол, большим пальцем включил сканер, стоящий рядом с клавиатурой компьютера, и несколько секунд что-то печатал. Потом остановился, глядя на экран. Еще несколько нажатий клавиш, и из принтера поползла распечатка документа. В итоге он протянул Амелии около тридцати страниц – содержимое «хранилища», касающееся Артура Райма.

Предельно просто, подумала Сакс. Она кивком указала на компьютер:

– А там осталась какая-то запись того, что вы это сделали?

– Запись? О нет! Мы не регистрируем копии, изготовленные для внутреннего пользования.

Стерлинг перечитал свои пометки в блокноте.

– Я скажу Мартину, чтобы распечатали обобщенный список наших клиентов. Это займет два-три часа.

Они возвратились в приемную, и туда же из коридора прошел Шон Кассел. Он больше не улыбался.

– Эндрю, я не ослышался по поводу списка клиентов? Ты собираешься передать его им?

– Совершенно верно, Шон.

– Но клиенты-то при чем?

Ему ответил Пуласки:

– Мы предполагаем, что кто-то из работников сотрудничающих с «ССД» фирм совершил преступления, использовав полученную у вас информацию.

Молодой человек презрительно скривился.

– Ну конечно, вы предполагаете… Но с какой стати? Никто из наших клиентов не имеет прямого доступа к базе данных. Они не имеют возможности скачать содержимое хранилища.

Пуласки терпеливо объяснил:

– Они могли купить списки адресатов для рассылки рекламы, содержащие те самые сведения.

– Списки адресатов? Да вы знаете, какое количество запросов в систему должен сделать клиент, чтобы собрать воедино всю информацию, упоминаемую вами? Ему пришлось бы посвятить этому занятию все свое рабочее время, только представьте!

Пуласки смутился и опустил голову.

– Я, это…

За молодого полицейского вступился Марк Уитком, начальник исполнительно-правового отдела, стоящий подле стола Мартина.

– Шон, он же не может знать всей нашей кухни.

– Я понимаю, Марк, но тут вообще-то достаточно просто логически поразмыслить, разве не так? Всякий клиент заказывает списки адресатов сотнями. А в хранилищах каждого из тех номеров побывали не меньше трехсот, а может, и все четыреста клиентов.

– Каких номеров? – переспросила Сакс.

– Ну, людей. – Кассел неопределенно махнул рукой куда-то в сторону узких окон – видимо, желая обозначить этим жестом остальное человечество за стенами «серой глыбы». – Просто мы всем людям присваиваем наш внутренний код.

Опять условная лексика. Хранилища досье, люди-номера… В этих словечках сквозило пренебрежение и даже презрение по отношению к окружающим.

Стерлинг охладил своего разгорячившегося подчиненного:

– В данном случае мы должны сделать все, чтобы установить истину.

Кассел покачал головой:

– Это не клиент, Эндрю. Никто из них не осмелится использовать нашу информацию для совершения преступления. Это равносильно самоубийству.

– Шон, если «ССД» имеет отношение к преступлениям, мы должны разобраться с этим!

– Хорошо, Эндрю. Тебе лучше знать.

Шон холодно, без намека на флирт улыбнулся Амелии и, будто не замечая Пуласки, вышел из офиса.

Сакс, обращаясь к Стерлингу, сказала:

– Мы заберем список клиентов, когда приедем допрашивать ваших техников.

И хотя генеральный управляющий довольно громко отдавал указания своему секретарю Мартину, до слуха Сакс донеслось, как Марк Уитком, стараясь не быть услышанным, обратился к Пуласки:

– Не обращайте на Кассела внимания. Он и Гиллеспи – «золотая молодежь» информационного бизнеса. Наша надежда, так сказать. Мы с вами для них всего лишь ржавые винтики отжившей системы.

– Да ничего страшного, – с равнодушным видом ответил Пуласки, однако Сакс поняла, что ее молодому коллеге явно не хватает уверенности в себе и нежданная поддержка пришлась как нельзя кстати.

Уитком отправился по своим делам. Двое полицейских тоже попрощались с генеральным управляющим «ССД» и повернулись, собираясь покинуть его офис.

Именно тогда Стерлинг легонько дотронулся до руки Сакс.

– Хочу сказать вам кое-что, детектив.

Она обернулась. Его зеленые глаза смотрели пристально, будто гипнотизировали, они просто намертво приковали к себе ее взгляд. Стерлинг стоял, широко расставив ноги и свободно опустив руки.

– Не стану отрицать, что я стал провайдером информационных услуг с целью зарабатывать деньги. Но у меня есть и другая цель – сделать наше

общество лучше. Вдумайтесь в суть нашей работы. Благодаря нам родители получают возможность сэкономить, а их дети впервые в жизни прилично одеться и порадоваться рождественским подаркам. Вспомните о молодоженах, ведь они теперь вправе рассчитывать на заем в банке, необходимый для покупки жилья только лишь потому, что прогноз «ССД» помещает их в категорию приемлемого кредитного риска. И не забывайте о мошенниках, кравших деньги с чужой кредитной карты и пойманных после того, как наша программа выявила отклонения в расходовании средств. Подумайте о радиомаячках, встроенных в детские браслеты и наручные часы и каждую минуту подающих сигнал родителям о том, где находится их ребенок. А вы знаете, что снабженные нашими чипами «ученые унитазы» ставят диагноз сахарного диабета, когда человек еще даже не подозревает о наличии у него опасного заболевания?

Или возьмем вашу службу, детектив. Скажем, вы расследуете убийство. На ноже, орудии преступления, остались следы кокаина. Наша программа «Общественная безопасность» (PublicSure) доложит вам, кто и в каком регионе за последние двадцать лет применял холодное оружие при совершении уголовных преступлений и подвергался аресту за хранение или распространение кокаина, вы узнаете, является ли он левшой и какого размера носит обувь. На экране вашего монитора автоматически возникнут отпечатки его пальцев, фотоснимки, личностно-психологический портрет с описанием особенностей *modus operandi* и поведенческих характеристик, с перечнем использованной маскировки, с образцами голоса и еще с целым рядом параметров.

Мы также можем пофамильно назвать вам тех, кто приобрел все ножи данной модели, а иногда именно этот конкретный нож. Весьма вероятно, что мы дадим вам знать, где был владелец ножа во время совершения преступления и в каком месте находится сейчас. А если система не сможет найти самого преступника, то укажет, с какой вероятностью он скрывается сейчас у своих известных сообщников, выдаст их характеристики и отпечатки пальцев. И вся эта информация поступит в ваше распоряжение самое позднее через двадцать секунд после запроса.

Детектив, наше общество нуждается в помощи. Помните разбитые окна? Так вот, компания «Стратиджик системс дейтакорп» готова оказать ее…

Стерлинг улыбнулся:

– Это было лишь вступление. А теперь к сути. Я прошу вас в ходе вашего расследования действовать с величайшей осторожностью. Обещаю вам всяческую поддержку – особенно если речь зайдет о сотруднике «ССД». Но если начнут распространяться слухи об утечках хранимой у нас информации, об изъянах в системе безопасности, наши конкуренты и

недруги тут же постараются превратить муху в слона. И тогда нам придется нелегко. Нашей компании станет трудно восстанавливать разбитые окна и улучшать этот мир. Итак, скажите – между нами есть взаимопонимание?

Амелия Сакс вдруг почувствовала угрызения совести оттого, что ей приходится скрывать от Стерлинга вторую, тайную цель посещения его компании, заключающуюся в том, чтобы заманить преступника в расставленные сети. Усилием воли она выдержала взгляд генерального управляющего «ССД» и ответила:

– Думаю, у нас с вами имеется полное взаимопонимание.

– Ну и отлично. Мартин, пожалуйста, проводи гостей к выходу.

Глава двадцать вторая

– Разбитые окна?

Сакс пересказывала Райму происхождение эмблемы «ССД».

– А мне нравится.

– Вот как?

– Ну да. Если вдуматься, эта метафора символизирует и то, чем занимаемся мы: собирание вместе мелких осколков улик и свидетельских показаний в надежде получить один большой ответ.

Селлитто кивнул в сторону Родни Шарнека, сидевшего в углу за своим любимым компьютером, позабыв обо всем остальном и не переставая насвистывать.

– Этот парень в футболке уже установил западню и теперь пытается хакнуть их систему. Эксперт, как успехи? – окликнул он компьютерного фаната.

– Эти ребята знают, что делают. Но у меня на них припасена парочка приемчиков.

Сакс напомнила о том, что начальник охраны «ССД» уверен в неприступности системы защиты базы данных innerCircle.

– Тем радостнее будет победа, – ответил Шарнек.

Он допил очередную чашку кофе и снова принялся тихонько насвистывать.

Сакс рассказала о Стерлинге, о компании, о том, как происходит дейта-майнинг – добыча и обработка данных. Несмотря на вчерашние объяснения Тома и проведенное ими предварительное изучение вопроса, Райм до сих пор не представлял всей масштабности этого бизнеса.

– А как ведет себя этот Стерлинг? – поинтересовался Селлитто. – Юлит?

Райм хмыкнул, услышав этот, на его взгляд, бессмысленный вопрос.

– Нет. Всеми силами старается помочь. К счастью для нас, он влюблен в свое дело. Информацию боготворит. Искренне хочет вырвать с корнем все, что может скомпрометировать его компанию.

Сакс описала строгие меры безопасности в «ССД», то, насколько ограничен доступ во все три ячейки данных, объяснив, что даже если в них и удастся проникнуть, скопировать сведения из компьютеров все равно не получится.

– У них был случай, когда один репортер все-таки пробрался туда. Он не охотился за коммерческими секретами, просто хотел собрать материал для статьи и тем не менее отсидел за это срок, и с его журналистской карьерой было покончено.

– Отомстили ему, значит?

Сакс задумалась.

– Нет, я бы сказала, защитили себя… А теперь о сотрудниках. Я допросила почти всех, кто имеет доступ к личным досье. Некоторые вчера отсутствовали. Да, я спросила, регистрируются ли в системе пользователи, открывающие файлы. Оказалось, что нет. А еще для нас подготовят список клиентов ССД, купивших сведения о фигурантах наших дел – как убитых, так и оклеветанных.

– Но самое главное, ты дала им знать о проведении расследования по делу об убийстве Майры Уэйнберг.

– Верно.

Потом Сакс достала из кейса пачку бумаг.

– Досье Артура, – объяснила она. – Я подумала, может пригодиться для дела. Тебе в любом случае будет полезно узнать подробности биографии двоюродного брата.

Сакс убрала скрепку и разместила всю пачку на стоящей возле инвалидного кресла рамке для чтения, оборудованной листающим механизмом.

Райм посмотрел на документ… и отвернулся к пластиковым доскам с перечнями улик.

– Не хочешь ознакомиться? – удивилась Сакс.

– Успеется.

Сакс достала еще один документ.

– Список сотрудников «ССД», имеющих доступ к досье, – они называют их хранилищами.

– Это которые с секретами?

– Вот-вот. Пуласки сейчас проверяет алиби, у кого оно вообще имеется. Мне придется еще допросить двух техников, а пока у нас есть вот что.

Сакс переписала на чистую доску список подозреваемых сотрудников ССД, сопроводив его комментариями.

Эндрю Стерлинг, президент, генеральный управляющий.

Алиби – на Лонг-Айленде, проверить.

Шон Кассел, начальник отдела продаж и маркетинга.

Нет алиби.

Уэйн Гиллеспи, начальник отдела обработки информации.

Нет алиби.

Сэмюэл Броктон, начальник исполнительно-правового отдела.

Алиби – администрация отеля подтвердила его присутствие в Вашингтоне.

Питер Арлонзо-Кемпер, начальник отдела кадров.

Алиби – с женой, проверить.

Стивен Шрейдер, менеджер отдела ремонта и технического обслуживания, дневная смена.

Допросить.

Фарук Мамеда, менеджер отдела ремонта и технического обслуживания, ночная смена.

Допросить.

Клиенты «ССД» (?)

Стерлинг готовит список.

– Мел! – окликнул Райм. – Проверь-ка их по учетам НИЦУПа и управления.

Купер послал запросы в базы данных Национального информационного центра по уголовным преступлениям и нью-йоркского управления полиции, а заодно и в Комитет министерства юстиции по предупреждению преступлений, связанных с насилием над личностью.

– Стоп… кажется, клюнуло.

– Что там? – подалась вперед Сакс.

– Арлонзо-Кемпер. Несовершеннолетний хулиган из Пенсильвании. Нанесение побоев двадцать пять лет назад. Материалы дела все еще не подлежат раскрытию.

– По возрасту подходит. Ему сейчас лет тридцать пять. И он светлокожий цветной. – Сакс кивнула в сторону доски с описанием «5-22».

– Тогда пусть рассекретят дело. По меньшей мере уточни, тот ли это парень.

– Сейчас попробую узнать. – Купер принялся настукивать по клавишам компьютера.

– А на других что-нибудь есть? – Райм кивнул на список подозреваемых.

– Нет. Только на него.

Купер послал запросы в некоторые базы данных штата и учреждений федерального уровня, а также в ряд профессиональных организаций. Как бы подытоживая свои усилия, лаборант пожал плечами:

– Окончил Калифорнийский университет в Хейстингсе. Никакого упоминания о пенсильванской отсидке. Похоже, нелюдим. Кроме университетского диплома, имеет только членский билет Национальной

ассоциации профессиональных кадровиков. Два года назад участвовал в технологической рабочей группе и с тех пор нигде не засветился. Ага, вот и наш хулиган – избил другого мальчишку в доме кратковременного содержания для малолетних правонарушителей… Ой!

– Что «ой»?

– Это не он. Имя пишется иначе. Без дефиса. У того гопника имя Арлонзо, фамилия Кемпер.

Лаборант взглянул на доску.

– А наш – Питер по фамилии Арлонзо-Кемпер. Я его неправильно впечатал в поисковую строку. Если бы дефис был на месте, компьютер бы вообще ничего не выдал. Виноват.

– Ладно, хорошо, что разобрались, – заметил Райм.

«Поучительный пример злой шутки, которую подчас с нами может сыграть информация», – подумалось ему. Казалось уже, они напали на след настоящего преступника, это подтверждала даже характеристика, данная ему Купером – «судя по всему, нелюдим», – однако произошла ошибка. Совсем незначительная опечатка чуть ли не привела к началу серьезной охоты на человека, совершенно непричастного к преступлениям, к потере времени и ресурсов, не заметь Купер вовремя свою оплошность.

Сакс присела рядом с Раймом, и тот, увидев тень озабоченности в ее глазах, спросил:

– Что такое?

– Странное ощущение. Как будто только теперь очнулась от колдовского заклятия. Послушайте все, мне нужно знать стороннее мнение. Насчет «ССД». Стремное местечко… Я там совсем потерялась.

– Как это? – недоуменно спросил Селлитто.

– Ты когда-нибудь бывал в Лас-Вегасе?

Оказалось, что Селлитто посещал Лас-Вегас вместе с женой еще до развода.

Райм коротко хохотнул:

– Лас-Вегас – это место, куда ездят подсчитывать свои убытки. С какой стати я стану бросать на ветер деньги?

Сакс продолжала:

– Так вот, в «ССД» как в казино. Внешний мир для них там будто не существует. Окна маленькие, либо их вообще нет. Ни смеха в коридоре, ни разговоров в курилке. Все с головой окунулись в работу, будто в азартную игру. Этакий замкнутый мирок, где у нормального человека крыша едет.

– Значит, ты хочешь, чтобы другой нормальный человек высказал тебе свое мнение об этой конторе? – спросил Селлитто.

– Именно.

– Может, расспросить какого-нибудь журналиста? – предложил Райм. Питер Ходдинс, приятель Тома, когда-то работал репортером в «Нью-Йорк таймс», а теперь издает книги публицистического содержания на общественно-политические темы. Вероятно, он знал, кто из корреспондентов отдела бизнеса в редакции газеты писал о дейта-майнинге.

Но Сакс покачала головой, явно выражая свое несогласие:

– Нет, нужен первоисточник. Лучше всего бывший сотрудник «ССД».

– Хорошо. Лон, ты можешь связаться с бюро занятости?

– Конечно.

Селлитто позвонил в департамент занятости штата Нью-Йорк. Минут десять его футболили из кабинета в кабинет, пока наконец не сообщили фамилию бывшего помощника технического директора «ССД». Он несколько лет проработал в компании, но был уволен полтора года назад. Его звали Кэлвин Геддес, и он часто бывает здесь, в Манхэттене. Селлитто записал его координаты на листочке бумаги и передал Сакс. Та, не теряя времени, набрала указанный номер и договорилась о встрече с Геддесом примерно через час.

Райм не возлагал особых надежд на показания бывшего служащего «ССД», но в ходе расследования нельзя пренебрегать никакими возможностями, способствующими раскрытию преступления. И все же то, чем занимались Сакс или Пуласки, проверяющий алиби подозреваемых, для Райма было вроде попыток разглядеть через матовое стекло, что там находится по другую сторону, то есть увидеть не саму истину, но лишь ее расплывчатое изображение. Только вещественные доказательства, какими бы скудными они ни были, могли

определенно указать на действительного убийцу. И Райм вернулся к изучению вещдоков.

Пошел!!!

Артур Райм больше не боялся двух латиносов, впрочем, переставших обращать на него внимание. Он знал теперь, что ему не грозят неприятности со стороны чернокожего громилы.

Зато его беспокоил «синий» с головы до ног белый зек. При виде шмыги (так, кажется, здесь называли тех, кто «подсел» на метамфетамин) сердце Артура сжималось от ужаса. Его звали Мик. Трясущимися пальцами тот скреб свое шелудивое тело, жутко выкатывал бесцветные глазные яблоки, похожие на дождевые пузыри в луже, и что-то бормотал себе под нос.

Весь предыдущий день Артур старался держаться подальше от страшного зека, а бессонной ночью между приступами безысходной тоски молил судьбу, чтобы сегодня Мика отвели наконец на судебное заседание и он навсегда исчез из его жизни.

Но не тут-то было. Мик вернулся еще до полудня и расположился неподалеку. Артур то и дело перехватывал его взгляд, а один раз услышал, как тот пробормотал: «Ты и я», – отчего у него по спине пробежал холодок.

Даже двое задиристых латиносов, очевидно, не желали связываться с Миком. Заключенные в тюрьме живут по неписаным правилам. Здесь существуют свои понятия хорошего и плохого. Но такие типы, как этот тощий, размалеванный наколками наркоман, плюют на любые правила и условности, и все здесь, похоже, это понимали.

Тут все обо всем знают. Кроме тебя. Здесь только ты ни хрена не знаешь…

Мик засмеялся, посмотрел на Артура, потом, будто вспомнив о чем-то, начал подниматься, но тут же позабыл зачем, снова опустился на место и принялся расковыривать большой палец на левой руке.

– Йо, Джерси-мэн.

Артура так и подбросило от неожиданности. Громадный негр зашел к нему со спины. Потом сел рядом, скамейка скрипнула под его тушей.

– Энтуан. Энтуан Джонсон.

Что теперь? Обменяться с ним приветственным постукиванием кулаками? Не будь долбаным идиотом, выругал себя Артур и только кивнул.

– Артур.

– Знаю.

Джонсон взглянул на Мика и сказал Артуру:

– Этому шмыге крышка. Не вздумай подсесть на мет. Сторчишься с концами.

После короткого молчания спросил:

– Так ты, значит, башковитый?

– Вроде того.

– Вроде – это как, черт возьми?

Не надо с ним валять дурака.

– У меня есть ученая степень по физике и еще одна по химии. Я окончил МТИ.

– Эмти?

– Институт такой.

– Крутой?

– Приличный.

– Сечешь, значит, в научном дерьме? Химия, физика и все такое?

Негр разговаривал иным тоном в отличие от двух латиносов, вымогавших у Артура деньги. Казалось, Джонсон искренне интересовался тем, о чем спрашивал.

– Да, в этих науках разбираюсь.

И тут последовал неожиданный вопрос:

– Значит, ты знаешь, как сварганить бомбу? Такую, чтобы снесла к чертям вот эту долбаную стену?

– Я…

Сердце опять заколотилось, даже еще сильнее, чем прежде.

– Я не знаю…

Энтуан Джонсон расхохотался:

– Не тушуйся, я тебя на понт взял!

– Но…

– Я. Тебя. Купил.

– А… Ну да.

Артур тоже засмеялся, каждую секунду ожидая разрыва сердца. Не все отцовские гены достались ему по наследству, но симптомы сердечной недостаточности, похоже, включены в комплект.

Мик выдал очередную реплику, адресованную самому себе, и принялся яростно скрести ногтями правый локоть, отчего на нем появились красные полосы.

Джонсон и Артур некоторое время молча наблюдали.

Шмыга…

Потом Джонсон снова заговорил:

– Йо-йо, Джерси-мэн, хочу спросить тебя о чем-то.

– Валяй.

– У меня мама верующая, сечешь, о чем я? И всю дорогу твердила мне, что в Библии одна только правда. То есть как в ней написано, так все и было на самом деле. Ладно, а теперь послушай: я вот все думаю, а где же в Библии динозавры? Бог сотворил мужчину и женщину, землю и реки, ослов и змей и все остальное дерьмо. Но почему Библия не говорит, что Бог сотворил динозавров? То есть я же своими глазами видел их скелеты. Значит, они реально были когда-то. Так где же тут долбаная правда, чувак?

Артур Райм посмотрел на Мика, потом перевел взгляд на торчащий из стены гвоздь. У него повлажнели ладони при мысли, что из всех возможных вариантов расстаться с жизнью в этой тюрьме на его долю выпало погибнуть, отстаивая нравственную позицию ученого перед изобретательным вымыслом.

Ну да черт с ним!

И он принялся объяснять:

– Утверждать, что Земля существует всего лишь шесть тысяч лет, значит, противоречить всем известным научным законам, признанным всеми развитыми земными цивилизациями. С такой же вероятностью у тебя сейчас вырастут крылья, и ты улетишь отсюда через то окно.

Джонсон насупился.

«Я погиб».

Негр обжег Артура испепеляющим взглядом. Потом медленно закачал головой:

– Я так и думал, мать его. Шесть тысяч лет, какая лажа.

– Рекомендую почитать книгу, которая поможет тебе разобраться в этом вопросе. Имя автора – Ричард Докинс, он…

– Да не стану я читать никакой долбаной книги. Поверю тебе на слово, мистер Джерси-мэн.

Артуру опять захотелось совершить кулачный обряд, но он сдержался и только спросил:

– Ты собираешься сказать об этом своей маме?

Круглое черное лицо скривилось в недоуменной гримасе.

– Нет, конечно. На черта? Маму никогда не переспоришь.

«Или папу», – мысленно добавил от себя Артур.

Лицо Джонсона стало серьезным.

– Йо. Базар идет, не ты ту бабу замочил?

– Нет, конечно.

– А копы тебя захомутали?

– Ну да.

– Какого хрена?

– Если б я знал. Все время пытаюсь понять, почему такое со мной случилось. Просто ни о чем больше думать не могу. Как он это проделал?

– Кто «он»?

– Настоящий убийца.

– Йо, как в «Беглеце». Или в деле О-Джея.

– Полиция нашла целую кучу доказательств, уличающих меня в преступлении. Настоящий убийца каким-то образом разузнал обо мне все: на какой машине езжу, где живу, когда работаю и возвращаюсь домой. Знал даже, какие вещи я купил, и подбросил их в качестве улик. Это, несомненно, единственное объяснение того, что произошло.

Энтуан Джонсон поразмыслил над услышанным и рассмеялся:

– Вот тут ты и лоханулся, чувак!

– В каком смысле?

– А в таком. Ты пошел в магазин покупать себе барахло. А надо было его зашухерить! Хрен бы тогда кто-то про тебя пронюхал!

Глава двадцать третья

Еще одна приемная. Совсем непохожая на ту, что в «серой глыбе». Бывать в таком бардаке Сакс до сих пор не доводилось. Ну может, еще во время службы в патрульных полицейских, когда она по вызову приезжала в Хеллс-Китчен унимать передравшуюся наркоту. Но даже среди тех доходяг многие обладали чувством достоинства – по крайней мере убирали за собой. Здесь же Амелии хотелось съежиться, чтобы, не дай Бог, не коснуться краем одежды пропыленного бумажного хлама. Некоммерческая организация «За невмешательство в личную жизнь», расположившаяся в старом здании бывшей фортепьянной фабрики, могла бы выиграть первенство Нью-Йорка по неряшливости.

По обе стороны от Сакс высились штабеля компьютерных распечаток, книг по юриспруденции, желтеющих брошюр с законодательными актами, горы газет и журналов. Их дополняли картонные коробки, набитые той же макулатурой. А еще толстые телефонные справочники и федеральные регистры.

И пыль. Тонны пыли.

Девушка-администратор в голубых джинсах и поношенном свитере яростно стучала по клавиатуре старенького компьютера, одновременно

разговаривая с кем-то вполголоса по головному телефону. К ее столу подходили угрюмые люди, одетые в джинсы и футболки или мятые рабочие спецовки, оставляли на столе либо забирали с собой папки с бумагами, записки с телефонными сообщениями и удалялись по коридору восвояси.

Стены были сплошь увешаны плакатами и лозунгами, напечатанными в дешевой типографии.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ! СЖИГАЙТЕ ЧЕКИ ВАШИХ ПОКУПАТЕЛЕЙ, ЧТОБЫ ПРАВИТЕЛЬСТВО НЕ СОЖГЛО ИХ КНИГИ!!!

С прямоугольного листа сморщенного ватмана предостерегала знаменитая фраза из романа Оруэлла о тоталитарном государстве «1984»:

Большой Брат наблюдает за тобой

Посреди облезлой стены на самом видном месте висел плакат с текстом, озаглавленным:

ИНСТРУКЦИЯ ПО ВЕДЕНИЮ ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ЛИЧНУЮ ЖИЗНЬ

• Никому не давай номер своей карточки социального страхования.

• Никому не давай номер своего телефона.

• Перед тем как идти за покупками, соберитесь с друзьями и обменяйтесь своими кредитками.

• Воздержись от добровольного участия во всяких опросах.

• По возможности отказывайся от участия в рекламных и им подобных акциях.

• Не заполняй регистрационные формуляры на купленный товар.

• Не заполняй гарантийные талоны на купленный товар. Они не нужны для обслуживания и ремонта по гарантии. Это лишь способ получить твои личные конфиденциальные данные.

• Помни: информация была самым грозным оружием нацистов.

• Держись, насколько возможно, подальше от электронных сетей: онлайновых, жилищно-коммунальных, банковских и прочих.

Пока Сакс продолжала переваривать в своем сознании содержание инструкции, сбоку отворилась обшарпанная дверь, из нее появился низкорослый, бледный мужчина с серьезным лицом, подошел к детективу, поздоровался за руку и проводил в свой кабинет, в котором царил еще больший беспорядок, чем в приемной.

Бывший служащий «ССД» Кэлвин Геддес теперь работал в этой организации, защищающей право граждан на невмешательство в личную жизнь.

– И вообще скрылся в тени, – пояснил он, улыбнувшись. Позабыв о принятом в «ССД» консервативном стиле в одежде, Геддес носил теперь джинсы, кроссовки и желтую рубашку без галстука.

Однако приятная улыбка исчезла с его лица, как только он услышал от Сакс рассказ об убийствах.

– Ну конечно, – почти шепотом произнес Геддес, и глаза его недобро сощурились. – Чего-то подобного следовало ожидать. То есть я знал, что это случится.

Геддес объяснил, что имеет техническое образование и работал со Стерлингом еще в его самой первой компании в Силиконовой долине, предшественнице «ССД». Он участвовал в создании той самой революционной программы управления базой данных. Потом вместе со Стерлингом перебрался в Нью-Йорк и зажил в свое удовольствие после головокружительного успеха «ССД».

Но вскоре начались неприятности.

– В то время мы еще не кодировали информацию, и по нашей вине произошли крупные мошенничества, совершенные под чужими именами. Несколько человек покончили с собой. В двух случаях в нашей программе зарегистрировались в качестве клиентов насильники, чтобы получать информацию о выслеживаемых ими женщинах. Две из них подверглись нападению, одна чуть не погибла. Нашими услугами стали пользоваться разведенные родители, желавшие разыскать своих бывших супругов и похитить у них неподеленных детей. Это было ужасно. Меня не покидало чувство, будто я помог изобрести атомную бомбу, и страшно терзала совесть. Тогда я начал прилагать усилия к ужесточению контроля за пользованием информацией, а это, по мнению моего босса, означало неверие в «перспективу „ССД“».

– Вашего босса – Стерлинга?

– Ну, в общем, да. Формально он меня не увольнял. Эндрю никогда не делает грязную работу своими руками. Он ее делегирует. А сам остается расчудесным, самым добрым в мире руководителем. Да и с юридической точки зрения его сложнее в чем-то обвинить, если есть мясники, пачкающиеся в крови вместо него. Вот так после ухода из «ССД» я и включился в работу организации «За невмешательство в личную жизнь».

Ее функции такие же, как у ЦЭПИ – Центра электронной приватной информации, объяснил далее Геддес. Эта организация выступает против посягательств на индивидуальную приватность со стороны государства, предпринимательских и финансовых учреждений, компьютерных провайдеров, телефонных компаний, брокеров и майнеров коммерческой информации. Она осуществляет лоббистскую деятельность в Вашингтоне, подает судебные иски на правительство в случаях установки контролирующих программ в нарушение Акта о свободе информации, а также на отдельные корпорации, не выполняющие требования законодательства о невмешательстве в личную жизнь и хранении профессиональной тайны.

Сакс ни словом не обмолвилась Геддесу об онлайновой ловушке, приготовленной Родни Шарнеком, но объяснила в общих чертах, что полиция занимается поисками клиентов и сотрудников «ССД», имевших возможность самостоятельно составить досье.

– Охрана там организована на первый взгляд очень серьезно. В этом же убеждают нас Стерлинг и его люди. Но мне хотелось бы знать мнение человека со стороны.

– Буду рад помочь.

– Марк Уитком рассказал нам о бетонных перегородках и раздельном хранении данных.

– Кто такой Уитком?

– Он возглавляет исполнительно-правовой отдел.

– Впервые слышу о его существовании. Очевидно, это нововведение.

Сакс объяснила:

– Этот отдел выполняет функцию защитника интересов клиентов внутри компании. Обеспечивает исполнение законов и административных инструкций.

Геддес воспринял это известие с видимым удовлетворением, однако заметил:

– Эндрю Стерлинг пошел на создание такого отдела не из собственного великодушия. Скорее всего «ССД» затаскали по судам, и он решил сыграть на публику и угодить конгрессу. Стерлинг не отступится от своего ни на дюйм, если его к этому не вынудить… Однако что касается ячеек данных, тут все верно. Стерлинг охраняет информацию, как Священный Грааль. Можно ли взломать систему? Наверно, нет. И уж точно нельзя физически проникнуть внутрь и выкрасть данные.

– По словам Уиткома, очень немногие сотрудники имеют возможность войти в innerCircle и скомпоновать досье. На ваш взгляд, это так?

– О да. Конечно, кто-то должен иметь полный доступ к базе данных, но не все. У меня, к примеру, его не было. А ведь я работал в компании со дня ее основания.

– А у вас лично не возникало каких-либо соображений? Может, темное прошлое у кого-нибудь из сотрудников? Склонность к насилию?

– Понимаете, прошло уже несколько лет… Я бы не сказал, что кто-нибудь из служащих «ССД» представлял особую опасность. Хотя должен оговориться, что, несмотря на внешние атрибуты большой счастливой компании – семьи, с такой гордостью демонстрируемой Стерлингом, я так и не сошелся близко ни с кем из коллег.

– А что вы можете сказать об этих людях?

Сакс выложила перед ним список подозреваемых.

Геддес изучил его.

– Я работал с Гиллеспи. Знаю Кассела. Оба мне не нравились. Они принадлежат к тем, кто высоко всплыл на гребне волны дейта-майнинга, как поселенцы Силиконовой долины в девяностых. Остальные в этом списке мне не знакомы. Сожалею.

Геддес внимательно взглянул на Сакс.

– Значит, побывали в «ССД»? – спросил он, криво улыбнувшись. – И что вы думаете об Эндрю?

Сакс запнулась, затрудняясь описать свои впечатления в двух словах. Наконец не слишком уверенно ответила:

– Целеустремленный, любезный, вдумчивый, проницательный… но… – Она опять запнулась.

– Но вы так и не поняли, что это за человек.

– Да.

– Потому что у него вместо лица твердокаменная маска. Мне не удалось понять Стерлинга за все годы, что я проработал вместе с ним. Его никто не может понять. Непостижимая личность. Вот это самое точное определение для Эндрю. Мне всегда хотелось найти разгадку его личности… Вы обратили внимание на то, как у него на полке стоят книги?

– Да, со стороны не видно корешков.

– Вот именно. Однажды я улучил момент и заглянул. Там не было книг о компьютерах, об информации, о правах человека или о бизнесе. В основном это были исторические, философские, биографические произведения – о Римской империи и китайских императорах, о Франклине Рузвельте, Джоне Кеннеди, Сталине, Иди Амине, Хрущеве. Стерлинг много читал о нацистах. Эндрю открыто восхищался умением нацистов использовать информацию в своих целях, считая, что никто не делал это с такой эффективностью, как они. Им принадлежит первенство в применении компьютеров для слежки за «неарийским» населением Германии. Именно так они прибрали к рукам власть в стране. Стерлинг проделывает то же самое в корпоративном мире. Вам ничего не напоминает аббревиатура названия компании – «ССД»? Говорят, это преднамеренный выбор Стерлинга, и не случайно буквы «СС» совпадают с обозначением элитных войск нацистов, а «СД» – их службы госбезопасности и разведки. А знаете, как расшифровывают это сокращение конкуренты и недруги Эндрю? «Сбываем совесть за доллары».

Геддес невесело засмеялся.

– Только не поймите меня превратно. Эндрю не антисемит и не расист. Для него вообще не имеет значения национальная или расовая принадлежность, политические убеждения и религиозные верования. «Информация не имеет границ», – изрек он однажды. В двадцать первом веке источником могущества является не выгодное географическое положение или нефтяные запасы, но способность распоряжаться информацией. А Эндрю Стерлинг претендует на звание самого могущественного человека на земле… Он, без сомнения, удостоил вас своей тронной речью в духе «дейта-майнинг, да святится имя твое…».

– Спасает нас от диабета, дает нам кров и приносит рождественские подарки, а полиции помогает ловить преступников.

– Старая пластинка. Но все это сущая правда. Остается только взвесить, стоят ли эти блага того, чтобы чужим людям стали известны малейшие подробности вашей личной жизни. Кто-то скажет – плевать, если можно сэкономить несколько баксов. Но действительно ли вы хотите, чтобы в темном зале кинотеатра ваши глаза сканировались лазерами системы «Потребительский выбор» ConsumerChoice, изучающей реакцию зрителей на прокрученные перед началом фильма рекламные ролики? Или представьте себе, что радиочастотный идентификатор в электронном ключе от вашей машины «настучал» полиции о том, как на прошлой неделе вы разогнались под сто миль в час на дороге, где скорость ограничена пятьюдесятью. Вам это надо? Вы хотите, чтобы посторонние мужчины знали, какие трусики на вашей дочери или когда у вас появилось намерение заняться сексом?

– Что?

– Да-да, ведь innerCircle знает, что вы приобрели сегодня презервативы и лубрикант, а ваш муж в четверть седьмого поехал домой экспрессом линии «E». В базу данных уже поступила информация, что ваших детей нет дома, поскольку сын отправился на бейсбольный матч с участием «метсов», а дочь в Гринвич-Виллидж отоваривается в местном «Гэпе». Подтверждением вашего намерения служит включение порно-канала на кабельном телевидении в семь восемнадцать, а приятным завершением соития послужил изысканный ужин, заказанный на дом в китайском ресторане без четверти десять. Вот так, все как на ладони!

О, «ССД» вовремя узнает, когда ваши чада перестают успевать в школе и пора высылать на ваш адрес рекламные листки с предложением услуг репетиторов и детской психологической помощи. Или когда у вашего мужа не все получается в постели и самое время снабдить его информацией о средствах лечения эректильной дисфункции. Или когда резкие изменения в вашем семейном положении, в обычном наборе покупок, неоднократное отсутствие на работе переводят ваше досье в предсуицидную категорию...

– Но ведь это хорошо. Значит, психотерапевт успеет помочь.

Геддес опять издал холодный смешок.

– Как бы не так. Психологическая помощь потенциальным самоубийцам не приносит дохода. «ССД» рассылает их имена в местные похоронные конторы и психотерапевтам, специализирующимся на оказании помощи скорбящим родственникам. Таким образом в число клиентов попадает

не один несчастный, а вся его семья – правда, уже после того, как он наложил на себя руки. А эта сфера деятельности «ССД», кстати, весьма прибыльная.

Неспособная оправиться от потрясения, Сакс молчала.

– Вы уже слышали о «привязях»?

– Нет.

– В «ССД» разработан сетевой метод, основанный на каждой отдельной личности. У вас тоже есть своя сеть. Назовем ее условно «мир детектива Сакс». Вы находитесь в центре, а от вас в разные стороны расходятся нити, привязывающие к вам ваших супругов, любовников, родителей, соседей, коллег и всех, о ком такая привязь позволяет узнать больше, чтобы «ССД» воспользовалась этим знанием к собственной выгоде. А каждая из ваших «привязей» является центром своего мирка, также привязывающему к себе десятки людей.

Глаза Геддеса сверкнули при внезапно осенившей его мысли.

– Вам знаком термин «метадейта»?

– Нет. Что это?

– Данные о данных. Любые документы, напечатанные на компьютере или сохраненные в его памяти – письма, файлы, отчеты, судебные иски, электронные таблицы, странички вебсайтов, электронные письма, списки покупок, – содержат скрытую информацию. Кто создал этот документ, куда он послан, дальнейшая правка, кто и когда ее внес – все это посекундно запоминается в метадейта. Вы пишете меморандум своему начальнику и шутки ради начинаете его словами: «Уважаемый старый хрен»; потом, естественно, стираете их и заменяете обычной формулировкой. Так вот, «уважаемый старый хрен» по-прежнему там.

– Серьезно?

– О да. Стандартный процессорный отчет занимает на диске гораздо больше места, чем сам документ. Что в нем? Метадейта. Программа управления базой данных Watchtower имеет в своем распоряжении так называемых «компьютерных паразитов» – программных роботов, – которые занимаются исключительно тем, что находят и скачивают метадейта с любого документа, попадающего в ее память. Мы назвали этот раздел системы «теневым», потому что метадейта – это как тени основных данных, однако порой гораздо более содержательные.

Тени, номера, ячейки, хранилища… Для Амелии Сакс открывался целый не изведанный доселе мир.

Несомненно, Геддес был рад такой восприимчивой слушательнице. Он подался вперед, чтобы задать вопрос:

– А вы знаете, что в «ССД» есть отдел школьного образования?

Сакс напрягла память, вспоминая содержание буклета, скачанного Мелом Купером с сайта «ССД».

– Да, это EduServe.

– Но Стерлинг в беседе с вами ни словом не обмолвился о нем, не правда ли?

– Нет.

– Да потому что он не хотел раскрывать основную функцию этой программы. А она заключается в сборе всей возможной информации о каждом ребенке начиная с дошкольного возраста – что тот покупает, какие фильмы и телепередачи смотрит, веб-сайты, чаще всего им посещаемые, школьные оценки, сведения о состоянии здоровья… А для коммерческих структур это очень, очень ценная информация. Но если хотите знать мое мнение, самое страшное в EduServe то, что школьные советы имеют возможность обратиться к «ССД» и прогнать данные на своих учеников через прогнозирующую программу. А после соответствующим образом перестроить учебный план – в интересах общества. Или государства, если уж совсем по Орвеллу. «Учитывая происхождение Билли, ему следует освоить рабочую профессию. Сузи может стать врачом, только пусть не занимается частной практикой…» Хотите, чтобы будущее зависело от вас – подчините своей воле детей. Это, кстати, еще один элемент философии Адольфа Гитлера. – Безрадостный смех. – Все, больше не мучаю вас своими проповедями. Но вы теперь хоть понимаете, почему мне стало там невмоготу? – Тут Геддес задумчиво наморщил лоб. – В связи с вашим делом я вдруг вспомнил об одном инциденте. Это случилось давно, еще до перевода компании в Нью-Йорк. Очень странная смерть… Возможно, просто совпадение. Впрочем…

– Пожалуйста, расскажите.

– В самом начале нашей деятельности большую часть практической работы по сбору информации мы отдавали на откуп поисковикам.

– Кому?

– Организациям и физическим лицам, профессионально занимающимся сбором данных. Вот уж действительно необычное племя! Похожи на стародавних старателей – авантюристы, можно сказать. Говорят, охота пуще неволи – так и сбор информации. Рыщут, как голодные волки, и чем больше находят, тем ненасытнее становятся. Причем они постоянно совершенствуют свои приемы и методы, открывают новые информационные источники, конкурируют между собой. Отчаянные ребята! Шон Кассел тоже так начинал в этом бизнесе – с поисковика.

Среди тех парней был один выдающийся. Сам из Колорадо, владелец маленькой компании – называлась, кажется, «Роки-маунтин дейта». А звали его… – Геддес опять наморщил лоб. – Имя вроде бы Гордон… А может, это была его фамилия. Ну, не важно. В общем, «ССД» вознамерилась завладеть его компанией, и Гордону это, видимо, не понравилось. Он принялся собирать информацию об «ССД» и самом Стерлинге – то есть наше оружие обернул против нас. Мы решили, что он хочет нарыть компромат, чтобы шантажировать Стерлинга и препятствовать развитию событий в нежелательном для него направлении. Вы знаете, что Энди Стерлинг – Эндрю-младший – работает в «ССД»?

Сакс утвердительно кивнула.

– Ходили слухи, что Стерлинг бросил его в детстве, но тот все-таки разыскал отца. По другой версии, Стерлинг бросил *другого* сына, то ли от первого брака, то ли от подруги молодости, и очень хотел сохранить эту историю в тайне. До нее-то, как мы полагали, и докапывался Гордон. Короче, Стерлинг со своей командой выезжают в Колорадо, и в самый разгар переговоров о покупке «Роки-маунтин» Гордон погибает в результате какого-то несчастного случая. Это все, что мне известно. Меня там не было. Я торчал в Долине и писал программу.

– Ну а поглощение произошло?

– Да. Если Эндрю чего-то захочет, он это получит… А теперь позвольте мне высказать предположение по поводу личности убийцы – это сам Эндрю Стерлинг!

– У него есть алиби.

– Неужели? Только не забывайте, что Эндрю – информационный маг. Владея информацией, можно ее корректировать. Алиби Стерлинга надо проверять с особой тщательностью.

– Как раз этим мы сейчас и занимаемся.

– Но даже если оно подтвердится, это мало о чем говорит. Следует иметь в виду, что среди его подчиненных есть и такие, которые готовы исполнить любое приказание своего босса. То есть все, чего он ни пожелает. Помните, грязную работу Стерлинг делает чужими руками.

– Но ведь он мультимиллионер! Какой интерес ему красть чужие монеты или картину да вдобавок убивать их владельцев?

– Какой интерес? – Геддес повысил голос, словно учитель, говорящий с учеником, который никак не может усвоить урок. – Его интерес – стать самым могущественным человеком на свете! А всех остальных человечков поиметь в своей маленькой коллекции. И не случайно особое внимание он уделяет клиентам из правительственных учреждений и правоохранительных органов. Чем больше преступлений раскрывается с помощью базы данных «ССД», тем охотнее будут регистрироваться в innerCircle американские и иностранные полицейские службы. Гитлер после прихода к власти первым делом наладил взаимодействие полицейских участков и подразделений по всей Германии. Почему нам приходится так тяжко в Ираке? Да потому, что мы разогнали местную армию и полицию. А должны были использовать их. Эндрю подобных ошибок себе не позволяет. – Геддес рассмеялся. – Вы про меня, наверное, думаете, что у старика глюки? Я действительно живу с этим целыми днями. Но и вы не забывайте: каждую минуту кто-то сидит и наблюдает за вами, и это не выдумки и не паранойя, это реальность. Этим как раз и занимается «ССД».

Глава двадцать четвертая

Ожидая возвращения Сакс, Райм рассеянно выслушивал сетования Лона Селлитто по поводу невозможности обнаружения вещественных доказательств по делам о ранее совершенных убийствах с кражей монет и изнасилованием.

– Задолбали гребаные архивариусы!

Райм согласился с этой нелицеприятной характеристикой, но не мог сосредоточиться на обсуждении темы, постоянно отвлекаясь на досье двоюродного брата, лежащее совсем рядом, на специальном пюпитре. Райм силился не обращать на него внимания.

Однако документ притягивал его, как магнит иголку. Поглядывая на вызывающе белые листы с манящим черным шрифтом, Райм думал: может быть, Сакс права, в них действительно найдется что-нибудь полезное. Наконец он признался себе, что им движет обычное любопытство.

«СТРАТИДЖИК СИСТЕМС ДЕЙТАКОРП, ИНК.»
INNERCIRCLE® ДОСЬЕ

Артур Роберт Райм

Личный учетный номер 3480-9021-4966-2083

Образ жизни

Досье 1А. Предпочтения в сфере потребительских товаров.

Досье 1Б. Предпочтения в сфере потребительских услуг.

Досье 1В. Туризм.

Досье 1Г. Медицина.

Досье 1Д. Предпочтения в сфере отдыха и развлечений.

Образование, профессиональное и финансовое положение

Досье 2А. Образование.

Досье 2Б. Места работы с указанием доходов.

Досье 2В. Кредитная история; текущее состояние и рейтинг.

Досье 2Г. Предпочтения в сфере профессиональной деятельности.

Регистрация и гражданско-правовой статус

Досье 3А. Личная учетная информация.

Досье 3Б. Регистрация в качестве избирателя.

Досье 3В. Гражданско-правовой учет.

Досье 3Г. Уголовно-правовой учет.

Досье 3Д. Исполнение правовых актов.

Досье 3Е. Иммиграция и натурализация.

Содержащаяся здесь информация является собственностью компании «Стратиджик системс дейтакорп, инк.» («ССД») и подлежит использованию при условии заключения Лицензионного договора между «ССД» и Клиентом в соответствии с положениями

Генерального клиентского соглашения. © «Стратиджик системс дейтакорп, инк.». Все права зарезервированы.

Отдавая команды листающему механизму, Райм просмотрел все тридцать страниц убористого шрифта. В одних разделах документа содержалась объемистая информация, в других – скудная. «Регистрация в качестве избирателя» подверглась редакции, а «Исполнение правовых актов» и некоторые части «Задолженности по кредитам» имели ссылки на отдельные файлы, потому, видимо, что доступ к таким сведениям ограничивался законодательством.

Райм задержался чуть дольше на длинном перечне потребительских продуктов, приобретенных Артуром и членами его семьи (обозначенными в досье казенно-циничным термином «ближайшие привязи»). У детектива не осталось сомнений, что любой, кто прочтет досье, получит достаточно полное представление о том, где и какие товары прикупил Артур. А значит, и приготовление фальшивых улик, чтобы навести на него подозрение в убийстве Элис Сандерсон, также не составило бы труда.

Райм узнал, в каком загородном клубе обычно проводил свой досуг Артур, пока не перестал платить членские взносы несколько лет назад, – очевидно, из-за потери работы. Его удивило, что при выборе направлений отпускных туров брат в последнее время отдавал предпочтение горнолыжным курортам. Артур также оплатил курс диетического лечения – вероятно, у него или кого-то из семьи возникла проблема лишнего веса. В это же время приобретен семейный абонемент в фитнес-клуб. К Рождеству куплено в рассрочку женское украшение в одном из ювелирных магазинов торгового центра в Нью-Джерси (что-нибудь с маленькими камешками в большой оправе, предположил Райм – «дежурный» подарок, так сказать, до лучших времен).

Райм невольно усмехнулся при виде одной из статей. Артуру, похоже, также пришлось по вкусу односолодовое виски, причем любимый сорт Райма – «Гленморенджи».

У двоюродного брата было две машины – «мерседес» и «чероки».

И тут улыбка исчезла с лица криминалиста. Райм вспомнил еще одну машину Артура, красный «корвет», подаренный ему родителями на семнадцатый день рождения. На нем двоюродный брат уехал в Бостон учиться в МТИ.

Период учебы для братьев начинался по-разному. Для Артура настал великий день, и для его отца тоже. Генри Райм был в восторге, что его сыну удалось поступить в одно из самых лучших учебных заведений. Но

планам братьев – поселиться в одной комнате, наперегонки кадрить девчонок, затмевать своими знаниями других отличников – было не суждено сбыться. Линкольна не приняли в МТИ, и он пошел учиться в Иллинойский университет в Шэмпейн/Урбане, предложивший ему полную стипендию и как раз тогда котировался довольно высоко, поскольку располагался в том самом городке, где родился ЭАЛ, самовлюбленный компьютер из «Космической Одиссеи 2001» Стэнли Кубрика.

Родителей Линкольна и его дядю тоже устраивало то, что Линкольн не уедет из родного штата. Генри так и сказал племяннику – мол, надеюсь, ты будешь частенько наведываться в Чикаго и принимать участие в моих исследованиях и даже иногда помогать проводить занятия в университете.

– Жаль, конечно, что судьба разбросала вас с Артуром, – добавил дядя Генри, – но ничего, будете видеться летом, по праздникам. Опять же я и твой отец наверняка найдем возможность пару раз смотаться в гости в «Фасолевый город».

– Да, неплохо бы, – нехотя согласился Линкольн.

Помимо подавленного состояния вследствие провала планов поступления в МТИ, у Линкольна была и другая, более весомая и ему одному известная причина не разделять дядиного оптимизма – он хотел, чтобы этот чертов двоюродный брат навсегда исчез из его жизни.

И все из-за красного «корвета».

Это произошло спустя некоторое время после памятного рождественского сочельника, когда Линкольну достался главный приз в виде бетонного обломка истории. Наступил февраль, самый суровый месяц в Чикаго независимо от того, светит солнце или небо затянуто тучами. Мороз стоял такой, что дыхание перехватывало. Линкольн участвовал в научной викторине в Нортвестернском университете в Эванстоне. Он пригласил Адрианну поехать вместе с ним с намерением после мероприятия предложить ей руку и сердце.

Но она отказалась, сказав, что собралась с матерью в универмаг «Маршалл Филд» на Петле, где предстояла большая распродажа. Линкольн, конечно, огорчился, но, поскольку ничего нельзя было поделать, сосредоточился на викторине. Он занял первое место в старшей группе, потом все участники упаковали чертежи, приборы и модели, вынесли их на улицу и погрузили в багажный отсек автобуса. После этого с посиневшими от мороза пальцами, окутанные паром, они бросились к двери теплого салона автобуса.

Вот тут кто-то из ребят и выкрикнул:

– Эй, смотрите, какая крутая тачка!

Линкольн обернулся – по университетскому кампусу, шурша шинами, скользил красный «корвет».

За рулем сидел его двоюродный брат Артур. В этом не было ничего необычного, так как он жил здесь, неподалеку. Удивило Линкольна присутствие девушки на сиденье рядом с Артуром; ему показалось, что это Адрианна.

Она или нет?

Линкольн не знал, что и думать.

Одежда точно как у Адрианны: коричневая шубка из искусственного меха и меховая шапка такая же, что Линкольн подарил ей на Рождество.

– Линк, черт возьми, залезай скорее, дверь закрываем!

Но Линкольн словно прирос к месту, провожая глазами автомобиль, свернувший за угол по запорошенной снегом улице.

Неужели Адрианна обманывала его? Девушка, о которой Линкольн привык думать как о своей будущей жене? Это казалось невероятным. Но больнее всего было то, что она встречается у него за спиной с его же двоюродным братом Артуром!

Как истинный ученый, Линкольн принялся объективно анализировать факты.

Факт первый. Артур и Адрианна знали друг друга. Они познакомились в прошлом году в офисе консультанта по университетскому образованию в школе Линкольна, где девушка подрабатывала после занятий, а значит, они запросто могли обменяться номерами своих телефонов.

Факт второй. Линкольн только теперь понял, почему Артур перестал расспрашивать его об Адрианне. Братья уделяли много времени разговорам о девушках, но Арт в последнее время даже не заикался о подруге Линкольна.

Подозрительно.

Факт третий. Задним числом Линкольн домыслил, что Адрианна, отказываясь от его приглашения, говорила как-то уклончиво. Опять же она не знала, что викторина проводится в Эванстоне, потому и колесила

с Артом так открыто по часто пересекающимся улочкам кампуса. Приступ ревности ослепил Линкольна. («А я-то, дурак, собирался подарить ей обломок Стэгг-Филда! Частицу священного символа современной науки!») Линкольн вдруг вспомнил, что Адрианна и раньше отказывалась от его приглашений под предлогами, теперь казавшимися неестественными. Таких случаев он насчитал три или четыре.

И все же не мог в это поверить. Линкольн подбежал по скрипящему под ногами снегу к телефону-автомату и позвонил ей домой.

– Извини, Линкольн, но Адрианна уехала с друзьями, – ответила ее мать.

С друзьями…

– Ладно, позвоню позже… Кстати, миссис Валеска, вам удалось выбраться на сегодняшнюю распродажу в «Филде»?

– Нет, распродажа будет только на следующей неделе… Извини, мне надо готовить ужин, Линкольн. Одевайся теплее, если пойдешь на улицу. Сегодня страшный мороз.

– Да уж… – Линкольн чувствовал это буквально на своей шкуре. С трясущейся челюстью он стоял под козырьком телефона-автомата, не решаясь поднять со снега монетки, которые упали после неловких попыток вставить их окоченевшими пальцами в приемник.

– Линкольн, черт, давай в автобус!

Вечером он позвонил Адрианне и некоторое время ухитрялся поддерживать обычную беседу, пока наконец не выдержал и спросил, как у нее прошел день. Она ответила, что удачно съездила с мамой за покупками, только очень устала в магазинной толчее. Все как с цепи сорвались, ругаются, пихаются… Она говорила таким сокрушенным голосом, что явно чувствовала себя виноватой.

И все же Линкольну были нужны твердые доказательства.

Поэтому он решил вести себя, будто ничего не случилось. Когда Арт в очередной раз приехал к нему в гости, Линкольн оставил его на минутку одного в гостиной, а сам выскользнул из дома, прихватив ролик с липкой лентой для чистки от собачьей шерсти (именно таким инструментом пользуются эксперты-криминалисты при осмотре места преступления), чтобы собрать вещественные доказательства с переднего пассажирского сиденья «корвета».

Потом положил липкую ленту в целлофановый пакет, при свидании с Адрианной незаметно снял с ее шапки и шубки несколько шерстинок. Линкольн испытывал чувство стыда и унижения, шпионя за любимой девушкой, но это не помешало ему провести сравнение собранных вещдоков и оригинальных образцов под микроскопом в одном из школьных кабинетов. Они были идентичны – как натуральная шерсть с шапки, так и синтетические ворсинки с шубы.

Итак, девушка, на которой Линкольн собирался жениться, обманывала его.

И, судя по количеству этих вещественных доказательств, обнаруженных на сиденье машины Артура, она проделывала это не один раз.

А неделю спустя Линкольн все-таки увидел их вместе в машине, и тогда все сомнения развеялись окончательно.

Он расстался с Адрианной без лишних вопросов и выяснения отношений. У него не было никакого желания устраивать скандал. Даже пару раз еще являлся на свидания, во время которых оба чувствовали себя чужими и большей частью неловко молчали. Как ни странно, Адрианну, похоже, огорчала его внезапная отчужденность. Черт подери, возмущенно думал Линкольн. Неужели она хочет сразу и с тем, и с другим? В итоге Адрианна тоже рассердилась на него… хотя сама первая и обманула.

Соответственно Линкольн отдалился и от двоюродного брата, отказываясь встречаться с ним под разными предлогами – ссылаясь то на подготовку к выпускным экзаменам, то на соревнования. Окончательно их разъединила его неудачная попытка поступить в МТИ – нет худа без добра.

Братья виделись изредка на семейных собраниях, ну и на совместном праздновании окончания университета. Однако их отношения изменились в корне. Об Адрианне ни тот ни другой больше не обмолвился ни единым словом. Во всяком случае, по прошествии еще многих лет.

Вся моя жизнь переменилась. Если бы не ты, все было бы иначе…

Даже теперь Райм почувствовал, как от волнения застучало в висках. Он не ощущал прохлады на ладонях, но мог предположить, что они повлажнели. В эту минуту в дверях весьма кстати появилась Амелия Сакс и прервала тягостные воспоминания.

– Есть что-нибудь новое? – спросила она.

Плохой признак. Если бы встреча с Кэлвином Геддесом принесла хоть какую-то пользу, она бы начала прямо с этого.

– Нет, – признался Райм. – Рон еще не закончил проверку алиби. И на приманку Родни тоже пока никто не клюнул.

Сакс приняла от Тома чашку кофе и взяла с блюда половинку сандвича с индейкой.

– Салат с тунцом лучше, – заметил ей Лон Селлитто. – Том сам его приготовил.

– Это тоже сгодится.

Сакс села рядом с Раймом и предложила ему откусить от своего сандвича. Тот отказался, покачав головой.

– Ну как твой брат? – спросила она, увидев открытое досье на подставке.

– В каком смысле?

– В прямом. Как ему там, в «Могильнике»? Наверно, нелегко приходится?

– Я с ним не общался.

– Ему, наверное, неловко звонить тебе. Лучше бы ты сам это сделал.

– Ладно. Что ты узнала от Геддеса?

Сакс признала, что встреча не привела к выдающимся открытиям, пояснив, что в основном это была лекция о ширящемся у нас вмешательстве в частную жизнь. Она перечислила названные Геддесом самые тревожные аспекты дейта-майнинга и деятельности «ССД»: ежедневное накопление личных данных без ведома и согласия граждан, опасности программы EduServe, необратимая сохранность информации и тайное существование метадейта компьютерных файлов.

– А есть что-нибудь полезное для нас? – с некоторой язвительностью спросил Райм.

– Два момента. Во-первых, Геддес подозревает Стерлинга.

– Ты же сказала, у него алиби, – заметил Селлитто, берясь за второй сандвич.

– Возможно, убийства совершались не им лично, но по его указанию.

– На черта ему это надо? Он генеральный управляющий огромной компании.

– Чем больше преступлений, тем насущнее для общества защита со стороны «ССД». Геддес считает, что Стерлинг рвется к власти. Если верить его описанию, мы имеем дело прямо-таки с Наполеоном от информации.

– Значит, руками своих наемников он бьет стекла в окнах, чтобы затем вставлять их обратно уже в собственном обличье.

Райм кивнул, впечатленный правдоподобностью этой версии.

– Но тогда получается, Стерлинг просчитался. Выходит, он не ожидал, что, расследуя преступления, мы выйдем на базу данных «ССД». О'кей, добавьте в список подозреваемых неизвестного наемника Стерлинга.

– Далее, Геддес рассказал мне, что несколько лет назад «ССД» поглотила небольшую дейта-майнинговую компанию, расположенную в Колорадо. Ее главный поисковик – так они называют поставщиков информации – погиб.

– Есть какая-то связь между этой смертью и Стерлингом?

– Понятия не имею. Но стоит проверить. Сажусь на телефон.

В дверь позвонили, и Том открыл. Вошел Рон Пуласки. Он был бледен и весь в поту. Райма иногда так и подмывало посоветовать ему не принимать служебные задания слишком близко к сердцу, однако он боялся, что это прозвучит неискренне, поскольку сам относился к своей работе с не меньшим рвением.

Молодой полицейский доложил, что проверил алиби почти у всех на минувшее воскресенье.

В «Изипасс» подтвердили время, когда Стерлинг проезжал через Мидтаунский туннель. Пытался перепроверить у младшего Стерлинга, звонил ли ему отец с Лонг-Айленда, но того нет дома.

– И вот еще что, – продолжал Пуласки. – Алиби начальника отдела кадров могла подтвердить только его жена. За ней не заржавело, но вела она себя как загнанная в угол мышь. И все дула в мужнину дуду: «„ССД“ – самое прекрасное место в мире, бла-бла-бла…»

Райм, по жизни не веривший свидетельским показаниям, не услышал в докладе Пуласки ничего, что могло навести на след преступника. Что касается поведения жены Арлонзо-Кемпера, то он хорошо помнил

правило, усвоенное от Кэтрин Дэнс, эксперта по «языку» мимики, жестов и кинесики из калифорнийского отделения ФБР: перед полицейским следователем свидетели часто выглядят и чувствуют себя виноватыми, даже открывая ему всю правду как на духу.

Сакс подошла к доске со списком подозреваемых и обновила его.

Эндрю Стерлинг, президент, генеральный управляющий.

Алиби – на Лонг-Айленде, проверено. Ожидаем подтверждения от сына.

Шон Кассел, начальник отдела продаж и маркетинга.

Нет алиби.

Уэйн Гиллеспи, начальник отдела обработки информации.

Нет алиби.

Сэмюэл Броктон, начальник исполнительно-правового отдела.

Алиби – администрация отеля подтвердила его присутствие в Вашингтоне.

Питер Арлонзо-Кемпер, начальник отдела кадров.

Алиби – жена подтвердила – выгораживает мужа?

Стивен Шрейдер, менеджер отдела ремонта и технического обслуживания, дневная смена.

Допросить.

Фарук Мамеда, менеджер отдела ремонта и технического обслуживания, ночная смена.

Допросить.

Клиенты «ССД» (?)

Стерлинг готовит список.

Неизвестный наемник Эндрю Стерлинга (?)

Сакс взглянула на часы.

– Рон, Мамеда уже должен появиться в «ССД». Будь добр, съезди туда и побеседуй с ним и Шрейдером. Узнай, где они были вчера во время

убийства Уэйнберг. И секретарь Стерлинга, наверное, уже подготовил список клиентов. Если нет, садись рядом и виси у него над душой, пока не получишь список. И всем своим видом давай понять, что это дело государственной важности. А еще лучше покажи, что у тебя кончается терпение.

– Так, значит, опять в «ССД»?

– Ну да.

Райм понял, что Пуласки почему-то не хотелось ехать.

– Ладно. Только позвоню Дженни, узнаю, как там дома. – Он достал свой сотовый и нажал кнопку автоматического набора.

По тону молодого полицейского Райм понял, что с ним говорит его малолетний сын, видимо, сменила его затем совсем маленькая дочка, так как Пуласки начал сюсюкать в трубку. На этой стадии криминалист перестал прислушиваться.

В ту же минуту зазвонил его собственный телефон; на дисплее высветился ряд цифр с двумя четверками во главе.

Райм обрадовался.

– Команда, ответить.

– Детектив Райм?

– Инспектор Лонгхерст?

– Я знаю, вы заняты тем другим делом, но, возможно, захотите узнать, как у нас развиваются события.

– Несомненно, прошу вас. Как чувствует себя преподобный Гудлайт?

– В порядке, немного напуган. Настаивает, чтобы среди охраняющих его секретных агентов и полицейских не было новеньких. Доверяет только тем, кто провел вместе с ним не меньше месяца.

– Его можно понять.

– Гудлайта постоянно прикрывает один из моих людей. Бывший сасовец. Они в этом деле самые лучшие. Далее, мы обшарили олдамский тайник от чердака до погреба, и только там удалось обнаружить медную и свинцовую стружку, как будто высверлили пулю и закупорили пробкой из свинца, а еще крупицы пороха и едва заметные следы ртути. Мой

эксперт по баллистике не исключает, что Логан изготовил разрывную пулю «дум-дум».

– Да, похоже на то. Полая пуля, заполненная жидкой ртутью. Наносит страшные раны.

– Также нашли следы ружейного масла, а в умывальнике остатки светлой краски для волос. А еще несколько темно-серых хлопковых нитей, довольно плотных, обработанных крахмалом. Проверили по базе данных; оказалось, из этой материи шьют военную форму.

– А вы не думаете, что эти вещдоки вам подбросили нарочно?

– Нет, во всяком случае, по мнению наших криминалистов. Слишком малое количество, можно сказать, чудом заметили.

Светлые волосы, снайпер, в военной форме...

– Далее, у нас здесь случилось ЧП. Кто-то пытался проникнуть поблизости от Пиккадилли в офис некоммерческой неправительственной организации, известной как Агентство по оказанию помощи Восточной Африке. Учреждено преподобным Гудлайтом. Незваного гостя спугнули охранники. Он успел сбросить отмычку в решетку уличного сточного люка. Но нам повезло. Нашелся свидетель, видевший это. Короче, наши люди достали отмычку и обнаружили на ней остатки грязи. А в ней содержались частицы хмеля, произрастающего исключительно в графстве Уорикшир. Этот хмель используется в производстве биттера.

– Биттера? Это что-то вроде пива?

– Да, сорт эля. У нас в Скотланд-Ярде весьма кстати оказалась база данных на алкогольные напитки и их ингредиенты.

«У меня такая тоже есть», – подумал Райм, а вслух изумился:

– Вот как?

– Я сама составила, – похвасталась Лонгхерст.

– Отлично. И?

– Единственная пивоварня, использующая данный вид хмеля, находится близ Бирмингема. Далее, у нас есть снимок человека, проникшего в офис этой организации, сделанный с камеры видеонаблюдения. Теперь я намерена сверить его с видеозаписями охранной системы пивоварни в Бирмингеме. Нам известно, что этот же мужчина несколько часов назад

прибыл на станцию «Нью-стрит» и вышел из поезда с большим рюкзаком. К сожалению, мы потеряли его в толпе.

Райм обдумал услышанное. У него возник вопрос: а не нарочно ли оставлены следы хмеля на отмычке с целью увести их в ложном направлении? В такой ситуации криминалист мог быть в чем-либо уверен, только если сам обследует место преступления и получит на руки вещественные доказательства. Но сейчас ему оставалось полагаться только на то, что он «печенкой чует», по любимому выражению Сакс.

Ложная улика или настоящая?

Райм принял решение.

– Инспектор, я не верю этому. Думаю, Логан специально разыграл спектакль с проникновением в офис и манипуляцией с отмычкой. Он такое и раньше проделывал. Хочет, чтобы мы сосредоточились на Бирмингеме, а сам тем временем нанесет завершающий удар в Лондоне.

– Рада слышать это от вас, детектив. Я и сама склонялась к такой версии.

– Нам надо подыграть ему. Где сейчас находятся члены нашей команды?

– Дэнни Крюгер со своими людьми в Лондоне. Там же ваш фэбээровец. Француз и агент Интерпола занимаются проверкой наших зацепок в Оксфорде и Суррее. Они там еще не закончили.

– Я бы их всех перебросил в Бирмингем. Тотчас. И пусть их присутствие там будет недемонстративным, но заметным.

Инспектор рассмеялась:

– А у Логана не должно оставаться сомнений по поводу того, что мы заглотили наживку.

– Вот именно. Пусть думает, что мы поверили в счастливую возможность схватить его в Бирмингеме. И пошлите туда группу спецназовцев. Можно поднять вокруг их отправки немного суеты, создать впечатление, что мы забираем и часть снайперов из охранения в Лондоне.

– А в действительности лишь усилим там наблюдение.

– Правильно. И пустите слух, будто мы думаем, что он намерен нанести удар со значительного расстояния. И что у него светлые волосы и серый военный комбинезон.

– Блестящая мысль, детектив. Немедленно займусь этим.

– Держите меня в курсе.

– Счастливо!

Райм дал телефону команду «отбой» почти одновременно с голосом, донесшимся с другой стороны помещения:

– Короче, ваши друзья в «ССД» в общем и целом молодцы. Я не смог докопаться даже до первой базы.

Это был Родни Шарнек. Райм о нем совсем позабыл.

Он встал из-за компьютера и подошел к остальным.

– Их innerCircle неприступнее, чем Форт-Нокс[13]. И система управления базой данных Watchtower не легче. Я, в натуре, сомневаюсь, что их можно крэкнуть, имея на вооружении суперкомпьютеры, приобретаемые в «Бест-бай» или «РадиоШеке».

– Ну-ну?

Райм понял по озабоченному лицу компьютерщика, что это еще не все.

– Так вот, на системе «ССД» установлена защита, какой я еще нигде не встречал. Реально суровая. Я бы даже сказал, стремная. Короче, вхожу я в их систему в качестве анонимного пользователя и по мере продвижения вытираю за собой следы. И что же происходит? Их программа взламывает мою систему и пытается идентифицировать меня по информации, выявленной на свободном пространстве.

– Родни, а что, собственно, означает «свободное пространство»? – Райм пытался сохранить остатки терпения.

Шарнек объяснил, что в свободной памяти жестких дисков могут быть найдены разрозненные данные, включая фрагменты уничтоженной ранее информации. Программа способна даже восстановить их в «читабельной» форме. Охранная система «ССД» поняла, что Шарнек стер свои следы, проскользнула в его компьютер и стала изучать информацию на свободном пространстве жесткого диска, чтобы узнать, кто он.

– Честно признаюсь, я сдрейфил. Перехватил этого секьюрити-червя по чистой случайности… – Шарнек сокрушенно пожал плечами и принялся топить свое огорчение в кофе.

Райма вдруг осенила идея, просто восхитившая его.

– Послушай, Родни, а тебе не хочется для разнообразия побыть настоящим копом?

От безмятежности компьютерного фаната не осталось и следа.

– Вы знаете, я вообще-то не очень гожусь для таких дел.

Селлитто закончил пережевывать последний сандвич.

– Ты еще не знаешь, каково это, когда пуля преодолевает звуковой барьер прямо у твоего уха.

– Стоп, стоп, стоп! Если я и стрелял когда-нибудь, то исключительно в ролевой игре, и...

– О, лезть под пули придется не тебе, – успокоил его Райм и весело посмотрел на Рона Пуласки, складывавшего свой телефон, закончив наконец беседу с домашними.

– Что? – хмуро переспросил, словно проснувшись, молодой полицейский.

Глава двадцать пятая

– Вам что-нибудь еще нужно, господин полицейский?

Сидя в переговорной комнате «ССД», Рон Пуласки поднял голову и взглянул в бесстрастное лицо второго секретаря Стерлинга – Джереми Миллса. Молодой полицейский припомнил, что тот отвечал за связи с общественностью в компании.

– Нет, больше ничего, спасибо. Вот только... не могли бы вы узнать у мистера Стерлинга насчет информации, подготовленной им для нас. Список клиентов. Кажется, он поручил это дело Мартину.

– Я буду счастлив поставить данный вопрос перед Эндрю, как только он закончит совещание.

Широкоплечий Джереми обошел комнату, объясняя Пуласки, где находятся электровыключатели и как регулировать кондиционер, – ну прямо посыльный в отеле, что проводил Рона и Дженни в номер для молодоженов, где они остановились во время свадебного путешествия.

Это опять напомнило Пуласки о сходстве между его женой и Майрой, той женщиной, что изнасиловали и убили вчера. Он будто снова видел, как рассыпались по подушке волосы Дженни, и такие милые, чуть растянутые в улыбке губы, и...

– Господин полицейский!

Пуласки вздрогнул и отогнал от себя невеселые мысли.

– Простите…

Секретарь внимательно смотрел на него, придерживая рукой открытую дверцу маленького холодильника.

– Здесь минеральная вода, с газом и без.

– Спасибо. Не беспокойтесь, мне ничего не нужно.

Забудь о Дженни и детях, мысленно укорял он себя. Ты на службе. Смотри в оба. Под угрозой человеческие жизни. Сосредоточься на вопросах. Не подведи Амелию, она в тебя верит.

Ты с нами, сынок? По тебе этого не скажешь…

– Если захотите позвонить, воспользуйтесь этим аппаратом. В город через «девятку». Или просто нажмите эту кнопку и продиктуйте вслух номер – у него есть функция голосового набора.

Джереми бросил взгляд на сотовый телефон Пуласки.

– С этого вам вряд ли удастся нормально поговорить – тут везде защитные экраны. Требования безопасности, сами понимаете.

– В самом деле? Ладно, спасибо.

Пуласки смутно припоминал, что вроде бы видел, как кто-то здесь пользовался сотовым или «блэкбери». Но кто, при каких обстоятельствах?..

– Если вы готовы, то я приглашу наших сотрудников.

– Да, будьте добры.

Секретарь Стерлинга вышел в коридор. Пуласки достал из кейса блокнот и перечитал фамилии служащих «ССД», которых ему предстояло допросить.

Стивен Шрейдер, менеджер отдела ремонта и технического обслуживания, дневная смена.

Фарук Мамеда, менеджер отдела ремонта и технического обслуживания, ночная смена.

Пуласки встал и выглянул в коридор. Там уборщик – крепко сбитый мужчина – опрокидывал в мешок корзины для бумаг. Пуласки видел его сегодня утром, и занимался тот тем же. Похоже, Стерлинг опасался, что переполненные мусором корзины создадут плохой имидж его компании. Уборщик равнодушно покосился на полицейскую форму и продолжил размеренно выполнять свою работу. Пуласки бросил взгляд вдоль идеально чистого коридора; чуть дальше охранник неподвижно стоял на посту. Даже дойти до туалета нельзя, не миновав его. Пуласки вернулся на место, дожидаться тех двоих из списка подозреваемых.

Первым в переговорную комнату зашел Фарук Мамеда, молодой человек ближневосточного типа, по определению Пуласки. Очень красивое серьезное и спокойное лицо. Он уверенно выдержал изучающий взгляд полицейского. Фарук Мамеда рассказал, что раньше работал на маленькой фирме, приобретенной «ССД» пять или шесть лет назад. По своей нынешней должности контролировал работу технического персонала компании. Его устраивала ночная смена, поскольку он не имел ни семьи, ни родственников.

К удивлению Пуласки, Мамеда говорил без малейшего акцента. На вопрос, известно ли ему о проведении полицейского расследования, тот ответил, что да, но только о самом факте, без деталей. Это, наверное, было правдой, ведь он работал по ночам и явился на службу только сейчас. Эндрю Стерлинг связался с ним по телефону и велел ответить на вопросы полиции в связи с совершенным преступлением.

Он озабоченно сдвинул брови, услышав от Пуласки, что за последнее время убито несколько человек.

– Как мы подозреваем, при планировании преступлений использовалась информация «ССД».

– Какая информация?

– О местонахождении жертв, о купленных ими вещах.

Следующий вопрос Мамеды оказался для молодого полицейского неожиданным:

– А вы всех сотрудников допрашиваете?

Что можно говорить, а что нет? Это для Пуласки всегда было загадкой. Амелия, инструктируя своего младшего коллегу, не раз повторяла: чтобы разговорить допрашиваемого, полезно время от времени подливать масла на шестеренки беседы, но знать меру. Ему казалось, что после

травмы головы он стал хуже соображать, и чувствовал себя неуверенно на допросах свидетелей и подозреваемых.

– Нет, не всех.

– Значит, только тех, кто, на ваш взгляд, заведомо подозрителен. И кого вы уже заранее готовы обвинить. – Голос Мамеды зазвучал вызывающе, черты лица обострились. – Ну да, конечно. Такое у нас то и дело происходит.

– Разыскивается человек, мужчина, имеющий полный доступ к innerCirle и Watchtower. Мы беседуем со всеми, кто соответствует этому описанию.

Пуласки понимал причину озабоченности Мамеды.

– Ваша национальность тут ни при чем.

Однако попытка успокоить его не удалась. Мамеда со злостью выпалил:

– Я по национальности американец! Я так же, как и вы, гражданин США. То есть я предполагаю, что вы гражданин. Но может быть, и нет. В этой стране вообще очень немногие являются настоящими коренными жителями.

– Простите, если я вас обидел.

Мамеда пожал плечами:

– Я уже привык. Жизнь заставила. К сожалению. Это земля свободы, но и предубеждений тоже. Я…

Мамеда запнулся; его взгляд устремился куда-то мимо и выше Пуласки, как будто там кто-то стоял. Полицейский покосился назад через плечо, но никого не увидел. Мамеда продолжил:

– Эндрю велел отвечать на все ваши вопросы. Я готов. Пожалуйста, спрашивайте, что вас интересует. У меня сегодня много работы.

– Скажите, эти досье… хранилища, кажется? Так они у вас называются?

– Да, хранилища.

– Вы когда-нибудь делали копии этих досье?

– Зачем? Чтобы получить нагоняй от Эндрю?

Любопытно. Гнев Эндрю Стерлинга – главный сдерживающий фактор. Не полиция, не уголовная ответственность.

– Значит, вы не делали копий досье?

– Никогда. Если в программе вирус, или в редакторе сбой, или интерфейс барахлит, я могу увидеть часть статей или заголовки, но не больше. Этого достаточно, чтобы понять суть проблемы и дописать код или уничтожить вирус.

– А не мог ли кто-нибудь разведать ваши пароли и проникнуть в базу данных? Ну, и скачать досье?

Мамеда подумал.

– Нет, мои пароли никто не мог узнать. Я не храню их в письменном виде.

– Вы часто заходите в помещения ячеек данных и Центра приема информации? Или, может, в одни заходите, в другие нет?

– Да, конечно. Без этого я не смог бы выполнить свою задачу – обеспечить бесперебойный поток информации.

– Не могли бы вы сказать, где были в воскресенье между двенадцатью и четырьмя часами дня?

– А! – Понимающий кивок. – Так вот, значит, к чему все шло. Был ли я на месте преступления.

Пуласки с трудом выдерживал злой взгляд черных глаз собеседника.

Мамеда оперся обеими ладонями на стол, будто хотел встать в негодовании и броситься вон, хлопнув за собой дверью. Однако остался на месте и только сказал:

– Утром я позавтракал с друзьями… – После некоторого замешательства добавил: – Они мусульмане – вам, наверное, надо это знать.

– Я…

– А потом весь день я провел в одиночестве. В кино сходил…

– А в кино тоже в одиночестве?

– Я, как правило, хожу в кино один. Чтобы не отвлекаться. Это был фильм Джафара Панахи, иранского режиссера. Вы когда-нибудь смотрели… – Мамеда стиснул челюсти. – Ладно, проехали.

– У вас сохранился билет в кинотеатр?

– Нет… А после я ходил по магазинам. Домой вернулся часов в шесть, кажется. Позвонил на работу узнать, все ли в порядке. «Коробки» работали нормально. Потом я поужинал с приятелем.

– Днем вы оплачивали покупки своей кредитной карточкой?

Мамеда ощетинился.

– Я просто ходил по магазинам. Разглядывал витрины. Купил только кофе и сандвич. Заплатил наличными. – Он наклонился вперед и яростно прошептал: – Сомневаюсь, что вы задаете эти вопросы всем остальным. И знаю, что вы думаете о нас. Думаете, мы обращаемся с женщинами как с домашними животными. Вам не понять, что мне дико слышать в свой адрес ваши обвинения в изнасиловании. Это варварство! Вы меня оскорбляете!

Пуласки приложил большое усилие, чтобы не опустить глаз под жгучим взглядом Мамеды.

– Сэр, заверяю вас, мы действительно спрашиваем всех, кто имеет доступ к innerCircle, об их местонахождении вчера во время совершения убийства. Включая мистера Стерлинга. Мы просто выполняем нашу работу.

Мамеда чуть поостыл, но снова раскалился, когда Пуласки спросил его, где он был во время остальных преступлений.

– Понятия не имею! – выкрикнул ночной менеджер, встал и, угрюмо кивнув, вышел, отказавшись разговаривать дальше.

Пуласки попытался сделать выводы из случившегося. Что означало поведение Мамеды? Страх разоблачения? Возмущение в связи с необоснованными подозрениями? Притворство? У молодого полицейского не было ответов на эти вопросы, а только ощущение, что он опять оказался в дурацком положении.

«Включай мозги», – приказал сам себе Пуласки.

Второй допрашиваемый, Шрейдер, представлял собой полную противоположность Мамеде. Это был типичный компьютерный фанат – длинный, нескладный, в мятом костюме, болтающемся на нем как на

вешалке; руки испачканы принтерными чернилами. Через толстые, захватанные линзы очков смотрели выпученные глаза. В общем, полное несоответствие стилю «ССД». Если в поведении Мамеды сквозила виноватость, то у Шрейдера наблюдалась, по поверхностному определению Пуласки, легкая придурковатость. Он первым делом извинился за опоздание (хотя ничуть не опоздал) и принялся объяснять, что был занят – вытравливал «жучков» в компьютерной «проге». Потом пустился в технические подробности, позабыв, что разговаривает не с коллегой, а с копом, и Пуласки пришлось возвращать его в действительность.

Пальцы у Шрейдера постоянно бегали, будто по воображаемой клавиатуре. Он с удивлением (или притворным удивлением) выслушал рассказ Пуласки об убийствах. Выразив сожаление, Шрейдер ответил на поставленные перед ним вопросы: да, он часто бывает в ячейках данных; да, он *мог* скачивать досье, но ни разу не делал этого. Как и Мамеда, Шрейдер был совершенно уверен, что его пароли не могли стать известны посторонним.

У него имелось алиби на воскресенье, поскольку около часу дня он пришел на работу проследить за последствиями крупного сбоя в системе, исправленного в пятницу. Компьютерщик снова попытался растолковать Пуласки суть проблемы, но тот довольно резко его остановил. Шрейдер подошел к компьютеру, установленному в углу переговорной комнаты, нажал несколько клавиш и развернул монитор экраном к Пуласки. На нем был табель отработанного времени. Полицейский убедился, что действительно в воскресенье стояла отметка о приходе Шрейдера в час дня, а ушел он уже после пяти.

Поскольку менеджер дневной смены находился здесь в часы, когда убили Майру Уэйнберг, Пуласки не стал утруждать себя выяснением его алиби на даты других преступлений.

– Думаю, с вами на этом закончим. Спасибо.

Когда тот покинул переговорную комнату, Пуласки бессильно откинулся на спинку стула, уставясь невидящим взглядом в узкое окно. От напряжения у него повлажнели ладони, желудок сжался в тугой узел. Он достал сотовый из футляра на поясе. Не соврал секретарь Джереми, похожий на гостиничного посыльного: связи тут нет.

– Ну, привет!

Пуласки подпрыгнул на месте от неожиданности. Тяжело дыша, он обернулся и увидел в дверях Марка Уиткома с желтыми блокнотами под мышкой и двумя чашками кофе в каждой руке. Рядом с ним стоял

мужчина постарше – темные волосы припорошены преждевременной сединой. По его черному костюму и белой сорочке Пуласки догадался, что это сотрудник «ССД».

А им чего нужно? Молодой полицейский попытался изобразить на лице светскую улыбку и кивком пригласил их войти.

– Рон, я хотел представить вам своего босса. Знакомьтесь: Сэм Броктон.

Пожимая руку Пуласки, Броктон внимательно взглянул на него и произнес с кривой улыбочкой:

– Значит, это по вашей милости за мной шпионили горничные в вашингтонском отеле «Уотергейт»?

– Боюсь, что да.

– Что ж, по крайней мере я теперь не числюсь в подозреваемых. Если вам понадобится содействие исполнительно-правового отдела, обращайтесь к Марку. Он уже ввел меня в курс происходящего.

– Весьма признателен.

– Желаю удачи.

Броктон вышел, а Уитком протянул полицейскому кофе.

– Это мне? Спасибо.

– Ну как – продвигается?

– Продвигается.

Уитком рассмеялся и откинул со лба непослушную прядь белокурых волос.

– Вы, ребята, такие же скрытные, как и мы.

– Работа такая. Но я могу сказать, что все здесь нам помогают.

– Вот и хорошо. Вы уже закончили?

– Осталось получить кое-что от мистера Стерлинга.

Пуласки высыпал в кофе сахарный песок из пакетика и начал порывисто размешивать его ложечкой.

Уитком поднял свою чашку наподобие бокала с вином. Потом взглянул в окно на чистое голубое небо, на сочные зелено-коричневые цвета города.

– До чего ж не люблю эти маленькие оконца. Жалко – центр Нью-Йорка, и никаких видов.

– А почему так? Даже интересно.

– Чтобы снаружи не фотографировали. Эндрю очень серьезно подходит к вопросам безопасности.

– Неужели это возможно?

– Звучит дико, но на самом деле вполне реально, – ответил Уитком. – В дейта-майнинге крутятся большие деньги. Огромные деньги.

– Надо думать.

Пуласки согласился, испытывая, однако, некоторое недоумение: какие, собственно, секреты можно разглядеть с расстояния в четыре-пять кварталов отсюда, то есть с ближайшего офисного здания такой же высоты?

– Вы в городе живете? – поинтересовался Уитком.

– Да, в Куинсе.

– А я на Лонг-Айленде, хотя детство провел в Астории. Мы жили в районе бульвара Дитмарса, возле железнодорожной станции.

– Хо-хо, до меня оттуда три квартала!

– Да ну? Вы ходите в церковь Святого Тима?

– Нет, Святой Эгнис. Мы были в Тиме пару раз, но Дженни не понравились проповеди. Настоятель там очень уж строгий, винит тебя во всех смертных грехах.

Уитком улыбнулся:

– Узнаю отца Олбрайта!

– Да-да, это он!

– Мой брат, он в Филадельфии, служит копом, – так вот он говорит: «Если хочешь выбить признание из убийцы, запри его один на один с отцом Олбрайтом. Через пять минут сознается в чем угодно».

– Ваш брат – полицейский? – смеясь, переспросил Пуласки.

– В спецподразделении по наркотикам.

– Детектив?

– Ну да.

Развивая тему, Пуласки заметил:

– А у меня брат в патрульной службе Шестого округа, на Лонг-Айленде.

– Вот это совпадение! У нас у обоих братья… Так вы оба решили пойти в полицию?

– Да, мы вообще следуем по жизни нога в ногу. Мы же близнецы.

– Любопытно. А мой брат на три года старше меня. И намного крупнее. Я, может, и сдам нормативы по физической подготовке, но не хотел бы сойтись в поединке с уличным грабителем.

– Вообще-то мы не часто меряемся силой с правонарушителями. Чаще приходится взывать к их сознательности. Наверное, похоже на то, чем вы занимаетесь в своем исполнительно-правовом отделе.

Уитком рассмеялся:

– О да!

– Мне кажется, если бы…

– О-о, кого я вижу! Сержант Пятница собственной персоной!

У Пуласки в животе даже возник спазм от неприязненного чувства при виде красивого и стройного Шона Кассела и его подпевалы, порой не в меру непринужденного в общении начальника отдела обработки информации Уэйна Гиллеспи. Тот же, желая придать своему голосу по возможности беззаботное звучание, воскликнул:

– Снова ищете факты, мэм? И только факты!

И шутовски отсалютовал рукой.

Разговаривая с Уиткомом о церкви, Пуласки невольно вспомнил католическую школу, где он и брат вместе учились и постоянно воевали с одноклассниками из престижного района Форест-Хиллс. Те были лучше одеты, отличались нарочитой развязностью и постоянной готовностью к

злым насмешкам («Смотрите, а вот и братья-мутанты!»). В общем, спасайся, кто может. Пуласки иногда думал, что служить в полицию он пошел лишь стремясь обрести уважение, которым наделяют человека полицейская форма и оружие.

На щеках Уиткома заиграли желваки.

– Привет, Марк, – поздоровался с ним Гиллеспи.

– Как дела, сержант? – не унимался Кассел.

Исполняя служебные обязанности, Пуласки не раз ловил на себе ненавидящие взгляды, выслушивал оскорбления, увертывался (и не всегда удачно) от плевков и брошенных в него осколков кирпичей. Однако оказалось намного обиднее выслушивать вроде бы невинные приколы этих двух порядочных улыбающихся молодых людей. Они вроде бы просто забавлялись. Но и акула тоже забавляется с добычей, прежде чем ее сожрать. На своем «блэкбери» Пуласки уже успел отыскать в «Гугле» «сержанта Пятницу» и узнал, что это персонаж старинного телесериала под названием «Перехват». Более того, он там главный герой, но изображен «простаком», что на современном языке, очевидно, означало «простой как пятак» или «полный недотепа».

Когда Пуласки, прочитав это на крошечном дисплее, понял, что Кассел хотел унизить его, от обиды у него запылали уши.

– Вот, держите. – Кассел протянул Пуласки пластмассовый футляр с компакт-диском. – Надеюсь, это вам поможет, сержант.

– Что это?

– Список клиентов, приобретших информацию о тех людях, чьи фамилии вы нам дали. Вы же сами просили, забыли?

– О, я думал, мне его передаст сам мистер Стерлинг.

– Ну, так он попросил меня сделать это. Эндрю очень занятой человек.

– Тогда спасибо.

– Ну, как говорится, не было печали, да черти накачали, – заметил Гиллеспи. – Тут за три сотни нью-йоркских клиентов «ССД». И у каждого не меньше двухсот рассылочных списков.

– А я их предупреждал, – добавил Кассел. – Теперь будет, сержант, чем заняться ночами. Ну что, мы заслужили значки помощников младших агентов ФБР?

Те, кого допрашивал сержант Пятница, часто высмеивали его…

Пуласки через силу улыбнулся.

– Ну хватит, парни, – вмешался Уитком.

– Остынь, Уитком, – огрызнулся Кассел. – Мы шутим. О Господи! Не будь таким занудой.

– А что ты тут, собственно, делаешь, Марк? – почти серьезно спросил Гиллеспи. – Твоя обязанность – выискивать все новые случаи нарушения нами законов.

Уитком в знак солидарности закатил глаза и кисло улыбнулся, хотя видно было, что ему неловко и обидно выслушивать эти пренебрежительные замечания.

– Можно мне посмотреть прямо здесь? – обратился Пуласки к Касселу. – Вдруг возникнут какие-то вопросы?

– Нет проблем.

Кассел подвел его к стоящему в углу компьютеру, впечатал свой пароль и открыл рабочий стол. Потом вставил диск и отступил в сторону, а Пуласки уселся перед монитором. Рамка на экране вопрошала, что он хочет делать дальше. Ему предлагалось несколько программ, но все названия были незнакомы.

Кассел встал у него за спиной.

– Ну, что ж вы не открываете программу?

– Сейчас. Думаю, с чего начать.

– Выбор у вас невелик, – рассмеялся Кассел. – «Эксел».

– Экс-эл? – переспросил Пуласки, зная, что уши у него сейчас пунцовые. «Вот гадство. Гадство, гадство!»

– Электронные таблицы, – подсказал Уитком, хотя Пуласки это ни о чем не говорило.

– Вы знакомы с «Экселем»? – Гиллеспи наклонился и быстро – Пуласки показалось, одним движением – впечатал название программы.

На экране возник список имен с адресами, датами, указаниями времени.

– Вы ведь уже видели электронные таблицы, не так ли?

– Конечно.

– Но не «Эксель»?

Гиллеспи изобразил на лице удивление.

– Нет. Другие.

Пуласки ненавидел себя за то, что сам лезет в приготовленную для него ловушку. Ведь надо-то просто заткнуться и заниматься делом!

– Другие? Да неужто? – притворно изумился Кассел. – Любопытно! Осваивайте, сержант Пятница! Желаем удачи.

– И запомните: и-экс-си-и-эл. – Гиллеспи произнес по буквам название программы. – Вон, на экране, видите? Может, захотите заглянуть в инструкцию. Тут нет ничего сложного. Даже школьник разберется.

– Загляну, загляну.

Кассел и Гиллеспи смеясь вышли из переговорной.

Уитком со вздохом заметил:

– Ну убедились, что это за типы? Здесь эту парочку никто не любит. Но без них компания просто не может функционировать. Гении в своем деле.

– И наверняка не проходит и дня, чтобы они вам об этом не напоминали.

– Вы меня поняли. Ладно, не буду мешать. Помощь нужна?

– Нет, сам разберусь.

– Если доведется еще раз посетить наш серпентарий, заходите ко мне в гости, – добавил Уитком.

– Хорошо.

– А то давайте как-нибудь встретимся в «Астории». Кофейку выпьем. Вам нравится греческая кухня?

– Да, очень нравится.

Пуласки сразу загорелся этим заманчивым предложением. После ранения в голову он перестал встречаться со многими прежними

друзьями, опасаясь, что общение с ним не доставит им удовольствия. А ему так хотелось в мужской компании посидеть за бутылкой пива или даже сходить в кино на боевичок – Дженни не испытывала влечения к подобным маленьким радостям.

Ладно, там видно будет; сначала надо закончить расследование убийств.

Уитком ушел, и Пуласки внимательно огляделся по сторонам. Никого. Однако он помнил, как Мамеда на допросе настороженно смотрел куда-то за спину Пуласки. Совсем недавно он с Дженни видел по телику передачу об игорном бизнесе в Лас-Вегасе. Там у них в казино повсюду установлены камеры наблюдения – «караулки». А еще вспомнил охранника в коридоре и репортера, лишившегося всего из-за того, что осмелился шпионить за «ССД».

Рону Пуласки оставалось только надеяться на то, что в переговорной комнате не установлены «караулки». Ведь он прибыл в «ССД» не только допросить подозреваемых и забрать компакт-диск со списком клиентов. Линкольн Райм поручил ему секретную миссию взломать, может быть, самую защищенную компьютерную систему во всем Нью-Йорке.

Глава двадцать шестая

Отхлебывая крепкий сладкий кофе в кафешке через улицу от «серой глыбы», тридцатидевятилетний Мигель Абрера перечитывал буклет, недавно присланный ему по почте. Его появление стало еще одним из ряда необычных событий, произошедших с ним в последнее время. Но если в предыдущих эпизодах он просто удивлялся или реагировал раздраженным взмахом руки, то теперь действительно ощутил тревогу.

Мигель в очередной раз перелистал страницы, закрыл буклет и, откинувшись на спинку стула, взглянул на часы. Еще десять минут, и ему надо возвращаться на работу.

В штатном расписании «ССД» должность Мигеля значилась как «специалист по хозяйственно-техническому обслуживанию», но сам он говорил всем, что работает уборщиком. И в самом деле, как бы официально ни назывались его служебные обязанности, по сути, он занимался лишь уборкой помещений. Мигель любил свою работу, добросовестно выполнял ее и не видел причин, почему должен стыдиться труда, коим зарабатывает себе на хлеб.

Он мог бы отдохнуть в перерыв и в кафетерии для персонала «ССД», тем более что кофе там бесплатный, но такой дерьмовый, и к нему не дают натуральных сливок или молока. Кроме того, Мигель не был любителем поболтать с коллегами, а, наоборот, предпочитал попить кофейку в

одиночестве, почитывая газетку. Вот чего ему не хватало, так это сигарет. Он поклялся бросить курить, когда оказался как-то в отделении неотложной помощи, и хотя Господь не исполнил своей части сделки, Мигель так и не возобновил прежнюю привычку.

Подняв глаза на входящего в кафе посетителя, он узнал Тони Петрона, тоже уборщика из «ССД», постарше его, работавшего на административном этаже. Оба приветственно кивнули друг другу, но Мигелю не хотелось, чтобы Петрон подсаживался к нему. Да и тот, видимо, предпочитал уединение, а потому прошагал в угол зала, расположился за свободным столиком и принялся читать электронные письма или эсэмэски на своем сотовом телефоне. Мигель вернулся к своему сладкому кофе и еще раз пробежал глазами сопроводительное послание к буклету, адресованное лично ему. На память пришли и другие непонятные происшествия.

Во-первых, что там случилось с табелем регистрации его присутствия на работе. Дело в том, что в «ССД» надо просто миновать турникет, чтобы компьютер сам отметил по служебному пропуску, кто и когда явился на работу или покинул здание. Однако два раза с начала года табели Мигеля вообще отсутствовали. У него была фиксированная сорокачасовая рабочая неделя, и платили ему всегда за сорок отработанных часов. Но в последние месяцы Мигель стал замечать ошибки в своих учетных документах. Например, в них указывалось, что он пришел на работу раньше, чем на самом деле, и ушел тоже раньше. Или пропустил будний день и отработал в субботу. Но такого никогда не было. Мигель переговорил об этом со своим бригадиром. Тот лишь пожал плечами:

– Может, какой-нибудь сбой в компьютере. Раз тебя не увольняют, значит, *но проблемо*.

Во-вторых, что-то странное творится с выписками из его банковского счета. Месяц назад потрясенный Мигель увидел, что остаток на нем увеличился сразу на десять тысяч долларов. Однако к тому времени, как он наконец удосужился посетить свой банк, чтобы исправить ошибку, баланс уже пришел в норму. Но затем то же самое произошло пару раз. В одном случае ошибочный приход составил семьдесят тысяч долларов.

И это еще не все. Недавно Мигелю позвонили из ипотечной компании по поводу его заявления на ссуду. Только он не подавал никакого заявления. Мигель жил в арендованном доме. Они с женой надеялись когда-нибудь купить себе жилье, но после смерти ее и их сынишки в результате дорожно-транспортного происшествия Мигель и думать забыл про собственный дом.

Он бросился проверять распечатку предоставленных и погашенных кредитов, но никакое заявление на ипотечную ссуду в них не значилось. Ну и слава Богу, казалось бы, только он обратил внимание, что его кредитный рейтинг вырос, причем существенно. Вот это действительно странно. Впрочем, по поводу этой ошибки Мигель жаловаться не стал.

Однако ни одно из тех загадочных явлений не встревожило его так, как этот буклет с сопроводительным посланием:

«Дорогой мистер Абрера!

Как вам хорошо известно, человек на разных этапах своего бытия испытывает немало горя и несет тяжелые утраты. И понятно, насколько трудно в такие мгновения сохранить прежнее отношение к собственной жизни. Бремя скорби так велико, что у страждущего нередко возникает желание осуществить необдуманные деяния с трагическими последствиями.

Для нас, профессиональных психологов из агентства „Услуги и консультации по выживанию“, не секрет, какие нелегкие дилеммы стоят перед людьми, потерявшими, как и вы, своих близких. Мы сумеем помочь вам преодолеть нелегкие времена, назначив курс медикаментозной терапии в сочетании с индивидуальными и групповыми сеансами психотерапии. Мы сумеем вернуть вам ощущение радости бытия и сознание того, что стоит прожить сполна отпущенные вам годы».

Вообще-то Мигель Абрера никогда и в мыслях не держал накладывать на себя руки, даже в худшие дни сразу после гибели жены и сына полтора года назад. И то, что его подозревают в намерении расстаться с жизнью, казалось ему дикостью.

Сам факт, что ему прислали это предложение, был достаточно неприятен. Однако наибольшую тревогу вызывали у Мигеля два обстоятельства. Первое – буклет принесли прямиком на его новый адрес, а не переслали с прежнего. Никто из психотерапевтов, занимавшихся им после гибели семьи, или врачей больницы, где умерли жена и сын, не мог знать, что Мигель сменил место жительства месяц назад.

Вторым обстоятельством являлся завершающий абзац сопроводительного послания.

«Теперь, Мигель, когда вы сделали этот первый, жизненно важный шаг, связавшись с нами, мы хотели бы пригласить вас на бесплатный ознакомительный сеанс в удобное для вас время. Не медлите! Мы обязательно вам поможем».

Да не делал он никаких шагов и только сейчас впервые узнал о существовании этого агентства! Как им-то стало известно его имя?

Возможно, причиной всему какое-то странное стечение обстоятельств. Но разбирательство придется отложить на потом. Пора возвращаться в «ССД». Конечно, не найти босса добрее и внимательнее, чем Эндрю Стерлинг, но Мигель не сомневался в том, что, как говорят люди, генеральный управляющий лично проверял рабочие табели каждого сотрудника своей компании.

Оставшись один в переговорной комнате, Рон Пуласки принялся быстро и методично обходить помещение, изучая его по воображаемым квадратам. И тут вдруг поймал себя на том, что «прочесывает по сетке» место преступления, не отрывая глаз при этом от дисплея своего мобильника. Но связь нигде не устанавливалась, как и предупреждал Джереми. Придется воспользоваться стационарным аппаратом. А если он прослушивается?

До молодого полицейского вдруг дошло, что, согласившись выполнить поручение Линкольна Райма, он поставил под серьезную угрозу вторую наиважнейшую после семьи ценность в своей жизни – службу в полицейском управлении Нью-Йорка. Только сейчас он начал осознавать могущество Эндрю Стерлинга. Если генеральному управляющему «ССД» удалось расправиться с репортером крупной газеты, то какого-то рядового копа он раздавит как букашку. Если Пуласки попадется, его арестуют и тогда прощай карьера полицейского. Как он посмотрит в глаза брату, родителям, как оправдается перед Дженни?

Пуласки кипел от злости на Райма и самого себя. Ну почему он не возразил против этой дурацкой затеи выкрасть информацию из компьютерной сети «ССД»? Ведь это даже не приказ, подлежащий обязательному исполнению. «Есть, сэр. Так точно, детектив!» «А если в следующий раз он скажет тебе выпрыгнуть через это узкое окошко? Тоже кинешься выполнять?»

Полный дурдом.

Но тут ему вспомнилось тело Майры Уэйнберг; раскрытые глаза безжизненно уставились в потолок, озорная челка на лбу, совсем как у Дженни. И рука Пуласки сама потянулась к трубке стационарного телефона, поднесла ее к уху, а палец другой руки нажал кнопку «9» выхода в город.

– Райм слушает.

– Детектив. Это я.

– Пуласки, – рявкнул Райм, – какого черта ты так долго?! И откуда ты звонишь? Твой номер не идентифицируется.

– Меня только минуту назад оставили одного, – огрызнулся в ответ Пуласки. – А мой сотовый здесь не работает.

– Ладно, принимайся за дело.

– Я уже за компьютером.

– О'кей. Подключаю Родни Шарнека.

Предметом кражи являлось то самое «свободное пространство» жесткого диска, о котором компьютерный гуру обмолвился в разговоре с Линкольном Раймом. Стерлинг утверждал, что их знаменитая программа не предусматривает регистрации пользователей, открывающих или копирующих файлы с досье. Услышав от Шарнека об информации, витающей в компьютерном эфире «ССД», Райм спросил его, а не могут ли в ней оказаться данные о тех, кто скачивает эти файлы.

Шарнек предположил, что это вполне возможно. Он с уверенностью заявил, что проникнуть в innerCircle им не удастся – в чем и убедился на практике, – зато, по его мнению, такими административными операциями в «ССД», как учет рабочего времени или регистрации пользователей, наверняка занимается отдельный сервер, гораздо менее мощный. Если бы Пуласки удалось войти в систему, Шарнек подсказал бы ему, как извлечь данные из «свободного пространства». А там уж дело техники собрать их воедино и проверить, кто из сотрудников компании открывал файлы с досье убитых или оклеветанных граждан.

– О'кей, – начал Шарнек свой инструктаж по телефону, – ты в системе?

– Читаю си-ди, предоставленные мне.

– Значит, у тебя есть доступ пассивного пользователя, и только лишь. Сейчас мы это исправим.

Специалист продиктовал ему несколько команд из невоспроизводимых наборных символов.

– Компьютер говорит, что у меня нет разрешения на эту операцию.

– Щас попробую тебя внедрить.

Шарнек стал диктовать еще более запутанные команды; у Пуласки пошли ошибки, несколько раз ему пришлось перепечатывать заново, и у него от волнения запылало лицо. Он злился на себя, когда в спешке переставлял местами символы или вместо обратного «слэша» печатал прямой, и от этого ошибался еще чаще.

Ранение в голову…

– А нельзя просто пощелкать мышкой и найти что нужно?

Шарнек объяснил, что операционная система «Юникс», установленная в системе «ССД», является более сложной в управлении, чем популярные «Виндос» или «Эппл». Для работы в ней требуются длинные цепочки команд, и набирать их надо безошибочно, иначе компьютер не поймет, чего от него хотят.

– А-а… – понимающим тоном протянул Пуласки.

Наконец машина согласилась открыть ему доступ в нужную программу. Пуласки испытал прилив необычайной гордости за себя.

– Теперь подсоедини диск, – продолжал инструктировать Шарнек.

Пуласки извлек из кармана переносной драйв с жестким диском на 80 гигабайт памяти и вставил разъем на выходе кабеля в USB-порт компьютера. Следуя указаниям Шарнека, он загрузил программу, преобразующую в отдельные файлы «свободное пространство» жесткого диска сервера, «сжимающую» их и сохраняющую на переносном диске.

В зависимости от объема неиспользуемой информации эта операция могла продолжаться минуты или часы.

На экран выскочила маленькая рамка, сообщив Пуласки, что программа «работает».

Полицейский уселся поудобнее, просматривая текст клиентского списка, по-прежнему висевшего на экране монитора. Сказать честно, он ничего не понимал в этой информации. То есть названия фирм или имена клиентов были очевидны, так же как их адреса, телефоны и фамилии тех, кому разрешен доступ в программу. Однако значительную часть информации составляли окончания. rar или. zip в названиях файлов и, видимо, сжатые тексты рассылочных списков. Пуласки долистал текст до последней, 1120-й страницы.

Ни черта себе… Сколько же времени понадобится, чтобы изучить каждого клиента в отдельности, найти тех, кто собрал информацию на жертв, и…

Размышления молодого полицейского были прерваны голосами, доносящимися из коридора. Они становились все громче, приближаясь к переговорной комнате.

О нет, только не сейчас. Пуласки осторожно взял тихо жужжащий драйв и засунул в карман брюк. Тот издал едва слышный щелкающий звук, прозвучавший для Пуласки, как раскат грома. Между карманом и компьютером на всеобщее обозрение провис соединительный кабель.

Голоса совсем близко…

Один из них принадлежал Шону Касселу.

Поравнялись с дверью… Пожалуйста, проходите мимо!

Маленькая рамка на экране возвещает: «Программа работает».

Пуласки мысленно чертыхнулся и придвинулся на своем стуле на колесиках вплотную к столу с компьютером. Если сейчас кто-то заглянет в глубь комнаты хоть на несколько футов, то ясно увидит и разъем, и рамку на экране.

Внезапно в дверь просунулась голова Кассела.

– Ну как дела, сержант Пятница?

Пуласки оцепенел. Этот драйв нельзя не заметить. Невозможно.

– Спасибо, хорошо.

Он поставил ногу перед USB-портом, чтобы загородить ею разъем и кабель. Его неестественная поза бросалась в глаза.

– Освоили «Эксел»?

– Да, отличная программа!

– *Экселенто*. Самая лучшая. С ее помощью можно экспортировать файлы. Вы часто работаете с программой «ПауэрПойнт»?

– Нет, совсем не часто.

– Ну может быть, еще доведется, сержант, – когда станете полицейским начальником. А «Эксел» очень удобен для учета семейных доходов и расходов. Повышайте эффективность ваших инвестиций! Да, и еще в нем есть хорошие геймы. Вам понравятся.

Пуласки улыбнулся, но его сердце оглушительно колотилось на фоне негромкого жужжания драйва.

Кассел весело подмигнул и исчез.

«Если в „Экселе“ есть геймы, то я проглочу этот диск, ты, самодовольный сукин сын!»

Пуласки вытер мокрые ладони о форменные брюки. Дженни отгладила их сегодня утром, как делала это, собственно, каждое утро или вечер, в зависимости от того, выходил ли муж на дневное патрулирование или готовился к спецоперации в предрассветные часы.

Пожалуйста, Господи, не дай мне потерять мою работу, молился Пуласки. Он вспомнил день, когда вместе с братом-близнецом сдавал экзамен на звание оперативного работника.

Возникли в памяти и день окончания полицейской академии, церемония принятия присяги, слезы матери и взгляд отца. То были одни из самых счастливых мгновений в его жизни.

Неужели все это пойдет прахом? Черт подери! Ну хорошо, Райм умница и больше остальных заботится, чтобы все преступники очутились за решеткой. Но неужели нельзя обойтись без нарушения закона? Черт, ему-то сейчас ничего не грозит. Сидит себе дома в своем кресле под присмотром прислуги.

Ну почему Пуласки должен быть агнцем, посланным на заклание?

И тем не менее молодой полицейский смог отогнать крамольные мысли и сосредоточиться на своем секретном задании. «Ну давай же, давай!» – подгонял он программу, не зная, возымели ли действие его понукания. На экране не было ни сменяющихся цифр обратного отсчета, ни заполняющейся слева направо полосы, как обычно показывают в кинофильмах. Только неизменная рамка свидетельствовала, что сбор информации на «свободном пространстве» памяти диска продолжается.

Программа работает…

– Что там было, Пуласки? – послышался в трубке голос Райма.

– Ничего, уже ушли. Все в порядке.

– Процесс идет?

– Вроде да.

– Вроде?

– Тут… – В рамке появилось новое сообщение: «Работа завершена. Хотите создать файл?»

– Все, закончилось. Спрашивает, хочу ли я создать файл.

Шарнек снова взял бразды правления в свои руки.

– Это очень важно. Делай в точности то, что я тебе скажу.

Он стал давать инструкции, как сохранить информацию в файлах, сжать их и скачать на переносной жесткий диск. Мокрый от пота, Пуласки трясущимися руками выполнял указания. За считанные минуты все было сделано.

– Теперь тебе надо стереть свои следы, восстановить все как было. Чтобы никто таким же образом не вычислил и тебя.

Шарнек велел Пуласки войти в регистрационные файлы и продиктовал ему еще несколько команд. Наконец и эта задача была выполнена.

– Ну, кажется, все.

– А теперь сваливай, сынок, – напутствовал молодого полицейского детектив Райм.

Пуласки бросил телефонную трубку, отсоединил кабель переносного драйва, запихал его в тот же карман и выключил компьютер. Затем встал и выглянул в коридор, удивленно заморгав на охранника, подошедшего совсем близко к двери переговорной комнаты. Пуласки узнал его – именно этот сопровождал Амелию при осмотре ячеек данных, всю дорогу следуя вплотную за ней, будто конвоировал магазинного воришку в офис менеджера, где тот должен дожидаться приезда полиции.

А вдруг охранник подглядывал за ним?

– Господин полицейский, я провожу вас в кабинет Эндрю.

Его лицо и глаза оставались совершенно непроницаемы. Пуласки зашагал по коридору, охранник за ним. При каждом движении нога терлась об увесистый драйв, отчего кожа горела, будто от раскаленного металла. Пуласки на ходу поглядывал на потолок, но не видел этих чертовых камер – сплошная звукоизолирующая плитка.

Молодому полицейскому начинало казаться, что в ярко освещенных белых коридорах «серой глыбы» могут обитать только психопаты.

Увидев Пуласки в дверях своего кабинета, Стерлинг жестом пригласил его войти, не забыв перевернуть обратной стороной документы, с которыми работал.

– Вы получили все, что хотели, господин полицейский?

– Да, получил.

В подтверждение чего Пуласки поднял перед собой компакт-диск со списком клиентов, как школьник на уроке показывает нужную картинку в ответ на вопрос учителя.

– Отлично.

Отливающие блеском зеленоватые глаза генерального управляющего «ССД» осмотрели его с головы до ног.

– А как продвигается расследование?

– Вполне успешно! – выпалил Пуласки первое, что пришло в голову, чувствуя себя полным идиотом. А что сказала бы на его месте Амелия Сакс? Он и понятия не имел.

– Вот как? Нашли что-нибудь полезное в списке клиентов?

– Я просто проверил, везде ли пропечатался текст, содержание же будут изучать у нас в лаборатории.

– В какой лаборатории? Это та, что в Куинсе? Так, значит, там находится штаб расследования?

– Там мы тоже работаем, и еще в нескольких местах.

Стерлинг только улыбнулся профессиональной скрытности Пуласки и не стал добиваться ответа на свой вопрос. Генеральный управляющий был ниже молодого полицейского на четыре или пять дюймов, но Пуласки казалось, что это не мешало информационному магнату смотреть на него свысока. Стерлинг вышел вместе с ним в приемную, где сидели секретари.

– Ну что ж, звоните, если понадобится наше содействие. Мы с вами на все сто процентов.

– Спасибо.

– Мартин, сделайте то, о чем мы с вами говорили накануне. И проводите к выходу господина полицейского.

– Спасибо, я сам.

– Он вас проводит. Желаю вам доброго вечера.

Стерлинг вернулся в свой кабинет. Дверь за ним затворилась.

– Подождите минуту, – сказал Мартин и, чуть отвернувшись, чтобы не слышал полицейский, продолжил прерванный разговор по телефону.

Пуласки подошел к двери и выглянул в коридор. Поодаль, из какого-то офиса, вышел человек. Он вполголоса разговаривал по сотовому телефону – очевидно, в этом секторе здания связь работала. Мужчина прищурился, глядя на Пуласки, коротко попрощался с собеседником и сложил свой мобильник.

– Извините, вы из полиции, Пуласки?

Тот кивнул.

– Я – Энди Стерлинг.

Ну конечно, сын мистера Стерлинга.

Темные глаза молодого человека уверенно встретили взгляд полицейского, хотя рукопожатие вряд ли можно было назвать мужским.

– Вы мне звонили, кажется. Отец оставил записку, из которой следует, что у вас ко мне есть разговор.

– Да, верно. У вас найдется минутка?

– Да, что вы хотели?

– Нам надо знать, где находились в воскресенье днем некоторые сотрудники «ССД».

– Я был в турпоходе в Вестчестере. Прибыл туда где-то в полдень, а вернулся…

– О нет, где *вы* были, нас не интересует. Я просто проверяю алиби вашего отца. Он сказал, что звонил вам около двух часов дня из Лонг-Айленда.

– Да, звонил. Правда, я не стал отвечать. Не хотел прерывать поход. – Энди понизил голос. – Эндрю не умеет отделять работу от проведения досуга. Я боялся, что он велит мне приехать в офис, а так не хотелось портить себе выходной. Я перезвонил ему позже, примерно в половине четвертого.

– Можно, я посмотрю ваш телефон?

– Конечно, пожалуйста.

Энди открыл «раскладушку» и высветил список входящих звонков. Там значилось несколько номеров, с которых ему звонили воскресным утром, а послеобеденному звонку соответствовал номер, тот, что ему предоставила Сакс: номер телефона в доме Стерлинга на Лонг-Айленде.

– О'кей. Благодарю. Вопросов больше нет.

На лице молодого человека отразилась тревога.

– Как я слышал, произошло нечто ужасное. Какую-то женщину изнасиловали и убили?

– Совершенно верно.

– Вы уже знаете, кто преступник?

– У нас есть несколько версий.

– Хорошо. Всех таких надо ставить к стенке.

– Спасибо, что уделили мне время.

Молодой человек зашагал прочь по коридору. В эту минуту вышел Мартин и, бросив взгляд вслед удаляющемуся Энди, обратился к Рону:

– Прошу следовать за мной, господин полицейский.

С улыбкой, больше похожей на недовольную гримасу, Мартин направился к лифту.

Пуласки с новой силой охватило нервное возбуждение. Он представил себе, как на выходе все уставятся на его брючный карман, точнее, на отчетливо проступающие в нем выпуклые очертания драйва. От чрезмерного волнения у него даже развязался язык.

– Мартин, а вы давно здесь работаете?

– Да.

– Вы тоже разбираетесь в компьютерах?

Иного рода улыбка, но так же ничего не значащая, как и первая.

– Не очень.

Шагая по стерильному черно-белому коридору, Пуласки испытывал ненависть к этому зданию. Ему было душно, он задыхался. Хотелось поскорее очутиться на улице, лучше всего в Куинсе или даже в Южном Бронксе. Там он чувствовал себя уверенно, несмотря на возникавшие порой действительно опасные ситуации, так как знал, что закон на его стороне. А теперь его так и подмывало броситься бежать сломя голову прочь отсюда.

В общем, у него начинался приступ паники.

Журналист не только потерял работу, но и попал под суд по обвинению в незаконном вторжении на территорию частной собственности. Полгода просидел в тюрьме штата…

Пуласки не узнавал дорогу, по которой он шествовал за Мартином. В офис Стерлинга его доставляли иным путем. Но вот Мартин повернул за угол и толкнул массивную дверь.

Пуласки помедлил, прежде чем войти в служебное помещение, где дежурили три сурового вида охранника, стояла рама металлодетектора и рентгеновский аппарат. Тут отсутствовало оборудование, стирающее информацию с электронных носителей, как в секторе с ячейками данных и других частях здания, однако пронести металлический драйв незамеченным определенно не удастся. В прошлый раз его и Амелию не прогоняли через контрольно-пропускной пункт вроде этого. Он даже не засек ничего подобного.

– Не помню, чтобы мы проходили через КПП в последнее наше посещение, – как бы между прочим заметил он секретарю Стерлинга.

– Таков порядок, – объяснил Мартин. – Если посетители в любой период времени оставались в здании «ССД» без сопровождения, они должны пройти обследование с применением спецоборудования. – Еще одна пустая улыбка. – Так что ничего личного.

– Ну да. Ясное дело.

Сердце Пуласки бешено колотилось, ладони стали мокрыми. Нет, нет! Ему нельзя терять свою работу! Нельзя, и все тут. Она слишком много значит для него.

Какой черт дернул его согласиться пойти на такое? Пуласки оправдывал это тем, что действовал ради поимки преступника, убившего женщину, очень похожую на Дженни. Он хотел остановить маньяка, готового забрать жизни еще многих людей, лишь бы удовлетворить свои пороки.

И тем не менее он сделал что-то не то.

Что скажут родители, когда узнают, что их сын арестован за кражу информации? А брат?

– Сэр, вы имеете при себе информацию на электронных носителях?

Пуласки вынул из кармана футляр с компакт-диском. Охранник повертел в руках плоскую коробку, поднес к уху телефонную трубку, нажал кнопку внутренней связи, через мгновение чуть распрямился, как бы по стойке смирно, и что-то негромко произнес. Второй охранник вставил диск в компьютер и просмотрел его содержимое. Очевидно, си-ди значился в списке разрешенных к выносу вещей; и все-таки охранник проверил его вместе с футляром, просветив рентгеновскими лучами. Диск по движущейся дорожке проследовал через металлодетектор к выходу.

Пуласки направился было туда же, но третий охранник остановил его.

– Простите, сэр. Пожалуйста, выньте из карманов все металлическое и сложите вот сюда.

– Я – сотрудник полиции, – возразил он, стараясь говорить спокойно.

Охранник настаивал:

– Ваше управление согласилось подчиняться правилам безопасности «ССД», поскольку компания является правительственным подрядчиком. Правила распространяются на всех без исключения. Можете позвонить своему начальству, если хотите убедиться.

Пуласки загнали в угол.

Мартин внимательно наблюдал за ним.

– Пожалуйста, выложите все из карманов на ленту транспортера.

«Думай, думай, – яростно подстегивал себя молодой полицейский. – Ты должен выкрутиться! Думай! Надо взять их на понт».

«Не могу! Кишка тонка».

«Нет, можешь! А как бы поступила в такой ситуации Амелия Сакс? Или Райм?»

Пуласки повернулся спиной к охранникам, опустился на одно колено и несколько секунд расшнуровывал ботинок; потом на другое и проделал

то же со вторым ботинком. Поднялся, медленно стянул оба, поставил их на ленту транспортера, добавил к ним пистолет, запасную обойму, наручники, рацию, монеты, мобильник и металлическую ручку, сложив все это на пластмассовый поддон.

Потом прошел через металлодетектор, и тот пронзительно пискнул, обнаружив переносной драйв в кармане полицейского.

– Что еще у вас есть?

Тяжело сглотнув, Пуласки помотал головой и похлопал себя по карманам.

– Ничего.

– Нам придется обследовать вас металлоискателем.

Пуласки шагнул еще дальше от рамы металлодетектора в сторону выхода. Второй охранник начал водить ручным металлоискателем вдоль туловища полицейского и остановил его у груди. Прибор издал громкий сигнал.

Пуласки рассмеялся.

– Прошу прощения. – Он расстегнул пуговицу на форменной рубашке и показал надетый под ней бронежилет. – Совсем забыл. Металлическая вставка. Защищает сердце от любой пули, кроме винтовочной со свинцовым сердечником.

– Ну, «пустынный орел», наверное, тоже пробьет, – предположил охранник.

– Если хотите знать мое мнение, пистолет пятидесятого калибра – это нечто противоестественное, – пошутил Пуласки, вызвав наконец улыбки на лицах охранников.

Он начал стаскивать с себя рубашку.

– Не надо. Не думаю, что так уж необходимо, чтобы полицейский тут исполнял стриптиз.

Дрожащими пальцами Пуласки опять застегнул рубашку как раз над тем местом, где находился драйв, – он засунул его под жилет, пока, отвернувшись, стоял на колене и расшнуровывал ботинок.

Потом забрал с поддона свои вещи.

Мартин, обойдя металлодетектор, провел Пуласки через очередную дверь. Они очутились в главном лобби – большом, пустынном помещении со стенами, отделанными серым мрамором, на одной из которых была выгравирована огромная эмблема «ССД» – сторожевая башня с окном.

– Всего хорошего, господин полицейский, – попрощался Мартин и повернулся к нему спиной.

Пуласки зашагал дальше к тяжелым дверям из толстого стекла, безуспешно стараясь унять дрожь в руках. По пути он впервые обратил внимание на батарею видеокамер, держащих под наблюдением все лобби. Они неподвижно застыли на своих кронштейнах, как стервятники, терпеливо ожидающие, когда раненая добыча испустит дух и замрет.

Глава двадцать седьмая

Даже до боли знакомый и родной голос Джуди не мог отогнать от Артура Райма навязчивые мысли о Мике, разрисованном татуировками белом зеке, безнадежно «подсевшем» на метамфетамин. О том, как тот непрерывно бормочет себе под нос, то и дело засовывает руки себе в карманы брюк и при этом всякий раз поглядывает на Артура.

– Милый, о чем ты думаешь?

– Прости, отвлекся.

– Мне надо рассказать тебе о чем-то, – заявила Джуди.

Об адвокате, о деньгах, о детях – что бы это ни было, терпения Артура Райма на новую проблему уже не хватит. Он готов был взорваться.

– Слушаю, – произнес он обреченно.

– Я была у Линкольна.

– Что?

– Мне не оставалось другого выхода, Арт. Адвокату ты не доверяешь. А само собой дело не сдвинется.

– Но… я же просил тебя не звонить ему.

– Не забывай, что у тебя есть семья, Арт. Хочешь ты или нет, но тебе необходимо думать и обо мне с детьми тоже. Нам давно уже надо было обратиться за помощью к Линкольну.

– Я не хочу, чтобы он принимал в этом участие. Позвони ему, скажи, мол, спасибо, сами справимся.

– Сами справимся?

Джуди Райм не верила своим ушам.

– Ты с ума сошел?

Артур не раз убеждался в том, что жена сильнее его – и к тому же, наверное, умнее. Она пришла в ярость, когда он, хлопнув дверью, ушел из Принстона после того, как его обошли с профессорской должностью. Джуди сказала тогда, что он впал в истерику, как капризный ребенок, не получивший желанной игрушки. Теперь Артур жалел, что не прислушивался к ее советам.

А Джуди продолжала распекать мужа:

– Ты, наверное, думаешь, что в последнюю минуту в суд явится Джон Гришэм и спасет тебя! Но этого не случится, пойми! Господи, Арт, скажи спасибо, что я не сижу сложа руки.

– Спасибо, – поспешно промямлил он. – Я тебе в самом деле благодарен, только…

– Что «только»? Этот человек чуть не погиб, у него парализовано все тело, он живет в инвалидной коляске. Бросил все свои дела, чтобы искать доказательства твоей невиновности. О чем ты думаешь, черт возьми? Хочешь, чтобы твои дети росли, считая тебя убийцей, доживающим свой век за тюремной решеткой?

– Нет, конечно, – опять невнятно возразил Артур, не в силах отделаться от мучительных раздумий. Ему казалось, Джуди не верит, что он не был знаком с убитой женщиной, Элис Сандерсон. Жена, конечно, не считает его убийцей, но наверняка думает, что они были любовниками.

– Я верю в правовую систему, Джуди, – выговорил он и тут же спохватился.

Господи, что за ерунду он несет!..

– Ну так Линкольн и *есть* система, Арт. Позвони ему и поблагодари.

Артур помедлил, потом спросил:

– А что он говорит?

– Мы с ним только вчера общались. Он позвонил, чтобы узнать о твоих ботинках – они числятся в уликах. Больше пока ничего не говорил.

– Вы встречались? Или только по телефону?

– Я ездила к нему домой. Он живет на Сентрал-парк-вест. У него там очень милый таунхаус.

В сознании Артура с быстротой молнии промелькнули с десяток воспоминаний о двоюродном брате.

– Как он выглядит? – поинтересовался Артур.

– Веришь или нет, он почти не изменился с тех пор, как мы виделись в Бостоне. Да нет, думаю, даже получше выглядит, чем тогда.

– Но ведь он не может ходить?

– Вообще не шевелится. У него двигаются только голова и плечи.

– А его бывшая, Блэйн? Навещает его?

– Нет, но у него есть женщина. Служит в полиции. Очень милая. Высокая, рыжеволосая. Признаюсь, меня это очень удивило. Хотя не должно бы, наверное. И тем не менее.

Высокая, рыжеволосая? В памяти Артура сразу возникла Адрианна. Хотел отбросить непрошеное воспоминание, но не тут-то было.

Скажи, зачем, Артур? Зачем ты это сделал?

Злобное ворчание Мика. Руки опять полезли в штаны. Глаза блеснули ненавистью в сторону Артура.

– Прости, дорогая. Спасибо тебе за ту встречу. С ним, с Линкольном.

Он вдруг почувствовал чье-то горячее дыхание на своей шее.

– Йо, завязывай!

За спиной Артура стоял один из латиносов.

– Джуди, я должен заканчивать. Здесь только одна переговорная трубка. Мое время истекло.

– Завязывай, в натуре!

– Я люблю тебя, Арт.

– Я…

Латинос выступил вперед; Артур освободил переговорную трубку и поплелся обратно в общее помещение, сел там на свою скамейку в углу и уставился прямо перед собой на круглую отметину с неровными краями, оставленную на полу чьим-то повернувшимся на месте каблуком. Так и сидел неподвижно, опустив глаза…

Но не истертая подошвами поверхность пола занимала внимание Артура. Память унесла его в прошлое. К мыслям об Адрианне и двоюродном брате Линкольне добавились воспоминания о родительском доме на Северном берегу. Западный пригород Чикаго, где жила семья Линкольна. Непреклонный и величественный Генри, отец Артура. Его брат Роберт. Скромная умница Мария.

Вспомнил Артур и об отце Линкольна, Тедди. Впрочем, это всего лишь прозвище[14], и отнюдь не производное от его полного имени, причем с ним связана интересная история (но вот что любопытно: племянник знал, откуда оно взялось, а вот сыну, похоже, об этом не было известно). Артур любил дядю Тедди. Дружелюбный, возможно, чересчур скромный, даже малость забитый – да и кто не был бы таковым в тени столь великолепного брата, как Генри Райм? Изредка, когда Линкольна не было дома, Артур приезжал на машине в гости к Тедди и тете Энн. Дядя и племянник располагались в маленькой общей комнате со стенами, обитыми деревянными панелями, смотрели какой-нибудь старый фильм или беседовали об истории Америки.

Отметина на полу расплылась и приняла очертания Ирландии. Чем дольше Артур сидел, вперив остановившийся взгляд в воображаемую дыру, тем шире она разрасталась, тем сильнее становилось его желание исчезнуть в этой фантастической воронке и возродиться к жизни «по ту сторону».

Артур Райм достиг состояния крайней безысходности. Он окончательно понял, насколько наивны его надежды каким-то чудесным образом вырваться на свободу, да и практические пути тоже отсутствовали. Он знал, что у Линкольна блестящий аналитический ум, но еще более утвердился в этом, прочитав о нем все попавшиеся на глаза газетные статьи и даже его отдельные научные труды – например «Воздействие некоторых материалов на биологическую среду на уровне наночастиц».

Но теперь Артуру стало ясно, что и Линкольн ничем не сможет помочь. Его дело совершенно безнадежное, и гнить ему в тюрьме до конца дней своих.

С другой стороны, участие Линкольна в судьбе Артура именно сейчас вполне закономерно. Двоюродный брат – а фактически родной, ведь даже настоящие брат и сестра не были ему так близки в детские и юношеские годы, как Линкольн, – должен воочию лицезреть суровое возмездие, настигшее Артура.

С обреченной улыбкой на лице он оторвал взгляд от пятна на полу и с недоумением осмотрелся. Тут что-то изменилось.

Странно. Куда вдруг подевались все зеки?

Вокруг ни души.

Послышались чьи-то шаги. Они приближались. Кто-то шел очень быстро, почти бежал, шаркая ногами.

Артур в тревоге обернулся, но тут же перевел дух. Это его друг, Энтуан Джонсон. У него холодный взгляд.

Артур понял. Опасность, как обычно, подкралась сзади.

Опять Мик.

Джонсон спешит ему на помощь.

Артур испуганно вскакивает, поворачивается… В панике он чуть не плачет. Ожидает увидеть шмыгу с ножом в руке, но…

Там никого нет. На него никто не нападает.

И тут Артур почувствовал у себя на шее удавку, и ему почему-то подумалось, что этот тугой жгут, конечно, сплетен из разорванной рубашки.

– Т-ты ш-шт…

Джонсон рывком поднял Артура на ноги, стащил со скамьи и поволок к стене, из которой в семи футах от пола торчал тот самый гвоздь. Артур мычал и барахтался, пытаясь сопротивляться.

– Тсс-с-с… – зашипел Джонсон, оглядываясь на выход в безлюдный коридор.

Артур продолжал упираться, но с таким же успехом мог бороться с бревном или мешком цемента. Он стал наугад бить кулаком громадного негра по шее и плечам, но тут опора ушла у него из-под ног. Великан приподнял Артура и подвесил на гвоздь за петлю, потом отпустил и

сделал шаг назад, наблюдая, как тот дергает руками и ногами, стараясь высвободиться.

«За что, за что?» Артуру хотелось произнести этот вопрос вслух, но вырывались лишь сдавленные звуки. Джонсон стоял подбоченясь и с любопытством разглядывал его. Судя по выражению его лица, он не испытывал ни ярости, ни садистского удовлетворения. Так, легкий интерес, не больше.

Когда по телу стали пробегать судороги, а в глазах потемнело, Артур понял, что все это с самого начала было подстроено. Джонсон спас его от латиносов с единственной целью: приберечь для себя.

– Н-н-н...

«За что?»

Продолжая стоять руки в боки, негр подался вперед, приблизив лицо к Артуру.

– Для твоего же добра, фраер. Все равно сдохнешь к долбаной фене через месяц-полтора. Тебе тут не выжить. Ну, хорош за веревку цепляться. Не кипеши, и ты в шоколаде. Сечешь фишку?

Пуласки вернулся со своей вылазки в «ССД» и победно поднял в воздух плоскую серую коробочку переносного драйва с жестким диском.

– Молодец, сынок! – похвалил его Райм.

Сакс подмигнула:

– С почином! Первая секретная операция.

Пуласки скорчил мину.

– Вообще-то это не было похоже на операцию. Скорее на махинацию.

– А если покопаться как следует, то можно нарыть и вероятный мотив, – пошутил Селлитто.

А Райм уже отдавал команду Родни Шарнеку:

– За дело!

Компьютерщик подсоединил переносной драйв к USB-порту своего видавшего виды лэптопа, и его пальцы быстро и уверенно забегали по клавиатуре, в то время как глаза не отрывались от экрана.

– Хорошо, хорошо...

– Есть имя? – нетерпеливо спросил Райм. – Кто-то открывал досье? Эсэсдэшник?

– Что?

Шарнек усмехнулся:

– Слишком многого хотите. Во-первых, придется подождать. Я должен слить информацию в нормальную машину у нас в отделе. Затем...

– Сколько времени это займет? – перебил его Райм.

Шарнек удивленно поморгал на криминалиста, будто впервые увидел, что тот инвалид.

– Зависит от степени сохранности данных, периода существования файлов, их назначения, формата, а также...

– Ну хватит, хватит! Просто сделай все, что возможно, о'кей?

Повернувшись к Пуласки, Селлитто спросил:

– Еще узнал что-нибудь?

Тот рассказал о результатах допросов технических менеджеров, имеющих доступ ко всем ячейкам данных, а также о разговоре с Энди Стерлингом и об оставшейся в его мобильнике регистрации звонка отца из Лонг-Айленда в то время, когда убили Майру Уэйнберг. Таким образом, алиби Эндрю Стерлинга подтвердилось. Том внес изменения в список подозреваемых.

Эндрю Стерлинг, президент, генеральный управляющий.

Алиби – на Лонг-Айленде, проверено. Подтверждено сыном.

Шон Кассел, начальник отдела продаж и маркетинга.

Нет алиби.

Уэйн Гиллеспи, начальник отдела обработки информации.

Нет алиби.

Сэмюэл Броктон, начальник исполнительно-правового отдела.

Алиби – администрация отеля подтвердила его присутствие в Вашингтоне.

Питер Арлонзо-Кемпер, начальник отдела кадров.

Алиби – с женой, она подтвердила – выгораживает мужа?

Стивен Шрейдер, менеджер отдела ремонта и технического обслуживания, дневная смена.

Алиби – в офисе, судя по табелю рабочего времени.

Фарук Мамеда, менеджер отдела ремонта и технического обслуживания, ночная смена.

Нет алиби.

Клиенты «ССД» (?)

Список, предоставленный Стерлингом.

Неизвестный наемник Эндрю Стерлинга (?)

Итак, теперь все, кто имел доступ к innerCircle, знают, что полиция проводит расследование убийств, при совершении которых использовалась информация «ССД». И тем не менее червь, охраняющий файл «Убийство Майры Уэйнберг» в компьютерной системе нью-йоркского управления полиции, еще не зарегистрировал ни одной попытки незаконного проникновения. Что это – проявление чрезмерной осторожности «5-22»? Или не сработала сама задумка электронной западни? А может, ошибочна сама предпосылка, что убийца связан с «ССД»? Райм вдруг понял: их настолько ошеломило могущество Стерлинга, что они перестали принимать в расчет других потенциальных преступников.

Пуласки решил привлечь внимание к футляру с компакт-диском.

– А вот список клиентов «ССД». Я уже просмотрел его наскоро. Их тут около трехсот пятидесяти.

– Ого, – кисло скривился Райм.

Шарнек загрузил содержимое диска и открыл электронную таблицу. Райм бросил взгляд на экран монитора – в справочной строке значилось около тысячи страниц убористого текста.

– Информационный мусор, – вздохнула Сакс. Она объяснила словами Стерлинга, что любые данные бесполезны, если они «замусорены», то есть излишне подробны или, наоборот, слишком скудны. Шарнек вращал пальцем колесико мышки, бегло просматривая бесконечный список клиентов и приобретенной ими информации «ССД»… Чересчур ее много, этой информации. И тут Райма осенило.

– А там указаны даты и время копирования файлов?

Шарнек пошарил глазами по экрану.

– Ага, есть!

– Давайте отберем тех, кто приобрел информацию непосредственно накануне убийств.

– Верная мысль, Линк, – одобрил Селлитто. – «5-22» нуждался в самых свежих данных.

Шарнек, поразмыслив, заметил:

– Думаю, я смогу создать червя, способного сделать это. Понадобится некоторое время, но в принципе выполнимо. Дайте мне точные временные интервалы совершения преступлений.

– Мел, займешься этим?

– Конечно.

Купер принялся выписывать нужные сведения из дел о краже монет, картины и двух изнасилованиях.

– Послушай, ты пользуешься программой «Эксель»? – спросил Пуласки.

– Ну да.

– А что она собой представляет?

– Обычные электронные таблицы. Предназначены для бухгалтерии и прочих финансовых учетов. Но теперь «Эксель» используют где угодно.

– А я смогу научиться пользоваться им?

– Конечно. Есть подготовительные курсы. К примеру, «Новая школа» или «Изучаем приложения».

– Мне давно надо было бы этим заняться. Узнаю, что это за школы.

Райм, кажется, понял причину давешнего нежелания Пуласки во второй раз наведываться в «ССД».

– Запиши это последним пунктом в списке твоих приоритетов, сынок, – посоветовал он молодому полицейскому.

– Что именно, сэр?

– Запомни, люди всю жизнь будут так или иначе прессовать только потому, что они знают нечто, неведомое тебе. Но это не значит, что они лучше тебя или ты хуже их. Вопрос стоит так: нужно ли тебе знать это, чтобы хорошо делать свою работу? Если да, обучись этому. Если нет, значит, не стоит терять время. Плюнь и пошли их к черту.

Молодой полицейский рассмеялся:

– И верно. Спасибо.

Родни Шарнек забрал компакт-диск, переносной драйв, упаковал свой лэптоп и отправился в отдел столь близких его сердцу компьютерных преступлений, чтобы продолжить работу на более мощном компьютере.

Попрощавшись с ним, Райм перевел взгляд на Сакс, пытавшуюся по телефону выяснить обстоятельства смерти в Колорадо несколько лет назад информационного поисковика. Громкая связь была выключена, но по внешнему виду Сакс он понял, что ей удалось раздобыть что-то важное. У нее напряженно вытянулась шея, губы повлажнели, пальцы нервно теребили прядь волос. Глаза сосредоточенно блестели. Весьма выразительный «язык тела», вполне освоенный Амелией, всегда казался Райму чрезвычайно эротичным.

«Не парься, одернул он себя. Занимайся лучше чертовым делом». Детектив постарался отогнать лишние сейчас ощущения.

Но это ему не совсем удалось.

Сакс же приступила к своему докладу:

– Все выяснилось. В полиции штата Колорадо подняли архивное дело. Погибшего поисковика звали Пи-Джей Гордон. Питер Джеймс. Увлекался горным байкингом. Однажды уехал покататься и не вернулся. Искореженный велосипед нашли у подножия отвесной скалы. Рядом

протекала глубокая река. Тело всплыло в двадцати милях ниже по течению через месяц или около того. Анализ ДНК дал позитивный результат.

– А к чему привело расследование?

– Все носило чисто формальный характер. У них там в горах то и дело гробятся лыжники, байкеры, любители носиться на снегоходах. Суд решил, что произошел несчастный случай. Но осталось несколько невыясненных обстоятельств. Во-первых, Гордон якобы пытался взломать серверы «ССД» в Калифорнии, и не просто базу данных, а внутренние файлы самой компании и некоторых сотрудников. Сумел он это сделать или нет – неизвестно. Я попыталась разыскать коллег Гордона из компании «Роки-маунтин дейта», чтобы узнать подробности, но никто из них там уже не живет. Похоже, Стерлинг выкупил компанию, забрал ее базу данных, а персонал распустил.

– А помимо сослуживцев не у кого спросить?

– Местные полицейские не нашли никаких родственников.

Райм задумчиво покачал головой:

– Так-так, интересный прикол, если воспользоваться, Мел, твоей дежурной идиомой. Значит, этот Гордон проводит свой собственный дейта-майнинг в файлах «ССД», раскапывает компромат на «5-22», и тот понимает, что его вот-вот расколют. Тогда он убивает Гордона, выдает его смерть за несчастный случай, и концы в воду. Сакс, у полиции Колорадо есть какие-нибудь материалы по этому делу?

Амелия вздохнула:

– В архиве. Обещали отыскать.

– Я хочу знать, кто из тогдашних сотрудников «ССД» продолжает работать в компании по сей день.

Пуласки позвонил в «ССД» и задал этот вопрос Марку Уиткому. Через полчаса тот сообщил, что, по данным отдела кадров, в период смерти Гордона в компании работали десятки нынешних служащих, в том числе Шон Кассел, Уэйн Гиллеспи, Мамеда, Шрейдер, а также Мартин, один из персональных секретарей Стерлинга.

Таким образом, дело Питера Гордона лишь расширяло круг подозреваемых, а значит, не оказывало практической помощи расследованию. Райм все же надеялся, что, получив полный отчет по

этому делу от полиции штата Колорадо, он, если повезет, сможет обнаружить улики, указывающие на конкретное лицо.

Криминалист продолжал изучать список подозреваемых, когда зазвонил сотовый телефон Селлитто. Тот ответил и встревоженно подался вперед.

– Что? – рявкнул он в трубку, бросив многозначительный взгляд на Райма. – Вот дерьмо! Как это произошло?.. Позвони мне, как только узнаешь.

Он нажал кнопку отбоя и с озабоченным видом обратился к Райму:

– Мне очень жаль, Линк. Это насчет твоего двоюродного брата. На него совершено покушение в следственном изоляторе. Чуть не прикончили.

Сакс подошла к Райму и положила руку ему на плечо. Он почувствовал, как она встревожена.

– В каком состоянии Артур?

– Известно только, что он в реанимационном отделении. Директор изолятора разберется и перезвонит мне, Линк.

Глава двадцать восьмая

– Привет всем!

В сопровождении Тома в лабораторию вошла светящаяся улыбкой Пам Уиллоуби. Присутствующие тоже невольно заулыбались, несмотря на печальную весть об Артуре Райме. Том поинтересовался, как у нее сегодня прошли занятия в школе.

– Отлично! Просто замечательно, – весело ответила девочка и, понизив голос, добавила: – Амелия, можно тебя на минуточку?

Сакс вопросительно взглянула на Райма, и тот мотнул головой в сторону Памелы, как бы говоря: «Иди, все равно мы не сможем ничего предпринять в отношении Артура, пока не узнаем всех обстоятельств».

Сакс вместе с девочкой вышла в прихожую. Удивительно, подумала она, как легко прочитать на лицах молодых людей все, что творится у них на душе, а часто и причину этого состояния. Однако с Памелой ей было сложнее; детективу не всегда удавалось разгадать, что чувствует и думает ее подопечная, и часто хотелось получше владеть умением Кэтрин Дэнс понимать значение мимики и жестов. Впрочем, сегодня Пам выглядела откровенно счастливой.

– Прости, что отрываю от дела.

– Нет проблем.

Обе прошли через прихожую таунхауса в гостиную.

– Ну, что случилось? – Сакс заговорщически улыбнулась.

– В общем, так. Я сделала, как ты сказала, ну, понимаешь? Короче, спросила Стюарта насчет той девочки.

– И?

– В общем, они встречались – раньше, до того, как Стюарт познакомился со мной. А тут они просто случайно столкнулись на улице. Ну, поболтали, и все. Стюарт говорит, что она, типа, зануда и доставала его выше крыши, пока они встречались. У него и в мыслях не было заводить с ней по новой. А эта, прикинь, вцепилась в него, а Стюарт хотел соскочить с нее, и тут как раз Эмили их увидела. Ну вот. Все, типа, в ажуре.

– Ну, поздравляю. Раз врага нет, то и воевать не с кем, верно?

– Ага. В общем-то, если подумать, Стюарт и не мог с ней встречаться, иначе его бы с работы поперли.

Тут Пам спохватилась и прикусила язык.

Не надо быть детективом, чтобы понять – девица сболтнула лишнего.

– С работы поперли? – подозрительно переспросила Сакс. – С какой работы?

– Ну-у, и так ясно…

– Не совсем. С какой стати Стюарта должны поперетъ с какой-то работы?

Покраснев, Пам опустила глаза на персидский ковер перед диваном, на котором они сидели.

– Ну, он, типа, преподает в ихнем классе в этом году.

– Стюарт – *учитель?!*

– Ну да, типа.

– В твоей школе?

– Нет, он перевелся в прошлом году из нашей школы в школу имени Джефферсона. Так что никаких проблем, если мы с ним…

– Погоди, Пам… – Сакс пыталась сообразить. – Я с твоих слов поняла, что вы учитесь в одной школе.

– Я тебе сказала, что мы с ним познакомились в школе.

– А как же клуб любителей поэзии?

– Так он, это…

– Вел занятия клуба, – догадалась Сакс. – А в школьной команде по футболу не играет, а работает тренером!

– Но я же тебе и не соврала!

«Проще всего без паники, – сказала себе Сакс. – Иначе все только испортишь».

– Так, Пам, знаешь, что это такое? – «А что это такое, черт возьми?» – В голове роилось множество вопросов. Сакс задала тот, что напросился первым: – Сколько ему лет?

– Не знаю. Он не старый.

Девочка подняла на нее глаза. В них застыла отчужденность. Больше того, почти ненависть. Сакс и раньше доводилось наблюдать в этих глазах непокорность, упрямство, злость, но такое выражение – отчаянной решимости загнанного в ловушку зверька – видела впервые.

– Пам, ты что?

– Кажется, ему сорок один или около того.

Команда не паниковать переставала действовать.

«Что делать, черт побери?» У Сакс всегда было желание иметь детей, подогреваемое воспоминаниями о чудесных годах, прожитых с отцом, но она еще ни разу глубоко не задумалась над тем, что воспитание ребенка может оказаться весьма нелегкой задачей.

«Постарайся быть убедительной!» – задала она себе установку – настолько же, однако, трудновыполнимую в данной ситуации, как и предыдущая – насчет паники.

– Послушай, Пам…

– Я знаю, ты хочешь меня предостеречь. Но это тут ни при чем.

Сакс так не считала. Когда сближаются мужчина и женщина, вопрос об *этом* неизбежно становится весьма актуальным. Но Амелия сейчас боялась даже подумать о сексуальном аспекте свалившейся на голову напасти, поскольку неизбежно запаникует и перестанет быть убедительной.

– Он не такой, как все. У нас много общего… То есть эти мальчишки в школе, у них на уме только спорт да видеоигры. Все они дураки.

– Пам, многим твоим сверстникам нравятся стихи, театр. Разве в вашем клубе любителей поэзии нет мальчиков?

– Это все не то… Знаешь, у меня язык не повернется рассказать кому-нибудь из них, через что я прошла из-за моей матери и прочего. А Стюарту рассказала, и он все понял. Ему тоже досталось в жизни. У него отец погиб, когда ему было столько же, сколько мне сейчас. Стюарту пришлось работать на двух или трех работах одновременно, чтобы получить высшее образование.

– Девочка моя, поверь мне, тебе это не нужно. Ты сейчас и представить себе не можешь, какие проблемы у тебя из-за этого могут возникнуть.

– Он добрый и ласковый. Мне так хорошо с ним. Разве это не самое важное?

– Это далеко не самое важное.

Памела упрямо сжала кулачки.

– А кроме того, хоть он и не твой учитель, ему все равно грозят серьезные неприятности.

Сказав это, Сакс почувствовала, что становится все менее убедительной.

– А Стюарт говорит, что ради меня стоит рисковать.

Не надо быть Фрейдом, чтобы понять: девочка в малолетстве лишилась отца; мать и отчим были доморощенными террористами – ну как ей не влюбиться в зрелого мужчину, заботливого и красивого?

– Ну чего ты так разволновалась, Амелия? Я же не выхожу за него замуж. Мы просто встречаемся.

– Тогда почему бы тебе не сделать перерыв? На месяц. Познакомься поближе с другим парнем или даже с двумя. Сходи куда-нибудь с каждым по очереди. Проверь свои чувства.

Господи, сплошное словоблудие, подытожила про себя Сакс. От ее доводов так и несло пораженческой озабоченностью о собственном тыле.

Пам состроила недоуменную мину.

– Это еще с какой стати? Я не собираюсь вешаться на шею любому парню, как все девчонки в нашем классе, лишь бы было с кем гулять.

– Милая моя, я понимаю, что ты испытываешь чувство к этому человеку. Но всякое чувство проверяется временем. Я не хочу, чтобы ты страдала. На свете столько замечательных парней. Кто-то из них составит тебе лучшую пару, и в будущем ты станешь с ним вполне счастлива.

– Я не расстанусь со Стюартом. Я люблю его. А он любит меня. – Пам взяла сумку с учебниками и холодно добавила: – Я поеду. Уроки надо делать. – Она направилась к двери, но остановилась, обернулась к Сакс и добавила: – Когда ты начала встречаться с мистером Раймом, тебе говорили, что это не самый лучший выбор? Что ты можешь запросто найти себе расчудесного парня без инвалидной коляски? Наверняка говорили.

На какой-то момент их взгляды встретились, затем Пам повернулась и вышла, прикрыв за собой дверь.

Сакс действительно припомнила, что от кого-то она слышала это, причем практически в той же формулировке, к какой прибегла Памела.

И доброжелатель тот был не кто иной, как ее родная мать.

Мигель Абрера 5465-9842-4591-0243, «специалист по хозяйственно-техническому обслуживанию», как предпочитают называть уборщиков корпоративные лицемеры, закончил работу в обычное время, около пяти вечера. Сейчас он выходит из вагона подземки на своей станции в Куинсе и направляется домой. Ну а я неотступно следую за ним.

Заставляю себя сохранять спокойствие. Это мне удается с трудом.

Они – легавые – дышат мне в затылок! Это что-то новенькое. За долгие годы коллекционирования и усердных стараний, коими, однако, загублена не одна жизнь, разбиты судьбы да упрятаны за решетку

невинные *пронумерованные,* еще ни разу «они» не подбирались ко мне так близко. Как только я узнал, что в «ССД» проводится полицейское расследование, сразу сменил личину. Я уверен, что у «них» на меня ничего нет. И тем не менее продолжаю лихорадочно анализировать ситуацию, просеиваю данные, ищу золотой самородок, способный открыть мне, что «они» знают и что нет. Насколько действительно велика опасность? Но пока ответа не нахожу.

Слишком уж засорена информация.

Засоры…

Перебираю в уме возможные ошибки в своем поведении за последнее время. Я соблюдал осторожность. Но нельзя забывать, что информация может работать и на противника. Они могут пришпилить тебя к сети, как ультрамаринового *морфо менелая,* еще издающего миндальный аромат цианидной морилки, к бархатной витрине коллекции бабочек. Но мы, посвященные, умеем использовать информацию и для своей защиты. Данные можно стереть, исказить, подтасовать. Мы умеем создавать направленный информационный шум. Мы можем разместить в непосредственной близости друг от друга набор данных «А» и непохожий на него набор данных «Икс», и тогда «А» и «Икс» будут выглядеть почти одинаковыми. Или отличаться больше, чем это есть на самом деле.

Мы умеем обводить вокруг пальца простейшими способами. Взять хотя бы радиочастотные идентификаторы, арфиды. Стоит подбросить свою платежную карточку «смарт-пасс» в чужой чемодан, и на протяжении уик-энда ваш автомобиль засекут в десятке разных мест, тогда как на самом деле он все это время простоял в гараже. Или упакуйте свой служебный пропуск в конверт и отправьте с посыльным к себе в офис. Пусть полежит там часа четыре, а после попросите приятеля забрать пакет и принести вам в ресторан напротив – извини, мол, забыл на столе; естественно, я угощаю; спасибо. А что показывает ваш табель рабочего времени? Что вы пахали как вол, хотя на самом деле на каком-то отрезке тех самых четырех часов стояли над чьим-то остывающим трупом и вытирали кровь с лезвия бритвы. И то, что никто не видел вас за рабочим столом, ничего не значит. Вот мой табель, господин полицейский. Мы верим информации и не доверяем своим глазам. У меня на вооружении есть еще с дюжину таких отработанных до совершенства приемов.

А сегодня мне предстоит применить один из самых экстремальных.

Впереди Мигель-5465 замедляет шаг и заглядывает в бар. Мне достоверно известно, что пьет он редко, и если сейчас соблазнится на

кружку пива, то нарушит мой хронометраж, но только не планы на вечер. Впрочем, Мигель-5465 решает воздержаться от пива и продолжает свой путь, скукожив голову набок. Мне даже жаль, что он отказал себе в последнем удовольствии, поскольку жить ему осталось меньше часа.

Глава двадцать девятая

Наконец Лону Селлитто позвонили из следственного изолятора.

Лейтенант слушал, молча кивая.

– Спасибо, – поблагодарил он, закончив разговор. – Артур в порядке. Ему, конечно, досталось, но состояние нормальное.

– Слава Богу, – прошептала Сакс.

– Так что там случилось? – спросил Райм.

– Никто толком не понял. Какой-то зек по имени Энтуан Джонсон отсиживает федеральный срок за похищение людей и вдобавок за нарушения местного законодательства. Его перевели в «Могильник» на время судебного процесса. Напал на Артура вроде бы без видимой причины и хотел представить дело так, будто тот сам повесился. Сначала отнекивался, потом заявил, что Артур якобы хотел умереть и попросил у него помощи.

– И что, его охранники спасли?

– Нет. Как ни странно, другой заключенный, Мик Галлента, второй арест за незаконное хранение и употребление мета и шмаля. Ростом по пояс Джонсону, однако схватился с ним, вырубил и вынул Артура из петли. Зеки после этого чуть не взбунтовались.

Зазвонил телефон, и Райм увидел на дисплее код зоны – 201.

Джуди Райм.

Он ответил.

– Ты уже слышал, Линкольн?

У нее дрожал голос.

– Слышал. Да.

– Ну зачем кому-то понадобилось творить такое? Зачем?

– Тюрьма есть тюрьма. Иной мир.

– Но это лишь следственный изолятор. Камера предварительного заключения. Я бы поняла, если б он сидел в настоящей тюрьме с прожженными убийцами. Но там же люди просто ожидают своего суда, разве не так?

– Так.

– Тогда зачем кому-то осложнять собственное положение, взваливая на себя вину за лишнее убийство?

– Не знаю, Джуди. Действительно, смысла нет. Ты разговаривала с Артуром?

– Ему разрешили позвонить. Но у него проблемы с речью, горло повреждено, но в целом состояние здоровья не вызывает опасений. Просто день-другой пролежит в реанимации.

– Послушай, Джуди, – сказал Райм, я не звонил тебе, поскольку хотел прежде получить кое-какую дополнительную информацию, но... я вполне уверен, что мы сможем доказать невиновность Артура. На него повесили преступление, совершенное другим человеком. Вчера тот расправился еще с одной женщиной, и, я думаю, мы сможем обвинить его и в убийстве Элис Сандерсон.

– Не может быть, Линкольн! Неужели это правда? И кто он, этот подонок?

Куда при этом известии подевались ее чрезмерная деликатность, тщательно подобранные слова, опасение обидеть собеседника. За последние сутки Джуди Райм стала заметно более жестокой в своих манерах.

– Как раз это мы сейчас пытаемся выяснить.

Райм взглянул на Сакс и снова повернулся к микрофону громкой связи.

– И похоже, Артур не имел никаких отношений с той женщиной. Вообще никаких.

– Ты... – Джуди запнулась. – Ты уверен в этом?

В разговор вмешалась Сакс. Она представилась и подтвердила:

– Это на самом деле так, Джуди.

Через динамик было слышно, как на другом конце провода перевели дух.

– Может, мне сообщить адвокату?

– Он пока ничего не сможет сделать. На нынешнем этапе расследования Артуру придется оставаться под арестом.

– Можно, я позвоню Артуру и расскажу ему?

Райм помедлил.

– Да, конечно.

– Он спрашивал о тебе, Линкольн. Когда звонил из клиники.

– Вот как?

Райм ощутил на себе взгляд Амелии.

– Да. Сказал, чем бы все ни закончилось, спасибо тебе за помощь.

Все было бы иначе…

– Мне надо заканчивать разговор, Джуди. Очень много работы. Будет что-то новое, сразу тебе сообщим.

– Спасибо тебе, Линкольн. И всем, кто с тобой. Храни вас Бог.

Короткое молчание.

– До свидания, Джуди.

Райм не стал произносить команду «отбой», отключая связь указательным пальцем правой руки. Вообще-то он лучше владел безымянным пальцем левой руки, но на этот раз указательный правой нажал нужную кнопку послушно и стремительно.

Мигель-5465 сумел выдюжить в трагический период своей жизни. Он хороший работник. Постоянно навещает сестру, живущую с мужем на Лонг-Айленде. Регулярно пересылает по «Вестерн Юнион» деньги в Мексику – матери и сестре. Морально устойчив. Однажды, спустя год после смерти жены и ребенка, Мигель-5465 снял со своего счета драгоценные четыреста долларов через банкомат, расположенный в районе Бруклина, славящемся местными проститутками. Однако

вовремя опомнился, и назавтра деньги возвратили на счет. Жалко, пропали два с половиной доллара комиссионных за услуги банкомата.

Я еще много чего знаю о Мигеле-5465, гораздо больше, чем о других *пронумерованных* в базе данных. Потому что он является одним из моих аварийных вариантов.

А он-то отчаянно понадобился мне именно сейчас.

Целый год я готовил Мигеля-5465 в качестве подставного лица. После его смерти дотошная полиция начнет разматывать концы и – какой сюрприз! – выяснит, что труп принадлежит убийце-насильнику-вору, присвоившему чужую картину и коллекцию монет. Прежде чем покончить с жизнью, он признается в предсмертной записке, что, оставшись без семьи, терзаемый безысходностью, ощутил в себе тягу к убийству. У него в кармане полицейские детективы найдут ноготь, срезанный с пальца Майры Уэйнберг – одной из его жертв.

Так-так, а что мы имеем здесь? На его банковском счету необъяснимым образом возникли и исчезли крупные суммы денег. Мигель-5465 намеревался взять крупную ссуду на покупку дома в Лонг-Айленде с предоплатой в полмиллиона долларов, хотя его жалованье составляло всего лишь 46000 долларов в год. Он заходил на веб-сайты, предлагающие на продажу произведения искусства, интересовался картинами Прескотта. В подвале его дома полиция обнаружит упаковку пива «Миллер», презервативы «Троджан», крем для бритья «Эдж» и снимок релма Майры Уэйнберг на сайте OurWorld. Там же окажутся не слишком хорошо спрятанные пособия по хакерству и флэшки с программами для взлома паролей доступа в базы данных. В последние дни перед самоубийством Мигель-5465 пребывал в подавленном состоянии, а на прошлой неделе даже выписал из агентства психологической помощи брошюру по предотвращению суицида.

И наконец, в распоряжении полиции окажутся табели рабочего времени, свидетельствующие о том, что «специалист по хозяйственно-техническому обслуживанию» отсутствовал на рабочем месте как раз в те часы, когда были совершены преступления.

Мяч в корзине!

Предсмертная записка лежит у меня в кармане – довольно сносная имитация почерка Мигеля-5465 с образцов на погашенных чеках и аннулированных заявлениях на ссуды, в свою очередь, скопированных с помощью сканера и до неприличия легко доступных в Интернете. Бумага идентична купленной им с месяц назад в ближайшей от дома аптеке,

паста из такой же широко распространенной шариковой ручки, каких дома у Мигеля-5465 найдется с дюжину.

А поскольку полиции меньше всего нужно затяжное расследование дела, затрагивающего интересы «ССД», ее главного информационного поставщика, она поставит на этом точку. Убийца мертв. Дело закрыто. А я уединюсь в «кладовой», проработаю все свои ошибки и учту их в будущих трансакциях.

Разве не так все мы набираемся жизненной мудрости?

Что касается деталей инсценировки самоубийства, то, готовясь к ней, я воспользовался описанием местности из справочника «Гугл – планета Земля» и простейшей прогнозирующей программой. Та выдала наиболее вероятный маршрут, по которому Мигель-5465 будет добираться до дома: от станции подземки по дорожке через небольшой парк посреди Куинса, вплотную прилегающий к скоростной автостраде. Парк этот обычно безлюден из-за постоянного рева автомобилей и воздуха, загазованного выхлопами дизельных двигателей. Там я догоню его и со спины – не хочу, чтобы он узнал меня и насторожился, – нанесу несколько ударов по затылку железной трубой, начиненной стальными шариками. Потом суну ему в карман предсмертную записку, подтащу тело к ограде над автострадой и скину с высоты пятидесяти футов в поток мчащихся на полной скорости автомашин.

Мигель-5465 идет не спеша, заглядывает в витрины магазинов. Я следую за ним на расстоянии тридцати-сорока футов, голова опущена, слушаю, как и многие другие прохожие, музычку, расслабляясь после рабочего дня, – хотя на самом деле мой айпод выключен (вот музыку я как раз не коллекционирую).

Еще один квартал, и парк. Я…

Стоп, что-то не так. Мигель-5465 не поворачивает к парку. Останавливается у корейского рынка, покупает букет цветов, покидает торговый ряд и направляется к безлюдному спальному району.

Пропускаю новую информацию через мозговую базу данных. Прогноз машины не сработал.

Чем вызвано изменение в поведении? Кому предназначены цветы? Любовнице? Родственнице?

И как могло случиться, черт побери, что я чего-то не знаю о личной жизни Мигеля-5465?

Информационные засоры! Как я их ненавижу!

Ну нет, это уж совсем никуда не годится. Цветы для любовницы совершенно не вяжутся с типом убийцы-самоубийцы.

А Мигель-5465 продолжает шагать по тротуару. Воздух насыщен весенними запахами свежеподстриженных газонов, сирени и собачьей мочи.

Ах вот в чем дело. Уф, от сердца отлегло.

Уборщик сворачивает в ворота кладбища.

Ну конечно, могила жены и ребенка. Все в порядке, прогноз не подкачал. Домой он все равно пойдет через парк. Просто небольшая задержка. Она даже вписывается в сценарий: последнее прощай – прости, дорогая, что я насиловал и убивал в твое отсутствие.

Иду следом на почтительном расстоянии, бесшумно ступая в мягких туфлях на резиновой подошве.

Мигель-5465, никуда не сворачивая, доходит до надгробия. Остановившись, осеняет себя крестным знамением и опускается на колени для молитвы. Потом кладет цветы рядом с четырьмя букетами, отмеченными разными стадиями увядания. Почему походы на кладбище не отражаются в Сети?

Ну конечно – он платит за цветы наличными.

Встает с колен и направляется к выходу.

Иду за ним, глубоко дыша.

И вдруг:

– Простите, сэр!

Останавливаюсь как вкопанный. Медленно оборачиваюсь. Ко мне обращается кладбищенский смотритель. Неслышно приблизился по пружинистому ковру подстриженной влажной травы. И переводит взгляд с моего лица на правую руку, которую я опускаю в карман. Он успел или не успел заметить надетую на нее желтоватую матерчатую рукавицу.

– Здрасьте, – говорю я.

– Я увидел, как вы здесь прячетесь в кустах.

Ну что ответить на это?

– Прячусь? В кустах? Я?

Взгляд кладбищенского смотрителя свидетельствует о его готовности встать на защиту своих не способных постоять за себя подопечных.

– Могу я узнать, чью могилу вы навещаете?

Имя смотрителя значится на бейджике, прицепленном к его комбинезону, но я не могу разглядеть его. Стоуни? Что это за имя такое? Я негодую. Это все из-за «них» – «тех», кто преследует меня. Из-за «них» я забываю об осторожности. Меня дезориентируют все эти помехи, информационный шум! Ненавижу «их», ненавижу «их», ненавижу…

Выдавливаю у себя на лице скорбную улыбку.

– Я друг Мигеля.

– А, вы знали Кармелу и Хуана?

– Да, знал.

Стоуни (а может, Стэнли?) раздумывает, почему я здесь, если Мигель-5465 давно ушел. Переминается с ноги на ногу. Нет, все-таки Стоуни. Рука тянется к подвешенной на поясе рации. Я не помню имена на могильных плитах. Возможно, смотритель подловил меня, и жену Мигеля зовут Роса, а сына Хосе.

Неинтересно, когда другие люди оказываются сообразительнее тебя.

Стоуни смотрит на рацию, а когда поднимает глаза, лезвие ножа уже наполовину у него в груди. Один, два, три удара. Стараюсь не попадать в грудинную кость, иначе можно палец вывихнуть, я это знаю по собственному горькому опыту. Сильно болело.

Ошеломленный смотритель проявляет неожиданную прыть. Не хватается за рану, но наваливается на меня и цепляется обеими руками за мой воротник. Я пытаюсь оторвать их, мы боремся, тянем, толкаем, исполняя танец смерти среди могил, пока его руки не отваливаются сами. Стоуни падает спиной на дорожку, извилистую полоску асфальта, ведущую к кладбищенской конторе. Его рука находит рацию, и в то же мгновение мой нож находит его шею.

Два быстрых и умелых надреза вскрывают артерию или вену, а может, ту и другую разом, и в воздух выплескивается удивительно мощный фонтан крови.

Поспешно уворачиваюсь.

– Не надо, что вы делаете? – хрипит Стоуни, зажимая рану. Поскольку его руки мне больше не мешают, проделываю ту же операцию на шее с другого бока – и не могу остановиться. Кромсаю бедного смотрителя, хотя в этом уже нет необходимости, но я взбешен, обезумел от ярости на «них», за то, что выбили меня из колеи. Вынудили воспользоваться аварийным выходом в лице Мигеля-5465. Вывели из душевного равновесия, и в результате я утратил сегодня бдительность.

Еще несколько режущих ударов ножом по горлу… Я выпрямляюсь, отступаю на шаг и с полминуты наблюдаю, как мужчина теряет сознание. Через минуту жизнь уступает место смерти.

Стою неподвижно, обессилев от этого кошмара, только хватаю ртом воздух. Плечи обвисли, чувствую себя, честно говоря, по-скотски.

Они – копы – конечно же, поймут, что это сделал я. Здесь присутствует вся необходимая информация. Убийство совершено возле могилы, где похоронены родственники работника «ССД», а после борцовского поединка с кладбищенским смотрителем я здесь, извиняюсь, так наследил, что наблюдательные детективы наверняка отыщут ниточки, тянущиеся к другим моим трансакциям. Трагикомизм ситуации в том, что у меня нет времени заметать следы.

Они догадаются, что я собирался инсценировать самоубийство Мигеля-5465 и для этого висел у него на хвосте, но кладбищенский смотритель помешал мне.

Из рации раздался трескучий голос. Кто-то вызывал на связь Стоуни. Голос звучал спокойно – обычный дежурный вызов. Но если смотритель не ответит, его очень скоро примутся разыскивать.

Я повернулся и торопливо зашагал прочь, изображая раздавленного скорбью посетителя, только что испытавшего тяжелую утрату и не ждущего от будущего ничего хорошего.

Что в общем-то довольно близко к истине.

Глава тридцатая

Новое убийство.

И никаких сомнений, что его исполнителем является «5-22».

Фамилии Райма и Селлитто значились в списке немедленного оповещения о любых случаях насильственной смерти в Нью-Йорке.

Когда позвонили из следственного отдела, уже после нескольких минут разговора выяснилось, что убийство кладбищенского смотрителя совершено вблизи могилы жены и ребенка служащего «ССД», судя по всему, человеком, следовавшим за ним.

Естественно, такое множество совпадений не случайно.

Служащий, точнее, уборщик, не входил в число подозреваемых. Он остановился поболтать с другим посетителем при выходе с кладбища, когда оба услышали вопли смотрителя.

– Понятно, – кивнул Райм. – Пуласки, готов?

– Да, сэр!

– Съезди в «ССД». Постарайся установить, где находился каждый из списка подозреваемых на протяжении последних двух часов.

– Будет исполнено.

Снова вымученная улыбка. Молодому полицейскому явно не нравился этот объект.

– А ты, Сакс…

– Я поехала на кладбище осматривать место преступления, – бросила она, уже шагая к выходу.

После того как Пуласки и Сакс ушли, Райм позвонил Родни Шарнеку в отдел компьютерных преступлений нью-йоркского управления полиции. Вкратце посвятив его в обстоятельства очередного убийства, детектив изложил свое мнение о создавшейся ситуации:

– Думаю, ему сейчас позарез нужно знать, что нам стало известно о нем. Ты не проверял нашу мышеловку?

– Проверял. Никаких попыток проникнуть в файл со стороны. Был один запрос из офиса капитана Мэллоя в Большом доме. Пользователь изучал файлы в течение двадцати минут, потом вышел из системы.

Мэллой? Райм мысленно усмехнулся. Хотя Селлитто регулярно докладывает капитану – по его же указанию – о ходе расследования, тот, очевидно, не сумел перебороть в себе натуру сыщика и самостоятельно собирает всю доступную информацию. Может даже, с намерением высказать какие-то собственные соображения и замечания. Надо бы позвонить и предупредить его о том, что эти файлы служат всего лишь приманкой и он не найдет в них ничего полезного.

Шарнек добавил:

– Я подумал, пусть смотрят, и не стал извещать вас.

– Правильно сделал.

Райм скомандовал телефону отбой, затем надолго углубился в созерцание доски с перечнем вещдоков и наконец изрек:

– Лон, у меня идея.

– Какая?

– Наш подопечный все время опережает нас на один шаг. До сих пор мы относились к нему как к обычному преступнику и действовали исходя из этого. Но «5-22» не такой, как все.

Человек всезнающий…

– Я тоже хочу попробовать кое-что особенное. И мне понадобится помощь.

– Чья?

– Сверху.

– Широкое понятие. От кого конкретно?

– От Мэллоя. И кого-нибудь в Сити-Холле.

– В Сити-Холле? Ты чего, долбанулся? Да там с тобой никто разговаривать не станет.

– Куда они денутся?..

– С какой стати?

– Потому что ты убедишь их, Лон. Нам необходимо перехватить инициативу у этого подонка. Пусть попляшет под нашу дудку.

– И что надо делать?

– Нам нужен специалист.

– В какой области?

– По компьютерам.

– У нас же есть Шарнек.

– Родни не годится для того, что я задумал.

Его буквально зарезали насмерть.

С одной стороны, профессионально, хотя и с излишней жестокостью, рассуждала Сакс. Сначала несколько расчетливых ударов в грудь, затем кровавая баня. Еще одна особенность натуры «5-22»… Подобные раны убийца оставлял и на телах других своих жертв – глубокие, нанесенные куда попало, очевидно, в состоянии, близком к невменяемому.

В принципе это было неплохо для расследования – поддаваясь эмоциям, преступники забывают об осторожности. Они «светятся» и оставляют следы чаще, чем те, что умеют держать себя в руках. Но с другой стороны, озверевший маньяк вроде «5-22» становится гораздо опаснее – Амелия Сакс имела возможность убедиться в этом на собственном опыте в бытность патрульным копом. Ему уже все равно, кого и ради чего убивать – намеченную жертву, случайных свидетелей, полицейских.

Потеряв рассудок, подобные нелюди готовы ликвидировать на месте всех, кто, как им кажется, представляет для них угрозу – или даже просто вызывает беспокойство. И к черту логику.

Галогенные лампы, установленные бригадой криминалистов, заливали расположенные поблизости могилы ярким, до рези в глазах, голубоватым светом, придавая кладбищу жуткий, потусторонний вид. Сакс осматривала труп смотрителя. Он лежал на спине; ноги расползлись в стороны, пока дергались в предсмертных судорогах. Огромная кровавая запятая растеклась рядом с телом на асфальтовой дорожке и по краешку газона Мемориальных садов Форест-Хиллс.

Свидетелей убийства отыскать не удалось, а Мигель Абрера ничего не мог сказать по существу дела. Он пережил великое потрясение, узнав, что чуть не стал жертвой убийцы и спасся лишь ценой смерти своего друга – во время частых посещений могилы жены и сына уборщик из «ССД» успел сблизиться с кладбищенским смотрителем. По пути от станции подземки у него возникло смутное ощущение, что кто-то следит за ним; он даже остановился раз у витрины магазина, надеясь по отражению вычислить уличного грабителя, но не увидел никого подозрительного и пошел себе дальше на кладбище.

Сакс, облаченная в белый комбинезон, чтобы не заносить «грязь» на место преступления, отдавала указания двум сотрудникам главного

оперативно-криминалистического отдела в Куинсе. Одному она велела все сфотографировать, другому – заснять на видеокамеру. Сама, закончив осмотр трупа, приступила к прочесыванию по сетке. Сегодня она обследовала место преступления с повышенным вниманием. Это убийство представляло особый интерес, поскольку все произошло быстро и спонтанно – смотритель явно застал «5-22» врасплох, между ними завязалась борьба, а значит, высока вероятность, что убийца оставил следы, дополняющие имеющуюся информацию о нем лично, о его жилище или профессии.

Сакс разбила участок кладбища на воображаемые квадраты и начала буквально обшаривать его фут за футом – сначала в одном направлении, потом поворот на девяносто градусов и так дальше, постепенно приближаясь к центру.

Посреди этого занятия она вдруг остановилась как вкопанная.

Звук.

Она была уверена, что слышала, как что-то негромко лязгнуло, будто осторожно передернули затвор пистолета или сработал механизм, открывающий лезвие ножа.

Сакс повертела головой по сторонам, но увидела только безлюдное сумеречное кладбище. Детектив не верила в существование призраков, и места упокоения умерших обычно производили на нее умиротворяющее, где-то даже убаюкивающее воздействие. Но сейчас она напряженно стиснула зубы, а ладони в резиновых перчатках повлажнели от пота.

Сакс повернулась обратно к трупу, и тут же поблизости вспыхнул и погас огонек. У нее сдавило грудь.

Лучик уличного фонаря пробился сквозь кусты?

Или в них прячется «5-22» и это блеснуло лезвие ножа у него в руке?

Невменяемый…

Сакс не могла избавиться от мысли, что один раз «5-22» уже попытался убить ее, чуть не спровоцировав перестрелку с федеральным агентом после операции возле дома Делеона Уильямса. Тогда ему это не удалось. А вдруг он решил довести начатое до конца?

Сакс возобновила осмотр. Она уже почти закончила сбор вещественных доказательств, когда почувствовала, как по коже поползли мурашки. Краем глаза детектив заметила какое-то шевеление за пределами освещенной зоны, но внутри периметра полицейского оцепления. Она

прищурилась, вглядываясь сквозь сияние галогенов в темноту кладбища. Что это было? Деревце качнулось под порывом ветерка? Заблудилась чья-то собака?

Отец Амелии Сакс, пожизненный коп и большой знаток правил и способов выживания на улицах большого города, сказал ей как-то: «Не бойся мертвецов, Эми, они тебя не обидят. Остерегайся тех, кто сделал их мертвецами».

Или то же самое в переложении Райма: «Дело делай, но зад прикрывай».

Сакс не верила в наличие у человека шестого чувства. Она вообще считала ерундой все эти разговоры о сверхъестественных способностях. По ее убеждению, сама природа наделила всех людей огромным потенциалом, а человеческие мироощущения и мыслительные процессы настолько сложны и могущественны, что не надо быть экстрасенсом или гением для самого тесного взаимодействия с окружающей средой и постижения истины.

И сейчас у нее не было сомнений в том, что там, в темноте, кто-то прячется.

Сакс сделала несколько шагов за обозначенную лентой границу места проведения следственных мероприятий и перевесила кобуру с «глоком» на бедро. Несколько раз похлопала ладонью по рифленой рукояти, запоминая ее расположение на случай, если понадобится быстро выхватить пистолет. Потом вернулась на «сетку», закончила поиск вещественных доказательств и быстро обернулась в ту сторону, где раньше засекла движение.

Несмотря на слепящий свет ламп, Сакс была уверена, что видит мужскую фигуру в тени, отбрасываемой зданием крематория. Неизвестный наблюдал за ней. Возможно, это работник крематория, но Сакс не собиралась попусту гадать. Положив руку на пистолет, она начала неторопливо приближаться, чтобы преждевременно не спугнуть незнакомца. Белый комбинезон, отражая свет ламп, выделялся в темноте и превращал ее в легкую мишень, но стаскивать его было уже некогда.

Пройдя футов двадцать, Сакс выхватила «глок» и, превозмогая боль в пораженных артритом суставах, бросилась напролом через кусты в сторону фигуры. Но через несколько секунд остановилась, страдальчески морщась и с досадой взирая на пандус здания крематория, где действительно стоял мужчина. Это был коп. Сакс стиснула челюсти от злости на саму себя. Как она не разглядела в его силуэте на фоне

уличного освещения за кладбищем фуражку и унылую позу полицейского, скучающего в оцеплении? Сакс окликнула его:

– Постовой! Вы не видели здесь постороннего?

– Нет, детектив Сакс, – ответил тот. – Здесь никого не было.

– Спасибо.

Сакс вернулась, окончательно завершила осмотр и уступила место дежурному судмедэксперту.

Подойдя к своей машине, она открыла багажник и принялась стягивать с себя белый комбинезон, перебрасываясь шуточками с криминалистами из окружного отдела в Куинсе. Те тоже поснимали свои комбинезоны, оставшись в форменной одежде. Один из них с озабоченным видом озирался вокруг, будто искал что-то.

– Не вчерашний ли день потерял? – усмехнулась Сакс.

Однако тому было не до шуток.

– Нет. Фуражку. Вот тут лежала.

Сакс оцепенела.

– Что?

– Фуражка пропала.

Вот черт! Сакс швырнула комбез в раскрытый багажник и побежала разыскивать сержанта из местного округа, командующего оцеплением.

– Вы ставили постового на пандус? – выпалила она, запыхавшись.

– Где? Там? Нет. А зачем? У нас к этому месту все подходы перекрыты, и потом…

«Черт подери!»

Сакс повернулась и кинулась к крематорию, выхватив на бегу пистолет и крича полицейским:

– Он там! На пандусе! Все за мной!

Она остановилась возле какого-то древнего строения из красного кирпича, заметив открытую калитку на улицу. Копы, прочесав

прилегающую территорию, не нашли никаких признаков присутствия «5-22». Сакс тем временем вышла через калитку и осмотрела улицу. Мимо сновали машины, на тротуаре собрались десятки зевак, но незнакомца и след простыл.

Сакс вернулась на пандус крематория и ничуть не удивилась, увидев там фуражку криминалиста. Она лежала под плакатом с надписью: «Оставьте гроб с покойником здесь». Сакс подняла фуражку, сунула в пакет для вещдоков, а сержанту из местного округа велела разослать копов, чтобы те разузнали у жителей близлежащих домов, не видел ли кто из них незнакомца. Сама же села в машину почти в полной уверенности, что тот уже далеко. Тягостное чувство не оставляло. Оно было вызвано, в частности, тем обстоятельством, что преступник даже не пытался бежать при ее приближении и хладнокровно разыграл самым примитивным образом.

Но по-настоящему леденило ей душу воспоминание о том, как незнакомец уверенным голосом обратился к ней по имени.

– Они согласились? – таким вопросом Райм встретил Лона Селлитто, едва тот ступил в дом, возвратившись со встречи в Сити-Холле с капитаном Мэллоем и заместителем мэра Нью-Йорка Роном Скоттом. Там лейтенант представил на рассмотрение начальства план Райма, названный им «Операция „Эксперт“».

– Не понравилось им это. Деньги надо тратить, и…

– Дерь-мо! Так, набери-ка номер того или другого.

– Стоп, стоп, стоп! Они согласились. Люди уже этим занимаются. Согласились, но со скрипом, вот что я хотел сказать.

– Вот с этого и надо было начинать. Меня не волнует, со скрипом они согласились или без.

– Джо Мэллой обещал позвонить мне, сообщить детали.

Около половины десятого вечера дверь отворилась и вошла Амелия, доставившая вещдоки с места убийства кладбищенского смотрителя.

– Он был там, – с порога выпалила Сакс.

Райм непонимающе молчал.

– «5-22»! На кладбище. Наблюдал за нами.

– Вот черт, – пробормотал Селлитто.

– Только к тому времени, как я поняла это, его и след простыл. – Она подняла перед собой пакет с полицейской фуражкой и рассказала, как «5-22» сумел провести ее.

– На кой черт ему это понадобилось? – недоуменно спросил Селлитто.

– Информация, – негромко произнес Райм. – Чем больше он знает, тем увереннее себя чувствует, мы же становимся уязвимее.

– Свидетели есть? – опять задал вопрос Селлитто.

– Копы из местного округа искали по домам и на улице. Никто ничего не видел.

– Он знает про нас все. А у нас на него – ноль.

Сакс раскрыла коробку, и Райм внимательно осмотрел вещдоки в прозрачных пакетах, переводя взгляд с одного на другой.

– Они боролись. Возможно, остались хорошие следы.

– Будем надеяться.

– Я допросила Абреру, уборщика из «ССД». По его словам, в последние месяцы происходили странные вещи – то врали табели рабочего времени, то на его банковском счету откуда ни возьмись появлялись огромные вклады.

– Синдром Йоргенсена? – предположил Купер. – Мошенничество под чужим именем?

– Нет, тут другое, – не согласился Райм. – Держу пари, «5-22» планировал подставить его. Вероятно, хотел инсценировать самоубийство. И записочку предсмертную скорее всего заготовил. Говоришь, могила жены и ребенка?

– Да.

– Ну конечно. У человека горе. Решает покончить с собой. В предсмертной записке признается в убийствах. Мы закрываем дело. Но реализацию плана срывает кладбищенский смотритель. И теперь «5-22» остался в лодке без весел. Трюк с самоубийством повторить не удастся, мы о нем знаем. Ему надо придумать что-нибудь новенькое – но что?

Купер уже взялся за изучение вещдоков.

– На фуражке ни волосинки, ни отпечатков – ничего! Зато знаете чего тут хоть отбавляй? Липкого вещества с ленты или ролика для сбора собачьей шерсти.

– Ну правильно, ими он и убрал все следы, прежде чем бросить фуражку, – с кислой миной заметил Райм, больше не удивляясь ничему в действиях «5-22».

Купер продолжал:

– С другого места – возле могилы – подобрано волокно, идентичное веревке из предыдущего преступления.

– Отлично. Что на ней?

Купер приготовил образец и протестировал его. Вскоре результат анализа был готов.

– Значит, так, два компонента. Самый распространенный – нафталин в виде инертных кристаллов.

– Бытовой, от моли, – заметил Райм.

Нафталин фигурировал в давнишнем деле в качестве орудия убийства путем отравления.

– Но он должен быть очень старый.

Райм объяснил далее, что от нафталина как средства предохранения одежды и тканей от моли практически отказались много лет назад в пользу менее опасных для человека веществ.

– А кроме того, – добавил криминалист, – он ввезен из-за границы. Во многих странах не на всех потребительских товарах и продуктах ставят коды безопасности.

– И второй компонент. – Купер ткнул пальцем в экран монитора. Обнаруженное им вещество было обозначено формулой $Na (C_6H_{11}NHSO_2O)$. – Оно связано с лецитином, воском карнаубы – бразильской восковой пальмы и цитрусовой кислотой.

– Это еще что за чертовщина? – проворчал Райм.

После консультации с очередной базой данной выяснилось, что вещество называется «цикламат натрия».

– О, я знаю, – обрадовался Райм. – Искусственный подсластитель, правильно?

– Точно, – подтвердил Купер, читая с экрана. – Запрещен управлением по санитарному надзору тридцать лет назад. Запрет все еще оспаривается, но с семидесятых годов это вещество не используется в производстве пищевых продуктов.

Глаза Райма заскользили по списку вещдоков, и с каждым новым пунктом на лице у него отражался очередной виток напряженной работы мысли.

– Старый картон. Первобытная плесень. Пересохший табак. Кукольный волос. Плюс ископаемый подсластитель? И вдобавок доисторический нафталин? Что все это значит, черт возьми? Может, он живет возле антикварного магазина? Или над ним?

Детективы продолжали анализировать: едва заметные следы полуторного сульфида фосфора, основного компонента головки спичек; снова пыль, образовавшаяся после разрушения Всемирного торгового центра; частицы листвы диффенбахии, распространенного домашнего растения, известного также под названием «леопардовая лилия».

Были найдены также волокна желтой бумаги, возможно, от двух разных блокнотов, судя по небольшому отличию в цвете красителя (слишком незначительному, чтобы определить по нему происхождение бумаги). И вновь острое на вкус вещество, подобное найденному Раймом на лезвии ножа – орудии убийства нумизмата. На этот раз его количества было достаточно, чтобы визуально рассмотреть частицы и провести их анализ.

– Кайенский перец, – подытожил Купер.

Селлитто пробормотал:

– Раньше это означало бы, что убийцу следует искать в районе, населенном латинами. А теперь сальсу и острый соус можно приобрести в любом магазине – от «Хоул-фудс» до «Севен-илевен».

Последней зацепкой стал след от подошвы на земле из свежевырытой могилы вблизи места убийства. Сакс решила, что его оставил «5-22», убегая к выходу с кладбища, – об этом свидетельствовало расположение следа.

Сравнив электростатический рисунок с базой данный обувных торговых марок, детективы выяснили, что «5-22» предпочитает поношенные «Скетчерсы» одиннадцатого размера – модель практичная, но не

слишком стильная, предназначенная в основном для рабочих, занятых физическим трудом, и любителей активного отдыха на природе.

Пока Сакс отвечала на телефонный звонок, Райм диктовал Тому новые данные, а тот вносил их в перечень улик. По завершении Райм окинул взором полученный результат – список значительно вырос по сравнению с начальным, однако, по сути, так и не приблизил их к разгадке личности убийцы.

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОСТИ НЕИЗВЕСТНОГО «5-22»

• Мужчина.

• Предположительно курит либо живет/работает по соседству с курильщиком или с местом, где есть табачные изделия.

• Имеет детей либо живет/работает по соседству с ними или с местом, где есть игрушки.

• Интересуется искусством, нумизматикой?

• Предположительно белый либо светлокожий цветной.

• Нормального телосложения.

• Физически сильный – способен задушить жертву.

• Имеет доступ к устройству, маскирующему голос в микрофоне.

• Вероятно, знаком с компьютерами; пользуется сайтом OurWorld + другими социально-сетевыми сайтами?

• Отрезает от жертв «сувениры» на память. Садист?

• Часть жилого/рабочего помещения темная и сырая.

• Живет в центре Манхэттена или неподалеку от него?

• Ест чипсы/острые приправы.

• Живет возле антикварного магазина?

• Носит рабочие ботинки «Скетчерс» 11-го размера.

НЕСФАБРИКОВАННЫЕ ВЕЩДОКИ

• Частицы старого картона.

• Кукольный волос из нейлона 6, BASF-B35.

• Табак от сигареты марки «Тейритон».

• Старый табак, марка сигарет не идентифицирована, но не «Тейритон».

• Следы плесени Stachybotrys Chartarum.

• Пыль с руин Всемирного торгового центра; возможно, указывает на то, что живет или работает в центральной части Манхэттена.

• Крошка чипсов, следы острого соуса (в составе которого кайенский перец).

• Веревочные волокна со следами:

• цикламатовой диетической соды (с истекшим сроком годности или иностранного производства);

• нафталина, средства от моли (истек срок годности или иностранного производства).

• Частицы листьев леопардовой лилии (комнатное растение).

• Волокна бумаги от двух разных блокнотов желтого цвета.

• Отпечаток торговой марки с подошвы рабочих ботинок «Скетчерс» 11-го размера.

Глава тридцать первая

После безрезультатных попыток дозвониться до Эндрю Стерлинга Пуласки наконец удалось связаться с Марком Уиткомом. Тот согласился встретиться с полицейским и передать ему сегодняшние табели рабочего времени для выяснения того, кто из подозреваемых отсутствовал на рабочем месте во время убийства кладбищенского смотрителя.

– Спасибо, что согласились помочь мне, Марк.

Уитком, заместитель начальника исполнительно-правового отдела «ССД», любезно улыбнулся. Он, наверное, по-настоящему любит свое дело, подумал Пуласки, раз в такое позднее время – уже перевалило за половину десятого – все еще торчит в офисе. И тут же сообразил, что и сам тоже продолжает торчать на службе.

– Опять убийство? И убийца прежний?

– У нас практически нет сомнений.

Молодой человек помрачнел.

– Мне очень жаль. О Боже. Когда?

– Около трех часов назад.

Уитком беседовал с Пуласки в своем кабинете, где было намного уютнее, чем у Стерлинга. И хотя здесь наблюдался определенный беспорядок, но атмосфера от этого становилась только комфортнее. Уитком отложил в сторону блокнот со своими записями и указал Пуласки на стул. Тот сел, обратив внимание на семейные фотографии на рабочем столе, несколько картин на стенах среди дипломов и сертификатов, подтверждающих высокую профессиональную квалификацию хозяина кабинета. Еще до того, как войти, Пуласки машинально взглянул направо и налево и крайне обрадовался, не увидев в коридоре своих мучителей – Кассела и Гиллеспи.

– А это, наверное, ваша жена?

– Сестра.

Уитком опять улыбнулся, но по лицу пробежала тень. Пуласки и раньше доводилось наблюдать подобное выражение – признак того, что тема связана с каким-то печальным событием. Может, она умерла?

Оказалось, что дело не в сестре.

– Я разведен. Работа здесь отнимает слишком много времени. Не хватает на семейную жизнь.

Уитком сделал широкий жест рукой, обозначающий, очевидно, что «ССД» занимает все его помыслы.

– Но работа важная. Реально важная.

– Не сомневаюсь.

– Я к вашему приходу приготовил кофе.

Пуласки только сейчас заметил на столе Уиткома серебряный поднос с кофейником и двумя фарфоровыми чашками.

– Помнится, в прошлый раз мой кофе вам понравился.

– Спасибо.

Уитком по очереди наполнил обе чашки из кофеварки.

Пуласки отпил глоток. Хороший кофе. Молодой полицейский испытывал большое пристрастие к этому напитку. Он не мог дождаться дня, когда их семейный бюджет позволит ему купить капуччино-мейкер.

– Вы каждый день работаете допоздна?

– Не каждый, но довольно часто. Во всех сферах бизнеса законодательство устанавливает строгие правила, но в информационном основная сложность заключается в том, что люди иногда не понимают, чего хотят. К примеру, штаты могут получать в свой бюджет хорошие деньги от продажи информации с водительских удостоверений. Граждане некоторых штатов категорически воспротивились этой практике, и ее запретили. В других штатах мы продолжаем работать без всяких проблем. В отдельных регионах дейта-майнинговые компании должны извещать своих клиентов, если их информацию, независимо от ее характера, похитили проникшие в систему хакеры. Но в некоторых штатах такой порядок касается только финансовых сведений. А есть места, где вы вообще не обязаны сообщать клиентам о краже данных. В общем, бардак. Но нам приходится учитывать все особенности местного законодательства.

Когда речь зашла о незаконном проникновении в систему, Пуласки начал чувствовать угрызения совести по поводу кражи данных из свободной памяти системы «ССД». Это Уитком в тот раз усадил его за компьютер и вообще занимался им, исполняя обязанности принимающей стороны. Если Стерлинг обо всем узнает, Уиткому, наверное, не поздоровится.

– Вот вам, пожалуйста, табели рабочего времени. – Уитком передал Пуласки двадцать листов с фамилиями и столбиками цифр, соответствующих часам и минутам.

Полицейский первым делом проверил служащих «ССД», значившихся в списке подозреваемых. Он заметил, что Мигель Абрера ушел с работы чуть позже пяти часов. И тут у него ёкнуло сердце при виде строки с фамилией «Стерлинг»: в документе значилось, что генеральный управляющий покинул здание секундами позже Абреры, как будто следовал за ним по пятам. Однако через мгновение Пуласки понял, что ошибся: вслед за уборщиком вышел Эндрю Стерлинг-младший, а отец опередил его почти на час, отправясь предположительно на деловую встречу, переходящую в ужин; вернулся он, кстати, лишь тридцать минут назад.

И вновь молодой полицейский подосадовал на себя за то, что не прочитал табель внимательно. А ведь он уже хотел немедленно звонить Линкольну Райму, чтобы доложить о своей многообещающей находке. И в результате только опозорился бы в очередной раз. «Включай голову», – в сердцах приказал себе Пуласки.

Что касается других подозреваемых, то Фарук Мамеда, комплексующий ночной техник, во время убийства находился в здании «ССД». Начальник отдела обработки информации Уэйн Гиллеспи вышел на полчаса раньше Абреры, однако в шесть вернулся к себе в кабинет и покинул здание лишь через несколько часов. Пуласки, испытывая по отношению к нему мстительное чувство, даже огорчился, что его обидчик оказался вне подозрений. Все остальные покинули здание достаточно рано, чтобы следовать за Аберерой до кладбища либо перехватить его где-нибудь в пути. Вообще, как обратил внимание Пуласки, большинство подозреваемых проводили много времени за пределами своих кабинетов. Шон Кассел, к примеру, отсутствовал почти всю вторую половину дня, однако вновь объявился – полчаса назад.

– Ну как, есть что-нибудь интересное? – осведомился Уитком.

– Есть кое-что. Можно мне оставить это у себя?

– Да, пожалуйста.

– Спасибо.

Пуласки сложил листы и засунул в карман.

– Да, я разговаривал со своим братом. Он собирается приехать в Нью-Йорк в следующем месяце. Возможно, я ошибаюсь, но мне показалось, вам было бы любопытно познакомиться с ним. Можете захватить и своего брата, будете рассказывать друг другу полицейские байки.

Уитком смущенно улыбнулся, будто сморозил глупость, отчего Пуласки захотелось тут же заверить его, что нет, это вовсе не глупость, копы как раз обожают слушать истории друг про друга.

– Ну естественно, если к тому времени вы закроете это дело. Что скажете?

– Закрыто.

– Что? А, ну да, как в том сериале, «Закрывающий»... Только закрыто ли? Вам ведь, наверное, нельзя распивать пиво с подозреваемым?

– Для вас закрыто, Марк. Какой же вы подозреваемый! – сказал Пуласки, едва удержавшись, чтобы не рассмеяться. – Но вообще-то – да, лучше обождать. Кстати, спрошу у брата, сможет ли он тоже подъехать.

– Марк, – негромко произнес кто-то у них за спиной.

Пуласки обернулся и увидел Эндрю Стерлинга в черных брюках и белой сорочке с закатанными рукавами. Эндрю любезно улыбался.

– Господин полицейский. А вы к нам зачастили. Уж не пора ли мне зачислить вас в штат?

Ответная застенчивая улыбка.

– Я звонил вам, но телефон переключился на голосовую почту.

– Вот как?

Генеральный управляющий недоуменно сдвинул брови, но затем его зеленые глаза прояснились.

– Все правильно. Мартин сегодня ушел раньше. Чем можем быть вам полезны?

Пуласки хотел было объяснить насчет табелей рабочего времени, но Уитком опередил его:

– Рон приехал сообщить о новом убийстве.

– Не может быть! Неужели все тот же убийца?

Пуласки понял, что совершил ошибку, действуя через голову Эндрю Стерлинга. Очередная глупость. Не то чтобы он подозревал генерального управляющего или пытался скрыть от него что-то – просто хотел получить информацию как можно быстрее. А еще, если признаться, его вовсе не радовала перспектива пообщаться с Касселом или Гиллеспи, вполне вероятная, если бы он запрашивал табели по инстанциям.

И только теперь молодой полицейский осознал, что приобретение сведений об «ССД» из источника иного, чем Эндрю Стерлинг, есть великий грех, если не сказать больше – преступление.

Ему казалось, генеральный управляющий видит его насквозь.

– Мы думаем, да, – ответил Пуласки на вопрос. – Его жертвой, похоже, должен был стать работник «ССД», но по чистой случайности погиб посторонний человек.

– Кого вы имели в виду?

– Мигеля Абреру.

Стерлинг немедленно вспомнил уборщика.

– Да, из хозяйственно-технической службы. Он не пострадал?

– Нет. Понервничал немножко, а в остальном все в порядке.

– Почему напали именно на него? Думаете, он что-то знает?

– Не могу ничего сказать, – ответил Пуласки.

– Когда это случилось?

– Между шестью и половиной седьмого вечера.

Возле уголков глаз генерального управляющего собрались едва видимые морщинки.

– Я знаю, что делать. Вам надо свериться с табелями рабочего времени всех сотрудников из вашего списка. Тогда круг подозреваемых сразу сузится за счет тех, кто имеет алиби.

– Я…

– Я позабочусь об этом, Эндрю, – поспешно вызвался Уитком, садясь за компьютер. – Запрошу базу данных отдела кадров. – И добавил, обращаясь к Пуласки: – Подождите, это недолго.

– Хорошо, – согласился Стерлинг. – Сообщите мне о результатах.

– Да, Эндрю.

Генеральный управляющий подошел вплотную к Пуласки, твердо пожал ему руку и сказал, глядя прямо в глаза:

– Доброй ночи, господин полицейский.

Когда он ушел, Пуласки произнес виноватым тоном:

– Спасибо. Мне надо было спросить разрешения мистера Стерлинга.

– Да, надо было. Я полагал, вы так и сделали. Эндрю очень не любит, когда в его компании что-нибудь происходит у него за спиной. Любая информация, даже плохие новости, доставляет ему истинное счастье. Вы знаете Эндрю Стерлинга как человека рассудительного. Но вам ничего

не известно об эмоциональных особенностях его характера. А они существуют, поверьте.

– Надеюсь, у вас не будет неприятностей?

Короткий смешок.

– Нет, если он не узнает, что я передал вам табели за час *до того,* как получил от него указание.

Шагая вместе с Уиткомом к лифту, Пуласки обернулся. В дальнем конце коридора Эндрю Стерлинг и Шон Кассел говорили о чем-то, опустив головы. Директор отдела продаж согласно кивал. У Пуласки дрогнуло сердце. Стерлинг удалился. Кассел, протирая очки черным плакатом, повернулся вслед молодому полицейскому, в упор взглянул на него и приветственно улыбнулся, будто бы ничуть не удивился, увидев его тут.

Лифт мелодично звякнул, возвестив о своем прибытии, и Уитком жестом пропустил Пуласки вперед.

* * *

Позвонив в лабораторию Райма, Пуласки доложил, что получил в «ССД» данные о том, где находились в интересующее их время подозреваемые. Сакс переписала их на доску.

Только двое оставались на рабочем месте во время убийства кладбищенского смотрителя – Мамеда и Гиллеспи.

– Значит, убийцей может быть любой из оставшейся полдюжины, – задумчиво произнес Райм.

– Здание «ССД» практически обезлюдело, – заметил Пуласки. – Очень немногие работают в ночную смену.

– В этом нет необходимости, – ответила ему Сакс. – Всю работу выполняют компьютеры.

Райм велел Пуласки отправляться домой к семье, а сам уперся затылком в подголовник и еще раз перечитал список подозреваемых.

Эндрю Стерлинг, президент, генеральный управляющий.

Алиби – на Лонг-Айленде, проверено. Подтверждено сыном.

Шон Кассел, начальник отдела продаж и маркетинга.

Нет алиби.

Уэйн Гиллеспи, начальник отдела обработки информации.

Нет алиби.

Алиби на убийство смотрителя (в офисе, согласно рабочему табелю).

Сэмюэл Броктон, начальник исполнительно-правового отдела.

Алиби – администрация отеля подтвердила его присутствие в Вашингтоне.

Питер Арлонзо-Кемпер, начальник отдела кадров.

Алиби – с женой, она подтвердила – выгораживает мужа?

Стивен Шрейдер, менеджер отдела ремонта и технического обслуживания, дневная смена.

Алиби – в офисе, согласно табелю рабочего времени.

Фарук Мамеда, менеджер отдела ремонта и технического обслуживания, ночная смена.

Нет алиби.

Алиби на убийство смотрителя (в офисе, в соответствии с табелем рабочего времени).

Клиенты «ССД» (?)

Ожидаем список из отдела компьютерных преступлений.

Неизвестный наемник Эндрю Стерлинга (?)

Но был ли вообще «5-22» одним из них? Райм снова и снова задавал себе этот вопрос. Он вспомнил о концепции информационного шума в дейта-майнинге, про которую ему рассказала Сакс. Не являлись ли эти фамилии просто шумом, отвлекающим их от поисков настоящего преступника?

Райм лихо прокатился по кругу на своем «TDX-тотальном драйве» и опять остановился перед пластиковыми досками. Что-то не давало ему покоя. Но что?

– Линкольн…

– Тсс…

Кажется, он читал или слышал об этом. Или нет – давнишнее расследование? Вертится в памяти. Черт, терпения не хватает! Вот так иногда ухо зачешется – спасу нет.

Райм чувствовал на себе неотрывный взгляд Купера. Это тоже раздражало. Он закрыл глаза.

Щас-щас…

– Вспомнил!

– Что вспомнил?

Очевидно, он произносил мысли вслух.

– Кажется, я понял. Том, ты следишь за поп-культурой?

– Господи, это еще что такое?

– Ну, читаешь газеты, журналы? Рекламные объявления? Я хочу знать, сигареты «Тейритон» еще изготавливают?

– Откуда мне знать? Не курю и не курил никогда.

– «Я лучше подерусь, чем откажусь», – объявил Лон Селлитто.

– Что?

– В шестидесятых была такая реклама. Мужики с синяком под глазом.

– Не припоминаю.

– Мой отец курил эту марку.

– А сейчас их делают, я спрашиваю?

– Не знаю. Не видать их что-то.

– Вот именно. И вторая марка табака в вещдоках тоже старая. Значит, независимо от того, курит он или нет, логично предположить, что у него есть хобби – коллекционирование сигарет.

– Сигарет? Кому нужно такое хобби?

– Ну, не только сигарет. Искусственный заменитель сахара, снятый с производства. Возможно, бутылки, банки. А еще нафталин, спички,

кукольные волосы. Добавьте сюда же плесень Stachybotrys Chartarum, пыль от Всемирного торгового центра. Вряд ли «5-22» обитает в центре Нью-Йорка. Думаю, он просто годами не занимался уборкой у себя в хлеву. – Угрюмая усмешка. – А совсем недавно мы узнали про другую его коллекцию. Информация! «5-22» одержим собирательством. Таких еще называют барахольщиками.

– Как?

– Он собирает всякое барахло. И никогда ничего не выбрасывает. Вот почему среди вещдоков куча старья.

– Да, кажется, я слышал что-то похожее, – заметил Селлитто. – Это как болезнь. Резко цепляет.

Райму однажды довелось обследовать жилище одного такого патологического барахольщика. Он погиб под рухнувшим на него штабелем из книг – то есть не сразу, а через два дня в реанимации от несовместимых с жизнью повреждений внутренних органов. Райм, рассказывая присутствующим об этом случае, назвал причину смерти «нелепой». Он не изучал глубоко все аспекты этого болезненного отклонения в поведении человека, но знал, что в нью-йоркском управлении полиции создана специальная группа из оперативных и медицинских работников, призванная оказывать терапевтическую помощь подобным «коллекционерам» и защищать соседей от опасных проявлений их неадекватного поведения.

– Давайте-ка проконсультируемся с нашим штатным психологом.

– С Терри Добинсом?

– Может, он знает кого-нибудь из спецгруппы по барахольщикам. Пусть проверит этот контингент. И скажите ему, чтобы сюда подъехал.

– Сейчас? – переспросил Купер, – Уже начало одиннадцатого.

Райм даже не стал произносить вслух очевидное: раз мы бодрствуем, почему кто-то должен спать? Его красноречивый взгляд сказал это за него.

Глава тридцать вторая

У Линкольна Райма открылось второе дыхание.

Том опять приготовил закуски, и хотя Райм обычно был довольно равнодушен к еде, сегодня получил большое удовольствие от клубных сандвичей с куриным мясом и хлебом домашней выпечки.

– По рецепту Джеймса Бирда, – гордо объявил помощник, однако эту ссылку на заслуженного кулинара и автора поваренных книг Райм пропустил мимо ушей.

Селлитто разом умял целый сандвич и прихватил с собой еще один, отправляясь домой.

– Даже вкуснее, чем с тунцом, – вынес он вердикт. Мел Купер попросил у Тома рецепт для своей Греты.

Сакс сидела за компьютером и рассылала электронные письма. Райм собрался было спросить, чем она занимается, но его остановил звонок в дверь.

Через мгновение в сопровождении Тома в лабораторию вошел Терри Добинс, специалист нью-йоркского управления полиции в области теории и практики человеческого поведения. Райм знал его не первый год – тот немного облысел и раздался в талии со времени их знакомства после несчастного случая, сделавшего криминалиста инвалидом. Добинс тогда часами сидел подле него, помогая преодолеть психологический шок. Но взгляд добрых и понимающих глаз остался прежним, и улыбка все та же – дружеская, умиротворяющая. Райм не придавал особого значения описанию личности преступника в ходе разоблачения оного, ставя криминалистику превыше всего. Однако он признавал, что Добинс время от времени снабжал его неожиданными и очень полезными характеристиками фигурантов дела, расследованием которого занимался криминалист.

Полицейский психолог поздоровался с присутствующими, принял от Тома чашку кофе и отказался от еды. Потом расположился на стуле рядом с инвалидным креслом Райма.

– Интересное предположение насчет собирательства. Думаю, ты прав. Во-первых, чтобы ты знал, я связался с парнями из спецгруппы, и они проверили всех известных им барахольщиков в городе. Их не так уж много, и, вероятнее всего, ни один не является вашим подозреваемым. Я сразу отсеял женщин, поскольку, ты говорил, было изнасилование. Среди мужчин большинство старики или развалины. Только двое соответствуют функциональной характеристике преступника, один живет на Стэтн-Айленде, второй в Бронксе; оба имеют алиби на время совершения воскресного убийства, подтвержденное социальными работниками и родственниками.

Райма это не удивило – «5-22» слишком умен, чтобы не замести свои следы. Но так как криминалист все-таки надеялся хотя бы на небольшую зацепку, очередной тупик заставил его погрузиться в угрюмое молчание.

Добинс невольно улыбнулся. Давным-давно его занимало это проявление характера Райма. Тому всегда было нелегко выражать гнев или недовольство, если проблема касалась его лично. Зато в профессиональных делах запросто выплескивал эмоции.

– Однако позволь мне высказать ряд соображений по поводу проводимого тобой расследования. Кто такие барахольщики? В действительности они страдают патологической одержимостью на почве психического расстройства – сильной формой невроза навязчивых состояний (ННС). Знаешь, люди, попадая в конфликтную ситуацию, испытывая стресс, принимаются пересчитывать все и вся или, бывает, моют руки, чтобы сбросить напряжение. Эти симптомы, как и собирательство, также являются проявлениями ННС. Вместо того чтобы решать возникшую проблему, легче сосредоточиться на собственном поведении.

Далее, сами по себе барахольщики, как правило, не наносят вреда окружающим. Правда, из-за них может возникнуть угроза для здоровья – в форме инфекций, переносимых животными и насекомыми, отравления плесенью, а также возгорания, – но в основном они хотят только одного – чтобы их оставили в покое. Будь у них возможность, они бы вообще никуда не выходили и не расставались со своими коллекциями.

Но ваш клиент представляет собой явное исключение в данной категории. Редкое сочетание патологической одержимости и самовлюбленной, антисоциальной личности. Если ему что-то приглянулось, это *обязательно* должно очутиться у него в коллекции, будь то редкие монеты, картина или женщина как объект вожделения. Его болезненная одержимость уже не безобидна. Он не остановится перед убийством ради обретения желанной вещи или чувственного ощущения на память, а также в случае необходимости защиты своей коллекции. Я даже осмелюсь предположить, что, убивая, он испытывает чувство умиротворения. Живые люди выводят его из душевного равновесия. От них только и жди обмана или предательства, а вот бессловесные предметы – газеты, сигарные коробки, леденцы и даже трупы – никогда тебе не солгут и не изменят. Лежат себе в темных закутках и хлеба не просят… Полагаю, вас не интересуют факторы, влияющие на формирование патологии в детстве?

– Вообще-то нет, Терри, – ответила Сакс, с улыбкой глянув на Райма, только молча качнувшего головой.

– Тогда, во-первых, ему требуется жизненное пространство. Просто огромная жилплощадь. А при нынешних ценах на недвижимость он должен быть либо очень богатым, либо очень изобретательным.

Типичный барахольщик живет в больших особняках старой постройки или в современных таунхаусах. Причем никогда не арендует свое жилье. Ему ненавистна даже мысль о домовладельце, обладающем правом вторгнуться в святая святых. В его доме окна закрашены черной краской или заклеены наглухо – он не обретет покоя, если не отгородится от внешнего мира.

– Дом на сколько примерно комнат? – задала вопрос Сакс.

– Анфилады и анфилады.

– Некоторые эсэсдэшники должны иметь на это деньги, – рассудил Райм. – И прежде всего высокое начальство.

– Далее, ваш подозреваемый проявляет высокую активность, а значит, вынужден вести двойной образ жизни. Условно назовем одну половину «тайной» жизнью, вторую «показной». Ему приходится существовать в реальном мире, чтобы пополнять и обслуживать свою коллекцию. Следовательно, он маскируется под нормального гражданина. Возможно, для этого у него имеется второй дом или именно часть единственного большого отведена под вторую жизнь. Он, конечно, может предпочесть жить в этой секретной половине среди своих сокровищ, но тогда посторонние неизбежно начнут обращать внимание и недоумевать, задавать вопросы. Так что все равно должно быть какое-то жилое пространство, общепринятое для человека его социально-экономического положения. Если помещения разные, то они наверняка сообщаются или расположены поблизости. Скорее всего под жилье отведен первый этаж, а наверху или в подвале он и содержит свою коллекцию.

Теперь что касается личности. Его «показная» половина являет собой почти полную противоположность тому, что он есть на самом деле. Скажем, настоящий «5-22» – подлый и мелочный. Тогда на публике он спокойный, сдержанный, незлобивый, вежливый.

– Он мог бы оказаться крупным бизнесменом?

– Запросто. И сыграл бы эту роль очень, очень правдиво. Он вынужден быть хорошим актером, переступая через себя, ненавидя весь мир. Иначе его сокровищнице будет угрожать опасность, а это для него совершенно неприемлемо.

Добинс ознакомился с представленным на доске описанием преступника.

– Вижу, вы предполагаете присутствие детей? Я в этом сильно сомневаюсь. Просто у него в коллекции есть игрушки. И это тоже связано с его детством. А кроме того, осмелюсь почти со стопроцентной уверенностью утверждать, что он холостяк. Было бы странно встретить среди барахольщиков женатого мужчину. Они слишком одержимы собирательством, чтобы жертвовать своим временем и жизненным пространством ради другого человека. К тому же трудно сыскать женщину, настолько преданную подобному типу, чтобы жить с ним посреди свалки.

Так, теперь насчет сигарет и спичек. Он, конечно, собирает сигареты и спичечные коробки, но вряд ли курит сам. Барахольщики, как правило, окружены штабелями газет, журналов и прочими легко возгорающимися предметами. Ваш клиент, конечно, сумасшедший, но не дурак. Он не станет рисковать своей коллекцией, балуясь с огнем. Или раскрывать свою тайную жизнь перед пожарной командой. У него, вероятнее всего, нет особого интереса к нумизматике и живописи. Страсть к собирательству заставила его присвоить чужие монеты и картину, вместо которых могло быть что угодно.

– И все же, он может жить вблизи антикварного магазина?

Добинс рассмеялся:

– Его жилище само выглядит как антикварный магазин – только без покупателей, естественно… Ну вот, пожалуй, и все, что я могу сказать. Добавлю лишь, что этот тип очень опасен. Насколько я понял, вы уже несколько раз становились у него поперек дороги. Теперь он ненавидит вас и готов не задумываясь убить любого, кто посягнет на его сокровищницу. И я не преувеличиваю, поверьте.

Детективы поблагодарили полицейского психолога. Он пожелал им удачи и отправился домой. Сакс обновила описание преступника в соответствии с высказанными им соображениями.

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОСТИ НЕИЗВЕСТНОГО «5-22»

• Мужчина.

• Вероятно, не курит.

• Вероятно, не женат, не имеет детей.

• Предположительно белый либо светлокожий цветной.

• Нормального телосложения.

• Физически сильный – способен задушить жертву.

• Имеет доступ к устройству, маскирующему голос в микрофоне.

• Вероятно, знаком с компьютерами; пользуется сайтом OurWorld + другими социально-сетевыми сайтами?

• Отрезает от жертв «сувениры» и хранит их. Садист?

• Часть жилого/рабочего помещения темная и сырая.

• Ест чипсы/острые приправы.

• Носит рабочие ботинки «Скетчерс» 11-го размера.

• Барахольщик, страдает патологической одержимостью.

• Придерживается двойного образа жизни.

• Под внешней порядочностью скрывается подлая натура.

• Жилище: неарендованное, разделено на две половины – обычную и секретную.

• Окна завешаны или закрашены.

• Применит насилие, защищая свою коллекцию от посягательства.

– Есть что-нибудь ценное? – спросил Купер.

Райм лишь неопределенно пожал плечами.

– Ты что думаешь, Сакс? Может это быть кто-нибудь из твоих новых знакомых в «ССД»?

Она тоже пожала плечами.

– Я бы сказала, Гиллеспи подходит больше всего. Мне он показался просто ненормальным. Зато Кассел самый скользкий и отличается показушным поведением. Арлонзо-Кемпер женат, что, если верить Терри, снимает его с дистанции. С техническими менеджерами я не общалась, надо спрашивать Рона.

С мелодичной трелью на экране возник номер телефона входящего звонка. Это был Лон Селлитто; он уже вернулся домой, но, очевидно, продолжал работать над планом «Операции „Эксперт“», составленным Раймом при его содействии.

– Команда, ответить… Лон, как дела?

– Все в порядке, Линк.

– Что нового?

– Смотри выпуск новостей в одиннадцать часов. Все узнаешь. А я ложусь спать.

Райм отдал телефону команду «отбой» и включил телевизор, стоящий в углу лаборатории.

Мел Купер пожелал Райму и Сакс спокойной ночи и уже начал собирать свой чемоданчик, когда компьютер издал призывный сигнал. Эксперт взглянул на экран.

– Амелия, тебе пришло сообщение по электронной почте.

Сакс подошла и села перед компьютером.

Райм спросил:

– Это о Гордоне, от полиции штата Колорадо?

Сакс молча читала длинный текст, и чем дальше, тем выше ползли вверх ее брови. Она запустила пальцы в свои длинные рыжие волосы, завязанные в хвост на затылке, и впилась ногтями в кожу.

– Ну что?

– Мне надо отъехать, – сказала Сакс, быстро вставая.

– Сакс! Что случилось?

– К делу не относится. Если понадоблюсь, позвони.

С этими словами она скрылась за дверью, оставив после себя загадочную дымку недоговоренности вместе с едва уловимым ароматом полюбившегося ей в последнее время лавандового мыла.

Расследование по делу «5-22» продвигалось быстро.

Однако жизнь всегда подбрасывает копам неожиданные головоломки, их приходится решать «без отрыва от службы».

И недаром Сакс стояла сейчас в нерешительности перед аккуратным бруклинским особнячком неподалеку от своего дома. Наступила чудная ночь. Амелию овевал легкий ветерок, насыщенный запахами цветущей сирени и прошлогодней прелой листвы. Куда приятнее сейчас было бы просто присесть тут же на бордюр или дверной приступок вместо того, чтобы заниматься тем, что ей предстояло.

Что она *должна* сделать.

«Господи, ну до чего же мне гадко!»

В дверях появилась Пам Уиллоуби – в спортивном костюме, с конским хвостом на затылке. Она что-то говорила на прощание своей ровеснице, другой приемной дочери хозяев дома. На их лицах застыло одновременно заговорщицкое и невинное выражение, присущее всем девочкам-подросткам. Тут же восторженно скакали две собаки – Джексон, крошечный гаванес Памелы, и огромный, но не менее подвижный бриар по кличке Космический Ковбой, которого ее опекуны держали у себя в доме.

Детектив Сакс и прежде заезжала сюда за Пам, чтобы отправиться вместе в кино, кафе «Старбакс» или просто побаловать себя мороженым. Лицо девочки неизменно расцветало в улыбке при виде Амелии.

Но не сегодня.

Сакс прислонилась к нагретому капоту машины. Пам взяла на руки Джексона и подошла к ней, а вторая девочка, приветственно махнув рукой Амелии, вернулась в дом вместе с Космическим Ковбоем.

– Извини, что так поздно.

– Ничего. – Голос девочки звучал настороженно.

– Как домашняя работа?

– Домашняя работа есть домашняя работа. Что-то хорошо, что-то плохо.

В точности как минувший день у Сакс.

Она потрепала по голове собачку, которую Пам крепко прижимала к груди – так же, как иной раз и свои вещи. Девочка всегда отклоняла предложения помочь ей поднести школьную или хозяйственную сумку. Как догадывалась Сакс, она инстинктивно не желала расставаться с тем, что имеет; слишком часто ее лишали в прошлом.

– Ну, так в чем дело?

Сакс не сумела придумать деликатного предисловия и сказала напрямик:

– Я говорила с твоим приятелем.

– С каким приятелем? – не поняла Пам.

– Со Стюартом.

– Ты говорила со Стюартом?!

Листья дерева гинкго в свете уличного фонаря отбрасывали рябую тень на встревоженное лицо Пам.

– Я должна была это сделать.

– Ничего подобного!

– Пам... У меня душа болит за тебя. Я попросила своего знакомого в управлении – он занимается проверками граждан в целях безопасности – посмотреть, что у них есть на Стюарта.

– Как ты могла?!

– Я просто хотела убедиться в отсутствии черных пятен в его биографии.

– Ты не имела права делать это!

– Верно. Но я все-таки связалась со знакомым по электронной почте и только что получила ответ.

Сакс почувствовала, как в животе образовался комок. Противостояние один на один с бандитами, автомобильные погони со скоростью сто семьдесят миль в час – все это было ничто по сравнению с напряжением, испытываемым ею сейчас.

– Ну и что ты разнюхала? – Голос Пам дрожал от обиды. – Он кого-нибудь убил? Или серийный маньяк? А может, террорист?

Сакс помедлила. Хотела взять девочку за руку, но не решилась.

– Нет, милая. Но... он женат.

Глаза Пам моргнули в зайчиках фонарного света.

– Он... женат?

– Мне очень жаль, Пам. Его жена тоже учительница – в частной школе на Лонг-Айленде. У них двое детей.

– Нет! Не может быть!

Свободная рука Пам сжалась в кулак с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Глаза пылали гневом, но Сакс не заметила в них удивления. Похоже, девочка сопоставляла услышанное с собственными наблюдениями. Возможно, Стюарт сказал Памеле, что не имеет домашнего телефона, а только мобильный. Или дал ей для связи особый адрес электронной почты, а общим попросил не пользоваться.

А дома у меня такой беспорядок. Мне даже стыдно приводить тебя к себе. Знаешь, мы, учителя, такие рассеянные… Я уж думаю, не пригласить ли горничную.

– Это ошибка! – упрямо заявила Пам. – Вы его с кем-то перепутали.

– Я только что встречалась с ним. Спросила напрямик, и он мне все рассказал.

– Нет, нет! Ты все придумала!

Глаза девочки горели, холодная улыбка исказила лицо и ранила Сакс в самое сердце.

– Моя мамаша поступала точно так же, когда хотела заставить меня отказаться от чего-нибудь. Наврет с три короба, как ты сейчас.

– Пам, я бы никогда…

– Все только и делают, что отнимают у меня самое дорогое! Но у тебя ничего не получится. Я люблю Стюарта, а он любит меня, и тебе нас не разлучить! – Пам резко повернулась и зашагала к дому, прижимая к груди собачку.

– Пам… – позвала Сакс, но голос у нее сорвался. – Постой, не уходи.

Девочка ступила в дом, но обернулась напоследок – волосы взметнулись в воздух, тело напряженно замерло на одно мгновение. Хорошо хоть, свет изнутри закрывал тенью лицо Пам; Сакс знала, что оно выражало ненависть, но видеть это было бы выше ее сил.

Воспоминания о фарсе на кладбище продолжали жечь мне душу.

Мигель-5465 должен был умереть и оказаться пришпиленным на бархатной витрине в коллекции бабочек, изучаемых полицией. Тогда копы объявили бы дело закрытым и все закончилось бы как нельзя лучше.

Но он не умер. Упорхнула бабочка. А мне что делать? Не могу же я опять инсценировать самоубийство. Им стало слишком уж много известно обо мне. Они получили информацию...

Ненавижу «их», ненавижу «их», ненавижу «их», ненавижу...

Я готов схватить свою бритву, выскочить на улицу и...

Спо-койно. Но оставаться спокойным с годами все труднее.

Пришлось отменить несколько трансакций, запланированных на вечер – в том числе празднование самоубийства, – и вместо этого иду в «кладовую». Мои сокровища действуют на меня умиротворяюще. Не спеша брожу по комнатам, вдыхая аромат своей коллекции, беру в руки дорогие мне предметы и перебираю сувениры, хранящие память о всевозможных транзакциях, совершенных за последние несколько лет. Как приятно коснуться щеки обрезком иссохшей плоти, женским локоном или ногтем с остатками лака.

Я устал. Сажусь перед картиной Харви Прескотта и рассматриваю изображенное на ней семейство. Они же уставились на меня. Как и на большинстве портретов, их взгляды устремлены на зрителя, с какой стороны он бы ни находился.

Это тоже воздействует на меня успокаивающе. Даже немножко дурманит.

Может быть, одна из причин, по которым мне так нравится это полотно, заключается в том, что люди на нем выглядят такими, какие есть. Они лишены воспоминаний, кои заставляют их мучиться, переживать, не спать по ночам, выходить на улицу, чтобы охотиться за сокровищами и «сувенирами».

Ох, эти воспоминания!

Июнь, мне пять лет. Отец сажает меня перед собой, засовывает обратно в пачку незакуренную сигарету и начинает объяснять, почему я не их ребенок. «Мы взяли тебя к себе потому, что очень хотели, чтобы ты был с нами, и мы любим тебя, пусть даже ты нам не родной сын, ты ведь меня понимаешь, правда?» Вообще-то я не

очень хорошо понимаю и молча смотрю на него. Мать терзает пальцами мокрую салфетку и говорит надрывным голосом, что любит меня, как родного сына, и даже еще сильнее, хотя мне непонятно, с какой стати ей любить меня больше, чем родного сына. Врет, наверное.

Отец уходит на свою вторую работу. Мать занимается остальными детьми, оставив пятилетнего приемыша размышлять над услышанным. Я испытываю такое чувство, будто у меня что-то отобрали. Только не могу сообразить, что именно. Смотрю в окно. Вид очень красивый: горы, зелень, прозрачный воздух. Но мне хочется к себе в комнату; туда я и отправляюсь.

Август, мне семь лет. Отец и мать опять дрались. Самая старшая из нас, Лидия, плачет: «Не уходите, не уходите, не уходите!..» Лично я готовлюсь к худшему, запасаюсь провиантом и мелочью (взрослые никогда не замечают пропажи мелких монет). У меня уже скопилось на сто тридцать четыре доллара блестящих и тусклых медяков. Складываю их в коробки, спрятанные в потайном месте у меня в комнате.

Ноябрь, семь лет. Отец вернулся с «халтуры», где целый месяц «башлял вломные баксы» (он часто повторяет эту фразу, и мы с Лидией всякий раз улыбаемся). Спрашивает мать, где остальные дети. Она отвечает, что ей не под силу справиться с такой оравой. «Ты чего, обалдела? Считать разучилась? Звони давай куда-нибудь!» «Да-а, тебе легко приказывать», – плачет мать.

Их ругань нам с Лидией ничего не говорит, но оставляет в душе неприятный осадок.

В моей кладовке уже двести пятьдесят два доллара мелочью, тридцать три банки консервированных помидоров, восемнадцать других овощей, двенадцать упаковок спагетти, припрятанных несмотря даже на то, что они мне не нравятся. Запастись – вот что для меня самое главное.

Октябрь, девять лет. Они набрали еще несколько осиротевших детей. Теперь нас девятеро. Я и Лидия помогаем. Ей уже четырнадцать, и она знает, как заботиться о младших. Лидия просит отца купить девочкам куклы; у нее самой никогда не было кукол, а это важно. Он говорит: какой прок от социалки, если тратить деньги на всякое дерьмо?

Май, десять лет. Прихожу домой из школы. Мне стоило большого усилия над собой взять часть моей мелочи и купить куклу Лидии. Мне

не терпится увидеть, как она обрадуется. Однако я совершил ошибку, оставив открытой дверь моей кладовки. Теперь там отец – разрывает картонные коробки, монетки падают, как убитые солдаты на поле боя. Он набивает ими карманы, забирает остальные коробки. «Что украл, то и потерял», – заявляет он мне. Я плачу, говорю, что нашел монетки. «Отлично, – отвечает отец с победным видом. – Я тоже их нашел, а значит, они теперь мои. Верно? Ну что, пацан, нечем крыть? Нечем. Черт подери, да тут почти полштуки баксов!» Он достает из-за уха сигарету и сует себе в рот.

Хотите понять, что ощущает ребенок, у которого отбирают его вещи, его солдатики, куклы, монетки? Тогда закройте рот и зажмите пальцами нос. Вот что он ощущает. И если вы пробудете в таком состоянии долгое время, с вами может случиться что-то ужасное.

Октябрь, одиннадцать лет. Лидия ушла. Даже записки не оставила. Зато оставила куклу. У нас новенький, Джейсон. Ему четырнадцать лет, и его взяли из интерната для несовершеннолетних правонарушителей. Ночью он врывается ко мне в комнату и требует, чтобы я освободил для него кровать (моя постель сухая, а его мокрая). Я сплю на его мокрой постели. Так происходит каждую ночь на протяжении месяца. Жалуюсь отцу. Он велит мне заткнуться. Им нужны деньги, а за ПН вроде Джейсона полагается бонус, и… Он вдруг замолк – может, я тоже ПН? Тогда мне еще не было известно, что означают эти две буквы.

Январь, двенадцать лет. Сверкают красные огни. Мать всхлипывает, приемные дети всхлипывают. Ожог на руке доставляет отцу боль; к счастью, говорит пожарник, жидкость для зажигалок на матрасе занимается не очень быстро. Будь вместо нее бензин, отцу бы не спастись. Джейсона уводят – темные глаза под темными бровями. Он кричит, что не знает, как пузырек с жидкостью и спички попали к нему в школьную сумку. И не поджигал он ничего, и не он развешивал в классе фотографии сожженных заживо людей.

Отец кричит на мать: «Смотри, что ты наделала!»

«Это ты позарился на бонус», – кричит она в ответ.

За ПН полагается бонус…

За психически неустойчивых, как я узнал позже.

Воспоминания, воспоминания… О, я бы с радостью расстался с некоторыми моими коллекциями, оставил их в мусорном контейнере, если бы мог.

Улыбаюсь Прескоттам, моей безмолвной семье. А теперь за дело – надо решать, как поступить с «ними».

Я немного успокоился, нервозность притупилась. У меня не было ни малейшего сомнения, что те, кто преследует меня – «они», – очень скоро умрут и обратятся в прах так же, как это случилось с моим лживым отцом, с перепуганным Джейсоном Спрингфеллоу, ушедшим под конвоем полиции, с *пронумерованными,* визжащими в оргазме трансакции. А я счастливо проживу отпущенные мне годы вместе с моей двухмерной семьей и сокровищами, хранящимися тут, в «кладовой».

Моя армия, информация, готова вступить в войну. Я, словно Гитлер из берлинского бункера, отдаю приказ войскам ваффен-СС отразить вторжение. Информационная армия непобедима.

Гляжу на часы: уже почти одиннадцать. Время вечерних новостей. Надо посмотреть, что «они» знают об убийстве на кладбище и чего не знают. Включаю телевизор.

Ведется «живая» трансляция пресс-конференции в Сити-Холле. Вот заместитель мэра Рон Скотт, мужчина измотанного вида, сообщает о формировании в полиции специальной оперативной команды для расследования недавнего изнасилования и убийства, а также сегодняшнего убийства на кладбище в Куинсе. Полиция подозревает, что последнее преступление связано с первым.

Скотт представляет инспектора нью-йоркского управления полиции Джозефа Мэллоу, чтобы тот «детальнее разъяснил обстоятельства этого дела».

Тот «разъясняет», да не очень. Показывает фоторобот преступника, так же похожий на меня, как на еще двести тысяч других ньюйоркцев.

Белый или светлокожий? Я вас умоляю.

Он призывает горожан проявлять осторожность:

– Мы предполагаем, что преступник использовал приемы мошенничества, выдавая себя за другого человека для сближения со своими жертвами. Чтобы усыпить их бдительность.

Остерегайтесь незнакомых людей, продолжает коп, тех, кому непонятно каким образом стало известно о ваших покупках, банковских счетах,

планах на отпуск, нарушениях правил дорожного движения – «даже о мелочах, обычно упускаемых вами из внимания».

Мэллой сообщает также, что в Нью-Йорк уже прилетел специалист по безопасности и управлению информацией из университета Карнеги-Меллон. Доктор Карлтон Соумс примет участие в работе опергруппы и в течение нескольких дней будет консультировать ее, разъясняя методику мошеннических подстав, каковые, по их мнению, лежали в основе упомянутых преступлений.

Соумс – взъерошенный юнец, типичный провинциал со Среднего Запада, чудом выбившийся в люди. Неловкая улыбка, сбившийся на одну сторону пиджак, заляпанные очки, о чем я догадываюсь по разной яркости света, отраженного от стекол. А сколько поколений Соумсов носили это обручальное кольцо? Не ошибусь, если скажу, что не одно. Вообще-то он выглядит еще не созревшим для брака.

Доктор Соумс ничего не говорит, только затравленно смотрит на собравшихся журналистов и их камеры. Капитан Мэллой продолжает:

– В эпоху, когда мошенничество под чужим именем приобретает все более широкий размах, а последствия приобретают все более серьезный характер, мы со всей ответственностью подходим к выполнению нашего долга по защите ньюйоркцев от подобных преступных деяний.

Журналисты наперебой кинулись забрасывать заместителя мэра, капитана полиции и невменяемого профессора вопросами на уровне третьеклашки. Мэллой старается уйти от ответа, прикрываясь как щитом фразой «следствие продолжается».

Заместитель мэра Рон Скотт заверяет общественность, что город в безопасности и что принимаются все необходимые меры для защиты населения. Пресс-конференция сворачивается.

Гонят «обычные» новости, если можно так выразиться. В Техасе от какой-то напасти гибнет урожай овощей, женщина на капоте грузовика спасается от наводнения в Миссури. Президент подхватил простуду.

Выключаю телевизор и в сумеречной тишине «кладовой» принимаюсь планировать мою новую трансакцию.

Меня вдруг осеняет блестящая идея. Ход настолько очевиден, что меня даже охватывают сомнения. Однако, как ни удивительно, хватило трех телефонных звонков в отели, расположенные поблизости от Полис-плаза-один, чтобы узнать, в каком из них зарегистрирован доктор Карлтон Соумс.

IV

Амелия-7303

Вторник, 24 мая

Разумеется, никто не мог знать, следят ли за ними в какой-то определенный момент. Насколько часто или по какому распорядку подключалась Полиция Мыслей к каждому индивидуальному проводу, оставалось только гадать. Существовало даже предположение, что они следили постоянно за всеми сразу.

Джордж Оруэлл, «1984»

Глава тридцать третья

Амелия Сакс приехала рано.

Но Линкольн Райм проснулся еще раньше. В ту ночь ему мешали спать мысли о расследованиях, проводимых здесь и в Англии. В минуты забытья криминалисту снились двоюродный брат Артур и дядя Генри.

Сакс нашла Райма в тренажерной комнате. Том пересаживал его в коляску после пятимильной поездки на электротерапевтическом велотренажере. Райм регулярно проделывал это упражнение, занимаясь по программе улучшения самочувствия и укрепления мышц в ожидании того дня, когда они заменят машину, обеспечивающую ему нынешнее существование. Сакс взялась помогать, а Том отправился на кухню готовить завтрак. Райм уже давно перестал стесняться участия Амелии в своих утренних процедурах, способных у многих вызвать отталкивающее чувство, а их сблизивших еще больше.

Сакс ночевала у себя дома в Бруклине, поэтому Райм, не теряя времени, вводил ее в курс последних событий. Она, впрочем, слушала невнимательно, явно озабоченная чем-то. На вопрос Райма, что случилось, она глубоко вздохнула и ответила:

– Заморочка с Памелой.

Затем рассказала, что приятель Пам оказался ее бывшим учителем и вдобавок женатым.

– Опа… – Райм поморщился. – Да, неприятно. Жалко девочку.

Сгоряча он предложил просто припугнуть этого Стюарта, чтобы тот убирался подобру-поздорову.

– Да покажи ты ему свой полицейский жетон, Сакс. Ткни прямо в морду. Его потом днем с огнем не сыщешь. Или, хочешь, я ему сам позвоню.

Сакс, однако, считала, что это не самое лучшее решение проблемы.

– Я боюсь потерять Пам, если разрушу их отношения или сообщу о похождениях Стюарта руководству школы. И ничего не предпринимать тоже нельзя, иначе девочка будет страдать. Господи, а вдруг она захочет от него ребенка?

Сакс ожесточенно впилась ногтем в свой большой палец, но спохватилась.

– Будь я ее матерью, знала бы, что делать. И вообще все было бы иначе.

– Ой ли? – скептически заметил Райм.

Сакс подумала и с улыбкой уступила:

– Ну может, и нет. Проблемы отцов и детей, и все такое… Надо, чтобы каждый ребенок появлялся на свет с инструкцией для пользователя.

Они завтракали в спальне, и Сакс кормила Райма с ложечки. Здесь, как в гостиной и лаборатории этажом ниже, стало намного уютнее, чем до прихода Амелии несколько лет назад. Тогда единственным украшением на стенах были репродукции картин, прилепленные обратной стороной наружу, – детективы использовали их вместо белых пластиковых досок во время первого совместного расследования. Теперь репродукции висели правильно, и к ним добавились новые, сделанные с картин, особенно нравящихся Райму: импрессионистские пейзажи и меланхолические картинки городской жизни таких художников, как Джордж Иннесс и Эдвард Хоппер.

После завтрака Сакс откинулась на спинку стула, стоящего рядом с коляской Райма, и взяла его за правую руку. В ней недавно частично восстановилось движение и чувствительность. Он ощущал ее пальцы, но притупленно, на порядок или два слабее, чем лицом или шеей, где нервные окончания функционировали нормально. Будто вода просачивается через кожу, так воспринималось им прикосновение Сакс. Усилием воли Райм заставил свои пальцы сомкнуться на ее ладони и почувствовал ответное пожатие. Оба молчали. Однако Райм понял по выражению лица и позе Амелии, что ей хочется продолжить разговор о Памеле, поэтому просто ждал, когда она начнет, наблюдая за соколиной парой на оконном карнизе, – самка заметно крупнее, оба насторожены, напряжены, в любую секунду готовы взмахнуть мощными крыльями. Соколы охотятся днем, им надо кормить голодных птенцов.

– Райм…

– Что?

– Ты еще не звонил ему?

– Кому?

– Своему брату.

А, значит, не о Пам. Райму и в голову не приходило, что Сакс думает об Артуре.

– Нет, не звонил.

– А знаешь, до сих пор я даже не подозревала, что у тебя есть двоюродный брат.

– Наверное, речь не заходила.

– Наверное. Ты рассказывал о дяде Генри и тете Поле, а об Артуре никогда. Почему?

– Знаешь, давай не сейчас. Работы невпроворот.

Райм улыбнулся. Сакс осталась серьезной.

«Сказать ей, что ли?..» Райм колебался. Ему не хотелось этого делать, потому что получится, будто он жалуется. А для Линкольна Райма всякая жалость хуже ножа острого. В то же время Сакс имела право знать. Такова любовь: когда сливаются воедино две разные жизненные сущности, то уже не спрячешь такие их главные составляющие, как черты характера, способность любить, испытывать страх и ненависть. И тут уж никуда не денешься.

И Райм рассказал ей свою историю.

Об Адрианне и Артуре, о пронизывающем морозе в день домашней научной викторины, о лживых объяснениях любимой девушки, об унизительном криминалистическом обследовании «корвета» и даже о несостоявшемся обручальном подарке – бетонном обломке, символизирующем начало атомного века. Сакс понимающе кивала, и Райм рассмеялся про себя, потому что прочитал ее мысли: подумаешь, какое дело – маленькая подростковая любовь, немножко лицемерия, чуточку душевных страданий. Не самое неприятное, что может случиться в жизни с человеком. Неужели такая мелочь способна погубить многолетнюю дружбу?

Вы были как родные братья…

– Но ведь Джуди говорила, что вы с Блэйн ездили к ним в гости спустя годы? Значит, ты не держал на Артура обиду за прошлое?

– Конечно, ездили. То есть Адрианна была всего лишь школьным увлечением. Она, кстати, высокая, рыжеволосая и красивая.

Сакс рассмеялась.

– Но я согласен, из-за нее не стоило жертвовать дружбой.

– Выходит, история еще не закончилась?

Райм заговорил после некоторого раздумья:

– Незадолго до того, что со мной случилось, я ездил в Бостон.

Он отпил через соломинку немного кофе.

– Выступал на международной конференции по криминалистике. В перерыве я зашел в бар. Ко мне подошла женщина, профессор на пенсии, когда-то преподававшая в МТИ. Ее внимание привлекла моя фамилия. Она спросила, не прихожусь ли я родственником ее давнишнему студенту со Среднего Запада, Артуру Райму. «Двоюродный брат», – сказал я ей. Тогда она сообщила мне об Артуре кое-что интересное. Вместе с заявлением о поступлении в институт он вместо обычного эссе представил научную работу – блестящую, по определению профессорши. В ней содержалось оригинальное, прекрасно исполненное и не оставляющее без внимания даже малейшие детали исследование. Сакс, если захочешь сделать комплимент ученому, скажи, что его исследование выполнено со скрупулезной точностью.

Райм опять помолчал.

– Ну, так вот, профессорша убеждала Артура немного дополнить эту работу и опубликовать в научном журнале, но у него, видимо, не дошли руки. С тех пор между ними прервалась связь, и теперь она хотела узнать, продолжал ли Артур исследования в той области… Мне стало любопытно. Я поинтересовался темой работы Артура. Профессорша запомнила ее дословно: «Воздействие некоторых материалов на биологическую среду на уровне наночастиц»… Чтоб ты знала, Сакс, эту работу написал я.

– Ты?

– Это был мой конкурсный проект для компании «Вестингауз». Он занял второе место в штате. И, без лишней скромности, работа действительно весьма оригинальная.

– Так Артур украл ее?

– Ну да… – Даже теперь, по прошествии стольких лет, Райма окатила горячая волна гнева. – Но это еще не все.

– Рассказывай дальше.

– После конференции у меня из головы не выходило услышанное от той женщины. Я позвонил в приемную комиссию МТИ. Они хранили вступительные заявления на микрофишах. Мне переслали мою копию. В ней все было не так. То есть само заявление, подписанное и отправленное мной, настоящее, а документы, поступившие туда из школы, из офиса консультанта по университетскому образованию, оказались поддельными. Оценки «А» исправлены на «Б». Артур постарался. Он даже новые рекомендательные письма сочинил, посредственные и формальные. А может, и не сочинил, подсунул те, что сам получил от своих учителей. А рекомендация дяди Генри вообще пропала.

– Он изъял ее?

– Вместе с моим эссе, а вместо него написал какую-то дурацкую галиматью на незамысловатую тему «Почему я хочу поступить в МТИ» да еще сдобрил ее хорошо продуманными ошибками.

– О, Райм, мне так жаль. – Сакс сочувственно пожала ему руку. – И ведь Адрианна работала в офисе консультанта? Значит, не обошлось без ее участия?

– Сначала я тоже так подумал, разыскал номер ее телефона и позвонил. – Райм невесело усмехнулся. – Поговорили о жизни, о семьях, о карьере. Вспомнили прошлое. Адрианна сказала, что до сих пор не понимает, почему я так неожиданно прекратил наши отношения. Она удивилась, узнав, что мне стало известно об их свиданиях с Артуром и я решил не путаться у них под ногами.

Вот тут-то и выяснилось, что Артур всего лишь попросил Адрианну помочь ему подготовить документы для поступления в университет. Он несколько раз приходил к ней в офис, расспрашивал об условиях приема, знакомился с чужими эссе, рекомендательными письмами. Жаловался на консультанта в его школе, мол, с ним каши не сваришь, а так хотелось поступить в хороший вуз. Просил никому не говорить о своей просьбе,

особенно мне, – ему якобы было стыдно, что он не в состоянии подготовить документы самостоятельно. Так и получилось, что Адрианна пару раз прокатилась с Артуром в его «корвете» украдкой от меня. По ее словам, ей все еще было совестно, что поддалась тогда уговорам моего двоюродного брата и солгала мне.

– А когда Адрианна отошла в туалет или к копировальной машине, он воспользовался ее отсутствием и выпотрошил папку с твоими документами.

– Именно так и произошло.

Арт за всю свою жизнь мухи не обидел. Он просто не способен на это…

«Как бы не так, Джуди».

– Ты настолько уверен? – засомневалась Сакс.

– Увы. Закончив с Адрианной, я сразу позвонил Артуру.

Тот разговор почти дословно до сих пор звучал в ушах Райма.

– Скажи, зачем, Артур? Зачем ты это сделал? – начал он, не теряя времени на приветствие.

В наступившей тишине слышалось только дыхание двоюродного брата.

Артур сразу догадался, что речь идет о его давнем прегрешении, хотя годы минули с той поры. Он не стал спрашивать, как Линкольн узнал об этом, не счел нужным отрицать свою вину или притворяться, что не понимает.

Артур взорвался сердитой тирадой, словно дал себе волю и выплеснул наболевшее:

– Хочешь знать зачем, Линкольн? Ладно, скажу. Помнишь рождественский приз?

– Какой приз? – недоуменно переспросил Райм.

– Тот, что ты получил от моего отца за победу в викторине в рождественский сочельник, последний перед окончанием школы.

– Бетонный обломок от стадиона Стэгг-Филд? – Райм все еще находился в замешательстве. – При чем тут он? – «Какое отношение к предательству имеет дешевый сувенир, представляющий ценность лишь для нескольких людей?»

– Он предназначался мне! – выкрикнул Артур, словно испытывая смертельную обиду. – Отец назвал меня, своего сына, именем руководителя атомного проекта. И я знаю, он и дальше следовал бы логической цепочке. Рано или поздно он вручил бы мне этот камень в честь окончания школы или университета. Это был мой приз, мой подарок! Я мечтал о нем долгие годы!

Райм потерял дар речи. Он и его двоюродный брат, двое взрослых мужчин, по-детски выясняли отношения, как если бы не поделили книжку комиксов или шоколадку.

– Он отнял у меня вещь, которой я по-настоящему дорожил. И отдал *тебе!* – Голос Артура дрогнул, будто от слез.

– Артур, я просто дал правильные ответы на несколько вопросов. Это была игра!

– Игра? Дурная игра в канун рождественского сочельника! Вместо того чтобы распевать колядки и смотреть по телику «Эту чудесную жизнь», отец устроил долбаный урок! Ему плевать, что присутствующие не знали, куда деваться от неловкости и скуки. И никто не посмел возразить великому профессору.

– Господи, Арт, не моя вина, что дядя Генри вручил мне этот приз! Я у тебя ничего не крал!

Злой смех.

– Неужели? А если подумать? Может, и украл!

– Что?

– Линкольн, а тебе никогда не приходило в голову, что, возможно, ты украл у меня... отца? – Он замолчал, тяжело дыша.

– Что ты несешь, черт возьми?

– Ты похитил его у меня! Тебе не доводилось задумываться, почему я никогда не бегал на университетских соревнованиях? Да потому, что он ходил болеть за тебя! То же самое в учебе. Ты сидел на его уроках в университете, помогал в научной работе. Как будто не я, а *ты* был ему сыном.

– Не говори ерунды! Я знаю, что тебя дядя Генри тоже приводил к себе на занятия.

– Единственного раза мне было достаточно. Он тогда так достал меня своими вопросами, что плакать хотелось.

– Дядя Генри *со всеми* так, Арт! Он заставляет тебя думать, подталкивает, пока не найдешь правильный ответ. Потому-то его и считали превосходным преподавателем.

– Но некоторым людям просто *не дано* найти правильный ответ. Я оказался недостаточно хорош, ведь сын Генри Райма должен претендовать на гениальность. Впрочем, это не имело значения, поскольку у него был ты. Роберт уехал в Европу, Мария осела в Калифорнии, но и после этого я не стал ему нужен. Он хотел тебя!

Не я, а ты был ему сыном…

– Я к дяде Генри в сыновья не напрашивался и тебя не подсиживал.

– Да неужели? Ты, значит, ни при чем! Невинный юноша! А не ты ли приезжал к нам в гости по выходным, когда – по чистой случайности! – меня не было дома? Не ты ли приглашал отца на свои соревнования? Да, приезжал и приглашал! Скажи-ка мне вот что: кого бы ты на самом деле предпочел в отцы – своего или моего? Твой отец когда-нибудь обхаживал тебя так, как мой? Когда-нибудь свистел и вопил, будто мальчишка, подбадривая тебя с трибуны стадиона? Когда-нибудь награждал своей наивысшей похвалой, одобрительно приподняв брови?

– Кончай туфту гнать, – сердито оборвал брата Райм. – У тебя возникли проблемы в отношениях с отцом, но я тут при чем? С какой стати ты решил отыграться на мне? Из-за твоей подлянки я не смог поступить в МТИ! Вся моя жизнь переменилась. Если бы не ты, все было бы иначе.

– Я могу сказать тебе то же самое, Линкольн. Я могу сказать тоже самое… – Сухой смех. – А ты хотя бы пытался наладить отношения со своим отцом? Что, по-твоему, чувствовал он, имея сына умнее себя во сто крат? Который только и делает, что убегает от него туситься с дядей? Ты хотя бы задумывался над этим?

Тут Райм с грохотом бросил трубку. То был их последний разговор. Несколько месяцев спустя, во время обследования места преступления, Линкольн получил травму, лишившую его возможности двигаться.

Если бы не ты, все было бы иначе…

– Так вот, значит, почему он ни разу не пришел навестить тебя после несчастного случая, – сказала Сакс.

Райм кивнул.

– Когда это произошло, меня потом на больничной койке только одна мысль донимала: не подмени Арт мои вступительные документы, я закончил бы МТИ, а затем, возможно, аспирантуру Бостонского университета, или пошел работать в полицейское управление Бостона, или переехал в Нью-Йорк чуть раньше или позже. При любом раскладе я бы вряд ли очутился в тот день на месте преступления в подземке, и…

Райм не договорил и замолчал.

– Эффект раздавленной бабочки, – заметила Сакс. – Незначительное событие в прошлом существенно изменяет будущее.

Райм согласно кивнул, зная, что Сакс восприняла эту информацию с сочувствием и пониманием и не станет морочить ему голову дальнейшими рассуждениями – мол, еще неизвестно, что лучше: сохранить способность ходить и вести нормальный образ жизни или превратиться в инвалида, зато, возможно, не стать таким высококлассным криминалистом – и вдобавок ее любовником.

Такая уж она женщина – Амелия Сакс.

Райм чуть заметно улыбнулся:

– А знаешь, что самое забавное в этой истории?

– Что же?

– Мой собственный отец будто вообще меня не замечал. И уж точно не занимался мной так, как дядя. Я и вправду чувствовал себя сыном Генри. И мне это нравилось.

Он вдруг подумал, что, вероятно, действительно льнул к жизнерадостному, громогласному Генри Райму, сам того не осознавая. А еще вспомнил, как не раз испытывал неловкость из-за нерешительного поведения родного отца.

– Это не снимает с Артура вины за его проступок, – сказала Сакс.

– Нет, конечно.

– И все же… – пробормотала она.

– Знаю-знаю, о чем ты: с тех пор много воды утекло, пора забыть прошлые обиды, а кто старое помянет, тому глаз вон, так?

– В общем, да. – Сакс улыбнулась. – Джуди сказала, Артур расспрашивал ее о тебе. Он протягивает руку. Прости его.

Вы были как родные братья…

Райм окинул взглядом застывшие очертания своего неподвижного тела. Потом посмотрел в глаза Сакс и тихо произнес:

– Я докажу, что он невиновен. Вытащу его из тюрьмы. Верну его в нормальную жизнь.

– Это не одно и то же, Райм.

– Возможно. Но это самое большее, что я могу для него сделать.

Сакс раскрыла рот, чтобы, наверное, еще раз попытаться убедить Райма, но разговор об Артуре и его предательстве был прерван сигналом телефонного зуммера. На экране компьютера появился номер Лона Селлитто.

– Лон, где ты?

– Привет, Линк. Просто хотел предупредить, что к вам скоро заявится наш специалист по компьютерам.

Знакомое лицо, подумал швейцар; мужчина вежливо кивнул ему, выходя на улицу из отеля «Уотер-стрит».

Швейцар кивнул в ответ.

Гость задержался перед дверью, разговаривая по сотовому телефону, так что снующие взад-вперед посетители были вынуждены его обходить. По обрывкам фраз швейцар понял, что мужчине позвонила супруга. Затем его тон переменился.

– Пэтти, девочка моя…

Дочь. После короткой беседы о футбольном матче трубку снова взяла жена; голос потерял детские интонации, но оставался любящим.

Мужчина относился к известной швейцару категории: женат не меньше пятнадцати лет; верный муж, тоскует в разлуке с семьей; ему не терпится вернуться домой с охапкой дурацких, но с любовью подобранных подарков. Он не был похож на иных гостей, вроде бизнесменов, прибывающих в отель с обручальным кольцом на пальце и выходящих вечером из номера уже без оного; или подвыпивших бизнес-леди, сопровождаемых к лифту красавцем коллегой (эти никогда не прячут своих колец – нет необходимости).

Наблюдательному швейцару известно о людях многое. Он мог бы написать книгу!

Однако почему его лицо так знакомо? Вопрос не давал покоя.

В это время мужчина со смехом сказал жене:

– Вы меня видели? Все только об этом и говорят? И мама тоже видела?

Его видели… *по телевизору?*

Стоп, стоп… Почти вспомнил.

Наконец-то! Вчера вечером, в новостях! Ну конечно, он то ли профессор, то ли доктор каких-то наук из какого-то крутого университета. Слоун… нет, Соумс! Специалист по компьютерам. Про него рассказывал Рон Скотт, помощник мэра или вроде того. Профессор помогал полиции расследовать воскресное изнасилование с убийством и еще несколько преступлений.

Лицо мужчины посерьезнело, и он сказал:

– Разумеется, милая, не волнуйся. Все будет в порядке.

Потом выключил телефон и огляделся по сторонам.

– Сэр! – окликнул его швейцар. – Видел вас по телику.

Профессор застенчиво улыбнулся.

– Правда? – Видимо, постороннее внимание его смущало. – Вы не подскажете, как мне пройти к Полис-плаза-один?

– Вон туда, по прямой. Примерно пять кварталов. Возле Сити-Холла. Не промахнетесь.

– Спасибо.

– Желаю удачи!

Следя за приближающимся к отелю лимузином, швейцар испытывал удовлетворение, что удалось пообщаться с маленькой, но знаменитостью. Будет о чем рассказать его собственной жене.

В то же мгновение кто-то грубо, почти больно, пихнул его в спину. Незнакомый мужчина, выскакивая из отеля, второпях оттолкнул швейцара. Он не извинился и даже не обернулся.

Паршивец, мысленно обругал его швейцар, наблюдая, как незнакомец, опустив голову, быстро шагал в том же направлении, что и профессор. Вслух, однако, швейцар ничего не сказал. Как бы тебе ни грубили, терпи и молчи. Ведь это гости отеля, или друзья гостей, или будущие гости. Или даже проверяющие начальники из головного офиса.

Так что проглоти и заткнись. Таково правило.

Профессор из «телевизора» и невоспитанный субъект уже испарились из его сознания, когда лимузин подкатил ко входу в отель и остановился. Швейцар поспешил к дверце; сверху ему открылся прекрасный вид на глубокое декольте выходившей из машины пассажирки. Это было даже приятнее, чем чаевые, тем более что он не сомневался: от нее их все равно не дождешься.

Он мог бы написать книгу…

Глава тридцать четвертая

Смерть – дело простое.

Не понимаю, почему люди так ее усложняют. Взять, к примеру, кино. Я не любитель триллеров, но повидал их на своем веку. Время от времени мне приходится водить в кинотеатр *пронумерованных* женского пола – от скуки, или ради маскировки, или потому, что позже придется убивать ее. Кроме того, сидеть в кино проще, чем в ресторане: не надо поддерживать беседу. А я смотрю фильм и думаю: какого черта они там делают, на экране? С какой стати сдались им эти мудреные способы убийства?

Зачем нужна подслушка, электронные приборы, навороченное оружие и хитроумные планы, если достаточно подойти к человеку и за тридцать секунд забить его молотком до смерти?

Просто. А уж как эффективно.

И не предавайтесь иллюзиям, в полиции служат не дураки (к тому же – чем не ирония судьбы – теперь ей здорово помогает «ССД» со своим innerCircle). Чем запутаннее процедура убийства, тем выше вероятность оставить свидетелей или след, способный вывести на вас полицейских ищеек.

А мой сегодняшний план в отношении *пронумерованного,* которого я пасу по улицам Нижнего Манхэттена, – сама простота.

Вчерашняя неудача на кладбище уже забыта. У меня приподнятое настроение, поскольку, во-первых, я снова в игре, а во-вторых, меня ожидает прекрасное пополнение одной из моих коллекций.

Следуя за целью, я огибаю встречных и попутных *пронумерованных* справа и слева. Вы только посмотрите на все это изобилие! У меня учащенно бьется сердце. Голова идет кругом при мысли, что эти *пронумерованные* сами по себе ходячие коллекции – своего прошлого. Уму непостижимый объем информации. ДНК, по сути, есть не что иное, как база данных нашего организма и его генетической истории, простирающейся на тысячелетия в глубь тысячелетий. Вот бы скачать ее на жесткие диски, какой кладезь информации можно создать! Рядом с ними innerCircle выглядел бы не лучше допотопного «Коммодора-64».

Прямо дух захватывает!

Однако, как говорится, ближе к делу. Обхожу очередную *пронумерованную,* молодую красотку, вдохнув аромат ее парфюма, коим она надушилась сегодня утром в своей квартирке на Стэтн-Айленде или в Бруклине в жалкой попытке окружить себя атмосферой превосходства и компетентности, а в итоге запахла лишь дешевой доступностью. Приближаюсь к цели, чувствуя кожей придающее уверенность касание пистолета. Знание, конечно, сила, но есть и другие, не менее действенные источники могущества.

– Профессор, приготовиться! Кажется, рыбка клюнула.

– Понял, – ответил Роланд Белл, и его голос через динамики разнесся по фургону скрытого наблюдения, где сидели Лон Селлитто, Рон Пуласки и несколько оперативных работников.

Райм и Селлитто не раз привлекали к сотрудничеству детектива нью-йоркского управления полиции Белла. Сейчас он шагал по маршруту от отеля «Уотер-стрит» до Полис-плаза-один. Беллу пришлось сменить свои обычные джинсы, дежурную рубашку и спортивную куртку на плохо отглаженный костюм, чтобы исполнить роль подсадной утки – несуществующего профессора Карлтона Соумса.

Или, по его собственному определению, произнесенному протяжным говорком уроженца Северной Каролины, что-то «вроде куска падали на крючке с леской».

Белл прошептал в микрофон, спрятанный под отворотом пиджака и такой же незаметный, как и микродинамик у него в ухе:

– Далеко?

– Прямо за тобой примерно в пятидесяти футах.

– Хм-м.

Белл являлся ключевой фигурой в «Операции „Эксперт“», спланированной Линкольном Раймом и основанной на его более продвинутом понимании преступного почерка «5-22».

– Он не спешит лезть в нашу компьютерную ловушку, но позарез нуждается в информации – это я точно знаю. Нам надо подманить его другим способом – спровоцировать на вылазку. Проведем пресс-конференцию и объявим, что пригласили эксперта, а вместо него подставим переодетого копа.

– Ты так уверен, что «5-22» смотрит телевизор?

– Он наверняка следит за новостями, желая знать, как продвигается расследование, особенно после своего прокола на кладбище.

Селлитто и Райм решили возложить эту миссию на детектива, не задействованного в их команде. Роланд Белл в таких делах отличался безотказностью – если только не был занят выполнением другого сложного задания. Райм позвонил приятелю в Университет Карнеги-Меллон, где неоднократно выступал с лекциями, рассказал ему о преступлениях «5-22», и руководство учебного заведения, известного своими работами в области безопасности и высоких технологий, согласилось помочь. Их веб-мастер включил в преподавательский состав на университетском сайте доктора философии Карлтона Соумса.

Родни Шарнек состряпал резюме для новоиспеченного профессора и разместил его на дюжине научных веб-сайтов, после чего открыл для Соумса его собственный сайт с обычными реквизитами. Селлитто забронировал комнату на фамилию Соумс в отеле «Уотер-стрит» и организовал пресс-конференцию. Теперь оставалось лишь ждать, когда «5-22» клюнет на эту приманку.

Что, очевидно, и случилось.

Незадолго до этого Белл вышел из отеля «Уотер-стрит» и задержался у входа, весьма правдоподобно разыграв сцену разговора по телефону. Он стоял на открытом месте достаточно длительное время, чтобы «5-22» успел заметить его. Наружное наблюдение доложило, что отель поспешно покинул неизвестный мужчина и теперь следовал за Беллом.

Селлитто спросил Рона Пуласки:

– Узнаешь его? Он похож на какого-нибудь эсэсдэшника из списка подозреваемых?

Оба сидели рядышком перед экраном монитора. Четыре оперативника сопровождали Белла на почтительном удалении; двое из них несли на себе скрытые видеокамеры.

Однако на людной улице было трудно разглядеть лицо убийцы.

– Может, это кто-то из технического персонала? Или постойте-ка, уж не сам ли Эндрю Стерлинг? Нет, вряд ли, просто походкой напоминает. Не могу понять. К сожалению.

Обливаясь потом в душном фургоне, Селлитто вытер лицо рукой и, подавшись вперед, сказал в микрофон:

– О'кей, профессор, «5-22» идет на сближение. Между вами около сорока футов. Он в черном костюме и в черном галстуке. В руке чемоданчик. Судя по походке, вооружен.

Большинство копов после нескольких лет оперативной работы могут определить наличие у человека оружия по его движениям и манере держаться.

– Понял, – лаконично ответил переодетый коп, сам имевший при себе пару стволов. Он виртуозно стрелял из них с обеих рук.

– Ч-черт, – выдохнул Селлитто. – Хоть бы сработало. О'кей, Роланд, уходи вправо, как договорились.

– Хм-м.

Райм и Селлитто рассчитывали, что «5-22» не станет открывать стрельбу прямо на улице. Ему нет смысла палить в профессора, не узнав, какими сведениями располагает полиция. По мнению Райма, он попытается сначала похитить Соумса и только потом убить либо пригрозить расправой с ним и его семьей, чтобы заставить помешать следствию. Вот почему «по сценарию» Роланд Белл должен очутиться в безлюдном месте, дабы спровоцировать нападение «5-22», после которого взять его с поличным. Селлитто подыскал подходящую стройку с длинной дорожкой, срезающей путь к Полис-плаза-один, но закрытой для пешеходов. Беллу предстояло свернуть на нее, не обращая внимания на табличку «Прохода нет», и через тридцать-сорок футов исчезнуть из поля зрения коллег. На противоположном конце перехода затаилась группа захвата, готовая по сигналу приступить к действию.

Белл обошел ленточку, отгораживающую от тротуара территорию стройки, и зашагал по пыльной дорожке. Строительный шум, треск перфораторов и грохот копров немедленно заполнили полицейский фургон через чувствительный микрофон на груди детектива.

– Поддерживаем визуальный контакт с тобой, Роланд, – заверил Селлитто после того, как оперативник нажал кнопку и включил вторую видеокамеру. – Линк, ты смотришь?

– Нет, Лон, по телику как раз показывают «Танцы со знаменитостями». Сейчас выступят Джейн Фонда и Микки Руни.

– «Танцы со звездами», Линк!

Голос Райма зарокотал по фургону:

– Ну так что, «5-22» повернул за профессором? Или передумал? Ну же, переключайте скорее!

Селлитто переместил мышкой курсор и дважды щелкнул. На экран выскочила вторая картинка с камеры бригады наружного наблюдения. На ней под другим углом стала видна удаляющаяся спина Белла. Детектив с любопытством разглядывал стройку, как делал бы на его месте обычный прохожий. Мгновением позже позади него возник «5-22», держась на расстоянии и так же озираясь по сторонам, только явно не из интереса к строительным работам, но в стремлении выявить нежелательное присутствие свидетелей или копов.

Вот он помедлил, еще раз осмотрелся и начал быстро сокращать расстояние, отделяющее его от профессора.

– О'кей, всем готовность номер один, – объявил Селлитто. – Роланд, он наезжает на тебя. Через пять секунд мы потеряем вас из виду, так что будь начеку. Как понял?

– Ладно, – невозмутимо ответил оперативник, будто на предложение бармена перелить его «Будвайзер» из бутылки в бокал.

Глава тридцать пятая

Спокойный голос Роланда Белла скрывал его немалую озабоченность.

Овдовевший отец двух детей, имеющий милый домик в пригороде Нью-Йорка и милашку в соседнем штате, которой он уже вот-вот собирался сделать предложение… Эти бытовые мелочи все вместе имеют свойство отрицательно давить на психику, когда вас просят поработать подсадной уткой в ходе секретной полицейской операции.

Однако Белл не мог не исполнить служебного долга, особенно если дело касается насильника и убийцы вроде «5-22», то есть принадлежащего к той части преступного мира, кою детектив ненавидел больше всего. И, сказать по правде, он никогда не прочь вновь испытать приятное возбуждение, участвуя в подобных операциях.

«Мы все находим свои ступеньки», – поучал отец маленького Роланда, и, поняв однажды, что тот имеет в виду не крыльцо родительского дома, мальчик взял это изречение за основу своей жизненной философии.

Пиджак полностью расстегнут, рука готова молниеносно выхватить любимый пистолет, образец лучших достижений итальянских оружейников, и открыть прицельный огонь. Хорошо, что Лон Селлитто перестал отвлекать его своей болтовней: нельзя пропустить звук приближающихся сзади шагов, а тут еще копер грохочет поблизости. И все же, если напрячься, можно расслышать хруст строительной пыли под подошвами чьих-то ботинок.

Футах в тридцати примерно.

Белл знал, что впереди засела группа захвата, хотя они не могли видеть друг друга из-за стены возводящегося здания, огибаемого дорожкой. Арест убийцы планировалось провести, как только позволят условия, то есть когда поблизости не будет посторонних лиц. Этот участок дорожки все еще просматривался с ближайшей улицы и строительной площадки, поэтому оперативники рассчитывали, что «5-22» не решится напасть на Белла вплоть до появления обоих в поле зрения группы захвата. Однако их расчеты, очевидно, не оправдались, и преступник начал действовать раньше.

Белл тоже надеялся, что у него в запасе есть несколько минут, поскольку перестрелка в этом месте поставила бы под угрозу жизнь и здоровье нескольких прохожих и строительных рабочих.

Однако размышлять о тактике проведения операции было уже поздно, когда Белл услышал одновременно приближающийся топот ног перешедшего на бег «5-22» и – что встревожило его еще больше – женские голоса, оживленно обменивающиеся фразами на испанском языке. Обладательницы их неожиданно появились из задней двери ближайшего жилого дома; одна из них толкала перед собой детскую коляску. Оперативники перекрыли дорожку мимо стройки, однако никто не позаботился предупредить смотрителей зданий, задние двери которых выходили на ту же сторону.

Белл оглянулся. Женщины уже очутились прямо между ним и «5-22», а тот бежал, не отрывая взгляда от детектива и сжимая в руке пистолет.

– Тревога, тревога! Угроза жизни для двух женщин. Подозреваемый вооружен. Повторяю, у него пистолет. Вызываю подкрепление.

Белл потянулся за своей «береттой», и в тот же момент одна из женщин пронзительно завизжала при виде «5-22», отпрянула назад и всей тяжестью навалилась на детектива. Тот потерял равновесие и упал на колени, выронив пистолет. Убийца замер на месте, растерянно моргая; наличие оружия у профессора университета явно поставило его в тупик. Однако он быстро пришел в себя и прицелился в Белла, когда тот уже полез рукой за вторым пистолетом.

– Не делай этого! – заорал «5-22». – Даже не пытайся!

Полицейскому не оставалось ничего другого, как поднять вверх обе руки. Он услышал голос Селлитто:

– Первая группа прибудет через тридцать секунд, Роланд.

Убийца ничего не сказал, только велел женщинам проваливать (что те не замедлили сделать), а сам шагнул вперед, продолжая держать Белла на мушке.

Тридцать секунд…

Все равно что целая вечность, подумал детектив, тяжело дыша.

Капитан Джозеф Мэллоу шагал по людной улице от паркинга к Полис-плаза-один и возмущался про себя, почему до сих пор ему не доложили о ходе операции с участием детектива Роланда Белла. Понятно, Селлитто и Райм наизнанку выворачивались, лишь бы повязать преступника, и капитан с неохотой пошел им навстречу, хотя эта дурацкая затея с пресс-конференцией уже переходит все границы и, если их план не сработает, о последствиях даже подумать страшно.

Впрочем, неприятностей не избежать и в том случае, если все пройдет, как задумано. Водить за нос прессу никому не позволено. Особенно нью-йоркскую прессу.

Не выдержав, Мэллой полез в карман за своим сотовым телефоном, как вдруг ему в спину уперлось что-то твердое и недоброе. Ствол.

О нет.

У Мэллоя заколотилось сердце.

Сзади послышался спокойный голос:

– Не оборачивайтесь, капитан. Если обернетесь и увидите мое лицо, умрете на месте. Все ясно?

Мэллоя почему-то удивило, что, судя по речи, незнакомец был образованным человеком.

– Постойте…

– Все ясно?

– Да. Но…

– За тем углом поверните направо в боковую улочку и продолжайте движение.

– Только…

– Пистолет без глушителя, но при выстреле в упор трудно определить, откуда звук. Я исчезну раньше, чем упадет ваше тело. Пуля пробьет его навылет и в такой толпе наверняка заденет кого-то еще. Вы же этого не хотите, правда?

– Кто вы?

– А сами не догадываетесь?

Джозеф Мэллой давно связал свою судьбу с работой в правоохранительных органах, а после гибели жены от руки одурманенного наркотиками грабителя эта профессия стала для него единственным смыслом жизни. Конечно, теперь он начальник, чиновник, но сохранил оперативную интуицию, выработанную за годы службы в Южном Мидтауне. Поэтому капитан сразу понял:

– «5-22»!

– Что?

«Спокойно. Только спокойно. Начнешь дергаться – потеряешь контроль».

– Вы тот, кто в воскресенье убил женщину, а вчера смотрителя на кладбище.

– Что значит «5-22»?

– Это условное обозначение, присвоенное вам в нашем управлении. Неизвестный подозреваемый номер «5-22». – Ему надо подбросить немного информации. Пусть расслабится. И необходимо поддерживать разговор.

Убийца рассмеялся.

– Номер? Любопытно… Теперь направо.

«Так. Если бы он хотел тебя убить, уже убил бы. Но ему нужно что-то выведать, либо он похищает тебя ради достижения какой-то цели. Спокойно. Убивать тебя он не собирается, раз не хочет, чтобы ты видел его лицо. Кажется, Лон Селлитто говорил, что между собой они называют его „всезнающим“. Тогда вытяни из него немного полезной для дела информации. Попробуй убедить его в том, что лучше отпустить тебя. А может, заговорить ему зубы и, когда он зазевается, убить его голыми руками?»

Джо Мэллой был вполне способен на такое как физически, так и морально.

В глубине узкого переулка «5-22» велел Мэллою остановиться и натянул ему на глаза капюшон из толстой ткани. Тот вздохнул с облечением. Хорошо. Пока я не вижу его лица, буду жить. Потом «5-22» стянул ему запястья скотчем и обыскал. Ведомый за плечо твердой рукой, Мэллой пошел вперед, а после втиснулся в автомобильный багажник.

Затем была поездка в удушающей жаре закрытого, тесного пространства, с поджатыми к подбородку ногами. Так, малолитражка – принято к сведению. Масло не горит, хорошая подвеска – принято к сведению. Отсутствует запах кожи – принято к сведению. Мэллой пытался запоминать повороты, но скоро сбился. Прислушивался к звукам снаружи: шум машин, треск перфоратора – ничего необычного для Нью-Йорка. Крики чаек и корабельный гудок. Как это поможет сориентироваться на местности, если Манхэттен – остров? Надо засечь что-то действительно стоящее!.. Постой-ка – усилитель рулевого управления шумит. Годится – принято к сведению.

Спустя двадцать минут машина остановилась. Капитан услышал, как со скрежетом опускается гаражная дверь – большая, на скрипучих шарнирах или колесиках. Багажник открылся так внезапно, что Мэллой даже вскрикнул от неожиданности. Его окатила волна затхлого, но прохладного воздуха. Он с натужным сипением втянул его в легкие сквозь повлажневшую шерстяную ткань капюшона.

– Вылезайте.

– Позвольте мне объяснить вам кое-что. Я капитан…

– Мне известно, кто вы.

– Я обладаю широкими полномочиями в полицейском управлении Нью-Йорка. – Мэллой был рад, что его голос звучал твердо и убедительно. – Мы с вами могли бы договориться.

– Идите со мной.

«5-22» повел его по гладкому полу.

Потом усадил.

– У вас, конечно, есть повод быть недовольным. Но я готов помочь вам. Расскажите мне, почему вы совершаете все эти преступления?

Молчание. Что дальше? У Мэллоя пока нет никакой возможности применить силу. Сумеет ли он воздействовать на сознание этого маньяка? Отсутствие капитана уже наверняка замечено, а Селлитто и Райм, возможно, догадались, что произошло.

И тут Мэллой услышал звуки.

Что это значит?

Несколько раз щелкнуло, заговорил чей-то голос с неживым, механическим тембром. Похоже, убийца опробовал магнитофон.

Потом что-то звякнуло, опять и опять, будто раскладывали непонятные металлические инструменты.

И наконец, неприятный скрип колесиков стула, трущихся о бетонный пол. Убийца придвинулся вплотную к Мэллою, так что их колени соприкоснулись…

Глава тридцать шестая

Охотник за вознаграждением.

Они взяли чертова охотника за вознаграждением.

Или, как он сам себя называет, «специалиста по возвращению залогов».

– Как, мать его, такое могло случиться? – задал вопрос Линкольн Райм.

– Выясняем, – сердито буркнул Лон Селлитто, стоя, покрытый потом и пылью, возле строительной площадки. Рядом на бордюре сидел в наручниках тот самый мужчина, что преследовал Роланда Белла.

Нет, его не арестовали. И вообще он не совершил ничего противозаконного; у него имелась лицензия на ношение оружия и ордер на гражданский арест объявленного в розыск преступника. Но Селлитто был настолько раздосадован, что приказал надеть на «специалиста» наручники.

Роланд Белл обзванивал другие оперативные группы, пытаясь выяснить – пока безрезультатно, – не заметил ли кто в прилегающем районе подозрительной личности, соответствующей скудному описанию «5-22».

– С таким же успехом его можно искать в Тимбукту, – произнес Белл своим протяжным говорком и сложил мобильник.

– Послушайте… – подал голос со своего бордюра охотник за вознаграждением.

– Заткнись! – рявкнул на него в третий или четвертый раз внушительный Селлитто и вернулся к прерванной беседе с Раймом. – Короче, он пасет Роланда, потом делает резкое движение и вроде бы собирается его вырубить. А потом оказывается, у него есть ордер. Принял Роланда за некоего Уильяма Фрэнклина. Они якобы похожи, Роланд и Фрэнклин. Тот проживает в Бруклине, находится под следствием по обвинению в нападении со смертельным исходом и незаконном хранении оружия и не является в суд в назначенный день. Залоговая компания разыскивает его уже полгода.

– Не мне тебе объяснять, нас опять подставил «5-22». Выдал Белла за этого Фрэнклина и натравил на него залоговика. Чтоб сбить нас с толку.

– Понятно.

– Есть хоть какие-то зацепки? Может, видели подозрительных наблюдателей?

– Нет, никто и ничего. Роланд только что был на связи со всеми опергруппами.

После недолгого молчания Райм задумчиво произнес:

– Как он узнал, что это ловушка?

Но не этот вопрос заботил криминалиста больше всего. Сейчас самое главное понять – что, черт возьми, затеял «5-22» на самом деле?

«Они» что – за лоха меня держат?

Неужели «они» решили, что я ничего не заподозрю?

Им уже известно о существовании провайдеров информационных услуг. О прогнозах поведения *пронумерованных,* основанных на образцах их собственного и чужого поведения в прошлом. Этой концепцией я руководствуюсь в своей жизни уже долгое, долгое время. Как поведет себя ваш ближайший сосед, если вы совершите поступок «икс»? И как он отреагирует на ваше действие «игрек»? Чего ожидать от женщины, которую вы провожаете до машины и при этом смеетесь? Или молчите и зачем-то сунули руку в карман?

Я изучал «их» трансакции с того момента, когда «они» мной заинтересовались. Я «их» отсортировал и проанализировал. Иногда «им» не откажешь в изобретательности. К примеру, тот блестящий ход, когда сотрудники и клиенты «ССД» были поставлены в известность о полицейском расследовании, а «они» тем временем расставили сети перед файлами о деле Майры-9834 в расчете, что я в них попадусь. Так бы и случилось, если бы я не остановился в самый последний момент перед нажатием клавиши «ввод», инстинктивно почувствовав неладное. И оказался прав, как выяснилось позже.

А пресс-конференция? О, эта «их» трансакция была просто шита белыми нитками. Она никак не вписывалась в предсказуемые и общепринятые образцы поведения. Чтобы полиция и городские власти созывали журналистов на ночь глядя? Да и представительский состав президиума явно не выдерживал критики.

Конечно, существовала вероятность, что пресс-конференция не туфта, – даже программы со всеобъемлющей логикой и лучшие алгоритмы поведенческого прогнозирования изредка дают неверный результат. Но я должен был перепроверить в своих же интересах. Спрашивать «их» напрямую, хоть бы и невзначай, не мог.

Вместо этого я сделал то, что умею делать лучше всего.

Я заглянул в «хранилища», обозрел молчаливые данные через свое тайное окошко. Узнал побольше о *пронумерованных,* сидевших в президиуме на пресс-конференции: о заместителе мэра Роне Скотте, о капитане Джозефе Мэллое, курирующем расследование по открытому на меня делу.

И о третьем *пронумерованном,* профессоре и докторе философии Карлтоне Соумсе.

Только никакой он не профессор и не Соумс.

А простая полицейская подсадная утка.

Поисковая система подтвердила присутствие информации о профессоре Соумсе на веб-сайте университета Карнеги-Меллон, а также наличие у него собственного сайта. Его биографические данные оказались доступными и на ряде других сайтов.

Однако мне хватило нескольких секунд, чтобы вскрыть кодировку этих документов и ознакомиться с метаданными, данными о данных. Вся информация о псевдопрофессоре была написана и забита на сайты в один день – вчера.

Так «они» что – за лоха меня держат?

Будь у меня побольше времени, я бы занялся этим копом. Сперва зашел бы на архивный сайт телекомпании, нашел запись пресс-конференции, «заморозил» изображение его лица и сделал биометрическое сканирование. Потом сравнил бы это изображение со снимками местных водителей в системе департамента автотранспорта и сотрудников полиции и ФБР. И тогда бы я имел все личные данные полицейской ищейки.

Однако это означало бы слишком большой объем ненужной работы. Мне плевать, кто он такой. Я использовал его, чтобы отвлечь все силы полиции и выиграть время для установления контакта с капитаном Мэллоем, носителем достоверных данных о проводимой против меня операции.

Мне не представило труда отыскать среди объявленных в розыск правонарушителей белого мужчину старше тридцати, похожего на копа в роли Карлтона Соумса. И уж совсем просто было позвонить в поручительскую компанию, сказаться знакомым беглеца и заявить, что он обретается в отеле «Уотер-стрит». Я в общих чертах описал его одежду и быстро повесил трубку.

Пока полиция и залоговый агент охотились друг за другом, я поджидал возле паркинга гаража, неподалеку от Полис-плаза-один, в котором каждое утро в промежутке от 7 часов 48 минут до 9 часов 02 минут капитан Мэллой оставлял свой «лексус» самой дешевой комплектации (и с давно просроченной заменой масла и ротацией колес, судя по дилерской информации).

Я установил контакт с противником точно в 8 часов 35 минут.

Затем последовало похищение, переезд на Вест-Сайд в помещение склада, умелое применение, казалось бы, ни на что не пригодных изделий из кованого железа для слива данных с незадачливого их носителя, чье мужество просто повергло меня в восхищение. Я испытываю ни с чем не сравнимое (даже с сексом) удовлетворение от сознания, что создал свою новую коллекцию – личностей всех *пронумерованных,* преследующих меня, «их» ближайших привязей (хотя и не всех) и того, как «они» ведут мое дело.

Некоторая информация, в частности, имя Райм, многое объясняет. Теперь я понимаю, по чьей вине имел столько неприятностей.

Очень скоро мои верные войска выступят в поход, пройдут маршем по Польше, пройдут маршем по Рейнланду…

Вдобавок, как я и рассчитывал, с этой коллекцией – между прочим, уже ставшей одной из моих любимых – мне досталось нечто особенное. Надо бы, конечно, потерпеть до возвращения в «кладовую», но я не выдерживаю, нащупываю кнопки магнитофона, нажимаю перемотку, потом воспроизведение.

Вот удача: попадаю как раз на то место, где вопли капитана Мэллоя нарастают крещендо. Даже у меня кровь стынет в жилах.

* * *

Наступило пробуждение после беспокойного сна, заполненного мучительными кошмарами. Горло, снаружи и внутри, саднит после удавки, но жжение во рту – от сухости – еще неприятнее.

Артур Райм обвел взглядом голую, без окон, больничную палату – точнее, камеру в лазарете «Могильника», ничуть не лучше той, в которой его до сих пор содержали, или отстойного общего помещения, где он едва не погиб.

В комнату вошел громадный негр – сиделец, или санитар, – поправил постель на свободной кровати и сделал пометку на листе бумаги.

– Извините, – прохрипел Артур, – вы не могли бы позвать врача?

Негр медленно обернулся, и Артура окатила волна паники – ему померещилось, что это Энтуан Джонсон, стащивший где-то больничную форму и пробравшийся сюда, желая довершить свое злодеяние.

Однако нет, не Джонсон. Хотя взгляд такой же холодный и задержался на Артуре не дольше, чем на лужице пролитой воды на полу. Негр повернулся и вышел из палаты, не обронив ни слова.

Еще с полчаса Артур провел, попеременно погружаясь в дремоту и возвращаясь к действительности.

Дверь отворилась снова, и он испуганно открыл глаза. В палату внесли нового пациента, как догадался Артур, после операции по удалению аппендицита. Его уложили на свободную постель, и санитар подал ему стакан с водой:

– Не пей. Прополощи рот и выплюнь.

Тот выпил.

– Нельзя, говорят тебе!

Мужчину вырвало.

– ...твою мать. – Санитар бросил ему ворох скомканных бумажных полотенец и вышел.

Новичок провалился в сон, сжимая в кулаке полотенце.

Внимание Артура привлекло какое-то движение. Он перевел взгляд на застекленный проем в двери палаты и увидел в нем лица двух мужчин – латиноса и негра. Чернокожий сощурился, присматриваясь к Артуру, негромко сказал что-то латиносу, и тот тоже стрельнул глазами в его сторону.

Что-то в их поведении и выражении лиц подсказало Артуру – они не из простого любопытства пялятся на доходягу, спасенного от смерти шмыгой Миком.

Нет, эти парни запоминают его внешность. Зачем?

Может, они тоже хотят его убить?

И вновь Артура захлестнула паника. Если так и дальше пойдет, рано или поздно кто-нибудь все равно до него доберется.

Он закрыл глаза, но тут же встрепенулся, решив, что не должен спать. Это слишком опасно. Стоит ему заснуть, и с ним будет кончено; стоит ему только закрыть глаза, и с ним будет кончено; стоит ему хоть на минуту ослабить внимание к обстановке и людям, окружающим его, и с ним будет кончено.

Неопределенность до предела измучила Артура. По словам Джуди, Линкольн нашел доказательства его невиновности. Она не знала, какие именно, и Артур не понимал – то ли двоюродный брат просто хотел подбодрить их с Джуди, то ли у него в самом деле есть убедительное подтверждение необоснованности ареста. До разговора с женой Артур смирился со своей участью, сулящей ему существование в аду и надвигающуюся смерть, а эта новая, неясная надежда сводила его с ума.

«Для твоего же добра, фраер. Все равно сдохнешь, к долбаной фене, через месяц-полтора… Не кипеши, и ты в шоколаде…»

Но теперь, когда смутно забрезжила вероятность освобождения, смирение переродилось в панику. У Артура появилась хрупкая надежда, и вот ее грозились отобрать.

Снова бешено заколотилось сердце.

Артур с силой надавил на кнопку вызова, потом еще и еще.

Никакого ответа. В дверном оконце опять появилась пара глаз. Явно не врач. А кто? Может, один из тех двух зеков, что разглядывали его накануне? Артур не мог сказать с уверенностью. Незнакомец продолжал смотреть на него в упор.

Собрав воедино остатки воли, Артур попытался перебороть ужас, сковавший его тело, будто судорогой от электрического разряда, и опять надавил на кнопку вызова, потом нажал и не отпускал.

По-прежнему никакого ответа.

Глаза в оконце моргнули и исчезли.

Глава тридцать седьмая

– Метаданные.

Голос Родни Шарнека из компьютерной лаборатории нью-йоркского управления полиции через телефонную громкую связь объяснял Линкольну Райму, каким образом «5-22», вероятнее всего, «расколол» подсадную утку в «университетском профессоре».

Сакс стояла рядом, скрестив на груди руки и нервно теребя пальцами рукава своей блузки. Она напомнила Райму, что Кэлвин Геддес из организации «За невмешательство в личную жизнь» в разговоре с ней назвал метаданные «данными о данных».

– Они спрятаны в электронных документах.

– Все верно, – подтвердил Шарнек, услышав ее комментарий. – Похоже, ваш подозреваемый докопался, что мы составили резюме «профессора» днем раньше.

– Вот черт, – пробормотал Райм.

Всего, конечно, не учтешь, но, с другой стороны, иначе нельзя, если имеешь дело с человеком *всезнающим*. И вот закономерный результат: многообещающий план, реализация которого должна была привести к аресту преступника, пошел псу под хвост. И это уже второй прокол.

Еще хуже то, что они себя выдали так же, как «5-22», когда лоханулся с организацией фиктивного самоубийства. Только теперь *он,* в свою очередь, понял, как действуют его преследователи, и получил возможность разработать защиту против их тактики.

Знание – сила…

Шарнек продолжил:

– Я попросил знакомого в Карнеги-Меллоне просмотреть адреса всех, кто заходил на их сайт сегодня утром. Так вот, шесть штук местных, но все с интернет-клубных терминалов, то есть конкретных пользователей не установить. Два запроса от посредников в Европе, и я знаю эти прокси-серверы – от них помощи не дождешься.

Ну естественно.

– Далее, у нас есть кое-какая информация с файлов «свободного пространства», добытых Роном в «ССД». Тут не скоро дело делается. Они были… – Шарнек запнулся и, видимо, решил не пускаться в технические подробности, – довольно разбросанны. Но мы потихоньку склеиваем отдельные фрагменты. Так вот, похоже, что кто-то действительно составлял и скачивал досье. Мы установили *ним* – это типа псевдоним или условный адресат – «Бегунка». Ну вот пока и все.

– Но хоть что-то можешь о нем сказать? Кто он – сотрудник, клиент, хакер?

– Нет, не могу. Я попросил своего приятеля в ФБР прогнать «Побегайчика» по их базе данных на псевдонимы электронные письма. Система выдала почти восемьсот «Бегунков», но ни один из них не находится в Нью-Йорке и окрестностях. Мы продолжаем работать, так что позвоню, если будут новости.

Райм велел Тому внести «Бегунка» в список подозреваемых.

– Надо поспрашивать в «ССД». Может, кому-то знакома эта кликуха.

– А как продвигается дело со списком клиентов на компакт-диске?

– Этим у нас занимается специально выделенный сотрудник, обрабатывает его вручную. Я написал для него программу, но скорость невелика, потому что слишком много переменных – разные потребительские товары, проездные на общественный транспорт, пропуска. Многие компании скачали данные из досье фигурантов, проходивших по различным делам, но статистически ни одна не выделяется настолько, чтобы вызвать подозрения.

– Ну и ладно.

Райм прервал связь.

– Мы сделали что могли, Райм, – сказала Сакс.

Что могли... Райм молча поднял брови, что совершенно ничего не значило.

Загудел телефон, и в рамке идентификатора выскочило одно слово: «Селлитто».

– Команда, ответить! Лон, что-ни...

– Линк...

Случилось что-то недоброе. Голос в динамике звучал глухо и нетвердо.

– Опять убийство?

Селлитто прокашлялся.

– На этот раз один из наших.

Райм тревожно оглянулся на Сакс, подавшуюся вперед.

– Кто? Говори же!

– Джо Мэллой.

– О нет, – прошептала Сакс.

Райм устало закрыл глаза и опустил затылок на подголовник своего кресла.

– Этого следовало ожидать. Он все подстроил, Лон. Спланировал заранее. – Потом спросил негромко: – Жуткое зрелище?

– О чем ты? – не поняла Сакс.

Так же негромко Райм пояснил:

– Он ведь не просто убил Мэллоя. Верно, Лон?

В дрожащем голосе Селлитто звучала пронзительная горечь:

– Да, Линк, не просто.

– Говори же! – нетерпеливо воскликнула Сакс. – Что там было, черт возьми?

Райм обернулся и увидел в ее расширенных глазах ужас, какой ощущал и сам.

– «5-22» устроил весь этот спектакль, потому что хотел получить информацию. А чтобы вырвать ее у Джо, он его пытал.

– О Боже!

– Ты в порядке, Лон?

Видавший виды полицейский тяжело перевел дух. Еще раз откашлялся.

– Да, зрелище действительно жуткое. У него там целый арсенал разных приспособлений, чтобы делать людям больно. Судя по количеству крови, Джо держался до последней капли. А после ублюдок застрелил его.

Лицо Сакс покраснело от ярости. Ее рука потянулась к рукоятке «глока». Она спросила сквозь стиснутые зубы:

– У Джо есть дети?

Райм вспомнил, что жена капитана погибла несколько лет назад.

– Дочь, – ответил Селлитто. – В Калифорнии. Я уже позвонил ей.

– У тебя железные нервы, Лон, – заметила Сакс.

– Как бы не так. – Голос у детектива снова дрогнул. Райм не помнил его настолько расстроенным за все время совместной службы в полиции.

В памяти возник телефонный разговор с Джо Мэллоем, когда тот распекал Райма и Селлитто по поводу «забывчивости», помешавшей им

доложить о начале расследования преступлений «5-22». Капитан не только не ставил им палки в колеса, но и поддержал, забыв о нарушении субординации ради дела.

Долг полицейского был для него выше личных амбиций.

А «5-22» пытал и убил Мэллоя только потому, что ему понадобилась информация. Проклятая информация...

И тогда Райм снова нашел у себя в душе тот твердый камешек, помогающий ему в такие вот трудные минуты сохранять невозмутимую отрешенность, принимаемую некоторыми за бесчувственность. Но именно эта твердость и сосредоточенность позволяли криминалисту наилучшим образом выполнять свою работу при любых условиях. Райм произнес решительным тоном:

– О'кей, все понимают, что это означает?

– Что? – спросила Сакс.

– Он объявил войну.

– Войну? – переспросил Селлитто.

– Да. Нам. Он не намерен бежать, прятаться и предлагает нам поиметь самих себя. «5-22» перешел в наступление. И уверен, что мы не сможем нанести ответный удар. Я убил вашего командира – вот я какой! Он сжег за собой мосты. И знает каждого из нас.

– Может, Джо не сказал ему? – предположила Сакс.

– Нет, сказал. Он долго крепился, но «5-22» в конце концов дожал его.

Райм даже не пытался представить себе, какие муки вытерпел капитан, пока держал язык за зубами.

– Винить его не за что... Но теперь мы все под ударом.

– Меня вызывают на ковер, – объявил Селлитто. – Начальство хочет знать, почему мы прокололись. Им с самого начала не нравилась наша затея.

– Не сомневаюсь. Где он пытал Мэллоя?

– В Челси. На складе.

– На складе… типичный барахольщик. Почему именно на том складе? Он там работает? Помните его удобную обувь? Или нашел склад по компьютеру? Мне нужна вся информация об этом месте!

– Я подготовлю, – вызвался Купер.

Селлитто дал ему адрес.

– А мы обследуем место преступления. – Райм взглянул на Сакс, и та утвердительно кивнула.

Закончив разговор с Селлитто, Райм обратился к Сакс:

– А где Пуласки?

– Скоро будет. Он разбирался в ситуации с Роландом Беллом.

– Давай позвоним в «ССД» и выясним, где находились наши подозреваемые во время похищения Мэллоя. Большинство наверняка были на работе, но меня в первую очередь интересуют те, кто не был. И надо бы разузнать насчет этого «Бегунка». Как думаешь, Стерлинг согласится помочь?

– Обязательно поможет, – уверенно сказала Сакс, помня, с какой готовностью тот выполнял все ее просьбы. Она нажала клавишу громкой связи и набрала номер «ССД».

Ей ответил секретарь, и Сакс представилась.

– Здравствуйте, детектив Сакс. Это Джереми. Чем могу быть полезен?

– Мне надо переговорить с мистером Стерлингом.

– К сожалению, он отсутствует.

– Это очень важно. Совершено новое убийство. Погиб офицер полиции.

– Да, знаю – по новостям передавали. Мне очень жаль… Не кладите трубку, только что вошел Мартин.

Послышался приглушенный разговор, и вскоре из динамика раздался другой голос:

– Детектив Сакс, это Мартин. С сожалением узнал о новом убийстве. Но мистер Стерлинг сейчас находится за пределами здания.

– Мне действительно нужно срочно поговорить с ним.

Секретарь ответил невозмутимо:

– Я передам ему при первой возможности.

– А можно соединить меня с Марком Уиткомом или Томом О'Деем?

– Сейчас попробую.

Мартин снова заговорил после продолжительной паузы:

– Боюсь, Марк тоже отсутствует, а Том на собрании. Я оставил каждому сообщение о том, что вы их спрашивали. Детектив Сакс, у меня звонок на другой линии. Я вынужден закончить нашу беседу. Еще раз примите мои соболезнования по поводу гибели капитана.

– «Вы все, кто от берега к берегу будете год за годом переезжать на пароме, вы чаще в моих размышленьях пребудете, чем то вам могло бы казаться».

У Памелы Уиллоуби, сидящей на скамейке перед панорамой Ист-Ривер, дрогнуло сердце и повлажнели ладони.

Она обернулась назад, на голос Стюарта Эверетта. Мужчина стоял, освещенный косыми лучами солнца, заходящего над Нью-Джерси, – голубая рубашка, джинсы, спортивная куртка, кожаная сумка на плече. Мальчишеское лицо, мягкие каштановые волосы, тонкие губы, готовые раздвинуться в улыбке, которая, впрочем, не так уж часто появляется.

– Привет, – произнесла Пам с невольной радостью в голосе и рассердилась на себя, потому что хотела выглядеть суровой.

– Привет. – Стюарт смотрел на север, в сторону опоры Бруклинского моста.

– Я знаю, откуда эта строчка – из поэмы «На Бруклинской переправе».

Сама же поэма была из книги «Листья травы», шедевра поэтического творчества Уолта Уитмена. После того как Стюарт Эверетт в классе назвал этот сборник стихов своим любимым, Пам купила себе экземпляр дорогого издания. Ей казалось, что теперь между ними возникла какая-то связь.

– В школьной программе ее не было. Но ты все равно прочитала?

Пам хранила молчание.

– Можно, я сяду?

Она кивнула.

Некоторое время сидели, не говоря ни слова. Пам ощущала запах его лосьона после бритья. Наверное, жена купила в подарок.

– Твоя приятельница, по-видимому, все тебе рассказала.

– Именно.

– Она мне понравилась. Я поначалу решил, что мне не избежать ареста.

Хмурое лицо Памелы смягчила улыбка.

Стюарт продолжал:

– Ее можно понять. Ситуация действительно не из приятных. У тебя хорошая защитница.

– Лучше Амелии никого нет.

– Трудно поверить, что она служит в полиции.

«Поэтому полиция устраивает проверки моих друзей. Не так уж плохо было оставаться в неведении, – размышляла Пам. – А когда знаешь слишком много, это полный отстой».

Стюарт взял ее за руку. У Пам возникло желание отдернуть руку, но тут же исчезло.

– Послушай, давай поговорим начистоту.

Пам не хотела смотреть в его карие глаза под припухлыми веками – сейчас это было бы опрометчиво. Ее взгляд блуждал по реке и гавани вдали. Паромы все еще курсировали между берегами, но в основном по воде плыли сухогрузы и частные катера. Пам часто приходила сюда смотреть на реку. Прожив долгое время в глухих лесах Среднего Запада вместе с сумасшедшей мамашей и кучкой правоэкстремистских фанатиков, прячущихся от полиции, девочка привыкла мечтать о реках и морях, о просторе и приволье водной стихии, никогда не стоящей на месте, и эти грезы действовали на нее умиротворяюще.

– Знаю, я поступал нечестно. Но от наших супружеских отношений осталось одно название. Я уже давным-давно не сплю с ней.

«Неужели, – подумала Пам, – мужчинам больше не о чем говорить в подобных случаях? Дело ведь не в сексе, а в том, что он женат».

Стюарт продолжал:

– Я хотел, чтобы мы были просто друзьями, но полюбил тебя помимо воли. Ты не такая, как все. Ты зажгла огонь в моей душе. И дело даже не в том, что ты прекрасна. Ты… как Уитмен. Незаурядная. Лиричная. Ты словно сама поэзия.

– У тебя есть дети? – не удержалась Пам.

Стюарт помедлил.

– Да, есть. И тебе бы они понравились. Джону восемь. Чиара уже перешла в среднюю школу. Ей одиннадцать. У меня прекрасные дети. И только из-за них мы с Мэри все еще вместе.

Значит, жену зовут Мэри. Наконец-то.

Стюарт сжал ее пальцы.

– Пам, я не могу без тебя.

Ей было хорошо и спокойно сидеть рядом с ним, ощущать сильную мужскую руку, вдыхать приятный, сухой аромат лосьона – не важно, кем подаренного. «Наверное, он и сам сказал бы мне рано или поздно», – подумала Пам.

– Клянусь, я хотел рассказать тебе все где-то через недельку, когда соберусь с духом.

Пам чувствовала, как у него подрагивает рука.

– Знаешь, когда я вижу лица моих детей, то думаю, что не должен разбивать семью. Но мне повстречалась ты, самый удивительный человечек на свете… Я слишком долго был одинок…

– Мне хочется провести с тобой какой-нибудь праздник, – сказала Пам. – День благодарения или Рождество…

– Попробую освободиться на какой-то из них. Хотя бы на полдня. Надо просто загодя все продумать. – Стюарт опустил голову. – Дело вот в чем. Я не могу жить без тебя. Подожди немножко, и у нас все получится.

Пам вспомнила ночь, проведенную ими вместе. Об этой их тайне никто не знал. Амелия Сакс осталась тогда ночевать у Линкольна Райма, и Пам

привезла Стюарта в ее пустой таунхаус. Свершилось волшебство. Ей хотелось, чтобы каждая ночь в ее жизни была похожа на ту.

Пам крепко сжала руку Стюарта.

Он прошептал:

– Нам нельзя расставаться.

Пам чувствовала себя очень уютно в его объятиях. Ее любовь к Стюарту действительно вылилась в посвященные ему поэтические строки. Она написала стихи, в которых сравнивала их взаимное влечение с силой гравитации, одной из основополагающих во вселенной.

Пам опустила голову Стюарту на плечо.

– Обещаю, что никогда больше не буду ничего скрывать от тебя. Только, пожалуйста… Мне обязательно нужно видеться с тобой.

Пам подумала о тех счастливых часах, что они провели вместе, хотя, казалось бы, ничем особенным не занимались. Но это лишь с точки зрения посторонних – где им понять!

Ни с чем не сравнимое чувство.

Как теплая вода на рану, смывающая боль.

Скрываясь от полиции, Пам с матерью жили рядом с какими-то примитивными мужчинами, способными ударить «ради твоей же пользы», и снисходили до общения со своими женами и детьми, только чтобы поучать или приказать замолкнуть.

Стюарт так далек от тех чудовищ, словно был из другой галактики.

Он шептал:

– Погоди немного, и все получится. Обещаю. Будем встречаться, как и прежде… Послушай, у меня идея! Ты ведь хотела съездить за границу. В следующем месяце в Монреале состоится писательская конференция. Я бы оплатил твой перелет, комнату в отеле. Ты могла бы присутствовать на конференции, а вечера мы проводили бы вместе.

– О, я люблю тебя! – Пам прижалась лицом к его щеке. – Теперь я понимаю, почему ты не сказал мне раньше.

Стюарт крепко обнял ее и поцеловал в шею.

– Пам, я так…

Вот тут Памела отстранилась от него и обеими руками прижала к груди сумку с учебниками, будто прикрылась щитом.

– Однако нет, Стюарт.

– Что?

Пам казалось, что ее сердце еще никогда не билось так быстро.

– Когда ты разведешься, позвони мне, и мы обо все поговорим. А до тех пор – нет. Мне нельзя с тобой встречаться.

Пам нашла слова, какие, по ее представлению, произнесла бы Амелия Сакс в подобных обстоятельствах. Но сможет ли она найти силы, чтобы не заплакать? Амелия плакать бы не стала. Ни за что!

Пам заставила себя улыбнуться, превозмогая душевную боль, нахлынувшую на нее вместе с одиночеством и паникой, мгновенно уничтожившими ощущение уюта. Теплое чувство остыло и превратилось в колючую льдинку на сердце.

– Но, Пам, ты для меня значишь все.

– А что значишь ты для меня, Стюарт? Ты не можешь быть для меня всем. А я на меньшее не согласна.

«Говори твердым голосом», – приказала себе Пам.

– Если ты разведешься, я буду с тобой. Ты разведешься?

Он опустил свои неотразимые глаза и прошептал:

– Да.

– Сегодня? Завтра?

– В ближайшее время не смогу. Это слишком сложно.

– Нет, Стюарт. На самом деле это очень, очень просто. – Пам встала со скамьи. – Если больше не увидимся, желаю счастливой жизни. – Она быстро зашагала прочь в сторону расположенного поблизости дома Амелии.

Ладно, возможно, Амелия и не заплакала бы, но Пам больше не могла сдерживаться. Она шла по тротуару, заливаясь слезами и не решаясь

обернуться – а вдруг не совладает с собой! Не осмеливалась даже задуматься над тем, что натворила.

Впрочем, одна мыслишка по поводу сцены расставания у нее все-таки родилась. Когда-нибудь она, наверное, даже сочтет ее забавной. Какая дурацкая прощальная фраза, досадовала Пам. Надо было придумать что-то получше.

Глава тридцать восьмая

Мел Купер нахмурился:

– Склад? Где убили Джо? Какое-то издательство арендует его под макулатуру, только в последнее время им почти не пользуются. Самое странное то, что неизвестно, кто владелец.

– То есть как?

– Я проверил все корпоративные документы. Склад передавался в лизинг по очереди трем компаниям, принадлежащим корпорации в штате Делавэр, а та, в свою очередь, принадлежит паре нью-йоркских корпораций. Цепочка собственников заканчивается где-то в Малайзии.

Но «5-22» узнал об этом, а также о том, что никто не помешает ему пытать пленника в помещении склада. Каким образом? Да ведь он всезнающий.

В лаборатории тренькнул телефон, и Райм взглянул на определитель номера. После всех плохих новостей по делу «5-22» пусть будет хоть одна хорошая.

– Здравствуйте, инспектор Лонгхерст.

– Детектив Райм, звоню просто, чтобы держать вас в курсе событий. – Голос ее выдавал редкое волнение. – Похоже, мы наконец достигли заметных результатов.

Она объяснила, что д'Эстурн, один из членов их команды, прикомандированный французской службой безопасности, срочно выехал в Бирмингем и установил контакт с алжирцами из мусульманской общины в соседнем городе Уэст-Бромидже. Он узнал, что какой-то американец заказал у них поддельный паспорт и проездные документы до Северной Африки с конечным пунктом назначения Сингапур. Алжирцы получили от него авансом крупную сумму и обещали исполнить заказ к концу завтрашнего дня. Забрав документы, американец сразу отправится в Лондон, чтоб завершить начатую работу.

– Отлично, – сказал Райм, посмеиваясь. – На самом деле Логан уже там, не правда ли? В Лондоне?

– Это можно утверждать с полной уверенностью, – согласилась англичанка. – Он попытается произвести выстрел завтра, когда наш двойник будет встречаться с сотрудниками МИ-5 в зоне поражения.

– Вот именно.

Итак, Логан заказал поддельные документы, заплатил за них большие деньги с целью отвлечь внимание оперативной группы на Бирмингем, а сам поспешил в Лондон для выполнения задания по ликвидации преподобного Гудлайта.

– Что слышно от агентов Дэнни Крюгера?

– На южном побережье его будет ждать катер, и на нем он сможет свалить во Францию.

«Свалить»! До чего же богат английский язык, подумал Райм. Американские копы таких выражений не употребляют.

Райм вспомнил о логове киллера под Манчестером и взломе штаб-квартиры благотворительной организации Гудлайта в Лондоне. Жаль, что ему не удалось лично обследовать по сетке оба места преступления при помощи видеокамеры с высокой разрешающей способностью. Возможно, криминалист заметил бы что-то важное. Какую-то упущенную мелкую деталь, способную пролить свет на точное место и время нанесения киллером своего удара. Но теперь уже поздно, все следы стерлись. Оставалось только надеяться, что выводы сделаны правильные.

– Какими силами вы располагаете на месте?

– По периметру зоны поражения размещены десять оперативников, одетых в гражданку или камуфляж.

Лонгхерст добавила, что Дэнни Крюгер вместе с агентом французской службы безопасности и еще одной оперативной группой «не демонстративно, но заметно» обозначают свое присутствие в Бирмингеме. Кроме того, была усилена охрана фактического укрытия преподобного Гудлайта; пока ничто не свидетельствовало о том, что киллеру стало известно его местонахождение, однако Лонгхерст не желала рисковать.

– Очень скоро мы узнаем больше, детектив.

Едва они закончили разговор, как компьютер издал мелодичный сигнал.

«Мистер Райм?» На мониторе у него перед глазами открылась маленькая рамка с текстом и видом гостиной в доме Амелии Сакс – у нее компьютер со встроенной веб-камерой. За компьютером сидела Пам и печатала сообщения для Райма в режиме онлайн.

Криминалист продиктовал ответ системе распознания по голосу, и та преобразовала его речь в письменную форму: «По мела привет штанов во?»

Чертов компьютер. Может, действительно сказать электронному гуру Родни Шарнеку, чтоб установил новую программу?

Но Пам успешно справилась с расшифровкой сообщения.

«Ничего, – напечатала она. – А у вас что нового?»

«Все по-старому».

«Амелия с вами?»

«Нету ехала по делам».

«:-(Облом. Хотела поговорить. Не отвечает на звонки».

«Чем яма купа мочь...»

Черт! Райм вздохнул и попытался снова.

«Чем мы можем помочь?»

«Спасибо, ничем. – Пам помедлила, обернувшись на свой сотовый телефон. Потом повернулась обратно к компьютеру и напечатала: – Подождите минутку, Рэйчел звонит».

Пам отвернулась, отвечая на звонок, оставив веб-камеру включенной. Одной рукой она водрузила себе на колени тяжелую сумку с учебниками, порылась в ней, открыла книгу, нашла нужное место и стала вычитывать вслух.

Райм уже хотел вернуться к своим доскам со списками вещдоков, глянув напоследок на рамку в мониторе.

В картинке появилась новая деталь.

Райм озабоченно нахмурился и подрулил свою коляску поближе.

Похоже, Пам была не одна в таунхаусе Амелии. Райм не был уверен в этом и напряженно вглядывался в экран, пока не увидел с полной определенностью, что да, в темном коридоре, всего в двадцати футах от девочки, прятался неизвестный мужчина.

Райм прищурился, вытянув шею, насколько мог, ближе к монитору. Лицо незнакомца скрывала низко надвинутая шляпа. Он что-то держал в руке. Нож? Пистолет?

– Том!

Его помощник находился за пределами слышимости. Ну да, он ведь пошел мусор выносить.

– Команда, вызов, домашний номер Сакс!

Слава Богу, аппарат сработал так, как велено.

На экране Пам покосилась на телефонный аппарат, стоящий возле компьютера, но не стала брать трубку – звонили хозяйке дома, так пусть оставят сообщение на голосовой почте. Она продолжала говорить по мобильнику.

Мужчина осторожно заглянул в комнату; лицо по-прежнему закрывали поля шляпы, но было понятно, что он смотрел на Пам.

– Команда, онлайн-сообщение.

На экране открылась рамка.

– Команда, печать: «Тревога, чужой сзади». Команда, послать.

«Тренога чужой за день».

Вот черт!

– Команда, печать: «Пам, опасность, спасайся». Команда, послать.

На этот раз компьютер почти не исказил сообщение.

«Пожалуйста, Пам, прочитай, – молча умолял Райм. – Посмотри на экран!»

Но девочка слишком увлеклась разговором с подругой. Лицо ее потеряло беззаботное выражение. Видно, беседа приняла серьезный оборот.

Райм набрал 911, и диспетчер заверил его, что полицейская машина прибудет на место через пять минут. Однако незнакомец доберется до Пам за секунды, а она еще даже не заметила его.

Райм не сомневался, что это «5-22». Он пытками заставил Мэллоя рассказать о всех членах оперативной группы. Амелия Сакс была первой в списке кандидатов на смерть. Только вместо нее суждено умереть ни в чем не повинной девочке.

Участившееся сердцебиение Райм воспринимал как жестокую, пульсирующую головную боль. Он снова отдал команду набрать домашний номер Сакс. После четырех гудков:

– Привет, это Амелия. Пожалуйста, оставьте сообщение после сигнала.

Попробовал по-другому:

– Команда, печать: «Пам, позвони мне, точка. Линкольн, точка».

А если девочка ответит, что ей сказать? Сакс хранила дома оружие, но Райм не знал где. Пам занималась спортом и находилась в хорошей физической форме, а незваный гость выглядел не намного крупнее. Однако он вооружен и легко мог подкрасться к девочке сзади, накинуть ей на шею удавку или ударить ножом в спину, так что Пам даже не поймет, что произошло.

Это случится у Райма на глазах, а он ничего не сможет сделать.

Наконец Пам стала поворачиваться в сторону компьютера на своем вертящемся стуле. Сейчас она увидит сообщение.

Хорошо, хорошо, еще немножко.

Райм увидел, как тень незнакомца пересекла по диагонали пол комнаты. Убийца начал подбираться к своей жертве.

По-прежнему разговаривая по телефону, Пам придвинулась к компьютеру, но смотрела на клавиатуру, а не на экран.

«Подними глаза, – телепатировал Райм. – Ну пожалуйста, прочитай же чертово сообщение!»

Но, как большинство современных подростков, Пам умела печатать вслепую, не заботясь о правописании. Все так же не глядя на экран, прижимая мобильник к уху плечом, она быстрыми движениями пальцев набрала несколько слов:

«Простите, должна заканчивать. Пока, мистер Райм. Увидимся:-)»

Картинка исчезла, и экран стал черным.

Амелия Сакс, одетая в комбинезон с гидроветрозащитной мембраной, хирургическую шапочку и бахилы, мучилась клаустрофобией. Ее подташнивало от резкого запаха сырой бумаги, крови и пота, пропитавшего воздух на складе.

Она не знала капитана Джозефа Мэллоя достаточно хорошо, но тот был «своим», выражаясь словами Лона Селлитто. И ее ужаснула жестокость, с которой «5-22» обошелся с ним, только чтобы добыть нужную информацию. Сакс уже почти закончила обследование места преступления и, вынеся наружу пакеты с вещественными доказательствами, с облегчением вдохнула воздух большого города, пусть даже смердящий выхлопными газами дизельных моторов.

Ей постоянно слышался голос отца. Еще ребенком Амелия заглянула однажды в родительскую спальню и увидела его в парадной полицейской форме и со слезами на глазах. Это зрелище потрясло девочку; до сих пор отец ни разу не плакал при ней. Он жестом пригласил ее войти. Герман Сакс всегда разговаривал с дочерью начистоту; вот и тогда усадил в кресло рядом с собой и объяснил, что его сослуживец и друг погиб от выстрела грабителя, которого пытался остановить.

«Эми, в нашем деле мы все равно что семья. А как же иначе, если больше времени проводишь с ребятами на службе, чем с собственной женой и детьми. И всякий раз, когда погибает один из нас, умирает частичка тебя самого. И не имеет значения, рядовой патрульный или начальник, он тебе как родной, и если теряешь кого из них, боль ощущается одинаково».

И вот теперь Амелию преследовала боль, про которую говорил отец. Глубокая, мучительная боль.

– Я закончила, – бросила она бригаде криминалистов, ожидавших возле своего напичканного спецоборудованием микроавтобуса.

Сакс самостоятельно обследовала место преступления, но эксперты из лаборатории в Куинсе засняли его на видео и фотокамеры и обошли по сетке прилегающие зоны, а также вероятные пути прибытия и отхода убийцы.

Сакс кивнула дежурному судмедэксперту с помощниками и сказала:

– О'кей, можете забирать тело в морг.

Мужчины в комбинезонах и перчатках из плотной зеленой материи вошли в помещение склада. Сакс начала складывать собранные вещдоки в молочные ящики для перевозки в лабораторию Райма, но остановилась.

Кто-то наблюдал за ней.

Из безлюдного переулка донесся звук, будто тихонько стукнули металлом о металл, бетон или стекло. Сакс быстро глянула в ту сторону, и ей показалось, что возле давно развалившейся заводской погрузочной рампы маячит чья-то фигура.

Дело делай, а зад прикрывай…

Она вспомнила свой выезд на кладбищенский труп, полицейскую фуражку, заимствованную убийцей. У Сакс возникло то же неприятное ощущение, что за ней незаметно следят. Детектив оставила ящики с вещдоками и медленно пошла по переулку, сжимая рукоятку пистолета. Там никого не было.

Паранойя.

– Детектив! – позвал ее один из экспертов.

Сакс продолжала медленно идти, оглядываясь по сторонам. Не мелькнуло ли чье-то лицо за тем пыльным окошком?

– Детектив! – не унимался эксперт.

– Сейчас, подождите! – Легкое раздражение в голосе.

– Простите, вас к телефону, – пояснил тот. – Детектив Райм.

Сакс всегда отключала свой мобильник во время обследования места преступления, чтобы не отвлекали.

– Скажите ему, я скоро перезвоню.

– Детектив, он говорит, вам надо немедленно приехать. В вашем доме происшествие. Это связано с какой-то Памелой.

Глава тридцать девятая

Амелия Сакс вбежала в дом, забыв про боль в коленях. Мимо полицейских у входа, даже не кивнув им.

– Где?!

Один из копов указал ей на гостиную.

Сакс поспешила туда… и встретилась глазами с Пам. Она сидела на диване. Лицо у нее было бледное.

Рядом с ней сидела женщина-полицейский.

– Ты в порядке?

– Да. Струсила немножко, а так нормально.

– Не ранена? Тебя можно обнять?

Пам засмеялась, и Сакс обхватила девочку обеими руками.

– Что произошло?

– Какой-то дядька влез в дом. Он был тут совсем рядом со мной. Мистер Райм увидел его через веб-камеру на экране монитора. Он все названивал по телефону, а я все не брала трубку, а потом взяла, а он мне говорит: «Кричи изо всех сил и беги из дома».

– И ты убежала?

– Не совсем. Я типа бросилась на кухню и схватила нож – так разозлилась чего-то. А дядька сделал ноги.

Сакс взглянула на детектива из местного бруклинского округа, приземистого афроамериканца, пояснившего глубоким баритоном:

– Его уже не было, когда мы приехали. Соседи ничего не видели.

Значит, все-таки воображение сыграло с ней шутку во время обследования места убийства Джо Мэллоя на бумажном складе. Или просто какой-то подросток или алкаш полюбопытствовали, чем это там копы занимаются. Покончив с Мэллоем, «5-22» явился к ней в таунхаус, чтобы забрать следственные документы и вещдоки, а то и завершить начатое им дело – убить ее.

Сакс прошла по всему дому в сопровождении детектива и Пам. В письменном столе рылись, однако, как ей показалось, ничего не пропало.

– Я сначала подумала, может, это был Стюарт.

Пам перевела дух.

– Я, типа, порвала с ним.

– Правда?

Кивок.

– Ну и молодец… Так он или нет?

– Нет. У того одежда другая и по фигуре не похож. И хоть Стюарт сукин сын, не думаю, что он станет лезть в чужой таунхаус.

– Ты разглядела его?

– Не-а. Я посмотреть-то едва на него успела, как он развернулся и дал деру.

Однако Пам заметила, во что был одет незваный гость.

Детектив пересказал Сакс описание внешности взломщика, составленное со слов девочки: мужчина, белый или светлокожий негр либо латинос, нормального телосложения, одет в голубые джинсы и синюю клетчатую спортивную куртку. Узнав, что Райм наблюдал незнакомца по веб-каму, детектив связался и с ним, но тот видел лишь неясную фигуру в темном коридоре.

Они нашли окно, через которое взломщик проник в таунхаус. Охранная система не сработала, потому что Пам отключила ее, когда пришла.

Сакс осмотрелась по сторонам. Переполнявшие ее скорбь и гнев по поводу смерти Мэллоя сменились чувством тревоги и уязвимости, настигавшем ее на кладбище, на складе, где погиб капитан, в «ССД» – фактически повсюду – с тех пор, как она включилась в расследование преступлений «5-22». Будто он и сейчас наблюдает за ней, как тогда, возле дома Уильямса.

Ей почудилось какое-то движение за окном, и вроде бы мелькнул огонек… Нет, просто бледный солнечный лучик отразился от дрожащего на ветру листочка.

Или «5-22» прячется за кустом?

– Амелия, – тихонько позвала Пам, тоже беспокойно озираясь, – что-то не так?

Голос девочки вернул Сакс в действительность. Надо не мешкая приниматься за дело. Здесь совсем недавно побывал убийца. Так разыщи его следы, черт подери!

– Нет, милая. Все в порядке.

К ней обратился патрульный полицейский из местного округа:

– Детектив, хотите, я вызову экспертов из оперативно-криминалистического отдела?

– Не надо, – ответила Сакс, взглянула на Пам и напряженно улыбнулась. – Я сама проведу осмотр.

Сакс достала из багажника машины портативный набор принадлежностей для обследования места преступления и вместе с Пам провела осмотр.

То есть детектив проводила осмотр самостоятельно, а Пам стояла в сторонке и показывала ей, где именно находился убийца. И хотя голос у девочки немного дрожал, она уверенно и хладнокровно выполняла свою часть работы.

Я, типа, бросилась на кухню и схватила нож…

Продолжая опасаться за Пам, Сакс попросила патрульного подежурить в саду – у того места, где убийца выбрался на волю. Присутствие охраны лишь частично уменьшило ее озабоченность, учитывая сверхъестественную способность «5-22» выслеживать свои жертвы, выведывать подробности их личной жизни, незаметно подбираться к ним. Ей хотелось поскорее закончить осмотр и увезти отсюда Пам подобру-поздорову.

Следуя указаниям девочки, Сакс тщательно обследовала все места, где ступила нога убийцы, однако в доме не нашлось ни одной улики. Незваный гость либо надел перчатки, либо двигался достаточно осторожно, чтобы не касаться поверхностей, на которых остаются отпечатки. Ролик с липкой лентой также не помог обнаружить посторонних следов.

– Куда он выбежал из дома? – спросила Сакс.

– Пошли покажу.

Пам догадалась по лицу детектива, что той не хотелось рисковать и вновь подвергать ее опасности.

– Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Сакс кивнула в знак согласия, и обе вышли в сад. Детектив внимательно осмотрелась по сторонам и спросила патрульного:

– Ничего подозрительного?

– Нет. Только вот что говорят у нас на службе: «Когда думаешь, что за тобой следят, начинаешь видеть, что за тобой следят».

– Я эту присказку тоже слышала.

Полицейский показал большим пальцем за спину на темные окна дома через улицу, затем на густые заросли азалии и кустистую живую изгородь:

– Я там уже проверял – ничего. Но буду и дальше держать под наблюдением.

– Спасибо.

Пам провела Сакс по маршруту побега «5-22», и детектив начала осмотр по сетке.

– Амелия!

– Что?

– Знаешь, вчера я вела себя, типа, паршиво. Наговорила тебе всякого. На меня прямо нашло чего-то, честное слово… Крыша поехала… Короче, прости меня, если можешь.

– Ты была образцом сдержанности.

– Я так не думаю.

– Любовь делает нас непредсказуемыми.

Пам рассмеялась.

– Поговорим об этом позже, – предложила Сакс. – Может, поужинаем вместе сегодня вечером, если дела позволят?

– Ага, здорово.

Сакс продолжала осмотр и одновременно пыталась избавиться от постоянной тревоги, от ощущения, что «5-22» находится где-то рядом. Но как она ни старалась, найти что-нибудь существенного не удавалось. Взломщик почти все время бежал по гравийной дорожке, и следов не осталось. Только возле самой калитки, через которую он выскочил со двора в переулок, отыскалась одна глубокая вмятина от мыска ботинка – видимо, после сильного толчка ногой, – но в улики она не годилась. Свежих следов протектора автомобильных шин на улице также не обнаружилось.

Однако, возвращаясь к себе во двор, Сакс краем глаза заметила на земле среди побегов плюща и барвинка что-то беленькое – как раз в том месте, куда по идее должно выпасть содержимое кармана «5-22» во время прыжка через закрытую калитку.

– Нашла что-нибудь?

– Возможно. – Сакс подхватила пинцетом маленький прямоугольный листок бумаги. Вернувшись в дом, она разложила портативный лабораторный столик, спрыснула бумажную поверхность нингидрином, затем, надев специальные очки, осветила под нужным углом. К ее разочарованию, отпечатки пальцев отсутствовали.

– Ну что, полезная бумажка?

– Думаю, да. Конечно, имя на ней не написано, однако вещественные доказательства очень редко прямо указывают на преступника. Если бы так было, – добавила Сакс, улыбаясь, – такие специалисты, как я и Линкольн, остались бы не у дел, верно? А с этой бумажкой мы еще поработаем.

Она достала ящик с инструментами и шурупами и намертво закрепила оконную раму со сломанной щеколдой. Потом вместе с Пам вышла из дома, заперла дверь и включила охранную сигнализацию.

Еще раньше Сакс позвонила Райму и сообщила, что с Пам все в порядке, теперь же ей не терпелось показать ему свою находку в надежде, что та обернется новой уликой. Стоя на обочине, Сакс уже достала свой сотовый, но вместо того, чтобы набрать номер, вдруг остановилась и принялась озираться по сторонам.

– Амелия, что случилось?

Сакс убрала телефон обратно в футляр.

– Моя тачка пропала.

Огненный «камаро» исчез из поля зрения. Теперь Сакс встревожилась не на шутку. Она огляделась повнимательнее, положив руку на торчащий из кобуры «глок». Неужели «5-22» угнал ее автомобиль?

В это время вышел патрульный полицейский, освободившийся со своего поста, и Сакс спросила, не видел ли он красную машину.

– Ту старушку? Она ваша?

– Да, и думаю, ее мог угнать подозреваемый.

– Простите, детектив, но вашу машину отбуксировали. Если бы я знал, что она принадлежит вам, обязательно предпринял бы что-нибудь.

Отбуксировали? Наверное, Сакс забыла положить под ветровое стекло карточку с разрешением на стоянку в запрещенном месте для сотрудника нью-йоркского управления полиции.

Они сели в стоящую поодаль старенькую «хонду-сивик» Памелы и доехали до местного округа. Дежурил знакомый Амелии сержант. Он уже знал, что к ней в дом залез взломщик.

– Привет, Амелия. Ребята уже опросили как следует всех жителей в районе, но никто ни видел ничего подозрительного.

– Послушай, Винни, я осталась без колес. Оставила тачку возле гидранта напротив моего дома.

– Служебную?

– Нет, без обозначений.

– Это какую же – твой старенький «шеви»?

– Ага.

– О да, дело дрянь.

– Представляешь, отбуксировали, и не знаю куда. У меня есть разрешение, но я, кажется, забыла положить его на переднюю панель.

– Они все равно должны были проверить владельца по регистрационному номеру. Вот уроды, устроили тебе такую подлянку!.. Простите, мисс.

Пам улыбнулась в знак того, что ей до фонаря, когда кто-то ботает по фене, входящей в ее собственный лексикон.

Сакс назвала сержанту номер своей машины, тот куда-то позвонил, потом проверил по компьютеру.

– Нет, это не нарушение правил парковки. Погоди еще минуту.

Он опять принялся названивать по телефону.

Ну не гадство ли? Без колес – как без рук! Сакс не терпелось изучить вещдок, найденный ею возле своего таунхауса.

Но когда она увидела, как у Винни озабоченно наморщился лоб, ее нетерпение сменилось тревогой.

– Точно?.. Ладно, и куда его теперь?.. Вот так, значит… Ну хорошо, перезвони мне, как только узнаешь.

Сержант положил трубку.

– Что?

– Ты покупала свой «камаро» в кредит?

– В кредит? Нет, конечно!

– Странно. Его изъяли за неуплату по кредиту.

– Кто изъял? По какому кредиту?

– Агентство по возвращению долгов. Они утверждают, что у тебя шестимесячная просрочка выплат.

– Винни, эта тачка шестьдесят девятого года! Папа купил ее за наличные тридцать лет назад. Уплатил сто процентов цены без рассрочки. И кто же якобы ссудил мне деньги?

– Пока неизвестно. Мой приятель все разузнает и перезвонит. И куда отбуксировали твой «камаро» – тоже.

– Этого мне только не хватало, черт возьми! У тебя тут есть свободные колеса?

– Нет, извини.

Сакс поблагодарила сержанта и вместе с Пам вышла на улицу.

– Пусть только царапину на ней оставят, горько потом пожалеют! – процедила она сквозь зубы.

Если бы Сакс узнала, что к инциденту с машиной причастен «5-22», то не удивилась бы, хотя не могла вообразить, как это у него получилось.

И вновь у детектива возникло тревожное чувство: что еще известно о ней преступнику, насколько глубоко он влез в ее жизнь?

Человек всезнающий…

Сакс попросила Памелу:

– Одолжишь мне свой «сивик»?

– Конечно. Только сначала подбрось меня к дому Рэйчел, ладно? Мы будем вместе делать домашнюю работу.

– Знаешь, милая, давай-ка я лучше попрошу ребят из округа отвезти тебя в город.

– Давай. А почему?

– Этот тип уже знает обо мне слишком много. Думаю, нам пока безопаснее держаться на расстоянии друг от друга.

Она вернулась в здание полицейского участка и договорилась о том, чтобы подвезли Пам. Возвратившись на улицу, Сакс внимательно посмотрела направо и налево, но ничего похожего на слежку не заметила.

Внезапно ее внимание привлекло движение в окошке дома на противоположной стороне улицы. Ей сразу вспомнилась эмблема «ССД» – окно на верхушке сторожевой башни. На улицу выглянула безобидная старушка, и тем не менее у Сакс по спине пробежал холодок. Она быстро подошла к машине Пам, села за руль и запустила двигатель.

Глава сороковая

Все системы жизнеобеспечения таунхауса, лишенные энергии, со щелканьем отключились, и в доме воцарился беззвучный полумрак.

– Какого черта? – выкрикнул Райм.

– Электричества нет, – объявил Том.

– Это я и сам понял, – огрызнулся криминалист. – Хотелось бы знать почему.

– Газохроматограф выключен, – сказал Мел Купер, словно оправдываясь. Он выглянул в окно, желая убедиться, что свет погас во всем районе, но, поскольку сумерки еще не наступили, определить это с полной уверенностью было невозможно.

– Мы не можем позволить себе сидеть без электричества именно сейчас. Том, черт подери, займись этим немедленно!

Райм, Селлитто, Пуласки и Купер остались молча сидеть в темном помещении лаборатории, а Том вышел в прихожую и оттуда позвонил со своего мобильника в «Консолидейтед Эдисон» – компанию, снабжающую электроэнергией весь Нью-Йорк.

– Это невозможно, – уверял он кого-то. – Я оплачиваю счета через компьютер. Каждый месяц. Еще ни разу не просрочил. У меня есть квитанции… Вообще-то они в компьютере… Как же я войду в систему, если вы отключили электричество?.. Да, у меня есть погашенные чеки, но, опять же, как я перешлю их вам по факсу без электричества?.. Нет, я не знаю, где тут поблизости почтовый офис «Кинко».

– Это его рук дело, сами понимаете, – обратился Райм к присутствующим.

– «5-22»? Он оставил твой дом без электричества?

– Ну да. Он узнал, кто я и где живу. Наверное, выведал у Мэллоя, что здесь расположен наш командный пункт.

Они продолжали сидеть в жуткой тишине. Впервые Райм подумал о том, насколько он уязвим. Все эти устройства и приборы, за счет которых он существовал, теперь оказались совершенно бесполезны. Ему уже не подчиняется не только навороченная система управления окружающей средой, но даже электрический замок входной двери. Если «затемнение» продолжится и Том не сможет подзарядить аккумуляторы инвалидной коляски, то Райм окончательно потеряет всякую возможность передвигаться.

Такой уязвимости он еще никогда не ощущал. Даже присутствие профессиональных полицейских не умаляло его тревоги; «5-22» представлял угрозу для всех и каждого.

Райма также занимал вопрос: это обесточивание – отвлекающий маневр или подготовка к нападению?

– Надо установить наблюдение за подходами к дому, – объявил он. – «5-22» может перейти к наступательным действиям.

Пуласки подошел к окну; Купер тоже.

Селлитто достал свой сотовый телефон, позвонил в управление и объяснил, что происходит. Он закатил глаза, выслушивая собеседника – лейтенант никогда не отличался сдержанностью в выражении эмоций, – и закончил разговор словами:

– Плевать я хотел! Поступайте как знаете. Только учтите, этот ублюдок – убийца, а мы не можем ловить его без долбаного электричества!.. Спасибо.

– Том, ну что там?

– Ничего, – прозвучал лаконичный ответ.

– Чертовщина. – Райм задумался. – Лон, позвони Роланду Беллу. Думаю, мы нуждаемся в защите. «5-22» уже наехал на Сакс и Памелу. – Криминалист кивнул на темный экран монитора. – Он знает про всех нас. Надо выставить охрану в доме матери Амелии, в доме приемных родителей Пам, у Пуласки и матери Мела. И у тебя дома тоже, Лон.

– Думаешь, это настолько серьезно? – переспросил тяжеловесный Селлитто и покачал головой: – Что я несу, черт возьми? Какие уж тут шуточки.

Он собрал у присутствующих адреса и номера телефонов, позвонил Беллу, передал ему информацию и велел организовать охрану. Закончив разговор, объявил:

– Все сделаю, но управлюсь не скоро, за несколько часов.

Воцарившееся молчание нарушил громкий стук в дверь. Том направился открывать, не выпуская из руки свой мобильник.

– Стой! – крикнул ему Райм.

Помощник остановился.

– Пуласки, иди с ним. – Райм кивком указал на пистолет на бедре у молодого полицейского.

– Есть!

Оба вышли в коридор. До Райма донеслись приглушенные голоса, и мгновением позже в помещение вошли двое мужчин в костюмах, с аккуратно подстриженными волосами и серьезными лицами. Они с любопытством огляделись – начав с туловища Райма и закончив

мудреным оборудованием, удивленные либо его скоплением, либо отсутствием света, а вероятнее всего, тем и другим вместе.

– Мы разыскиваем лейтенанта Селлитто. Нам сказали, что он здесь.

– Это я. А вы кто?

Незнакомцы извлекли полицейские жетоны и представились – оба оказались сержантами, детективами отдела собственной безопасности нью-йоркского управления.

– Лейтенант, – обратился к Селлитто тот, что постарше, – нам поручено забрать у вас жетон и табельное оружие. Могу сообщить, что результат анализа положительный.

– Извиняюсь, о чем это вы?

– Вы официально отстранены от исполняемых обязанностей. Ордера на ваш арест пока нет, но я рекомендую вам проконсультироваться у адвоката – собственного либо из полицейского профсоюза.

– Что происходит, черт возьми?

Сержант помоложе ответил сурово:

– Анализ на содержание наркотиков в крови.

– Что?!

– Перед нами отпираться бесполезно. Мы только выполняем приказы, забираем жетоны, оружие и сообщаем об отстранении.

– Что еще за долбаный анализ?

Старший недоуменно посмотрел на младшего. Очевидно, до сих пор никто из провинившихся так себя не вел.

И это понятно, поскольку, как догадался Райм, то, что сейчас происходило, являлось следствием очередной подставы, состряпанной «5-22».

– Детектив, в самом деле, вам нет необходимости изображать…

– Так, по-вашему, черт возьми, я изображаю?

– В приказе о вашем отстранении говорится, что вы сдали кровь на анализ на прошлой неделе. Только что полученные результаты

свидетельствуют о высоком уровне содержания в вашем организме таких наркотиков, как героин, кокаин и психоделические вещества.

– Я сдал кровь на наркотики, как и все сотрудники нашего отдела. Результат анализа не может быть положительный, потому что я не принимаю никаких долбаных наркотиков. И *никогда* не принимал никаких долбаных наркотиков! И… Вот дерьмо! – прорычал тяжеловесный Селлитто, и гримаса ярости исказила его лицо. Он ткнул пальцем в брошюру «ССД»: – Анализ проводила компания, занимающаяся учетом и контролем за потреблением наркотиков. «5-22» сумел проникнуть в систему и подделал мой файл. Результаты анализа недействительны!

– Такое трудновато подделать.

– Он уже подделал!

– Вы или ваш адвокат сможете заявить об этом в свою защиту на слушании дела. Повторяю, нам нужны лишь ваш жетон и пистолет. Вот, можете ознакомиться с приказом. Надеюсь, обойдемся без осложнений. Вы же не хотите добавить себе неприятностей, не так ли?

– Вот черт.

Селлитто нехотя протянул свое оружие – револьвер старой модели – и полицейский жетон с личным номером.

– Давайте сюда долбаные документы!

Он выхватил из руки младшего копию приказа о своем отстранении, а старший тем временем заполнил расписку в получении и тоже отдал лейтенанту. Затем разрядил револьвер и вместе с патронами спрятал в большой конверт из толстой бумаги.

– Спасибо, детектив. Желаю приятного дня.

После ухода сержантов Селлитто раскрыл свой мобильник и позвонил начальнику отдела собственной безопасности. Его не оказалось на месте, и лейтенант оставил сообщение. Потом набрал номер своего отдела по борьбе с организованной преступностью и переговорил с единственным помощником на несколько таких же, как сам Селлитто, детективов-«важняков». Тот был уже в курсе событий.

– Без тебя знаю, что туфта… Чего они?.. Козлы. Ладно, позвоню, когда разберусь.

Селлитто захлопнул телефон с такой силой, что Райм не сомневался: звонить с него уже не получится. Он вопросительно поднял бровь.

– Только что конфисковали содержимое моего письменного стола.

– Как, черт возьми, можно бороться с таким противником? – спросил Пуласки.

В это мгновение на мобильник Селлитто позвонил Родни Шарнек. Тот включил громкую связь.

– Почему у вас не отвечает стационарный телефон?

– Известный тебе паршивец оставил нас без электричества. Мы сейчас этим занимаемся. Что нового?

– Мы нашли кое-что интересное в списке клиентов «ССД» на компакт-диске. Один из них скачал досье всех жертв убийств и подстав за день до совершения каждого преступления.

– Кто он?

– Его зовут Роберт Карпентер.

– Так. Хорошо, – сказал Райм. – Продолжай.

– Могу добавить только то, что о нем есть в файле. Он владеет компанией в Мидтауне. Называется «Складская ассоциация».

Складская? Райм сразу вспомнил о месте гибели Джо Мэллоя. Нет ли тут связи?

– Адрес компании имеется?

Шарнек продиктовал адрес.

Пуласки, задумчиво наморщив лоб, дождался, когда Райм закончит разговор, и обратился к нему:

– Кажется, мы видели его в «ССД».

– Кого?

– Карпентера. Вчера, когда были там с Амелией. Крупный, лысоватый. Он встречался со Стерлингом, и разговор для него, видно, был не из приятных.

– Что значит «не из приятных»?

– Н-ну, не знаю. Такое у меня сложилось впечатление.

– Это ни о чем не говорит, – подытожил Райм. – Мел, прогони-ка по учетам этого Карпентера.

Купер позвонил по мобильнику в управление. Несколько минут он делал пометки в блокноте, встав у окна, где посветлее, потом выключил телефон.

– Есть кое-что любопытное, Линкольн, хотя это слово тебе почему-то не нравится. Вот какие данные на Роберта Карпентера имеются в Национальном центре криминальной информации и базе данных нашего управления. Проживает на Верхнем Ист-Сайде, холост. И, обрати внимание, привлекался по уголовным статьям за мошенничество с кредитными карточками и подделку чеков. Отсидел полгода в тюрьме Уотербери. Также подвергался аресту по обвинению в корпоративном вымогательстве. Во время задержания набросился с кулаками на агента ФБР. Позже обвинение было снято, но в обмен на его согласие пройти курс ПН-терапии.

– Психическая неустойчивость? – Райм удовлетворенно кивнул. – И его фирма занимается складским бизнесом. Самая подходящая работенка для патологического барахольщика… Так, Пуласки, разузнай-ка, где был этот Карпентер, когда залезли в дом к Амелии.

– Да, сэр.

Не успел Пуласки достать из футляра свой мобильник, как тот призывно заверещал. Молодой полицейский взглянул на определитель номера и ответил:

– Привет, доро… Что?.. Послушай, Дженни, успокойся…

О нет. Линкольн Райм понял, что «5-22» нанес удар на другом участке фронта.

– Что?! Где ты сейчас?.. Погоди, не волнуйся, это какая-то ошибка. – У Пуласки задрожал голос. – Я обо всем позабочусь. Давай адрес… О'кей, сейчас приеду.

Он захлопнул телефон и с мрачным видом прикрыл веками глаза.

– Мне надо ехать.

– Что случилось? – спросил Райм.

– Дженни арестована. Иммиграционной службой.

– Ай-эн-эс?

– Она попала в список подозреваемых департамента национальной безопасности. Ее обвинили в нелегальном пребывании на территории США и создании угрозы безопасности.

– Разве Дженни не...

– Ее предки в четвертом поколении были гражданами США! – воскликнул Пуласки. – Господи!

Глаза молодого полицейского испуганно округлились.

– Брэд сейчас у тещи, но у Дженни на руках наша маленькая дочка! Жену сейчас везут в центр содержания под стражей, и ребенка могут забрать! Если они это сделают... О, черт! – произнес он с отчаянием. – Мне надо ехать. – По решительному выражению его глаз Райм понял – Пуласки ни перед чем не остановится, чтобы оказаться сейчас со своей женой.

– Ладно. Ступай. Желаю удачи.

Тот немедленно бросился к выходу.

Криминалист задумчиво прикрыл глаза.

– Он выводит нас из строя поодиночке, как снайпер. – Райм поморщился. – Хоть бы Сакс поскорее приехала и занялась Карпентером.

В ту же секунду кто-то с силой забарабанил в дверь.

Райм тревожно округлил глаза. Что еще?

Однако на этот раз, к счастью, визит гостей не означал новой провокации «5-22».

В дом вошли два эксперта-криминалиста из головного отдела в Куинсе и внесли большой ящик из-под молочных пакетов с вещдоками, собранными Сакс на месте убийства Мэллоя. Она поручила коллегам отвезти их Райму, прежде чем поспешить в свой таунхаус по его тревожному сигналу.

– Здрасьте, детектив! А у вас дверной звонок не работает, – сообщил один из экспертов и огляделся. – И свет выключен.

– Нам об этом известно, – холодно заметил Райм.

– Ну, во всяком случае, вот, получайте.

Криминалисты уехали, а Мел Купер поставил ящик на лабораторный стол, извлек из него пакеты с уликами и цифровой фотоаппарат Сакс со снимками, сделанными на месте преступления.

– Ну, наконец дождались, – саркастически проворчал Райм, указывая подбородком на бесполезный компьютер с потухшим экраном монитора. – Может, посмотреть содержимое карты памяти на свет?

Он принялся изучать вещдоки – отпечаток подошвы ботинка, частички листьев каких-то растений, клейкая лента, пакетики с пылью. Необходимо срочно провести их анализы; поскольку эти улики не были сфабрикованы, они могли дать в руки сыщиков решающую подсказку относительно местонахождения «5-22». Но без действующих приборов и компьютера для проверки результатов анализов по базам данных вещественные доказательства оставались не более чем мусором.

– Том! – позвал Райм. – Где электричество?

– Меня по-прежнему держат на ожидании, – выкрикнул в ответ помощник из темной прихожей.

Где-то в подсознании он понимал, что, наверное, не следует этого делать, но не мог совладать с собой.

А чтобы довести Рона Пуласки до состояния, когда тот перестает владеть собой, надо очень постараться.

Более того, он был в такой ярости, какой не испытывал за всю свою жизнь. Поступая служить в полицию, юный Пуласки знал, что на этой работе его ждет и физическая боль, и даже иногда смертельная угроза. Но так не договаривались, чтобы из-за него опасности подвергалась Дженни, не говоря уж о детях.

Вот почему он взял инициативу в собственные руки и начал действовать за спиной у своих непосредственных начальников – Линкольна Райма, детектива Селлитто и даже своей наставницы Амелии Сакс (куда только подевался исполнительный и дисциплинированный «сержант Пятница»). Им, без сомнений, не понравится, что задумал их подчиненный, но загнанный в угол Рон Пуласки не видел для себя иного выхода.

Итак, по дороге в центр содержания под стражей Ай-эн-эс в Куинсе Пуласки позвонил по мобильнику Марку Уиткому.

– Привет, Рон, – ответил эсэсдэшник. – Что случилось? У тебя расстроенный голос. Говорить можешь?

– У меня большая проблема, Марк. Мне позарез нужна помощь. Мою жену арестовали как незаконную иммигрантку. Обвиняют в подделке паспорта и создании угрозы национальной безопасности. В общем, бред какой-то.

– Но она ведь гражданка США, верно?

– Все ее родственники и предки в нескольких поколениях граждане США. Марк, послушай меня: убийца, дело которого мы расследуем, проник в систему «ССД». Он уже наехал на одного детектива, подделав результаты анализа на содержание наркотиков… А теперь подстроил арест Дженни. Думаешь, как он мог это сделать?

– Наверное, он подменил файл твоей жены чьим-то из списка подозреваемых, а потом донес на нее… Вообще-то у меня есть знакомые в Ай-эн-эс, с которыми можно поговорить. Ты где сейчас?

– Еду в центр содержания под стражей в Куинсе.

– Тогда встретимся там у входа через двадцать минут.

– Спасибо тебе, друг. Просто не знаю, что бы я без тебя делал.

– Не переживай, Рон. Что-нибудь придумаем.

Рон Пуласки в ожидании Уиткома нетерпеливо расхаживал взад-вперед у здания центра Ай-эн-эс. Рядом висела временная табличка с объявлением, что управление центром теперь осуществляется Департаментом национальной безопасности. Пуласки невольно вспомнил, как вместе с женой смотрел телевизионные репортажи о задержании незаконных иммигрантов, выглядевших на экране испуганными и бесправными.

Как-то там сейчас Дженни? А вдруг ей предстоит провести долгие дни и недели в этом бюрократическом чистилище? Пуласки хотелось кричать от отчаяния.

«Возьми себя в руки. Действуй с умом». Так учила его Амелия Сакс.

«Действуй с умом».

Слава тебе, Господи, наконец-то появился Марк Уитком. Он бодро вышагивал по направлению к Пуласки с выражением крайней озабоченности на лице. Честно говоря, Рон не представлял, как этот человек сумеет помочь ему, но смутно надеялся, что замначальника исполнительно-правового отдела «ССД» со своими связями в правительстве нажмет какие-то рычаги, окажет давление на ДНБ и добьется освобождения его жены и дочурки хотя бы до официального решения дела.

Запыхавшийся Уитком еще на ходу спросил:

– Удалось узнать что-нибудь новое?

– Я звонил Дженни десять минут назад – они уже внутри. Не стал ей ничего говорить, решил тебя дождаться.

– Сам-то как?

– Скверно. Если честно, с ума схожу. Спасибо, что согласился помочь, Марк.

– Без проблем, – ответил Уитком вполне искренне. – Все уладим, Рон. Не переживай. Думаю, я смогу тебе помочь.

Он поднял голову – эсэсдэшник был не намного выше своего босса, Эндрю Стерлинга, – и в упор посмотрел на Пуласки:

– Только… Ты же очень хочешь вытащить оттуда Дженни, верно?

– О да, Марк. Скорее бы закончился этот кошмар.

– Ладно. Иди за мной.

Пуласки вслед за Уиткомом зашел за угол здания и углубился в глухую улочку.

– Рон, я хочу попросить тебя об одной услуге.

Эсэсдэшник перешел на шепот.

– Все, что в моих силах.

– В самом деле? – Голос у него вдруг стал уверенным и вкрадчивым. В глазах появилась проницательность, прежде ускользавшая от внимания Пуласки. Уитком словно бросил притворяться и сразу обрел свой истинный облик. – Знаешь, Рон, иногда приходится решаться на то, что не кажется нам правильным. Но в итоге это лучшее решение.

– О чем ты?

– Чтобы вызволить свою жену, ты должен выполнить мою просьбу, возможно, покажущуюся тебе неприятной.

Молодой полицейский промолчал, чувствуя себя в замешательстве. Куда клонит Уитком?

– Рон, я хочу, чтобы ты закрыл это дело.

– Какое дело?

– Расследование убийств.

– Как же я его закрою? Не понимаю.

– Очень просто. – Уитком огляделся по сторонам и зашептал: – Саботируй его. Уничтожь вещественные доказательства. Уведи по ложному следу. Делай что угодно, только отвлеки их внимание от «ССД».

– Я все-таки не понимаю, Марк. Ты шутишь?

– Нет, Рон. Я говорю предельно серьезно. Это дело должно закрыться, и ты можешь это сделать.

– Не могу.

– Нет, можешь. Если хочешь вызволить Дженни. – Кивок в сторону тюремного здания.

Нет, только не это… Уитком и есть «5-22»! Насильник и убийца. Воспользовался паролями своего босса Сэма Броктона и получил доступ в innerCircle.

Рука Пуласки потянулась к пистолету.

Но Уитком оказался проворнее, и Пуласки увидел наставленный на него черный ствол.

– Не надо, Рон. Этим ты ничего не решишь. – Уитком протянул руку к кобуре на боку полицейского, вытащил из нее «глок» и сунул себе за брючный ремень.

«Как я мог так ошибиться в человеке? – мысленно корил себя Пуласки. – Может, из-за травмы головы? Или я просто глуп от природы?» Уитком только прикидывался другом, и это ранило не меньше, чем шокировало молодого полицейского. Приносил ему кофе, защищал от Кассела и

Гиллеспи, предлагал тусоваться вместе, помог с табелями рабочего времени… И все это ради лишь того, чтобы сблизиться с копом и использовать его.

– Значит, ты врал мне всю дорогу, так, Марк? И детство свое ты провел не в Куинсе, верно? И нет у тебя никакого брата-полицейского!

– На оба вопроса ответ отрицательный. – На лицо Уиткома набежала тень. – Я пытался достичь с тобой взаимопонимания, Рон. Но ты не желаешь сотрудничать. А мог бы, черт побери! Но теперь ты вынудил меня поступить иначе.

Убийца толкнул Пуласки в глубь темной улочки.

Глава сорок первая

Амелия Сакс кружила в «сивике» Памелы по переполненным машинами центральным улицам, досадуя на шумный, вяло слушающийся японский двигатель.

Тарахтит, как холодильный аппарат для заморозки льда. И мощность в лошадиных силах примерно такая же.

Сакс дважды звонила на домашний телефон Райма, и оба раза линия переключалась на голосовую почту. Такое случалось не часто; понятно, что Линкольн почти все время находится дома. В Большом доме тоже творилось что-то стремное – служебный телефон Лона Селлитто не работал. Она пыталась дозвониться на его мобильник, но лейтенант не брал трубку, так же как и Рон Пуласки.

Неужели и тут приложил руку «5-22»?

Тем более надо поскорее проверить улику, найденную ею возле своего таунхауса, – и на этот раз верную, как считала Сакс. Может, это был тот самый ключик к разгадке тайны «5-22», недостающее звено в цепочке, ведущей к раскрытию всего дела.

Перед ней, неподалеку, возникло место, куда она направлялась. Наученная уроком со своим «камаро» – если «5-22» действительно стоял за его конфискацией, как предполагала Сакс, – и не желая рисковать машиной Памелы, она объехала весь квартал, пока не обнаружила редчайшее для Манхэттена явление – свободный, не запрещенный для парковки промежуток на обочине проезжей части.

Каково?

Похоже на добрый знак.

* * *

– Слушай, зачем тебе это надо, а? – спросил Рон Пуласки, стоя перед Марком Уиткомом в глухом проулке в Куинсе, где, кроме них двоих, никого не было.

Убийца пропустил вопрос мимо ушей и, продолжая держать полицейского на мушке, воровато оглянулся по сторонам.

– А ведь я считал тебя своим другом. Многое в жизни воспринимается не таким, как есть на самом деле. На то она и жизнь. – Уитком откашлялся. Он явно нервничал и чувствовал себя не в своей тарелке. Пуласки вспомнил слова Сакс о том, что убийца, скрываясь от преследования, испытывает психологическое давление и потому теряет осторожность. В то же время он становится и более опасным.

В предчувствии развязки дыхание молодого полицейского участилось.

Уитком опять быстро осмотрелся и остановил взгляд на Пуласки. Он держал пистолет твердой рукой и, очевидно, знал, как им пользоваться.

– А теперь послушай меня, черт подери.

– Проклятие! Говори!

– Повторяю: я хочу, чтобы это расследование остановилось. И немедленно.

– Я всего лишь патрульный коп! Как я могу остановить расследование?

– Так, как я сказал тебе: саботируй. Потеряй улики. Направь детективов по ложному следу.

– Я этого не сделаю, – решительно заявил Пуласки.

Уитком помотал головой с выражением чуть ли не отвращения на лице.

– Сделаешь. Либо добровольно, либо в принудительном порядке. Выбирай, Рон.

– А как насчет моей жены? Ты можешь вытащить ее оттуда?

– Я могу все, что захочу.

Человек всезнающий…

Молодой полицейский закрыл глаза и стиснул зубы по оставшейся с детства привычке. Потом посмотрел на здание, где держали взаперти его Дженни.

Дженни, так похожая на Майру Уэйнберг.

Рон Пуласки принял окончательное решение. То, что он собирался сделать, было ужасно, глупо, но у него не осталось выбора. Его загнали в угол.

Опустив голову, Пуласки произнес невнятно:

– Ладно.

– Согласен?

– Ну сказал же, – огрызнулся он.

– Верное решение, Рон. Очень верное.

– Но сначала обещай… – Пуласки помедлил долю секунды, глянув за спину Уиткому и тут же снова ему в глаза, – что мои жена и дочка сегодня же будут на свободе.

Уитком перехватил его взгляд и быстро обернулся; от этого движения ствол пистолета немного сместился в сторону от цели.

Пуласки решил, что уловка сработала, и не мешкая сделал следующий ход: левой рукой отвел наставленный на него пистолет еще дальше, поднял согнутую в колене ногу и выхватил из кобуры на голени маленький револьвер (Амелия Сакс велела ему всегда иметь такой при себе).

Убийца выругался и попытался выдернуть руку с пистолетом, но Пуласки вцепился в запястье мертвой хваткой и сильно ткнул стволом револьвера в лицо противнику, попав прямо в нос.

Уитком глухо вскрикнул, из сломанного носа брызнула кровь. Он непроизвольно согнулся, зажимая нос свободной рукой, и Пуласки сумел вырвать оружие из его пальцев, но и не удержал его. Черный пистолет Уиткома покатился по земле, а оба мужчины сцепились в неуклюжем борцовском поединке. Пистолет в последний раз лязгнул об асфальт, так и не выстрелив, и Уитком с вытаращенными от паники и ярости глазами со всей мочи пихнул Пуласки спиной на стену и схватил за руку.

– Уйди, гад!

Уитком сделал резкое движение головой, нанося удар, и Пуласки, с ужасом памятуя бейсбольную биту, когда-то раскроившую ему лоб, инстинктивно увернулся. Этого оказалось достаточно, чтобы Уитком получил возможность выбить у него запасной револьвер, так что он взлетел куда-то в небо, а другой рукой выхватил из-за пояса трофейный «глок» и приставил его к голове полицейского.

У Пуласки осталось время лишь на то, чтобы успеть мысленно произнести вразумительный кусок молитвы и воспроизвести в памяти образы жены и детей, дабы захватить их с собой на небеса.

В доме наконец восстановилось электроснабжение, и Мел Купер под руководством Райма, не теряя времени, приступил к работе с вещдоками, собранными на месте гибели Джо Мэллоя. В лаборатории они остались вдвоем; Лон Селлитто поехал в управление добиваться справедливости и восстанавливать свое доброе имя.

Фотографии склада не привели к великим открытиям, и вещественные доказательства также не содержали особых откровений. Отпечаток подошвы однозначно принадлежал «5-22», так как полностью совпадал с обнаруженным ранее. Фрагменты листьев, видимо, осыпались с комнатных растений – фикуса и аглаонемы или китайского вечнозеленого полукустарника. В пакетиках находилась земля, занесенная неизвестно откуда, опять пыль от разрушенных башен Торгового центра и белый порошок, оказавшийся сухими сливками «Кофе-мейт». Клейкая лента была самая обычная, и установить ее происхождение не представлялось возможным.

Райма удивило количество крови на уликах. Ему вспомнилось, как Селлитто отзывался о капитане.

«Он фанатик…»

Даже твердый камешек в душе Райма, похоже, размяк после мученической смерти Мэллоя и той самоотреченности, с какой он ее принял. Зато ненависть к убийце разгорелась в нем с большим жаром. Но и тревожное чувство тоже усилилось, заставляя криминалиста то и дело посматривать на окна, будто вот-вот в них заглянет безжалостный маньяк, хотя Том по его указанию запер все двери и окна и включил видеокамеры внешнего наблюдения.

МЕСТО УБИЙСТВА ДЖОЗЕФА МЭЛЛОЯ

• След от рабочего ботинка «Скетчерс» 11-го размера.

• Листья комнатных растений: фикуса и аглаонемы – китайского вечнозеленого полукустарника.

• Грязь, происхождение установить невозможно.

• Пыль с места обрушения башен Торгового центра.

• Сухие сливки «Кофе-мейт».

• Клейкая лента, обычная, происхождение установить невозможно.

– Мел, добавь растения и «Кофе-мейт» к списку несфабрикованных улик.

Лаборант подошел к белой пластиковой доске и маркером внес дополнения.

– Не богато. Совсем не богато, черт возьми!

Тут Линкольн Райм непроизвольно моргнул, услышав громкий стук в дверь. Том отправился открывать. Мел Купер отошел от доски, его рука скользнула к бедру, где висела кобура.

И вновь гость не имел ничего общего с «5-22». Это был инспектор нью-йоркского управления полиции Герберт Гленн, мужчина средних лет, осанистый, как отметил про себя Райм, в дешевом костюме, но в безукоризненно начищенных ботинках. Позади него из прихожей доносились еще несколько голосов.

Поздоровавшись, Гленн объявил:

– Боюсь, у меня для вас неприятное сообщение об одном из ваших сотрудников.

Селлитто? Сакс? Что опять случилось?

Гленн продолжал:

– Его зовут Рон Пуласки. Он же с вами работает, не так ли?

О нет, только не это.

Желторотик…

Пуласки погиб, а его жена с ребенком томится взаперти в бюрократическом аду. Что ей теперь делать?

Гленн обернулся и жестом пригласил войти еще двух мужчин – один седоволосый, в черном костюме; другой помоложе, ниже ростом, одетый точно так же и с толстой повязкой на носу. Инспектор представил Сэмюэла Броктона и Марка Уиткома, служащих «ССД». Райм вспомнил, что Броктон занимал должность начальника в исполнительно-правовом отделе и входил в список подозреваемых, хотя имел алиби на день изнасилования и убийства Майры Уэйнберг. Уитком, как оказалось, был его заместителем.

– Скажите, что случилось с Пуласки?

– Боюсь… – опять начал инспектор Гленн, но тут у него зазвонил мобильник, и он стал разговаривать вполголоса, поглядывая на эсэсдэшников. Наконец инспектор закончил.

– Скажите же, что случилось с Роном Пуласки! Я хочу знать немедленно.

В дверь позвонили, и Том вместе с Мелом Купером впустили в лабораторию новых гостей. Один был крупный мужчина с карточкой на груди, удостоверяющей, что он агент ФБР; второй… Рон Пуласки, закованный в наручники.

Броктон указал на стул, и агент ФБР усадил на него молодого полицейского. Пуласки, похоже, был жив-здоров, хотя явно находился в состоянии нервного потрясения, его одежда помята, перепачкана пылью и кровью. Уитком тоже сел и, ни на кого не глядя, осторожно потрогал повязку на носу.

Сэмюэл Броктон показал Райму свое удостоверение.

– Я агент исполнительно-правового отдела Департамента национальной безопасности США. Марк – мой заместитель. Ваш сотрудник напал на федерального агента.

– Который не представился и угрожал мне оружием! А еще..

Исполнительно-правовой отдел ДНБ? Райм и не подозревал о его существовании. Впрочем, в такой большой закрытой конторе, как Департамент национальной безопасности, структурные изменения чередуются, как неудачные модели автомобилей на конвейерах Детройта.

– Разве вы не работаете в «ССД»?

– Территориально мы находимся в «ССД», однако работаем на федеральное правительство.

Чего же такого успел натворить Пуласки? Чувство облегчения, наступившее у Райма после ожидания самого худшего, постепенно сменялось раздраженностью.

Желторотик хотел было продолжить, но Броктон велел ему молчать. Однако Райм заявил седовласому агенту суровым тоном:

– Нет, пусть говорит.

Броктон поколебался, затем кивнул в знак того, что готов взять тайм-аут. Его глаза выражали терпеливую уверенность – мол, Пуласки или кто угодно могут говорить что угодно, ему до фонаря.

Желторотик рассказал Райму, как встретился с Уиткомом, надеясь с его помощью вызволить Дженни из тюрьмы Ай-эн-эс. А когда тот предложил ему сорвать расследование дела «5-22» и, услышав отказ, выхватил пистолет и наставил на него, Пуласки ударил Уиткома по лицу запасным револьвером, после чего они сцепились в схватке.

Райм немедленно задал вопрос Броктону и Гленну:

– Чем вам помешало наше расследование?

Броктон, видимо, только сейчас заметил, что Райм инвалид, но тут же перестал обращать внимание на это обстоятельство как несущественное и произнес невозмутимым баритоном:

– Мы пытались договориться по-хорошему. Если бы господин полицейский не заартачился, не пришлось бы прибегать к крайним мерам. Ваше расследование слишком многим причиняет головную боль. Лично меня на этой неделе должны были заслушивать в конгрессе и министерстве юстиции, но я был вынужден все отменить и сорвался сюда разбираться, что же, черт возьми, происходит… Так, а теперь строго между нами! Все согласны?

Райм буркнул, что согласен, и Купер с Пуласки к нему присоединились.

– Исполнительно-правовой отдел ДНБ занимается, помимо прочего, анализом террористической угрозы и обеспечением безопасности крупных частных компаний, являющихся важной составной частью национальной инфраструктуры. К ним относятся гиганты в сфере нефтяного бизнеса, авиалинии, банки. А также дейта-майнеры вроде «ССД». Во всех этих компаниях мы имеем наших постоянных агентов.

Недаром Броктон так много времени проводит в Вашингтоне, подумал Райм, вспомнив, что рассказывала о нем Сакс.

– Раз так, зачем вы прикидываетесь сотрудниками «ССД»? – негодующе выпалил Пуласки. Таким рассерженным Райм его еще никогда не видел.

– Специфика стоящих перед нами задач требует, чтобы мы действовали под прикрытием, – объяснил Броктон. – Понятно, почему системы перекачки нефти и газа, крупное производство медикаментов и продуктов питания представляют собой желанные цели для совершения терактов. Только вообразите, каких бед можно натворить, добравшись до массива информации, находящегося в расположении «ССД». Вся наша экономика перестанет нормально функционировать, если будет нарушена работа компьютеров. А что произойдет, когда наемные убийцы разузнают о передвижениях высших руководителей страны и политических деятелей, получат доступ к их личным данным, хранящимся в innerCircle?

– Это вы подменили результаты анализа крови Лона Селлитто?

– Нет, наверно, тут поработал ваш подозреваемый – «5-22», – ответил инспектор Гленн. – И он же подстроил арест жены Пуласки.

– Тогда почему вы хотите остановить расследование?! – гневно воскликнул Пуласки. – Разве сами не видите, насколько опасен этот преступник? – Он обращал свою речь к Марку Уиткому, но тот продолжал сидеть, понурив голову и не принимая участия в разговоре.

– Мы составили психологический портрет «5-22» и пришли к выводу, что он запредельщик.

– Кто?

– Преступник с нестандартным поведением. Событие, противоречащее корреляционной закономерности, выражаясь терминологией теории вероятности, – опять объяснил Броктон. – Мы в «ССД» провели программный анализ. Психологическое моделирование и ситуативный прогноз показали, что на данном этапе социопатическое поведение подобного типа в любой момент может достигнуть точки насыщения. Его маниакальные позывы заглохнут сами собой.

– Но ведь еще не заглохли?

– Еще нет, – спокойно согласился Броктон. – Но заглохнут. Программа никогда не ошибается.

– Ошибется, если появится еще один труп.

– Надо мыслить реалистически. Тут нужен разумный баланс. Нельзя выставлять напоказ информационные возможности «ССД» и привлекать

к ним внимание террористов. По той же причине важно сохранить в тайне существование исполнительно-правового отдела ДНБ. Короче, нужно по возможности держать информацию «ССД» и деятельность ДНБ подальше от сетей. А ваше расследование засвечивает и то и другое по очень большому счету.

Гленн добавил:

– Поймите нас правильно, Линкольн. Мы не против расследования, если вы будете вести его в рамках обычной уголовно-разыскной работы – вещдоки, свидетели, все такое. Только оставьте в покое «ССД». Ваша пресс-конференция была большой ошибкой.

– Мы получили «добро» на ее проведение от заместителя мэра Рона Скотта и капитана Мэллоя.

– Они не посоветовались, с кем надо. А в результате чуть не испортили наши отношения с «ССД». Эндрю Стерлинг не обязан обеспечивать нас информационной поддержкой, знаете ли.

Он боялся огорчить Стерлинга и «ССД», в точности как тот президент обувной компании.

Броктон подхватил:

– В общем, так: убийца не получал никакой информации из «ССД» – вот что отныне должно стать основной линией вашего расследования. По сути, это ваша единственная линия.

– Да вы хоть понимаете, что убийство Джозефа Мэллоя было организовано именно с помощью «ССД» и ее информации?

Лицо Гленна посуровело. Он вздохнул:

– Сожалею. Очень сожалею. Однако капитан погиб при исполнении служебных обязанностей. Трагическая смерть, но любой полицейский по роду службы рискует своей жизнью.

Основная линия… единственная линия…

– Итак, – подытожил Броктон, – «ССД» более не является частью вашего расследования. Это понятно?

Молчаливый кивок.

Гленн подал знак агенту ФБР:

– Можете его отпустить.

Тот снял с Пуласки наручники, и молодой полицейский встал, потирая запястья.

Райм сказал:

– Восстановите в должности Лона Селлитто. И выпустите на свободу жену Пуласки.

Гленн посмотрел на Броктона, и тот отрицательно покачал головой.

– Если мы сейчас это сделаем, то косвенно признаем, что «ССД» и ее информация замешаны в преступлениях. Придется немного обождать и оставить пока все как есть.

– Но это же поклеп! Вы прекрасно знаете, что Лон Селлитто за всю свою жизнь ни разу не употреблял наркотики!

Гленн ответил:

– И служебное расследование подтвердит, что он не виновен. Пусть все идет своим чередом.

– Да нет же, черт подери! Из-за туфты, подброшенной в вашу чертову систему, лейтенант уже виновен! Так же как Дженни Пуласки. Это навсегда останется в их учетных данных и клеймом в биографии!

Инспектор произнес твердо:

– Повторяю, на данном этапе все останется как есть.

Федеральные агенты и Гленн направились к двери.

– О, Марк, – окликнул Пуласки. Уитком обернулся. – Я прошу прощения.

Фэбээровец удивленно моргнул, никак не ожидая услышать извинения в свой адрес, и опять потрогал забинтованный нос. Пуласки продолжил:

– Прошу прощения, что не сломал тебе ничего, кроме носа. Пошел вон, иуда!

Райм посмотрел на него с уважением: похоже, у Желторотика прорезался характер.

Пуласки принялся названивать жене, но с ее мобильником не было связи. Он с яростью захлопнул свою «раскладушку».

– Вот что, Линкольн: мне плевать, какую пургу они гонят, но под них не прогнусь!

– Не переживай. Как работали, так и будем работать. Меня им от моих обязанностей не отстранить – руки коротки, я человек гражданский. Ну разве что вас с Мелом попрут.

– Вообще-то я… – Мел Купер помрачнел.

– Не напрягайся, Мел. Я иногда тоже могу пошутить вопреки тому, что вы обо мне думаете. Просто никто ничего не узнает – если, конечно, Желторотик опять не изувечит какого-нибудь федерального агента. Ладно, за дело. Этого Роберта Карпентера, клиента «ССД», – достаньте его мне. Сейчас же.

Глава сорок вторая

Итак, я – «5-22».

Некоторое время я ломал голову, почему мне присвоили именно этот номер. Майра-9834 не была ни пятой, ни двадцать второй, ни пятьсот двадцать второй моей жертвой (славное число, не правда ли?). Постой-ка. Число. Ну конечно! Я убил ее в воскресенье, двадцать второго числа пятого месяца. И в этот же день «они» начали преследовать меня.

Значит, для «них» я номер. Так же как «они» номера для меня. Что ж, это даже забавно. Сейчас я в своей «кладовой», заканчиваю исследование. Рабочий день закончился, *пронумерованные* расползаются по домам, по ресторанам ужинать, встречаться с друзьями. Но превосходство данных в том и состоит, что им не нужен отдых; мои солдаты постоянно в боевой готовности и готовы нанести удар по любому *пронумерованному* в любой час и в любом месте по моему усмотрению.

Перед началом военных действий мы с «семьей Прескотта» проведем несколько приятных мгновений. Очень скоро полиция начнет охранять жилища моих врагов и их привязей, но это говорит лишь об «их» непонимании природы моего оружия. Бедняга Джозеф Мэллой создал для меня большой фронт работ.

К примеру, детектив Лорензо – то есть Лон – Селлитто (кстати, очень старательно скрывает свое полное имя) уже отстранен от должности, но на этом его неприятности не закончатся. Тот случай несколько лет назад,

когда во время ареста им был нечаянно застрелен чернокожий подозреваемый… Откроются ранее неизвестные обстоятельства того, что несчастный мальчик даже не имел при себе оружия, а единственный свидетель солгал. Об этом обязательно узнает мать убитого, а на веб-сайтах правого толка появятся письма расистского содержания, подписанные лейтенантом полиции. Потом с моей подачи за дело возьмется преподобный Эл, а это уже пахнет концом карьеры. Беднягу Лона могут даже послать в отсидку.

Я также навел справки о *пронумерованных* на привязи у Селлитто. Надо придумать что-нибудь занимательное для его несовершеннолетнего сына от первого брака – может, парочку приводов за незаконное хранение и сбыт наркотиков? Как говорится, сын пошел по стопам отца. Неплохой сюжетец.

Теперь этот поляк, Пуласки. Ему в конце концов удастся убедить иммиграционную службу, что его жена не террористка и коренная американка. Но каково же будет удивление обоих супругов, когда свидетельство о появлении на свет их младшей дочери исчезнет и другая пара, чья новорожденная год назад исчезла из родильного дома, вдруг узнает, что пропавшая малышка, вероятно, находится у Пуласки. Все последствия этого открытия предугадать невозможно, но пока ситуация более или менее прояснится, девчонка наверняка окажется на чужом попечении. Нескольких месяцев такого испытания достаточно, чтобы сломать детскую психику на всю оставшуюся жизнь (уж я-то знаю не понаслышке).

Затем перейдем к Амелии-7303 и этому Линкольну Райму. Только потому, что у меня плохое настроение, мамашу Роуз Сакс, которой в следующем месяце предстоит операция на сердце, вдруг лишат медицинской страховки вследствие… ну, думаю, основанием пусть будут имевшие место в прошлом прецеденты мошенничества с ее стороны. Амелия Сакс, вероятно, рвет и мечет по поводу пропажи своего автомобиля, однако посмотрим, что с ней станется после получения действительно плохой новости – легкомысленно накопленного ею огромного долга по потребительским кредитам. Скажем, порядка двухсот тысяч долларов или около того. Под прямо-таки ростовщические проценты.

Но это еще только цветочки. Мне стало известно, что бывший приятель Амелии-7303 был осужден за угон автомобилей, нанесение побоев, воровство и вымогательство. Анонимные свидетели укажут на нее как на соучастницу, хранящую награбленное добро в гараже своей матери, которое я подброшу туда прежде, чем послать е-мейл в отдел внутренних расследований.

Ей удастся отвертеться от тюрьмы с помощью закона о сроках давности, но гласность погубит ее репутацию навсегда. Да здравствует свобода прессы. Господь, благослови Америку…

Убийство относится к типу трансакций, гарантированно препятствующих прогрессу ваших преследователей. Однако другие, не столь радикальные методы могут быть не менее эффективными и, на мой взгляд, выглядят гораздо элегантнее.

Что касается этого Линкольна Райма… Ситуация, конечно, любопытная. Во-первых, я пролетел, выбрав в подставы кандидатуру его двоюродного брата. Могу сказать в свое оправдание, что добросовестно проверил все близкие связи Артура-3480 и не встретил среди них даже намека на Линкольна. Что само по себе вызывает интерес. Двое *пронумерованных* родственников не общаются на протяжении целого десятилетия…

Во-вторых, я пролетел, разбудив спящего зверя. Райм – самый сильный из всех *пронумерованных,* перешедших мне дорогу. Он остановил меня на пути к дому Делеона-6832 – фактически чуть не поймал за руку, чего еще никому не удавалось. И подбирается ко мне все ближе, судя по признаниям, буквально выдавленным из этого Мэллоя.

Но у меня, разумеется, найдется подарочек и для Райма. Сейчас я не располагаю преимуществом доступа в innerCircle – приходится осторожничать, – но и газетные статьи, и другие источники информации достаточно познавательны. Трудность в том, что требуется отравить существование *пронумерованному,* чья жизнь и так уже загублена. Задачка, понятно, не из простых. Но решение нашлось: раз жизнедеятельность Райма зависит от близкого окружения, я уничтожу его камердинера; Том Рестон станет моей очередной жертвой. Молодой человек умрет – особенно мучительной смертью, – и я сомневаюсь, что Райм когда-либо оправится от подобного удара. Расследование застопорится; никто не сможет вести его так, как он.

Я запихну Тома в багажник машины и отвезу на заброшенный склад. Там не спеша поработаю своей бритвой «Братьев Крузиус». Запишу всю процедуру на видео и перешлю по е-мейлу Райму. Как высокопрофессиональный и добросовестный криминалист (таким он по меньшей мере кажется), Райм будет вынужден внимательно созерцать и неоднократно пересматривать кровавую сцену в поисках зацепок и улик.

Я абсолютно уверен, что после этого он станет не годен для работы по моему делу, если у него вообще крыша не рухнет.

Захожу в комнату номер три «кладовой» и выбираю видеокамеру из моей коллекции. Тут же находятся батарейки. Из комнаты номер два

беру «Братьев Крузиус» в ее старинном футляре. Смотрю на лезвие, покрытое коричневой пленкой – засохшая кровь Нэнси-3470. Двухлетней давности. Апелляционный суд совсем недавно отклонил последнее прошение о помиловании осужденного за ее убийство Джейсона-4971, ссылающееся на то, что улики, мол, против него сфабрикованы (даже его защитник счел это жалкой попыткой ввести правосудие в заблуждение).

Лезвие бритвы затупилось (вспоминаю, как с некоторым трудом перепиливал им ребра Нэнси-3470, отчего ее агония несколько затянулась). И эта проблема решаема. Сначала правлю бритву на одном из восьми моих точильных кругов, довожу на кожаном ремне, и вот она снова в рабочем состоянии.

Амелию Сакс охватил охотничий азарт.

Найденная в саду таунхауса улика повела детектива по извилистому следу, однако она печенкой чуяла (прости мне это, Райм!), что ее нынешняя миссия не закончится безрезультатно. Сакс припарковала машину Пам у бордюра и поспешила к дому, чей хозяин значился в составленном ею списке из пяти человек. Она искренне надеялась, что один из них наконец-то с полной определенностью укажет на того, кто скрывается под условным обозначением «5-22».

Двое из списка уже не смогли ей помочь. Может, визит к третьему будет удачным? Сакс невольно подумала, что это кружение по городу похоже на полет стервятника, неотвратимо приближающегося к добыче.

Наступили вечерние сумерки, и Сакс остановилась под уличным фонарем, чтобы еще раз перечитать адрес. Потом отыскала нужный таунхаус и поднялась по ступенькам на крыльцо. Она уже потянулась рукой к дверному звонку, но ее остановило знакомое тревожное чувство.

Оно донимало детектива весь сегодняшний день. Ее преследовало ощущение, что за ней следят. Что это – паранойя?

Сакс торопливо огляделась вокруг, пристально всматриваясь в редких прохожих на улице, в окна расположенных поблизости жилых домов и магазинчиков… Она не заметила ничего подозрительного или угрожающего. Никто не обращал на нее внимания.

Сакс опять подняла руку к звонку и снова опустила.

Что-то беспокоило ее…

Но что?

И тут Сакс поняла. Ее тревожило не ощущение слежки за собой, а запах. Только теперь ее осенило, что пахло плесенью. И запах исходил из этого самого дома, перед дверью которого она стояла.

Что это – случайное совпадение?

Детектив тихонько спустилась по ступенькам крыльца и зашла за угол дома, выходившего боковой стеной на глухую, мощенную булыжником улочку. Стена оказалась длинной, и дом соответственно очень большим, чего не скажешь, судя по узкому фасаду. Сакс прошагала по улочке несколько метров и приблизилась к окну. Стекла были закрыты газетными листами. Сакс бросила взгляд вдоль стены – так и есть, все окна завешаны. Она вспомнила слова Терри Добинса: «В его доме окна закрашены черной краской или заклеены наглухо – он не обретет покоя, если не отгородится от внешнего мира…»

Детектив пришла сюда для того лишь, чтобы задать хозяину несколько вопросов; информация, имеющаяся в ее распоряжении, не давала оснований подозревать, что здесь находится жилище «5-22». Но теперь становилось ясно, что информация подвела ее: это и есть логово убийцы.

Сакс потянулась за телефоном, но вдруг услышала за спиной топот ног, бегущих по булыжной мостовой. Она поспешно повернулась с широко раскрытыми глазами и, забыв про телефон, стала нащупывать рукоятку «глока», но не успела. Кто-то со страшной силой толкнул ее, она ударилась головой о стену и, оглушенная, опустилась на колени.

С трудом подняв глаза, задыхаясь, Сакс встретилась взглядом с черными точками зрачков на лице убийцы. Потом увидела испачканное в чем-то лезвие бритвы у него в руке; и оно приближалось к ее горлу.

Глава сорок третья

– Команда, вызов, Сакс.

Но Райму в очередной раз ответила голосовая почта.

– Где она, черт возьми? Том, найди ее!.. Пуласки!

Райм на своей коляске объехал вокруг молодого полицейского, прижимавшего к уху мобильник, и остановился перед ним.

– Разыскал Карпентера?

Тот поднял руку, призывая к молчанию, потом нажал кнопку окончания вызова.

– Дозвонился до его секретаря. Сегодня Карпентер ушел из офиса раньше обычного, улаживал дела в городе. Сейчас должен быть дома.

– Надо, чтобы кто-нибудь поехал к нему – немедленно!

Мел Купер пытался вызвать Сакс по пейджеру, не получил ответа и сказал:

– Ничего.

Потом сделал еще несколько звонков, но с тем же итогом.

– Не-а. Бесполезно.

– А «5-22» не мог отключить ее мобильник? Ну, как электричество?

– Нет, оператор мобильной связи подтверждает, что номер действует. Просто сам телефон не работает – сломан, или аккумулятор вынут.

– Да? Они в этом уверены? – В душе Райма начал расти страх.

В дверь позвонили, и Том пошел открывать.

В лабораторию вошел Лон Селлитто – в наполовину выбившейся из-за пояса рубашке, с мокрым от пота лицом.

– Никто не может отменить приказ о моем отстранении. Он издается автоматически и сохраняет силу до результатов внутреннего расследования. Даже повторный анализ не поможет. Долбаные компьютеры. По моей просьбе звонили в PublicSure, и они якобы сейчас «разбираются», хотя всем ясно, что это значит. – Селлитто посмотрел на Пуласки: – А у тебя что нового?

– Ничего, Дженни по-прежнему в тюрьме.

– Вот черт!

– И это еще не все. – Райм рассказал Селлитто о визите Броктона, Уиткома и Гленна, а также об исполнительно-правовом отделе Департамента национальной безопасности.

– Вот чертовщина. Впервые слышу о таком.

– Они хотят, чтобы мы прекратили расследование, по крайней мере в отношении «ССД». Но и на этом неприятности не заканчиваются. У нас Амелия пропала.

– Что? – рявкнул Селлитто.

– С ней нет связи. Я не знаю, куда она поехала из дома. Ни разу не позвонила даже… Ох, черт, у нас же телефоны не работали, когда электричество отключили! Может, она звонила? Проверь-ка голосовую почту!

Купер набрал номер. Оказалось, Сакс действительно звонила, но сказала лишь, что проверяет новую наводку, ничего не пояснив. Только попросила Райма перезвонить ей, когда он сможет.

Криминалист с досады и пытаясь сосредоточиться, зажмурил глаза.

Проверяет наводку…

Наводку на кого? На одного из подозреваемых? Райм перечитал список.

Эндрю Стерлинг, президент, генеральный управляющий.

Алиби – на Лонг-Айленде, проверено. Подтверждено сыном.

Шон Кассел, начальник отдела продаж и маркетинга.

Нет алиби.

Уэйн Гиллеспи, начальник отдела обработки информации.

Нет алиби.

Алиби на убийство смотрителя кладбища (в офисе, согласно рабочему табелю).

Сэмюэл Броктон, начальник исполнительно-правового отдела.

Алиби – администрация отеля подтвердила его присутствие в Вашингтоне.

Питер Арлонзо-Кемпер, начальник отдела кадров.

Алиби – с женой, она подтвердила – выгораживает мужа?

Стивен Шрейдер, менеджер отдела ремонта и технического обслуживания, дневная смена.

Алиби – в офисе, в соответствии с табелем рабочего времени.

Фарук Мамеда, менеджер отдела ремонта и технического обслуживания, ночная смена.

Нет алиби.

Алиби на убийство смотрителя кладбища (в офисе, в соответствии с табелем рабочего времени).

Клиенты «ССД» (?)

Роберт Карпентер (?)

Неизвестный наемник Эндрю Стерлинга (?)

«Бегунок»?

Кого из них касалась наводка Сакс?

– Лон, поезжай, проверь Карпентера.

– А что я ему скажу? Мол, разрешите бывшему копу задать вам несколько вопросов, потому что я очень хороший человек, но, если не хотите, можете не отвечать. Так, что ли?

– Да, Лон, именно так.

Селлитто обратился к Куперу:

– Мел, одолжи свой жетон.

– Зачем? – обеспокоенно спросил тот.

– Не бойся, не поцарапаю, – проворчал Селлитто.

– Я боюсь, как бы меня потом не отстранили.

– Добро пожаловать в наш долбаный клуб, – огрызнулся Селлитто, забирая жетон.

Пуласки дал ему адрес Карпентера.

– Ладно, я вам сообщу, что из этого выйдет.

– Лон, будь осторожен. «5-22» кусается больно, как загнанный в угол зверь. И помни, что он…

– Всезнающий сукин сын.

Селлитто твердой поступью покинул лабораторию.

Пуласки задумчиво разглядывал исписанные пластиковые доски.

– Детектив!

– Что?

– Знаете, о чем я подумал? – Он постучал пальцем по доске со списком подозреваемых. – Насчет алиби Эндрю Стерлинга. По его словам, в то время как он находился на Лонг-Айленде, Энди бродил по вестчестерским лесам. Отец позвонил сыну из города, и мы видели, в котором часу, по распечатке из телефонной компании. То есть тут все сходится.

– Ну так что?

– Я вспомнил, Стерлинг сказал, что Энди отправился в Вестчестер на поезде. А его сын в разговоре со мной проговорился, что «погнал» туда, то есть поехал на машине. И еще кое-что, сэр. В тот день, когда был убит кладбищенский смотритель, я проверял табели рабочего времени и обратил внимание на то, что Энди покинул здание «ССД» сразу за Мигелем Абрерой. То есть считанными секундами позже. Я тогда не придал этому значения, поскольку Стерлинг-младший не числился среди подозреваемых.

– Да, но Энди не имеет доступа в innerCircle, – возразил Купер, кивая на список. – Мы знаем об этом только со слов его отца. Однако...

Пуласки задумчиво покачал головой:

– Не знаю, может, оттого что Эндрю Стерлинг с такой готовностью помогал нам, мы принимали на веру все, что он говорил. Вот и в список подозреваемых вошли те, на кого указал генеральный управляющий «ССД». Другого источника у нас просто не было. Мы никак не проверили, кто может регистрироваться в innerCircle, а кто нет.

– Энди мог отыскать код доступа в отцовском ПЦС или компьютере, – предположил Купер.

– Растешь прямо на глазах, Пуласки. О'кей, Мел, ты теперь за главного. Срочно группу захвата к дому Энди Стерлинга!

Даже самый блестящий аналитический прогноз, составленный таким совершенным искусственным мозгом, как Xpectation, может изредка не подтверждаться.

По какому зигзагу должен был проследовать вероятностный ход событий, чтобы привести Амелию-7303, понуро сидящую сейчас в наручниках в двадцати футах от меня, прямо к дверям моего дома?

Иначе, как везением, назвать это не могу. Вообразите, я уже собрался отправиться на операцию по вивисекции Тома, когда через окно заметил *ее*. Наверное, удача сопутствует мне в качестве компенсации за постоянную нервозность, так уж, видать, мне на роду написано.

Спокойно оцениваю обстановку. Сослуживцы Амелии-7303 из управления полиции меня пока не подозревают; она приехала ко мне, чтобы показать фоторобот, найденный мной у нее в кармане вместе со списком из шестерых человек. Две верхние фамилии вычеркнуты. Я оказался несчастливым для нее номером три. Меня, конечно, спросят об Амелии-7303, а я и скажу, да, не скрою, была, мол, такая, показала фоторобот и уехала. На том все и кончится.

Я уже разобрал все имевшиеся при ней электронные устройства и теперь раскладываю детали по своим коробкам. Возможно, ее сотовый телефон еще понадобится мне, чтобы именно им заснять живописные судороги агонизирующего Тома Рестона. В этом будет какая-то элегантность, эстетичная симметрия. Разумеется, сама Амелия-7303 должна исчезнуть без следа. Она упокоится в могиле, вырытой в подвале моего дома, рядом с Каролиной-8630 и Фионой-4892.

Как в воду канет.

Не всех удовлетворит такой исход – полиция не любит, когда нет трупа, – зато для меня праздник.

На этот раз я смогу оставить себе на память о моей Амелии-7303 действительно стоящий сувенир, а не просто какой-то ноготь.

Глава сорок четвертая

– Ну так что там, черт возьми? – сердито произнес Райм.

Пуласки звонил ему с расстояния трех миль из дома Эндрю Стерлинга-младшего на Манхэттене, в Верхнем Ист-Сайде.

– Вы его взяли? Сакс там?

– Я думаю, Энди не «5-22», сэр.

– Ты думаешь? Или это действительно не он?

– Это действительно не он.

– Объясни.

Пуласки рассказал Райму, что Энди Стерлинг на самом деле покривил душой, отчитываясь перед отцом и полицией о том, как провел воскресенье. Но не затем, чтобы скрыть совершенное преступление. Да, Энди сказал отцу, что сел в поезд до Вестчестера, желая побродить пешком в тамошних лесах, а сам «гонял» на машине и проговорился об этом в разговоре с Пуласки.

Молодой человек в смятении стоял перед полицейским и двумя бойцами из ПЧР и сбивчиво объяснял, почему солгал отцу, сказав по телефону, что едет в поезде по пригородной ветке Метро-Норт. Ведь у него даже не было прав на вождение автомобиля.

Зато его очень близкий друг имел водительское удостоверение. Эндрю Стерлинг, занимая первое место в мире среди поставщиков информации, не знал, что его сын голубой. А у юноши не хватало смелости признаться отцу.

Приятель Энди в телефонном разговоре с Пуласки подтвердил: они вдвоем были за городом во время убийства. Операционный центр карт «И-ЗиПасс» засвидетельствовал наличие соответствующей отметки об оплате проезда их автомашины.

– Черт… Ну ладно, возвращайся сюда, Пуласки.

– Есть, сэр.

Шагая по тротуару в вечерних сумерках, Лон Селлитто думал – черт, надо было и пистолет Купера прихватить. Хотя одно дело, если одолжишь жетон, когда тебя отстранили от служебных обязанностей, и совсем другое – оружие. Если об этом пронюхают в отделе собственной безопасности, ты уже не просто в дерьме, а по уши в дерьме.

У них появится законное основание для его отстранения, каким бы ни был результат анализа на наркотики.

Наркотики… Вот дерьмо.

Лейтенант отыскал нужный адрес. Таунхаус Карпентера находился в тихом местечке Верхнего Ист-Сайда. В окнах горел свет, но Селлитто никого не увидел внутри. Он подошел к двери и нажал кнопку звонка.

Вроде бы какой-то шум… Шаги. Дверь хлопнула.

Потом все надолго затихло.

Селлитто инстинктивно потянулся рукой туда, где обычно висел его пистолет.

Вот черт!

Наконец сбоку в окне шевельнулась занавеска. Дверь отворилась, и перед Селлитто вырос мужчина мощного телосложения с зачесанными на лысину волосами. Он уставился на жетон полицейского, хотя Селлитто не имел права его показывать. В глазах Карпентера появилась растерянность.

– Мистер Карпентер…

Селлитто не успел добавить ни слова, как растерянность исчезла с лица Карпентера и его исказила гримаса ярости и гнева.

– Проклятие! Проклятие!

Лон Селлитто уже не помнил, когда в последний раз сходился в рукопашной с преступником, и сейчас понял, что этот амбал запросто из него лепешку сделает, а затем перережет горло. Какого черта он не прихватил с собой пистолет Купера – дьявол с ними, с последствиями!

Однако предметом негодования Карпентера оказался вовсе не Селлитто.

Как ни странно, его разозлил генеральный управляющий «ССД».

– Вас подослал этот паршивец Эндрю Стерлинг? Он вас науськивает на меня? Хочет повесить на меня все эти убийства, о которых сейчас только и слышно? Господи, что же теперь делать? Меня, наверное, уже внесли в систему, и «Сторожевая башня» разослала мои данные по всей стране. Дьявол! Какой же я идиот, что связался с «ССД»!

Селлитто перевел дух. Он спрятал жетон и попросил Карпентера выйти из дома на крыльцо. Тот повиновался.

– Так я прав – это дело рук Эндрю? – прорычал он.

Вместо ответа Селлитто спросил, где находился Карпентер сегодня в то время, когда погиб Мэллой.

Карпентер ненадолго задумался.

– На деловых встречах.

Он назвал несколько фамилий и номера телефонов менеджеров крупного банка.

– А в воскресенье днем?

– Я с другом пригласил гостей на бранч.

Что ж, это легко проверить.

Селлитто позвонил Райму и передал все, о чем узнал. Тот велел Куперу проверить алиби Карпентера. Лейтенант тем временем продолжил беседу со взбешенным хозяином дома.

– Он самый мстительный прохвост, с каким я когда-либо вел дело.

Селлитто признал, что действительно информацию о Карпентере полиция получила из «ССД». Тот, услышав это, моментально сник и обреченно закрыл глаза. Его гнев сменился страхом.

– Что он вам наговорил про меня?

– Объясните мне вот что. За последнее время одним и тем же преступником убито несколько человек. И всякий раз накануне убийства вы копировали досье будущих жертв. Что вы на это скажете?

– Вот как приходится расплачиваться, если перейдешь дорогу Эндрю, – сокрушенно пробормотал Карпентер. – Он сводит счеты. Но такого от него я никак не ожидал…

Карпентер наморщил лоб, вспомнив о чем-то.

– Вы сказали, за последнее время? И когда же, по данным Эндрю, я снимал самые свежие копии?

– На протяжении последних двух недель.

– Я не мог этого сделать. Мне заблокировали доступ к системе «Сторожевая башня» еще в начале марта.

– Заблокировали?

Карпентер кивнул.

– Заблокировал. Собственноручно Эндрю.

Заголосил телефон Селлитто. Мел Купер сообщил, что уже двое из названных свидетелей подтвердили алиби Карпентера. Селлитто попросил его связаться с Родни Шарнеком, чтобы тот проверил информацию на компакт-диске, переданную Стерлингом для Пуласки. Потом закрыл телефон и обратился к Карпентеру:

– Почему вам заблокировали доступ в систему?

– Видите ли, я владею компанией по складированию информации, и…

– По складированию информации?!

– Ну да, это термин такой. Мы храним электронные данные, обработанные дейта-майнерами.

– И как это выглядит? Действительно что-то вроде склада?

– Нет-нет! Просто помещение с компьютерами. Наши серверы находятся в Нью-Джерси и Пенсильвании. Ну так вот, я… Я, можно сказать, соблазнился успехом Эндрю Стерлинга, его размахом, деньгами. Мне захотелось не только хранить информацию, но и продавать ее, как «ССД». Я начал потихоньку заниматься дейта-майнингом в нескольких отраслях, где позиции «ССД» не так сильны. Это даже нельзя назвать конкуренцией, и все делалось в рамках закона.

Как бы ни называлось то, что сделал Карпентер, в его голосе теперь явно слышалось раскаяние.

– И работали-то так, по мелочевке. Но Эндрю узнал и заблокировал мне доступ в innerCircle и «Сторожевую башню». Да еще пригрозил отдать под суд. Я пытался предложить ему условия сотрудничества, и тогда он меня уволил. Ну, то есть разорвал со мной контракт. Сегодня. А ведь я не сделал ему ничего плохого. – Голос Карпентера надломился. – Это же просто бизнес…

– И вы думаете, Стерлинг нарочно изменил файлы, чтобы вас приняли за убийцу?

– Ну, не сам, велел кому-то.

«То есть определенно, – заключил Селлитто, – этот Карпентер ни при чем, и я только зря потерял время».

– У меня к вам больше нет вопросов. Доброй ночи.

Однако настроение Карпентера резко переменилось. Возмущение окончательно прошло и сменилось состоянием, которое, судя по выражению его лица, Селлитто мог бы охарактеризовать как полная безысходность, если не ужас.

– Постойте, господин полицейский, не поймите меня превратно. Я, наверное, слишком быстро говорил. Я вовсе не утверждаю, что это сделал Эндрю. Ну что вы, надо быть сумасшедшим, чтобы предположить такое. Я был немного не в себе, сами понимаете. Только не сообщайте ему, прошу вас!

Удаляясь от дома, детектив обернулся. Ему показалось, что из глаз бизнесмена вот-вот брызнут слезы.

Итак, еще одна версия не сработала.

Сначала Энди Стерлинг. Теперь Роберт Карпентер. Вернувшись в лабораторию Райма, Селлитто сразу позвонил Родни Шарнеку. Тот пообещал выяснить, куда закралась ошибка. Компьютерщик перезвонил через десять минут и первым делом произнес:

– Н-да! Промашка вышла.

Райм терпеливо вздохнул:

– Продолжай.

– Значит, так. Карпентер действительно скачал столько информации, что ему хватило бы и на убийства, и на подставы, но только на протяжении целых двух лет. И все в рамках официальных маркетинговых кампаний. А с начала марта – ничего.

– Ты же сам говорил, что досье скопированы за день до совершения убийств?

– Правильно, так значилось в свойствах файлов. Но я проверил *метададнные* и выяснил, что кто-то в «ССД» вручную изменил даты. К примеру, данные на вашего двоюродного брата Карпентер снимал два года назад.

– Значит, кто-то в «ССД» сделал это, чтобы мы заподозрили не его, а Карпентера?

– Получается так.

– А теперь ответь на главный вопрос: кто, черт побери, изменил даты? И тогда мы узнаем, кто есть «5-22».

Компьютерщик пустился в разъяснения:

– Метадейта не содержат никакой другой информации – ни регистрационного имени администратора, ни загрузочных паролей…

– Просто скажи «не знаю». Это так?

– Так.

– Ты уверен?

– Абсолютно.

– Спасибо, – буркнул Райм и выключил связь.

Стерлинг-младший – мимо, Карпентер – мимо…

Ну где же ты, Сакс?

Райм чуть не вздрогнул, поняв, что мысленно почти назвал ее по имени. Между ними существовало негласное правило обращаться друг к другу только по фамилии, чтобы не накликать беду, – примета такая. Как будто мало им всяких бед…

– Линк, – позвал Селлитто и указал на доску со списком подозреваемых, – единственное, что мне приходит в голову – немедленно проверить каждого из них.

– И как же ты собираешься осуществить это, Лон? Над нами стоит инспектор, стремящийся вообще прикрыть это дело. Не можем же мы… – Райм не договорил, пристально водя глазами по описанию «5-22» и спискам вещдоков.

Затем его взгляд остановился на досье двоюродного брата на стоящем рядом пюпитре.

Образ жизни

Досье 1А. Предпочтения в сфере потребительских товаров.

Досье 1Б. Предпочтения в сфере потребительских услуг.

Досье 1В. Туризм.

Досье 1Г. Медицина.

Досье 1Д. Предпочтения в сфере отдыха и развлечений.

Образование, профессиональное и финансовое положение

Досье 2А. Образование.

Досье 2Б. Места работы с указанием доходов.

Досье 2В. Кредитная история; текущее состояние и рейтинг.

Досье 2Г. Предпочтения в сфере профессиональных продуктов и услуг.

Регистрация и гражданско-правовой статус

Досье 3А. Личная учетная информация.

Досье 3Б. Регистрация в качестве избирателя.

Досье 3В. Гражданско-правовой учет.

Досье 3Г. Уголовно-правовой учет.

Досье 3Д. Исполнение правовых актов.

Досье 3Е. Иммиграция и натурализация.

Райм несколько раз перелистал весь документ. Перевел взгляд на другие документы, прикрепленные к доскам с вещдоками. Что-то не клеилось.

Криминалист опять позвонил Родни Шарнеку:

– Родии, скажи, какое пространство на жестком диске занимает текст на тридцать печатных страниц? Вроде этого досье из «ССД», что у меня здесь.

– Досье? Сам текст, и больше ничего?

– Да.

– Учитывая, что в базе данных он еще сжат… Примерно двадцать пять «кило», не больше.

– Это же немного, правда?

– Все равно что чихнуть в урагане электронных данных.

Райм закатил глаза, не ожидая такого ответа.

– У меня к тебе еще один вопрос.

– Валяйте.

* * *

Голова жутко болела от удара о кирпичную стену, во рту ощущался привкус крови.

Приставив бритву к горлу Сакс, убийца забрал у нее пистолет, затащил через боковую дверь в цокольный этаж дома, затем по крутой лестнице в «фасадную» часть своего жилища с современным, минималистским интерьером, перекликающимся с черно-белым декором «ССД».

Потом подвел к двери в противоположной стене гостиной.

За ней оказалась большая кладовка. «5-22» протолкнул Сакс через источающую затхлый дух одежду, висящую на плечиках вдоль задней стенки, в которой имелась еще одна дверь. Отворив ее, он впихнул Амелию внутрь и тут же отобрал у нее пейджер, ПЦС, сотовый телефон, ключи от дома и машины, а также складной нож, лежавший в заднем кармане брюк. Очередной толчок, Сакс повалилась на пол к радиатору водяного отопления между двумя высоченными кипами старых газет, а «5-22» приковал ее наручниками к ржавой трубе. Она окинула взглядом этот рай барахольщика – мрачный, заплесневелый, смердящий тленом и гнилью. Такого количества утиля и отбросов, собранного в одном месте, Сакс еще не видела. Убийца сложил отобранные у нее трофеи на большой, заваленный всяким хламом письменный стол и принялся потрошить электронные приборы ее же ножом. Он с головой углубился в это занятие, будто расчленял труп на препараты, любуясь каждой отсеченной деталью.

Закончив, убийца включил компьютер и застучал пальцами по клавиатуре. Сакс наблюдала за ним и созерцала окружающие его газетные башни, высотки из сложенных бумажных пакетов, штабеля из картонных коробок с наклейками «Сигареты», «Пуговицы», «Скрепки»; консервные банки и упаковки с едой, чей срок годности истек в шестидесятых и семидесятых годах; чистящие вещества и принадлежности и сотни прочих бутылок, флаконов, контейнеров.

Но не это никому не нужное изобилие занимало мысли Сакс; потрясенная, она думала о том, как ловко «5-22» обвел их вокруг пальца.

Пока они искали убийцу среди недоброжелательных начальников, технических менеджеров, клиентов «ССД», хакеров, предполагаемых наемников Эндрю Стерлинга, способствующих процветанию его бизнеса, этот человек даже не попал в список подозреваемых.

И тем не менее он работал в «ССД».

А сыщики оставили без внимания очевидное. Почему, черт возьми?

«5-22» был тот самый охранник, который в понедельник сопровождал ее на экскурсии по ячейкам данных. Сакс вспомнила его имя на бейджике – Джон. А фамилия Роллинс. Наверное, из помещения, отведенного для охраны, он увидел ее и Пуласки в вестибюле «серой глыбы» и сразу вызвался проводить их в кабинет Стерлинга. А затем терся поблизости, вынюхивая, чего им тут надо. А может, даже заранее знал об их приходе и организовал так, чтобы в то утро выйти на работу.

Человек всезнающий…

Из этой прогулки по «серой глыбе» в сопровождении «5-22» Сакс была просто обязана сделать вывод о том, что охранники вхожи в ячейки данных и Центр приема информации. Теперь она вспомнила, что с компьютеров в ячейках данных можно войти в innerCircle без всякого пароля. Сакс до сих пор не понимала, как «5-22» выносил диски с информацией – при выходе из ячеек данных его обыскали вместе с ней, – но тем не менее он как-то ухитрялся это делать.

Она зажмурилась, пытаясь унять боль в затылке. Не помогло. Сакс открыла глаза и посмотрела на стену напротив письменного стола – там висела картина, фотореалистический семейный портрет. Ну конечно: Харви Прескотт, из-за которого «5-22» убил Элис Сандерсон, а вину за свое преступление свалил на Артура Райма.

Ее зрение окончательно адаптировалось к слабому освещению в комнате, и Сакс принялась изучать противника. Она как-то не особенно рассмотрела его там, в «ССД», и теперь старалась запомнить все черты и подробности: худощавый, бледная кожа, внешность не выдающаяся, но и не урод. Быстрые, глубоко посаженные глаза, очень длинные пальцы, сильные руки.

Убийца ощутил на себе ее пристальный взгляд. Он обернулся и жадно посмотрел на нее. Потом повернулся обратно к компьютеру и яростно продолжил что-то печатать. Десятки клавиатур были сложены в кучи прямо на полу, многие сломаны, со стершимися буквами, никому не нужные, но «5-22» был не в силах переступить через себя, чтобы выбросить их. Рядом с ним на столе высились стопки желтых блокнотов,

исписанных мелким четким почерком, – вот откуда частицы бумаги, найденные на месте одного из преступлений.

Запах плесени и прелой одежды вызывал у Сакс тошноту. «5-22», наверное, так привык к этому смраду, что уже не замечал. А может, балдел от него.

Сакс устало закрыла глаза и прислонилась головой к кипе старых газет. Безоружная, беспомощная... Она не представляла, как сможет выкрутиться из такого положения. И злилась на себя за то, что не потрудилась подробно объяснить в сообщении Райму, куда и зачем направляется.

Беспомощная...

И тут ей вспомнился лозунг, пронизывающий красной нитью все расследование дела «5-22»: «Знание – сила».

«Ну так узнай про него то, что может послужить тебе оружием. Думай, черт возьми!»

Охранник «ССД» Джон Роллинс... Эта фамилия ни о чем ей не говорила. Она ни разу не упоминалась на протяжении всего расследования. Каким образом этот человек может быть связан с «ССД», информацией и преступлениями?

Сакс опять повертела головой по сторонам, ошеломленно разглядывая горы хлама.

Информационные помехи...

«Стоп. Сосредоточься на одном. Не все сразу».

Ее внимание привлекла одна из коллекций «5-22» – огромная стопка билетов на подъемник горнолыжного курорта.

Вэйл, Коппер-Маунтии, Брекинридж, Бивер-Крик.

Неужели нащупала?

Во всяком случае, стоит проверить.

– Питер, – уверенным голосом произнесла Сакс, – нам с вами есть о чем поговорить.

Услышав имя, «5-22» моргнул и посмотрел на нее. В его глазах промелькнула растерянность. У него был такой вид, будто ему только что залепили пощечину.

Есть, угадала! Имя Джон Роллинс – вымышленное, иначе и быть не может. На самом деле это Питер Гордон, печально известный добытчик информации, скончавшийся… *якобы* скончавшийся несколько лет назад, когда компанию, на которую он работал, поглотила «ССД».

– Интересно, как вам удалось сфальсифицировать свою смерть? Подделать анализ ДНК? Поделитесь секретом.

Гордон перестал печатать и некоторое время молча смотрел на картину. Наконец заговорил:

– Забавно, насколько мы верим информации в компьютерах. Безусловно верим. – Он обернулся к Сакс. – Если это в компьютере, значит, правда. А когда вдобавок имеем подтверждение освященное авторитетом ДНК, то вдвойне правда. Абсолютная и неукоснительная.

Сакс продолжила:

– Итак вы, Питер Гордон, не возвращаетесь с велосипедной прогулки в горах. Полиция находит принадлежавший вам искореженный велосипед и полуразложившийся труп в вашей одежде, до неузнаваемости изъеденный дикими животными. Из ванной комнаты в вашем бывшем жилище берут на анализ образцы волос и слюны. Да, это вы, структура ДНК совпадает. Какие могут быть сомнения? Вы мертвы. Но волосы и проба слюны принадлежали не вам, а убитому вами мужчине, верно? Вы оставили на видном месте несколько его волос и засунули ему в рот зубную щетку.

– И немного крови на лезвии бритвы. Вы там у себя в полиции без крови обойтись не можете.

– Кто был тот мужчина?

– Какой-то парень из Калифорнии. Голосовал на автотрассе Ай-70.

«Продолжай давить на него; информация – твое единственное оружие. Воспользуйся им!»

– Однако мы так и не поняли, почему вы сделали это, Питер? Пытались сорвать слияние «Роки-маунтин дейта» с «ССД»? Или была другая причина?

– Сорвать? – Его голос снизился до изумленного шепота, будто он не верил своим ушам. – Вы действительно не понимаете. Когда Эндрю Стерлинг со своими ребятами из «ССД» прибыли для оформления купчей на «Роки-маунтин», я по крохам собрал всю имеющуюся информацию о нем и его компании. И то, что узнал, потрясло меня. Бог снизошел на землю в лице Эндрю Стерлинга! Он – будущее информации, а значит, и человечества. Он умел находить сведения, о существовании которых я даже не подозревал, и использовать их как оружие, как лекарство, как мертвую и живую воду. Я испытывал неодолимую потребность стать частью того, что он делал.

– Но вам было неинтересно искать информацию для «ССД». Это не соответствовало другим вашим устремлениям, верно? Другому вашему… собирательству. И образу жизни. – Сакс кивнула на горы хлама.

Лицо Гордона помрачнело, глаза расширились.

– Не думайте, я очень хотел стать частью «ССД». О, передо мной открывался весь мир! Но мне выпала иная карта. – Он замолчал, потом сделал широкий жест, указывая на свои коллекции. – Думаете, я избрал эту жизнь по доброй воле? Думаете, она мне по душе? – Голос у него надломился. Тяжело дыша, Гордон выдавил на лице подобие улыбки. – Но нет, я должен находиться вдали от сетей. Только так я смогу выжить. Подальше от сетей.

– Итак, вы инсценировали собственную смерть, присвоили чужое имя и номер социальной страховки. Чьи они? Кому-то пришлось умереть?

Гордон уже успокоился.

– Да, трехлетнему Джонатану Роллинсу из Колорадо-Спрингс. Поменять свою личность очень просто. Сервайвалисты делают это чуть ли не каждый день. Книги на эту тему есть в свободной продаже… – Едва заметная улыбка. – Только не забудьте заплатить за них наличными.

– И вас взяли на работу в «ССД» охранником. Вы не опасались быть узнанным кем-нибудь из приезжавших в бывшую вашу компанию?

– А я ни с кем не встречался лично. В этом особенность дейта-майнинга. Можно собирать информацию, не покидая своей укромной «кладовой».

Гордон замолчал. Его встревожило услышанное от этой полицейской ищейки. Если «они» действительно пронюхали, что Роллинс и Питер Гордон одно лицо, то не явятся ли сюда вслед за ней и другие копы? Видимо, решив, что не может рисковать, он схватил ключи от машины Пам, чтобы спрятать ее. Перед уходом внимательно осмотрел брелок.

– Дешевка. Без арфида. Но в наше время сканируют все номера. Где вы оставили машину?

– Так я вам и сказала.

Гордон пожал плечами и вышел.

Замысел Сакс сработал, она получила информацию, потом использовала ее против врага. Результат, конечно, не велик, но по меньшей мере она выиграла немного времени.

Но хватит ли его для реализации второй стадии плана – дотянуться до ключа от наручников, спрятанного глубоко в кармане брюк?

Глава сорок пятая

– Послушайте, исчезла моя напарница. И мне нужно посмотреть кое-какие ваши файлы.

Райм разговаривал с Эндрю Стерлингом по видеотелефону с изображением высокой разрешающей способности.

Глава «ССД» находился посреди аскетического интерьера своего кабинета в «серой глыбе». Он сидел в своем жестком деревянном кресле, выпрямившись, словно аршин проглотил и будто передразнивая Райма, сидящего точно в такой же позе в своей инвалидной коляске. Стерлинг ответил сдержанным тоном:

– С вами уже беседовал Сэм Броктон. А также инспектор Гленн. – В его голосе не было ни малейшего намека на тревогу или иное проявление эмоций, хотя на лице появилась любезная улыбка.

– Мне нужно увидеть досье моей напарницы. Вы с ней знакомы, это Амелия Сакс. Мне нужно ее полное досье.

– Что значит «полное», капитан Райм?

От внимания криминалиста не ускользнуло, что Стерлинг обратился к нему по его офицерскому званию, а оно известно далеко не каждому.

– Вы очень хорошо понимаете, что я имею в виду.

– Нет, не понимаю.

– Я хочу видеть «Исполнительно-правовое досье 3Е» Амелии Сакс.

Короткое замешательство.

– Зачем? Для вас там нет ничего интересного. Обычная официальная информация учетно-статистического характера. Открыта для служебного использования Актом о приватности.

Райм понимал, что Стерлинг лжет. Агент калифорнийского отделения ФБР Кэтрин Дэнс преподала криминалисту несколько уроков кинесики – понимания человеческого поведения по «языку тела» и психологического значения тех или иных жестов и мимики собеседника. Пауза перед ответом часто предшествует грядущему обману, поскольку человеку необходимо время, чтобы сформулировать лживую, но правдоподобную версию. Правду говорят быстро, потому что не надо ничего выдумывать.

– Почему же тогда вы не хотите дать мне досье?

– Да потому что незачем… Повторяю, для вас оно не представляет никакого интереса.

Опять ложь.

Взгляд зеленых глаз Стерлинга оставался невозмутимым; только один раз они сместились в сторону, откуда, как догадался Райм, перед ним на экране возник Рон Пуласки; молодой полицейский только что вернулся в лабораторию и встал за спиной криминалиста.

– Тогда ответьте на мой вопрос.

– Да?

– Я недавно разговаривал со специалистом по компьютерам из полицейского управления. Он прикинул, какой объем памяти занимает предоставленное вами досье моего двоюродного брата.

– Да?

– Он сказал, что досье на тридцати страницах текста занимает примерно двадцать пять килобайтов памяти.

– Знаете, я не меньше вашего желаю благополучия вашей напарнице, однако…

– Я в этом сильно сомневаюсь. А теперь слушайте меня, не перебивая.

Стерлинг в ответ только слегка поднял брови.

– Обычное досье содержит информации на двадцать пять килобайтов. Однако в вашей брошюре сказано, что вы располагаете более чем пятью

сотнями петабайт информации. Не каждому дано осмыслить, насколько велик такой объем.

Стерлинг молча слушал.

– Если среднее по объему досье содержит двадцать пять килобайтов, то база данных на всех жителей Земли займет, может быть, полторы сотни миллиардов килобайтов, даже с запасом. Но innerCircle содержит более пятисот триллионов килобайтов. Так что за информация занимает большую часть жесткого диска innerCircle, а, Стерлинг?

И вновь пауза перед ответом.

– Ну, многое… Огромный объем памяти занимают схемы и фотографии. Опять же административные данные.

Ложь.

– А скажите мне, зачем вообще нужен «исполнительно-правовой» файл? Кому и что надо исполнять?

– Мы в «ССД» выполняем требования законодательства и работаем так, что все наши файлы соответствуют правовым нормам.

– Стерлинг, если через пять минут этот файл не будет у меня в компьютере, я тут же свяжусь с редакцией «Таймс» и расскажу им, что вы пособник и сообщник насильника и убийцы, который свои жертвы подыскивал, используя информационные ресурсы «ССД». И никакие ваши друзья в Вашингтоне не спасут вас от громадных заголовков на первых газетных полосах. А сами статьи займут весь разворот. Я вам это гарантирую.

Но Стерлинг только рассмеялся; его лицо ни на секунду не потеряло самоуверенного выражения.

– Не думаю, что это случится. А теперь, капитан, вынужден с вами распрощаться.

– Стерлинг!..

Экран монитора погас.

Райм с досады закрыл глаза. Потом подрулил свою коляску к пластиковым доскам со списками улик и подозреваемых. Он долго вчитывался в слова, написанные рукой Тома и Сакс – где торопливо, а где аккуратно и вдумчиво.

Однако ничего нового они ему не подсказали.

«Где же ты, Сакс?»

Райм знал, что она, будто нарочно, постоянно ходила по краю пропасти, но он никогда не пытался урезонивать ее и убеждать не лезть на рожон. Но сейчас он злился на свою напарницу за то, что она взялась в одиночку, без должной страховки проверять обнаруженный ею след.

– Линкольн, – негромко позвал Рон Пуласки.

Райм поднял голову и поразился необычайно строгому выражению лица молодого офицера, устремившего холодный, пристальный взгляд на фотоснимок тела Майры Уэйнберг, сделанный на месте преступления.

– Что?

– У меня идея.

Теперь высокоразрешающий экран заполнило лицо с забинтованным носом.

– У тебя же есть доступ в innerCircle, верно? – Рон Пуласки задал свой вопрос Марку Уиткому ледяным голосом. – Хотя ты врал мне, что нет.

Заместитель начальника исполнительно-правового отдела вздохнул, но все же признал:

– Да, верно.

Он посмотрел было в объектив веб-камеры и тут же отвел глаза.

– Марк, у нас большая проблема. Нам нужна твоя помощь.

Пуласки рассказал об исчезновении Сакс и возникшем у Райма предположении, что с помощью исполнительно-правового файла можно вычислить, куда она направилась.

– Что содержится в досье?

– В исполнительно-правовом досье? – шепотом переспросил Уитком. – Открывать его категорически запрещено. Если об этом узнают, меня упекут за решетку. А Стерлинг сделает со мной такое… тюрьма курортом покажется.

Пуласки прикрикнул на него:

– Из-за твоего нежелания помочь нам уже погибли люди. – Потом добавил чуть мягче: – Мы с тобой союзники, а не враги, Марк. Пожалуйста, помоги. Нельзя допустить, чтобы пострадал кто-то еще.

Он замолчал. Повисла тяжелая тишина.

Молодец, Желторотик, подумал Райм, в этот раз с удовольствием передав бразды правления в руки своего воспитанника.

Уитком поморщился, затем огляделся вокруг, посмотрел на потолок. Боится «жучков» и скрытых видеокамер, решил про себя Райм. В итоге Уитком, видимо, смирился с судьбой и торопливо заговорил:

– Запиши то, что я скажу. У нас мало времени.

– Мел, давай сюда! Сейчас будем загружать innerCircle, базу данных «ССД».

– Да? А может, не надо? Меня уже оставили без жетона, а теперь что? – Лаборант поспешил к компьютеру, стоящему рядом с Раймом.

Уитком продиктовал адрес веб-сайта, и Купер впечатал его в поисковую строку. На экране появились сообщения, что они запросили закодированный доступ в электронную систему «ССД». Уитком назвал Куперу разовое пользовательское имя и после недолгого колебания три длинных пароля в виде беспорядочной последовательности символов.

– В рамке расшифровочного файла посреди экрана щелкни мышкой на кнопке «исполнить».

Купер так и сделал, и через мгновение открылась новая рамка с текстом:

Добро пожаловать, NGHF235. Пожалуйста, введите (1) 16-значный личный номер субъекта; или (2) название страны и номер паспорта субъекта; или (3) фамилию, последнее место жительства, номер социального страхования и номер одного из телефонов субъекта.

– Впечатайте информацию о разыскиваемом человеке.

Райм продиктовал Куперу данные Сакс. На экран выплыла рамка:

Подтвердить доступ в Исполнительно-правовое досье 3Е? Да. Нет.

Купер щелкнул на «Да», и появилась еще одна рамка с просьбой ввести очередной пароль.

Опять взглянув на потолок, Уитком спросил:

– Вы готовы?

Как будто должно произойти что-то весьма значительное.

– Готовы.

Уитком продиктовал им пароль из шестнадцати цифр, Купер перепечатал его и нажал «ввод».

Экран компьютера начал заполняться текстом, и Райм, не удержавшись, изумленно прошептал:

– О Господи!

А Линкольна Райма удивить не так-то просто.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

ЛЮБОЙ ГРАЖДАНИН, ВЛАДЕЮЩИЙ ЭТИМ ДОСЬЕ, НЕ ИМЕЯ ДОСТУПА КАТЕГОРИИ ОТ А-18 И ВЫШЕ, ЯВЛЯЕТСЯ НАРУШИТЕЛЕМ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Досье 3Е – исполнительно-правовое

Личный учетный номер 7303-4490-7831-3478

Имя, фамилия: Амелия Х. Сакс.

Страниц: 478

СОДЕРЖАНИЕ

Щелкните мышкой на нужном разделе. Примечание: загрузка архивного материала занимает до пяти минут.

ОБЩИЕ ДАННЫЕ

• Имя, фамилия/другие и вымышленные имена и фамилии/псевдонимы/прозвища, клички.

• Номер социального страхования.

• Адрес настоящего места жительства.

• Вид со спутника настоящего места жительства.

• Адреса прежних мест жительства.

• Гражданство.

• Раса.

• Сведения о родителях и прародителях.

• Национальное происхождение.

• Внешность, отличительные черты.

• Биометрическое описание

Фотоснимки

Видеозаписи

Отпечатки пальцев

Снимок сетчатки глаз

Снимок радужной оболочки глаз

Особенности походки

Подробное описание лица

Образец голоса.

• Образцы ткани.

• Медицинская история.

• Членство в политических партиях.

• Членство в профессиональных союзах.

• Членство в общественных организациях.

• Членство в религиозных организациях.

• Отношение к военной службе

Служба действительная/в запасе

Характеристика министерства обороны

Характеристика национальной гвардии

Владение системами оружия.

• Взносы и пожертвования в организации

Политические

Религиозные

Медицинские

Филантропические

Отношение к системе общественного телевидения Пи-би-эс/национальному государственному радио

Другие параметры.

• Психологическая/психиатрическая история.

• Описание личности по типологии Майерса-Бриггса.

• Сексуальные предпочтения.

• Хобби/интересы.

• Клубы/неформальные объединения.

БЛИЖАЙШИЕ «ПРИВЯЗИ» СУБЪЕКТА

• Супруги.

• Интимные связи.

• Отпрыски.

• Родители.

• Единокровные братья и сестры.

• Родители отца.

• Родители матери.

• Другие родственники по крови, живые.

• Другие родственники по крови, покойные.

• Родственники по линии супруга и другие привязи.

• Соседи

Настоящие

Бывшие за последние пять лет (архивный материал, возможна задержка при загрузке).

• Друзья и знакомые

Личные

В онлайне.

• Привязи, представляющие личный интерес (ППЛС).

ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

• Занятость – настоящая

Категория

История оплаты труда

Невыходы на работу/причины

Увольнения/регистрация в качестве безработного

Поощрения/взыскания

Случаи дискриминации по статье 7 Акта о гражданских правах

Инциденты, связанные с охраной труда

Другие действия.

• Занятость – предшествующая

Категория

История оплаты труда

Невыходы на работу/причины

Увольнения/регистрация в качестве безработного

Поощрения/взыскания

Случаи дискриминации по статье 7 Акта о гражданских правах

Инциденты, связанные с охраной труда

Другие действия.

• Сумма доходов – настоящая

Заявленная в налоговую службу

Незаявленная

За границей.

• Сумма доходов – предшествующая

Заявленная в налоговую службу

Незаявленная

За границей.

• Активы в наличии

Недвижимость

Автомобили и плавсредства

Банковские счета/ценные бумаги

Страховые полисы

Другие.

• Активы за последние двенадцать месяцев, включая приобретенные или добытые сомнительным путем

Недвижимость

Автомобили и плавсредства

Банковские счета/ценные бумаги

Страховые полисы

Другие.

• Активы за последние пять лет, включая приобретенные или добытые сомнительным путем (архивный материал, возможна задержка при загрузке)

Недвижимость

Автомобили и водные суда

Банковские счета/ценные бумаги

Страховые полисы

Другие.

• Кредитная история: текущее состояние и рейтинг.

• Финансовые сделки с учреждениями, находящимися в США

Сегодня

За последние семь дней

За последние тридцать дней

За последние двенадцать месяцев

За последние пять лет (архивный материал, возможна задержка при загрузке).

• Финансовые сделки с учреждениями за границей

Сегодня

За последние семь дней

За последние тридцать дней

За последние двенадцать месяцев

За последние пять лет (архивный материал, возможна задержка при загрузке).

• Финансовые сделки, операции с наличными, в США и за границей

Сегодня

За последние семь дней

За последние тридцать дней

За последние двенадцать месяцев

За последние пять лет (архивный материал, возможна задержка при загрузке).

ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЯ

• Действующие номера телефонов

Мобильных

Стационарных

Спутниковых.

• Номера телефонов за предшествующие двенадцать месяцев

Мобильных

Стационарных

Спутниковых.

• Номера телефонов за предшествующие пять лет (архивный материал, возможна задержка при загрузке)

Мобильных

Стационарных

Спутниковых.

• Номера факсов.

• Номера пейджеров.

• Входящие/исходящие вызовы телефон/пейджер – мобильный/ПЦС

Последние тридцать дней

Последние двенадцать месяцев (архивный материал, возможна задержка при загрузке).

• Входящие/исходящие вызовы телефон/пейджер/факс – стационарная линия

Последние тридцать дней

Последние двенадцать месяцев (архивный материал, возможна задержка при загрузке).

• Входящие/исходящие вызовы телефон/пейджер/факс – спутниковый телефон

Последние тридцать дней

Последние двенадцать месяцев (архивный материал, возможна задержка при загрузке).

• Прослушивание/радиоперехват

Закон о наблюдении за иностранной разведкой

Регистрация телефонной и онлайновой связи

Статья 3 Акта о гражданских правах

Другое, при наличии ордера

Другое, при отсутствии ордера.

• Телефонная связь по протоколу Интернета.

• Интернет-провайдеры, настоящие.

• Интернет-провайдеры за последние двенадцать месяцев.

• Интернет-провайдеры за последние пять лет (архивный материал, возможна задержка при загрузке).

• Веб-сайты, помеченные закладками/любимые места.

• Адреса электронной почты

Настоящие

Прежние.

• Пользование электронной почтой за последние двенадцать месяцев

История TCP/IP

Адреса исходящей почты

Адреса входящей почты

Содержание (для ознакомления может потребоваться ордер).

• Веб-сайты, действующие

Личные

Профессиональные.

• Веб-сайты за последние пять лет (архивный материал, возможна задержка при загрузке)

Личные

Профессиональные.

• Блоги, лайфблоги, веб-сайты (см. Приложения для ознакомления с текстами, представляющими интерес, ТПИ).

• Членство на социальных веб-сайтах (mySpace, Facebook, OurWorld и др.) (см. Приложения для ознакомления с текстами, представляющими интерес, ТПИ).

• Аватары и другие личные образы в онлайне.

• Мейлинг-листы.

• Друзья по электронной переписке.

• Участие в интернет-реле-чатах.

• Запросы/результаты в веб-браузерах и поисковых системах.

• Техника владения клавиатурой.

• Оценка знания грамматики, синтаксиса и пунктуации по пользованию поисковыми системами.

• Пользование услугой доставки посылок.

• Пользование почтовыми ящиками.

• Пользование экспресс-мейлом, зарегистрированными и сертифицированными услугами почты.

ПОВСЕДНЕВНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

• Покупки сегодня

Опасные вещества и предметы

Одежда

Транспортные средства и сопутствующие товары

Пища

Алкоголь

Предметы домашнего обихода

Приборы и устройства

Другое.

• Покупки за последние семь дней

Опасные вещества и предметы

Одежда

Транспортные средства и сопутствующие товары

Пища

Алкоголь

Предметы домашнего обихода

Приборы и устройства

Другое.

• Покупки за последние тридцать дней

Опасные вещества и предметы

Одежда

Транспортные средства и сопутствующие товары

Пища

Алкоголь

Предметы домашнего обихода

Приборы и устройства

Другое.

• Покупки за последние двенадцать месяцев (архивный материал, возможна задержка при загрузке)

Опасные вещества и предметы

Одежда

Транспортные средства и сопутствующие товары

Пища

Алкоголь

Предметы домашнего обихода

Приборы и устройства

Другое.

• Книги/журналы, приобретенные в онлайне

Подозрительные/подрывные

Представляющие иной интерес.

• Книги/журналы, приобретенные в розничных магазинах

Подозрительные/подрывные

Представляющие иной интерес.

• Книги/журналы, взятые из библиотек

Подозрительные/подрывные

Представляющие иной интерес.

• Книги/журналы, замеченные персоналом аэропортов/ авиалиний

Подозрительные/подрывные

Представляющие иной интерес.

• Пользование иными услугами библиотек.

• Приобретение подарков на свадьбы, приемы, годовщины и проч.

• Посещение кинотеатров.

• Просмотр платных программ кабельного телевидения за последние тридцать дней.

• Просмотр платных программ кабельного телевидения за последние двенадцать месяцев (архивный материал, возможна задержка при загрузке).

• Подписка на радиостанции.

• Пользование транспортом

Автомобильным

Собственным автомобилем

Автопрокатом

Общественным транспортом

Такси/лимузином

Автобусом

Поездами

Самолетами, коммерческими

Внутренними рейсами

Международными

Самолетами, частными

Внутренними рейсами

Международными

Прохождение контроля безопасности на транспортных терминалах

Занесение в списки «ноу-флай».

• Посещение мест, представляющих интерес (МПИ)

Местные

Мечети

Другие – на территории США

Мечети

Другие – за границей.

• Посещение или транзитная остановка в зонах повышенной опасности (ЗПО): Куба, Уганда, Ливия, Южный Йемен, Либерия, Гана, Судан, Демократическая Республика Конго, Индонезия, Палестинские территории, Сирия, Ирак, Иран, Египет, Саудовская Аравия, Иордания, Пакистан, Эритрея, Афганистан, Чечня, Сомали, Судан, Нигерия, Филиппины, Северная Корея, Азербайджан, Чили.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ СУБЪЕКТА

• Устройства Джи-пи-эс (все позиции сегодня)

Автомобильные

Карманные

Мобильные телефоны.

• Устройства Джи-пи-эс (все позиции за последние семь дней)

Автомобильные

Карманные

Мобильные телефоны.

• Устройства Джи-пи-эс (все позиции за последние тридцать дней)

Автомобильные

Карманные

Мобильные телефоны.

• Устройства Джи-пи-эс (все позиции за последние двенадцать месяцев) (архивный материал, возможна задержка при загрузке)

Автомобильные

Карманные

Мобильные телефоны.

• Биометрические наблюдения

Сегодня

За последние семь дней

За последние тридцать дней

За последние двенадцать месяцев (архивный материал, возможна задержка при загрузке).

• Отчеты радиочастотной идентификации, кроме считывающих устройств на платных автомобильных дорогах

Сегодня

За последние семь дней

За последние тридцать дней

За последние двенадцать месяцев (архивный материал, возможна задержка при загрузке).

• Отчеты радиочастотной идентификации, считывающие устройства на платных автомобильных дорогах

Сегодня

За последние семь дней

За последние тридцать дней

За последние двенадцать месяцев (архивный материал, возможна задержка при загрузке).

• Фото/видеоматериалы нарушений правил дорожного движения.

• Фото/видеоматериалы охранных систем наблюдения.

• Фото/видеоматериалы спецнаблюдения при наличии ордера.

• Фото/видеоматериалы спецнаблюдения при отсутствии ордера.

• Позиционирование по месту совершения платежей

Сегодня

За последние семь дней

За последние тридцать дней

За последние двенадцать месяцев (архивный материал, возможна задержка при загрузке).

• Позиционирование по месту связи с телефона/ПЦС/телекоммуникационных устройств

Сегодня

За последние семь дней

За последние тридцать дней

За последние двенадцать месяцев (архивный материал, возможна задержка при загрузке).

• Случаи сближения с объектами спецнаблюдения

Сегодня

За последние семь дней

За последние тридцать дней

За последние двенадцать месяцев (архивный материал, возможна задержка при загрузке).

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

• Нарушения законодательства на территории США

Задержания/допросы

Аресты

Судимости.

• Нарушения законодательства за границей

Задержания/допросы

Аресты

Судимости.

• Списки подозреваемых.

• Наружное наблюдение.

• Гражданская ответственность.

• Ограничение гражданских прав.

• Сотрудничество с правоохранительными органами.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ДОСЬЕ

• Федеральное бюро расследований.

• Центральное разведывательное управление.

• Агентство национальной безопасности.

• Национальное управление военно-космической разведки США.

• НПИА.

• Военные разведывательные агентства

Армия

ВМС

ВВС

Корпус морской пехоты.

• Разведотделы полиции штатов и на местах.

ОЦЕНКА УГРОЗЫ

• Оценка угрозы безопасности

Частному сектору

Государственному сектору.

И это было лишь оглавление. Объем самого досье Амелии Сакс достигал почти пятисот страниц.

Райм перелистал весь список, открыв несколько глав. Все они были заполнены убористым шрифтом.

– Это что же, – прошептал он, не веря своим глазам, – «ССД» знает столько о каждом американце?

– Нет, – ответил Уитком. – Досье детей до пяти лет очень короткие, разумеется. Да и у взрослых часто встречаются большие пропуски. Но «ССД» не останавливается на достигнутом и совершенствуется с каждым днем.

«Совершенствуется?» – мысленно повторил Райм с невольным трепетом.

Пуласки кивнул на рекламную брошюру, скачанную Мелом Купером:

– И такие досье заведены на четыреста миллионов человек?

– Совершенно верно. И это число непрерывно растет.

– И каждое досье обновляется ежечасно? – спросил Райм.

– Некоторые данные в текущем времени.

– Так, значит, Уитком, эта ваша правительственная организация, исполнительно-правовой отдел… не охраняет информацию, а использует ее, так? Для обнаружения террористов?

Уитком помедлил, прежде чем ответить. Но поскольку он уже переслал секретное досье людям, не имеющим доступа категории А-18, что бы это ни означало, то – какого черта! – секретом больше, секретом меньше, хуже все равно уже не будет.

– Все правильно. И не только террористов, но и других преступников. «ССД» использует прогнозирующие программы, чтобы вычислить, кто, когда и как совершит противоправный поступок. Многие наводки на потенциальных преступников поступают в полицию и спецслужбы анонимно от бдительных граждан. На самом деле это лишь прикрытие, фикция. За ними стоят «Сторожевая башня» и innerCircle. Иногда в целях конспирации даже практикуется выдача вознаграждения за полезную информацию, а потом деньги возвращают правительству – так что их можно использовать повторно.

Настала очередь Мела Купера задать свой вопрос:

– Но раз вы правительственная организация, зачем поручать государственное дело частной компании? Почему вы сами этим не занимаетесь?

– Мы были вынуждены прибегнуть к помощи частной компании. Министерство обороны пыталось осуществить нечто подобное после одиннадцатого сентября, инициировав программу под названием «Тотальная информационная готовность». Ее реализацией руководили Джон Пойндекстер, бывший тогда советником президента США по национальной безопасности, и Брайен Хикс, возглавлявший частную компанию «Международная корпорация прикладных наук». Но программу закрыли из-за нарушений Закона о невмешательстве в личную жизнь – общественное мнение решило, что правительство начинает вести себя как «Большой Брат». Зато «ССД», имея статус частной компании, может обойти законодательные рогатки Оруэлла. – Уитком цинично рассмеялся: – И потом, при всем уважении к моим работодателям, вашингтонские чиновники не обладают нужными деловыми качествами. У руководителей «ССД» такие качества есть. Слова «информация» и «эффективность» – главные в лексиконе Эндрю Стерлинга, и никто лучше его не сочетает их в практической деятельности.

– А эта деятельность законна? – поинтересовался Мел Купер.

– В ней есть теневые зоны, – признал Уитком.

– Ну хорошо, а мы-то сейчас можем извлечь для себя какую-то пользу? – спросил Райм.

– Попробуем.

– Как?

Уитком объяснил:

– Мы воспользуемся программой сегодняшнего географического позиционирования детектива Сакс. Мне проще сделать это самому. – Его пальцы забегали по клавиатуре компьютера. – Вы все увидите на своем мониторе в рамке в нижней части экрана.

– Сколько времени это займет?

Очередной смешок – будто простуженный из-за сломанного носа.

– Недолго. Вообще-то программа работает очень быстро.

Не успел он договорить, как на экране возник текст:

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ СУБЪЕКТА
7303-4490-7831-3478

Период: последние четыре часа.

• 16.32. Вызов с мобильного телефона субъекта на стационарную линию субъекта 5732-4887-3360-4759 (Линкольн Генри Райм) (близкая «привязь»), 52 секунды. Субъект находилась в своем доме в Бруклине, Нью-Йорк.

• 17.23. Биометрическая идентификация, вероятность 95 %. Система видеонаблюдения 84-го округа, Бруклин, Нью-Йорк.

• 17.23. Биометрическая идентификация, вероятность 92,4 %. Субъект 3865-6453-9902-7221 (Памела Д. Уиллоуби) (близкая «привязь»). Система видеонаблюдения 84-го округа, Бруклин, Нью-Йорк.

• 17.40. Вызов с мобильного телефона субъекта на стационарную линию субъекта 5732-4887-3360-4759 (Линкольн Генри Райм) (близкая «привязь»), 12 секунд.

• 18.27. Радиочастотная идентификация по кредитной карте. Бутик «Манхэттен Стайл», Вест-Эйт-стрит, 9. Без покупок.

• 18.41. Биометрическая идентификация. Система видеонаблюдения бензозаправочной станции «Преско-Дискаунт Гэс-энд-Ойл», В.-14-стрит, 546, колонка № 7, «хонда-сивик» 2001 г. в., рег. № MDH459 на субъекта 3865-6453-9902-7221 (Памела Д. Уиллоуби) (близкая «привязь»).

• 18.46. Оплата кредитной картой. Бензозаправочная станция «Преско-Дискаунт Гэс-энд-Ойл», В.-14-стрит, 546, колонка № 7. Бензин ординарного сорта, 14,6 галл., $43,86.

• 19.01. Идентификация по регистрационному номеру автомашины. Система видеонаблюдения на пересечении Американской авеню с 23-й улицей, «хонда-сивик», регистрационный номер № MDH459, направление движения на север.

• 19.03. Вызов с мобильного телефона субъекта на стационарную линию субъекта 5732-4887-3360-4759 (Линкольн Генри Райм) (близкая «привязь»). Субъект находился на пересечении Американской авеню с 28-й улицей, 14 секунд.

• 19.07. Радиочастотная идентификация по кредитной карте. «Ассошиэйтед кредит юнион». Пересечение Американской авеню с 34-й улицей, 4 секунды. Без покупок.

– Понятно, она в машине Пам. Почему? Куда девался ее «камаро»?

– Вы знаете регистрационный номер? – спросил Уитком. – Впрочем, не надо, быстрее найдем по ее личному коду. Посмотрим…

На экране появилась рамка, извещающая, что «камаро» Сакс был конфискован и отбуксирован с места парковки возле ее дома – но куда, об этом информации не было.

– Это дело рук «5-22», – прошептал Райм. – Не иначе. Это он подстроил так же, как с твоей женой, Пуласки, с отключением электричества в моем доме. Гадит нам, как может.

Уитком ввел какую-то команду, и на экране появилась схема города с отметками географического позиционирования. Стало видно, что Сакс из Бруклина направлялась в Мидтаун. Однако на полдороги ее маршрут прервался.

– А что означает эта последняя радиочастотная идентификация? – спросил Райм.

Уитком пояснил:

– Транспондер в магазине считал арфид на ее кредитной карте. Но контакт был кратковременный. Вряд ли она заходила в магазин или даже шла мимо. Вероятнее всего, проезжала в машине.

– Интересно, она и дальше поехала на север? – задумался Райм.

– Пока что это вся информация. Но она скоро обновится.

Мел Купер предположил:

– Детектив Сакс могла доехать по Тридцать четвертой улице до Вест-Сайдской автострады, а по ней дальше на север, за город.

– Там есть платный проезд через мост, – заметил Уитком. – Владелица «сивика», Памела Уиллоуби, не пользуется проездной картой «И-ЗиПасс» – иначе innerCircle сказал бы нам о ее наличии, – но если машина пересечет мост, у нас будет отметка сканирования номерного знака.

По указанию Райма Мел Купер – среди присутствующих старший по званию действующий офицер полиции – позвонил дежурному по городу, сообщил ему номер и модель машины Пам и объявил ее в экстренный розыск.

Райм связался по телефону с окружным полицейским участком в Бруклине и там подтвердили, что «камаро» Сакс действительно

отбуксировали, но больше ничего существенного добавить не смогли. Амелия и Пам ненадолго зашли в дежурную часть и уехали, не сказав куда. Райм позвонил девочке на мобильный. Она была дома у подруги. От нее криминалист узнал только, что Сакс после инцидента в ее бруклинском таунхаусе действительно напала на новый след, но ни словом не обмолвилась, какой и куда он ведет.

Райм скомандовал телефону отбой.

Уитком выступил с предложением:

– Мы сейчас загрузим все отметки позиционирования, а также информацию о Сакс и проводимом вами расследовании в программу обнаружения скрытых связей FORT, а затем подключим Xpectation. Будем надеяться, система выдаст нам свое умозаключение о том, куда могла направиться ваша напарница.

На экране было видно, как Уитком снова посмотрел на потолок и поморщился. Потом встал, подошел к двери, повернул стопор замка и еще подпер ручку деревянным стулом. Вернувшись к компьютеру, он слабо улыбнулся и забегал пальцами по клавиатуре.

– Марк! – обратился к нему Пуласки.

– Что?

– Спасибо. На этот раз – на полном серьезе.

Глава сорок шестая

Жизнь – это, разумеется, борьба.

Мой идол – Эндрю Стерлинг – и я разделяем одну и ту же страсть к информации. Она влечет к себе нас обоих своей загадочностью, своим очарованием, своим бесконечным могуществом. Но лишь ступив в сферу деятельности Эндрю, я в полной мере сумел оценить информацию как оружие невидимой, но в то же время реальной экспансии вплоть до самых отдаленных уголков мира. Оружие, с помощью которого можно преуменьшить всю и всякую жизнь в подконтрольное существование чисел, чтобы затем наблюдать, как оно перерастает в нечто запредельное, неземное.

Бессмертная душа...

Когда-то я был влюблен в программу SQL, рабочую лошадку управления базами данных. Но мою любовь украла «Сторожевая башня» Watchtower Эндрю Стерлинга. Да и кто устоит перед ее чарующей мощью и

элегантностью? Это заслуга Эндрю – пусть косвенная, – что я по-настоящему постиг волшебный мир чисел. Его внимание ко мне ограничивалось приветственным кивком при встрече в коридоре да вопросом о минувших выходных, хотя он всегда называл меня по имени, не глядя на мой нагрудный бейджик, – еще одно свидетельство блестящего ума. Вспоминаю ночные часы, проведенные мной в кабинете Эндрю, когда здание «ССД» пустело, но я ощущал присутствие этого необыкновенного человека, сидя в его деревянном кресле и перечитывая книги из стоящей корешками вверх библиотеки. В ней не было ни одного из тех дурацких, занудно написанных пособий для бизнесменов, но лишь тома и тома, открывающие гораздо более широкое мировоззрение, сочинения о политической и географической экспансии: континентальные Соединенные Штаты 1800-х годов в период доктрины «очевидного предназначения», Европа под Третьим рейхом, мировое владычество католической церкви и ислама. И между прочим, все эти властители эффективно использовали информацию в качестве оружия особого вида.

А как много я познал, просто слушая то, что говорит Эндрю, изучая его записи, черновики писем, наброски книги, над которой он работает.

Ошибки являются причиной помех и засора информации. А засоры надо устранять.

Только победитель может позволить себе роскошь быть великодушным.

Только слабые идут на компромисс.

Реши свою проблему либо перестань считать ее проблемой.

Мы рождены для борьбы.

Кто понимает, тот побеждает; понимает тот, кто знает.

Думаю, Эндрю понравилось бы то, что я задумал.

Моя борьба против «них» продолжается.

На соседней улице снова нажимаю кнопку на брелке и наконец слышу приглушенный автомобильный сигнал.

Посмотрим, посмотрим… Что тут у нас? «Хонда-сивик»! Только посмотрите на эту колымагу. Взята напрокат, конечно, поскольку машина Амелии-7303 отдыхает сейчас на штрафной стоянке. Ловко я провернул это дело, жалко, что раньше до такого не додумался.

Мои мысли возвращаются к рыжеволосой красавице. Чего-то мне не верится, что «они» вычислили меня как Питера Гордона. По-моему, Амелия-7303 блефует. Вот еще одна любопытная особенность информации: иногда правду и ложь разделяет слишком тонкая линия. Но рисковать я не могу. Машину надо спрятать.

И опять я думаю о ней.

Эти дикие глаза, эти рыжие волосы, ее тело… Кажется, я уже дозрел.

«Сувениры» на память…

Быстро осматриваю машину. На заднем сиденье книжки, журналы, коробка «Клинексов», пустые бутылки из-под «Витаминной воды», салфетка из «Старбакса», кеды с облупившейся резиной, журнал «Семнадцать»; в бардачке сборник стихов. Кому же принадлежит этот славный образец японской технологии? В паспорте указано, что владелец Памела Уиллоуби.

Что ж, узнаю побольше об этой девочке из innerCircle и наведаюсь к ней в гости. Надеюсь, она не крокодил какой-нибудь. Найду снимок в файле департамента автотранспорта, а то, может, и возиться не стоит.

Машинка завелась с полоборота. Осторожно выруливаю с обочины, чтобы, не дай Бог, не помешать проезжающим мимо водителям. Разборки мне сейчас не нужны.

Через полквартала сворачиваю в узкий проезд.

Так, какое радио слушает мисс Пам? Рок, рок, альтернатива, хип-хоп, ток-шоу и Эн-пи-ар. Программирование станций – очень информативная функция.

В голове у меня уже рождается план, как завязать знакомство с девочкой, чтобы после осуществить с ней трансакцию. Мы как бы случайно встретимся на заупокойной службе по Амелии-7303 (похорон не будет, поскольку нет тела). Выражу ей свои соболезнования. Скажу, что мне довелось общаться с детективом Сакс во время ее работы по расследованию дела. Она мне очень понравилась. О, не плачь, милая. Слезами ей не поможешь. А знаешь что – давай встретимся. Я расскажу тебе о воспоминаниях, которыми Амелия поделилась со мной. О своем отце. Очень любопытная история связана с приездом в эту страну ее деда. (Узнав, что Амелия-7303 шпионит за мной, я изучил ее досье. История действительно интересная.) Нам надо подружиться. Я просто опустошен… Не выпить ли нам кофе? Как насчет «Старбакс»? Я каждый

вечер захожу в кафе возле Центрального парка после пробежки. Как? И ты тоже?

У нас определенно есть что-то общее.

От мыслей о Пам я снова испытываю то самое ощущение. Только бы она не оказалась уродиной.

Вероятно, еще далеко до того дня, когда я запихну ее в багажник моей машины. Сначала надо заняться Томом Рестоном и еще кое-какими делами. Однако на сегодняшний вечер у меня уже есть Амелия-7303.

Загоняю машину в гараж, запираю ворота. Постоит здесь, пока я не поменяю номера, а потом утоплю в водохранилище Кротон. Но сейчас еще рано думать об этом. Меня в эту минуту занимает только одно – как лучше организовать трансакцию с моей рыжеволосой подругой, ожидающей меня дома в «кладовой», будто любящая жена мужа после тяжелого трудового дня.

* * *

К сожалению, на данном этапе делать прогноз преждевременно. Введите дополнительные сведения и повторите запрос.

Имея в своем распоряжении величайшую в мире базу данных, располагая самым современным, самым быстрым софтварием, со скоростью света прокрутившим подробности жития Амелии Сакс, программа все-таки не оправдала себя.

– Мне очень жаль, – сказал Марк Уитком и потрогал свой сломанный нос, изображение которого отчетливо передавалось на экран системой видеосвязи с высокой разрешающей способностью. Видно было, что травма серьезная: Рон Пуласки приложил ему от души. Молодой человек в очередной раз шмыгнул носом и продолжил: – Данные слишком общие. Программа дает наибольший эффект, если есть образцы поведения. Из того, что она выдает сейчас, следует лишь, что детектив поехала по необычному для себя маршруту.

Прямо в логово убийцы, мысленно добавил огорченный Райм.

Где же она, черт возьми?

– Погодите секунду. Информация обновляется…

Экран мигнул и переменился. Уитком воскликнул:

– Есть! Несколько радиочастотных отметок двадцатиминутной давности!

– Где она? – прошептал Райм.

Уитком переключил картинку на их компьютер. Сигналы поступили из тихого квартала в Верхнем Ист-Сайде.

– Две отметки сделаны в магазинах. Продолжительность первого арфид-сканирования всего две секунды. Второе чуть дольше, восемь секунд. Может, она остановилась, чтобы проверить адрес.

– Немедленно вызывайте Бо Хоманна! – выкрикнул Райм.

Пуласки нажал кнопку автоматического номера на своем мобильнике, и секундами позже Райм разговаривал с командиром подразделения чрезвычайного реагирования.

– Бо, у нас появились координаты Амелии. Она исчезла, проверяя наводку на «5-22». Мы имеем данные компьютерного мониторинга ее маршрута. Минут двадцать назад Амелия находилась у дома номер 642 по Восточной Восемьдесят восьмой.

– Мы будем там через десять минут, Линк. Ее держат на мушке?

– Похоже на то. Позвони мне, когда уточнишь.

Райм выключил телефон.

Ему вспомнился ее голос в войс-мейле. Он казался таким нестойким, этот малюсенький сгусток цифровой информации.

В сознании Райма слова Сакс продолжали звучать совершенно отчетливо: «Проверяю наводку, надежную. Перезвони мне».

Криминалист не мог отделаться от мысли, что, возможно, слышал ее голос в последний раз.

Группа «Эй» подразделения чрезвычайного реагирования Бо Хоманна, пригнувшись под окнами, заняла позицию по обеим сторонам входа в большой таунхаус в Верхнем Ист-Сайде – четыре бойца в полном комплекте бронезащиты, с черными короткоствольными автоматами «МП-5».

Хоманн признался самому себе, что не сталкивался ни с чем подобным за все время службы в армии и полиции. Линкольн Райм отыскал Амелию Сакс в этом районе, используя какую-то новую компьютерную программу, но без помощи ее мобильника, или радиопеленгатора, или поисковой системы Джи-пи-эс. Наверное, так в будущем будут проводиться полицейские операции.

Программа не указала точный адрес, однако нашелся свидетель, видевший, как незнакомая женщина дважды останавливалась у магазинов, указанных компьютером, а потом перешла через улицу к этому частному таунхаусу.

Где теперь предположительно ее удерживал в качестве заложницы подозреваемый, условно обозначенный «5-22».

Наконец отозвались бойцы, зашедшие с задней части дома:

– Группа «Би» Первому. Мы на месте. Пока все тихо. На каком этаже объект, прием?

– Понятия не имею. Просто входим и прочесываем весь дом. Действуем быстро. Он ее уже давно держит. Я звоню в дверь, он открывает, и мы входим. Все понятно?

– Вас понял, на приеме.

– Группа «Си». Будем на крыше через три-четыре минуты.

– Поторопитесь, – проворчал Хоманн.

– Да, сэр.

Хоманн знал Амелию Сакс и работал с ней долгие годы. Он считал, что она более мужественный коп, чем даже многие его подчиненные. Нельзя сказать, чтобы она ему нравилась – Хоманн считал ее слишком упрямой и резкой: зачастую Сакс безрассудно лезла на рожон, когда надо бы проявить осторожность, – однако безоговорочно уважал ее.

И он был готов сделать все, лишь бы вызволить детектива из когтей насильника. Хоманн кивком приказал бойцу ПЧР подняться на крыльцо; тот был одет в обычный деловой костюм, чтобы не спугнуть убийцу, когда он выглянет в дверной глазок. Как только откроется дверь, его товарищи, присевшие на корточки под стеной дома, вбегут в дом и обезвредят преступника. Пэчеэровец застегнул пиджак и кивнул в знак готовности действовать.

– Проклятие! – нетерпеливо прорычал Хоманн, обращаясь к группе на крыше дома. – Вы на месте или нет?

Глава сорок седьмая

Дверь отворилась, и она услышала шаги убийцы.

Амелия Сакс, сидя на корточках в тесном помещении с затхлым воздухом, испытывая ноющую боль в коленях, неловко пыталась привстать и достать ключ от наручников из переднего кармана брюк. Однако прикованные к трубе руки и узкое пространство между нависающими вокруг газетными штабелями не позволяли ей повернуться и просунуть пальцы в прорезь кармана. Она могла только пощупать сквозь брючную ткань дразнящий маленький ключик.

Ей хотелось кричать от досады.

Шаги приближались.

Горы хлама заслоняли от нее убийцу.

Очередная отчаянная попытка извлечь ключ… Ну, еще чуть-чуть… Нет, не получается.

Шаги совсем близко. Сакс прекратила бесплодные старания.

Итак, настало время для схватки. Что ж, Сакс готова. Ей вспомнились похотливые, жадные глаза Гордона. Вот-вот наступит решающая минута. Она еще не придумала, как будет сопротивляться со скованными за спиной руками и нестерпимой болью в ушибленном накануне плече, но твердо знала – ублюдок заплатит за каждое прикосновение к ее телу.

Только – где же он?

Шаги стихли.

Где Гордон? Панораму комнаты закрывали от нее высоченные штабеля заплесневелых газет. Убийца должен прийти за ней по узкому коридору шириной в два фута, через который Сакс могла видеть письменный стол, заваленный хламом и старыми журналами.

«Ну иди же, я готова к встрече с тобой! Сначала прикинусь испуганной, робкой. Насильники, как правило, упиваются своей властью над жертвой. Увидев мою беспомощность, он возомнит себя всемогущим и потеряет осмотрительность. А когда наклонится совсем близко, вцеплюсь зубами ему в горло. Мертвой хваткой. Что бы ни случилось, я…»

В то же мгновение в доме будто взорвалась бомба и сверху на Сакс обрушился потолок.

Неудержимая лавина ударила ее, повалила на пол и придавила так, что ни рукой, ни ногой нельзя было шевельнуть.

Сакс застонала от тяжести и боли.

Минуту спустя она поняла, что произошло на самом деле. Видимо, догадавшись, что детектив окажет сопротивление, Гордон попросту повалил на нее газетные штабеля.

Сакс немедленно испытала ужасающий приступ клаустрофобии и паники. Она издала нечеловеческий вопль, оборвавшийся из-за нехватки воздуха в легких, и тут же невероятным усилием воли постаралась взять свой страх под контроль.

В конце газетного туннеля появился Питер Гордон. Сакс увидела у него в руке стальное лезвие бритвы. В другой он держал диктофон. Убийца приблизился вплотную, присел над ней и стал внимательно разглядывать.

– Прошу вас, – жалобно пискнула Сакс. Ей так и не удалось до конца избавиться от панического чувства.

– Ты хорошенькая, – прошептал Гордон.

Он начал говорить что-то еще, но слова потерялись в громком звуке дверного звонка, раздавшегося одновременно в прихожей и в этой, тайной части дома.

Гордон замер.

В дверь позвонили второй раз.

Он поднялся, подошел к столу и нажал несколько кнопок на клавиатуре компьютера, глядя на экран монитора, где, вероятно, появилось изображение посетителя с видеокамеры охранной системы. Гордон нахмурился.

Поколебавшись, он посмотрел на Сакс, аккуратно сложил бритву и убрал ее в задний карман брюк.

Затем шагнул к потайной дверце из кладовки и вышел через нее. Сакс слышала, как щелкнула задвижка. Она с новым упорством потянулась рукой к карману с заветным кусочком металла внутри.

– Линкольн!

Голос Бо Хоманна звучал будто издалека.

Райм прошептал:

– Говори.

– Ее там нет.

– Что?

– Эти отметки – из компьютерной программы – они, конечно, правильные. Только Амелии там не было. – Хоманн объяснил, что Сакс отдала свою кредитку подруге, Пам Уиллоуби, чтобы та купила продукты для совместного ужина, за которым они собирались обсудить кое-какие «личные дела». – Она пару раз прошла мимо витрин магазинов, поглазела, но ничего не купила и пошла домой к однокласснице вместе делать домашнюю работу.

Райм устало прикрыл глаза.

– О'кей, Бо, спасибо. Можешь объявить своим ребятам отбой. Нам теперь остается только ждать.

– Мне очень жаль, Линкольн, – посочувствовал Рон Пуласки.

Молчаливый кивок.

Райм посмотрел на каминную полку, где в рамке стояла фотография Сакс в черном защитном шлеме, на сиденье открытого «форда», переделанного для участия в кольцевых гонках ассоциации НАСКАР. На другом фото они были сняты вместе: Райм сидел в своей коляске, а Сакс обнимала его.

Не в силах без боли созерцать эти снимки, Райм перевел взгляд на белые пластиковые доски.

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОСТИ НЕИЗВЕСТНОГО «5-22»

• Мужчина.

• Вероятно, не курит.

• Вероятно, не женат, не имеет детей.

• Предположительно белый либо светлокожий цветной.

• Нормального телосложения.

• Физически сильный – способен задушить жертву.

• Имеет доступ к устройству, маскирующему голос в микрофоне.

• Вероятно, знаком с компьютерами; пользуется сайтом OurWorld + другими социально-сетевыми сайтами?

• Отрезает от жертв «сувениры» на память. Садист?

• Ест чипсы/острые приправы.

• Носит рабочие ботинки «Скетчерс» 11-го размера.

• Барахольщик, страдает патологической одержимостью.

• Ведет двойное существование – «тайное» и «показное».

• Под внешней порядочностью скрывается подлая натура.

• Жилище: не арендует, разделено на две половины – обычную и секретную.

• Окна завешаны или закрашены.

• Применит насилие, защищая свою сокровищницу от посягательства.

НЕСФАБРИКОВАННЫЕ ВЕЩДОКИ

• Частицы старого картона.

• Кукольный волос из нейлона 6, BASF-B35.

• Табак от сигареты марки «Тейритон».

• Старый табак, марка сигарет не идентифицируется, но не «Тейритон».

• Следы плесени Stachybotrys Chartarum.

• Пыль с руин Всемирного торгового центра, возможно, указывает на то, что живет или работает в центральной части Манхэттена.

• Крошка чипсов, следы острого соуса, (кайенского перца).

• Веревочные волокна, содержат:

• цикламатовую диетическую соду (с истекшим сроком годности или иностранного производства);

• нафталин, средство от моли (с истекшим сроком годности или иностранного производства).

• Частицы листьев леопардовой лилии (комнатное растение).

• Волокна бумаги от двух разных блокнотов желтого цвета.

• Отпечаток торговой марки с подошвы рабочих ботинок «Скетчерс» 11-го размера.

• Следы кофе.

«Где же ты, Сакс? Где ты?»

Райм продолжал гипнотизировать взглядом доски, будто хотел заставить их заговорить. Но отраженные на гладкой белой поверхности слишком уж лаконичные сведения не подсказали ему ничего нового, более чем то, что было уже позаимствовано в innerCircle для создания прогнозирующей программы.

К сожалению, на данном этапе делать прогноз преждевременно…

Глава сорок восьмая

Сосед.

Ко мне заявился сосед из дома 697 по Вест-91-стрит. Только что с работы. Ему сегодня должны были привезти из магазина пакет, но его не оказалось под дверью. В магазине думают, что пакет могли ошибочно доставить на номер 679, то есть ко мне, – мол, обычная путаница с цифрами.

Морщу лоб и объясняю, что мне ничего не доставляли. Пусть разбирается с магазином. Руки чешутся перерезать ему горло за то, что прервал мое рандеву с Амелией-7303, но вместо этого я, понятно, лишь сочувственно улыбаюсь.

Извиняется за беспокойство. Желает мне доброго дня и хочет услышать подтверждение того, что я разделяю с ним радость по поводу наконец-то законченного ремонта на нашей улице…

Ну вот, можно снова отдаться приятным размышлениям, чем бы мне заняться с моей Амелией-7303. Но, едва заперев входную дверь, я испытываю приступ паники. Только сейчас понял, что забрал у моей

пленницы все – телефон, оружие, газовый баллончик, нож, – кроме ключа от наручников. Он должен быть у нее в кармане.

Чертов сосед сбил меня с толку. Он заплатит мне за это. Я знаю его адрес. Но сейчас спешу обратно в «кладовую», на бегу доставая из кармана бритву. Скорее! Вдруг Амелия-7303 уже освободилась от наручников, дозвонилась до «них» и рассказывает, где находится?

Она хочет лишить меня всего! Ненавижу ее! Ненавижу ее, ненавижу ее, ненавижу…

Амелии Сакс наконец удалось справиться с паническим чувством – других положительных результатов за время отсутствия Гордона ей добиться не удалось.

Погребенная под горой макулатуры, она делала отчаянные усилия, стараясь подтянуть руки и ноги так, чтобы достать из кармана ключ, но из-за навалившейся тяжести едва могла пошевелиться.

Хотя на время она и избавилась от клаустрофобии, но теперь ее начала донимать другая мука – боль в затекших ногах и от впившегося в спину острого угла газетной связки.

Ее надежда на то, что внезапный гость окажется спасителем, не сбылась. Дверь в логово убийцы вновь отворилась, и раздались его шаги. Лежа на полу, Сакс подняла голову, и ее глаза встретились с настороженным взглядом Гордона. Он обошел вокруг бумажной горы и, прищурившись, посмотрел на нетронутые наручники.

Его губы расползлись в облегченной улыбке.

– Итак, я «5-22»?

Сакс утвердительно кивнула, гадая, откуда ему известно его условное обозначение, придуманное Раймом. Наверное, вытянул под пытками из капитана Мэллоя. Эта мысль разозлила ее еще больше.

– Большинство чисел представляют собой случайные наборы цифр. А я предпочитаю те, что связаны с реальными событиями. В нашей жизни и так слишком много зависит от случая. Мне нравится число «5-22». Ведь оно означает дату, когда вы начали охоту на меня, не так ли? В этом есть какое-то знамение.

– Если сдадитесь добровольно, вам это зачтется.

– Зачтется? – Гордон издал презрительный смешок. – Перестаньте вы. Что мне толку от этого вашего «зачтется»? За умышленные убийства меня так или иначе не выпустят на свободу до конца моих дней. – Гордон отлучился, но через секунду вернулся с большим куском толстой, как брезент, непромокаемой пленки и расстелил его на полу перед Сакс.

Она с бьющимся сердцем уставилась на коричневый от засохшей крови пластик. Боится запачкать свою «коллекцию», догадалась Сакс, вспомнив описание барахольщиков со слов Терри Добинса.

Гордон установил диктофон на ближайшую стопку газет – небольшую, фута три высотой. На самом верху лежала вчерашняя «Нью-Йорк таймс». В левом верхнем углу стоял выведенный аккуратным почерком порядковый номер «3529».

Сакс не знала, что у него на уме, но поняла – будет больно. Она приготовилась отбиваться ногами, коленями, зубами. Будет очень больно. Подпусти его поближе. Притворись уязвимой, беспомощной.

Подпусти его совсем близко.

– Ой! Больно… У меня ноги совсем онемели. Помогите мне выпрямить их.

– Ну нет, ты только говоришь, что ноги онемели, а стоит мне подойти, постараешься мне горло вырвать.

Именно так.

– Не-ет… Прошу вас.

– Амелия семь-три-ноль-три, неужели ты думаешь, я не навел о тебе справки? В тот же день, когда ты и Рон сорок-два-восемьдесят-пять явились в «ССД», я вошел в ячейки и прочитал ваши досье. Твой послужной список весьма показательный. Любят тебя, кстати, в вашем управлении. Но и боятся тоже. Очень уж ты независимая – шальная пуля! Быстро ездишь, хорошо стреляешь, отличный криминалист и тем не менее каким-то образом умудрилась сменить пять оперативных групп за последние два года… Короче, было бы глупо с моей стороны не ожидать от тебя самого худшего и приближаться, не приняв мер предосторожности. А, детектив?

Сакс почти не слушала его болтовни, мысленно повторяя: «Ну же, подойди поближе! Ну давай же!»

Гордон отошел в сторонку и вернулся, держа в руке «Тейзер», пистолет-электрошокер.

О нет, только не это!

Ну понятно. Он ведь охранник. Ему положен целый арсенал всякого оружия. С такого расстояния наверняка не промахнется. Гордон опустил флажок предохранителя и начал приближаться к Сакс… Но, сделав несколько шагов, настороженно поднял голову.

Сакс тоже услышала какой-то звук – будто воду выплеснули.

Нет, это звон осыпающихся осколков стекла. Вроде бы где-то окно разбили?

Гордон нахмурился и подошел к выходу в кладовку-прихожую – но внезапно отлетел назад под ударом, обрушившимся на дверь, с треском сорвавшейся с петель.

Следом в комнату метнулся человек с длинной монтировкой в руках, озираясь и слепо моргая глазами в темноте.

Падая, Гордон сильно ушибся и выронил «Тейзер». Он с трудом поднялся на колени, морщась от боли и силясь восстановить дыхание. Но едва он потянулся за оружием, незнакомец замахнулся монтировкой и со всей силой ударил его по руке. Послышался треск ломающейся кости и сразу же душераздирающий вопль барахольщика.

– Не надо, не надо! – орал он, щуря слезящиеся глаза в попытке разглядеть своего обидчика.

Мужчина закричал в ответ:

– А ты, ублюдок, не очень-то похож на Бога! – Это был доктор Роберт Джоргенсен, жертва совершенных под его именем мошеннических махинаций, с которым Сакс встречалась в меблированных комнатах. Держа монтировку обеими руками, он с размаху обрушил ее на Гордона, попав по шее и плечу. Тот опять грохнулся на пол, на этот раз ничком, стукнувшись лбом завалившись набок; глаза у него закатились, тело обмякло и осталось лежать совершенно неподвижно.

Сакс в изумлении наблюдала за происходящим.

Кто он такой? Он – Бог, а я – Иов…

– Вам помощь нужна? – спросил Джоргенсен, направляясь к Сакс.

– Сбросьте с меня эту макулатуру! Потом снимите с меня наручники и наденьте на него. Торопитесь! Ключ у меня в кармане.

Джоргенсен опустился на колени и принялся спихивать с нее газетную гору.

– Каким ветром вас сюда занесло? – спросила Сакс.

Тот посмотрел на нее теми же выпученными глазами, как и во время их встречи в дешевой гостиничке в Верхнем Ист-Сайде.

– Я следовал за вами с того дня, когда вы пришли ко мне. Жил на улице. Но я знал, что вы приведете меня к нему.

Кивок в сторону Гордона, который по-прежнему лежал на полу.

Джоргенсен с кряхтеньем отбрасывал в сторону охапки газет.

– Так это вы постоянно маячили у меня за спиной? – прозрела Сакс. – На кладбище и на грузовой рампе в Вест-Сайде?

– Ну да. Сегодня я следовал за вами от склада до вашего дома, потом до полицейского участка и того серого офисного здания в Мидтауне. А дальше сюда. Видел, как вы вошли в ту улочку, а после долго не возвращались. Понял, что-то случилось, позвонил в дверь, и он открыл. Я прикинулся соседом, разыскивающим недоставленную покупку, а сам заглядываю внутрь, но вас не вижу. Я вроде бы повернулся уходить, но задержался и в окно успел заметить, как он достал из кармана бритву и исчез за дверью в гостиной.

– Как же он не узнал вас?

Джоргенсен с трескучим смехом подергал себя за бороду.

– Полагаю, ублюдок видел мое лицо только на фотоснимке для водительской лицензии, сделанном в то время, когда я еще беспокоился о своей внешности – регулярно брился и мог позволить себе приличную стрижку… Черт, до чего же тяжелые!

– Скорее!

Джоргенсен продолжал:

– Вы вселили в меня надежду на то, что его все-таки можно разыскать. Мне хотелось первым подержаться за подлеца, пока вы его не арестуете. Вы должны предоставить мне эту возможность! Хочу, чтобы он испытал те же мучения, каким подверг меня.

Сакс почувствовала, как в ногах возобновляется кровообращение. Она бросила взгляд на лежащего Гордона.

– Вы уже можете достать ключ из брючного кармана?

– Нет пока. Надо еще поработать.

На пол полетели новые охапки газет. Перед глазами Сакс мелькнул заголовок: «Ущерб от погромов во время отключений электричества оценивается в миллионы». И другой: «Отсутствие прогресса в урегулировании кризиса заложников. Тегеран: никаких сделок».

Наконец Сакс сумела самостоятельно выбраться из-под оползней газетной массы. Она неуклюже приподнялась, насколько позволяли наручники, на подкашивающихся ногах, прислонилась к устоявшему штабелю газет и обернулась к Джоргенсену:

– Доставайте же скорее ключ от наручников!

Джоргенсен сунул руку ей в карман, нащупал ключ и наклонился у нее за спиной. Негромко щелкнул первый наручник, и Сакс сумела полностью распрямиться. Она обернулась, чтобы забрать у Джоргенсена ключ.

– Скорее. Нам еще…

Оглушительно грохнул выстрел, и Сакс ощутила теплый дождь одновременно на лице и руках, когда пуля, выстреленная Питером Гордоном из ее табельного пистолета, пронзила Джоргенсена в спину, брызнув фонтаном крови и ошметков плоти.

Он вскрикнул, всей тяжестью упал на Сакс, повалив ее навзничь, и тем самым спас от второй пули, просвистевшей мимо и ударившей в стену в паре дюймов от ее плеча.

Глава сорок девятая

У Амелии Сакс не было выбора. Ей оставалось только одно – нападение. Немедля. Прикрываясь, как щитом, телом Джоргенсена, она метнулась в направлении скорчившегося от боли, окровавленного Гордона, быстро подняла с пола его «Тейзер» и выстрелила не целясь.

Проволочному электроду далеко до скорости пули, и Гордон успел вовремя повалиться на спину – жало электрического заряда пролетело мимо. Не долго думая Сакс подхватила брошенную Джоргенсеном монтировку и бросилась в атаку. Но когда ей оставалось до противника каких-то десять футов, Гордон, превозмогая боль, поднялся на одно колено и выстрелил в нее в упор – в то же мгновение Сакс швырнула в него монтировку. Пуля со страшной силой ударила в нательную броню «Американ-боди-армор» значительно ниже солнечного сплетения. Это

спасло Сакс от потери дыхания и способности двигаться. И все же она испытала ошеломляющую боль.

Вертящаяся на лету монтировка попала Гордону в лицо, издав приглушенный металлический звук, какой получается, когда тяжелым ломом бьют в мягкий грунт. Тот взревел от боли, однако устоял на ногах и продолжал твердо сжимать в руке пистолет. Сакс нырнула в протянувшийся слева от нее узкий каньон между нависающими утесами всякой всячины, заполняющей стремное местечко. Это был единственный путь спасения бегством.

Она что есть духу понеслась по извилистому лабиринту – лучшего определения не подберешь, – петляющему между «коллекциями» Гордона. Тут были всевозможные расчески, игрушки (много кукол, одна из них, очевидно, обронила свой волос, найденный потом на месте преступления, совершенного ее владельцем), выдавленные и аккуратно закрученные тюбики из-под зубной пасты, косметические наборы, кружки, бумажные пакеты, одежда, обувь, пустые консервные банки, ключи, ручки, разные инструменты, журналы, книги… Такого количества хлама Сакс не встречала ни разу в жизни.

Большинство лампочек на потолке не горели, но несколько все же отбрасывали вокруг себя тусклое желтое сияние, да уличное освещение проникало внутрь сквозь занавески в сырых разводах и пожелтевшие газеты на окнах. Стальные решетки закрывали все оконные проемы. Сакс споткнулась несколько раз на бегу, а в одном случае едва удержалась от падения прямо на горку фарфоровой посуды и большую коробку с портняжными булавками.

Осторожно, осторожно…

Падение может привести к фатальному исходу.

Едва сдерживая рвоту после мощного удара по животу, Сакс нырнула между двумя небоскребами из «Нэшнл джиографик» и тут же отпрянула назад, беззвучно охнув при виде Гордона, выскочившего из-за угла в сорока футах впереди. Тот заметил ее и выстрелил два раза подряд с левой руки, морщась от боли в сломанной кости и от удара ломиком по лицу. Обе пули ушли далеко в сторону. Гордон бросился к тому месту, где стояла Сакс. Она просунула локоть за башню из толстых лоснящихся журналов и обрушила ее, полностью заблокировав проход, а сама поспешно ретировалась, услышав два новых выстрела.

Вместе с ними будет семь – Сакс всегда считала, – но ведь это «глок», а значит, у него в обойме остаются еще восемь полновесных зарядов. Она лихорадочно искала глазами какой-нибудь выход, хотя бы

незарешеченное окно, в которое могла бы выпрыгнуть не раздумывая, но в этой части дома такого, очевидно, не было. На стенах висели полки с фарфоровыми статуэтками и прочей дребеденью. Сзади слышалась возня Гордона, расчищающего ногами проход и яростно бормочущего себе под нос.

Над журнальной баррикадой появилось его лицо; он пытался перелезть через нее, но глянцевые обложки были скользкие, как лед; Гордон дважды терял равновесие и вскрикнул, когда, забывшись, оперся сломанной рукой. Ему все-таки удалось забраться на самый верх, но, еще не успев прицелиться в Сакс, он в ужасе закричал:

– Нет! Пожалуйста, не надо!

Сакс обеими руками ухватилась за книжную полку, уставленную антикварными вазами и фарфоровыми фигурками.

– Не дотрагивайся до них! Пожалуйста!

Сакс вспомнила слова Терри Добинса о том, как невыносимо для барахольщиков терять предметы из своей коллекции.

– Брось сюда пистолет, Питер! Немедленно!

Сакс не верила, что Гордон сделает это из страха потерять драгоценное содержимое полки, однако, судя по ужасу, отразившемуся у него на лице, он действительно колебался.

Знание – сила.

– Не надо, не надо, пожалуйста… – умолял Питер жалобным шепотом.

Однако в его глазах внезапно произошла перемена. В одно мгновение они превратились в колючие черные точки, и Сакс поняла, что сейчас будет выстрел.

Она с силой толкнула полку на другую, висящую рядом, после чего двести фунтов керамики рухнули на пол и раскололись на куски в болезненной какофонии, утонувшей в первобытном, зверином вое Питера Гордона.

Очередные две полки с уродливыми статуэтками, чашками и блюдцами последовали за первыми в разрушительном падении.

– Бросай пистолет, или я здесь все расколочу!

Но Гордон уже не владел собой.

– Я убью тебя я убью тебя, я убью!.. – Он опять выстрелил дважды, но Сакс уже нырнула в укрытие. Детектив поняла, что преследование продолжится, когда Гордон преодолеет горный перевал из «Нэшнл джиографик», и попробовала трезво оценить ситуацию. Получалось, Гордон находится в задней части дома, а она – в передней части, ближе к заветной дверце из кладовки.

Однако на пути к спасению ей надо миновать дверной проем в комнату, где был Гордон, сейчас, судя по хрусту, перешагивающий по керамическим осколкам через упавшие полки. А вдруг он тоже произвел те же расчеты и, раскрыв ее замысел, держал на мушке, как на стрельбах по бегущему кабану, то пространство, где должна промелькнуть его цель, устремленная к свободе и безопасности?

Или же ее преследователь уже преодолел все препятствия и обошел Сакс маршрутом, известным только ему?

Шорохи и скрипы доносились со всех концов жуткого дома. Что это – шаги убийцы? Или скрипят стены таунхауса, дающего усадку?

В приступе паники Сакс резко обернулась. Позади никого. Она знала, что действовать надо решительно и быстро. Ну же, вперед! Сакс беззвучно вдохнула полную грудь воздуха, усилием воли заставила себя забыть о боли в коленях, пригнулась и что есть духу побежала по проходу мимо журнальной баррикады.

Ни единого выстрела.

Его там нет. Сакс резко остановилась, прижалась спиной к стене и постаралась успокоить дыхание.

Тихо, тихо…

Черт! Где же он, где? Поджидает ее в том коридоре, между обувными коробками, или в этом, между консервированными помидорами, а может, в третьем, посреди аккуратно сложенной одежды?

Опять заскрипело, только непонятно где.

Легкое шелестение ветерка – или дыхания?

Наконец Сакс решилась – побежит до желанной дверцы. А потом без остановки – вон из дома.

Молись, чтобы он уже не подкрался сзади и не поджидает тебя впереди, обойдя окружным путем.

Вперед!

Сакс побежала, минуя пересечения с боковыми проходами, через каньоны из книг, стеклянной посуды, картин, консервных банок, электронной техники и мотков провода. А в ту ли сторону она направляется?

Да, в ту. Вот впереди показался письменный стол Гордона, окруженный желтыми блокнотами, неподвижное тело Роберта Джоргенсена на полу. Быстрее! Еще быстрее! Бог с ним, с телефоном на столе, мысленно одернула себя Сакс в ответ на желание позвонить в спасательную службу по 911.

Прочь из дома. Немедля.

Она подбегает к дверце из кладовки.

Чем ближе, тем безумнее паника. Весь ее организм напрягся в ожидании выстрела в спину. В любое мгновение.

Осталось только двадцать футов…

Может, Гордон думает, что она прячется в глубине дома? Или стоит сейчас на коленях над обломками керамики и оплакивает погибшие сокровища?

Десять футов…

За угол, задержавшись только, чтобы схватить скользкую от крови монтировку.

Скорее за дверь!

Сакс остановилась как вкопанная, хватая воздух широко раскрытым ртом.

Прямо перед собой она увидела его силуэт, освещаемый сзади через раскрытую дверь кладовки. Значит, все-таки он опередил ее по тайному обходному пути! В отчаянии Сакс замахнулась тяжелым стальным стержнем.

Гордон еще не видел ее, но надежда остаться незамеченной испарилась, когда он обернулся и, подняв пистолет, ничком бросился на пол. В сознании Сакс промелькнул образ отца, затем его заслонило лицо Райма и больше не исчезало.

Вот она, Амелия-7303, у меня на прицеле.

Женщина, уничтожившая сотни образцов моих драгоценностей и стремящаяся забрать у меня все, лишить будущих трансакций, открыть мою «кладовую» внешнему миру. Мне не суждено позабавиться с ней. Я не стану записывать на магнитофон ее крики. У меня нет на это времени. Она должна умереть. Сию минуту.

Ненавижу ее, ненавижу ее, ненавижу ее, ненавижу ее, ненавижу ее, ненавижу…

Никто и никогда больше ничего не отнимет у меня.

Целься и спускай курок.

Из поднятого перед ней пистолета с хлопком вырвалось пламя, Амелия Сакс споткнулась и упала лицом вперед.

Второй выстрел. И еще два.

Падая, она обхватила голову обеими руками и теперь, после полного бесчувствия, ощутила нарастающую боль.

Умираю… Я умираю…

Только боль ощущалась не там, куда ее, казалось, поразили пули, а почему-то в коленях, на которые она тяжело приземлилась, причиной чего, видимо, все-таки был артрит. Сакс ощупала рукой лицо, шею, но не нашла ни раны, ни крови. Гордон просто не мог промазать с такого расстояния.

И тем не менее.

И тогда он бросился к ней. Сакс негромко охнула и приготовилась – в глазах лед, рука сжимает монтировку.

Однако его ноги протопали мимо, не задержавшись возле нее ни на миг.

Что за черт? Сакс осторожно приподнялась, морщась от боли, и обернулась. Теперь, когда свет падал с противоположной стороны, она хорошо рассмотрела мужчину, принятого ею за Гордона. Это был Джон Харвисон, знакомый детектив с ближайшего двадцатого участка. Он держал наготове свой «глок», направив его на тело только что застреленного им насмерть человека.

Только теперь Сакс поняла, что Питер Гордон неслышно зашел к ней сзади и готовился выстрелить в спину. С того места, откуда он подкрался, ему не было видно Харвисона, потому что пол под переходом из кладовки располагался на более низком уровне.

– Ну как, Амелия, не ранена? – обратился к ней детектив.

– Нет, в порядке.

– Здесь есть другие любители пострелять?

– Вряд ли.

Сакс поднялась с пола и подошла к трупу «5-22». Все пули, выпущенные Харвисоном, очевидно, настигли цель; одна попала прямо в лоб и произвела разрушительный эффект – висящий над письменным столом портрет «Американской семьи» Прескотта оказался весь забрызган кровью и ошметками мозга.

Харвисон слыл крутым копом; его неоднократно награждали за храбрость, проявленную под огнем преступников, а также за крупных наркодилеров, посаженных им за решетку. В свои сорок с лишком лет он навидался всего и теперь не обращал ровно никакого внимания на окружающую его стремную обстановку. Харвисон забрал «глок» из безжизненной руки Гордона, вынул обойму, передернул затвор, выбросив патрон из патронника, и все вместе сунул себе в карман. Потом ногой откинул и «Тейзер» подальше от руки бывшего убийцы, хотя чудес не бывает и мертвые не воскресают.

– Джон, – негромко обратилась к нему Сакс, не в силах оторвать глаз от растерзанного Гордона. – Но как? Как тебе удалось разыскать меня?

– Всегда найдется бдительный стукачок, потревоженный шумом в соседнем доме. Я тут неподалеку был, через квартал, разбирался с местной наркотой.

Детектив коротко глянул на нее.

– Это тот парень тревогу поднял, с которым ты работаешь.

– Кто?

– Райм. Линкольн Райм.

– А-а, – понимающе протянула Сакс, хотя большинство возникших у нее вопросов остались без ответа.

Они услышали тихий стон и разом обернулись. Джоргенсен пошевелился. Сакс склонилась над ним.

– Он жив! Вызывай «неотложку».

Она прижала к ране доктора чистый носовой платок.

Харвисон достал рацию и вызвал медицинскую помощь.

Мгновением позже в дом ворвались два бойца ПЧР с оружием на изготовку.

Сакс разъяснила им ситуацию:

– Основной фигурант мертв. Других, вероятно, нет. На всякий случай осмотрите дом.

– Есть, детектив.

Один пэчеэровец вместе с Харвисоном начали прочесывать тесные проходы, проложенные в кучах хлама. Второй задержался, недоуменно озираясь.

– Тут впору привидениям завестись. Детектив, вы видели что-либо подобное?

Сакс не разделяла его желания поболтать.

– Поищите лучше какой-нибудь перевязочный материал или чистые полотенца. В такой свалке наверняка найдется с десяток медицинских аптечек. Надо остановить кровотечение. Выполняйте!

V

Человек всезнающий

Среда, 25 мая

Неприкосновенность личной жизни и достоинство наших граждан ущемляются иногда незаметными толиками. Каждая толика, взятая в отдельности, может быть несущественной. Однако стоит рассмотреть их в совокупности, и наше общество начинает выглядеть совсем не таким, каким мы привыкли его видеть. Это общество, в котором правительство может совать нос в тайные уголки личной жизни.

Уильям О. Дуглас, член Верховного суда США

Глава пятидесятая

– Ну ладно, компьютер помог, – признал Линкольн Райм.

Он имел в виду innerCircle, «Сторожевую башню» – систему управления базой данных – и другие программы «ССД». – Но основную роль сыграли вещественные доказательства, – упрямо добавил криминалист. – Компьютер указал мне только общее направление, не больше. Мы сами довели дело до конца.

Разговор происходил далеко за полночь, и собеседниками Райма были Сакс и Пуласки. Все трое сидели в тесном кружке в лаборатории таунхауса. Сакс совсем недавно возвратилась из логова «5-22», узнав от медиков «неотложки», что Роберт Джоргенсен будет жить: пуля не задела жизненно важных органов и кровеносных сосудов. Его положили в отделение интенсивной терапии Колумбийско-Пресвитерианской клиники.

Райм продолжал объяснять, каким образом догадался, что Сакс находится в доме охранника «ССД». Он рассказал своей напарнице о пресловутом досье «законопослушности», заведенном на нее в «ССД». Мел Купер открыл его в компьютере, и потрясенная таким объемом информации Сакс с посеревшим от волнения лицом пролистала весь текст. Пока она просматривала досье, экран время от времени продолжал мигать всякий раз, когда система вводила новые данные.

– Они знают про меня все, – изумленно прошептала Сакс. – У меня не осталось ни одного, даже самого малюсенького женского секрета.

Райм поведал, как программа составила повременную схему ее географического позиционирования, начиная с отъезда из дома в Бруклине.

– Однако компьютеры сумели проложить только примерный маршрут твоего движения. Определить конечный пункт им оказалось не под силу. Я долго смотрел на карту города, пока не понял, что в целом ты движешься в сторону «ССД». Этого, кстати, их чертов компьютер так и не сообразил. Я позвонил туда и выяснил у дежурного охранника, что ты провела в «ССД» полчаса, расспрашивая об их сотрудниках. Никто не знал, куда ты поехала потом.

Сакс, в свою очередь, рассказала, как найденный ею след привел в «ССД». Взломщик, накануне проникший в ее таунхаус, обронил в саду чек из кофейни поблизости от «серой глыбы».

– У меня возникло предположение, что этот человек как-то связан с «ССД», – возможно, один из работников. Пам успела разглядеть его одежду – куртка в синюю клетку, джинсы, бейсболка, – и я подумала: охранники сегодня могли видеть мужчину в таком облачении. Те, что вышли в ночную смену, никого не припомнили, поэтому я записала фамилии и адреса охранников, сменившихся вечером, и поехала их опрашивать. – Сакс поморщилась. – Я никак не предполагала, что «5-22» окажется одним из них. Райм, а как ты догадался, что он охранник?

– Ну, я знал, что ты разыскиваешь сотрудника «ССД». Вот только подозреваемого или свидетеля? Проклятый компьютер ничем не помог, поэтому я обратился к вещественным доказательствам. Наш подозреваемый был сотрудником «ССД» в неказистых рабочих ботинках, просыпавший на себя сухие сливки «Кофе-мейт». Физически сильный. Не означало ли это, что он занимался физическим трудом и выполнял в компании профессиональные обязанности более низкого ранга – разборка почты, посыльный, уборщик? И тогда я вспомнил про кайенский перец.

– Баллончик с перечной смесью! – выдохнула Сакс. – Ну конечно. Еда тут ни при чем.

– Точно. Основное оружие охранника. А «ящик», искажающий голос? Его можно приобрести только в специализированном магазине, продающем охранное снаряжение. Тогда я позвонил начальнику охраны «ССД» Тому О'Дею.

– Да, мы встречались с ним. – Сакс кивнула в сторону Пуласки.

– От него я узнал, что многие охранники работают на неполную ставку. Это давало «5-22» массу свободного времени для занятия своим хобби. Я обсудил с О'Деем имеющиеся у нас вещественные доказательства. Частички листвы могли опасть с комнатных растений в столовой охраны. И в кофе у них добавляют сухие сливки, а не настоящие. Я пересказал О'Дею описание преступника, предложенное Терри Добинсом, и попросил дать мне список холостых, бездетных охранников. Потом он сверил их табели отработанного времени с датами и часами убийств за два минувших месяца.

– И ты обнаружил, что на работе всегда отсутствовал Джон Роллинс, он же Питер Гордон.

– Наоборот, я обнаружил, что Джон Роллинс *присутствовал* на работе всякий раз, когда совершалось убийство.

– Как присутствовал?

– Очень просто. Он вошел в административную систему и вручную поменял табели рабочего времени, чтобы обеспечить себе алиби. Я велел Родни Шарнеку проверить метадейта, и сразу выяснилось, что Роллинс – наш клиент. Я поднял тревогу.

– Но, Райм, я не понимаю, как «5-22» выносил досье. Да, Роллинс имел доступ к ячейкам данных, но всех сотрудников обыскивают при выходе, и он не был исключением. А войти в innerCircle в режиме онлайн для него практически невозможно.

– Да, тут наблюдалась нестыковочка. За ответ на данный вопрос мы должны благодарить Пам Уиллоуби. Она-то и дала мне подсказку.

– Пам? Какую подсказку?

– Помнишь, она упомянула, что нельзя скопировать фотографии с социального сайта OurWorld и ее друзья просто делают снимки с экрана?

Не огорчайтесь, мистер Райм. Очевидное очень часто ускользает от внимания многих людей…

– Я понял, что именно так «5-22» мог выносить с собой информацию. Зачем ему скачивать тысячи страниц разных досье? Он просто переписывал нужные сведения о своих будущих жертвах глубокой ночью, когда в ячейке, кроме него, никого не было. Помните, мы нашли частички желтой блокнотной бумаги? А рентгеновские аппараты и металлодетекторы на пропускных пунктах на бумагу не реагируют. Никто об этом даже не подумал.

Сакс рассказала, что видела тысячи желтых блокнотов вокруг письменного стола в тайном убежище Гордона.

Лон Селлитто приехал из управления.

– Этот ублюдок уже сдох, – проворчал он, – а я все еще значусь в компьютерной системе как дуреман. И все, чего мне удалось добиться от них, – «мы над этим работаем»!

Но лейтенант принес с собой и хорошую новость. Районный прокурор дал санкцию на повторное расследование всех дел, где улики, очевидно, сфабриковал «5-22». Артура Райма уже отпустили из-под стражи, а положение остальных заключенных пересматривается, и существует вероятность, что в течение месяца они обретут свободу.

Селлитто добавил:

– Я проверил регистрационные документы на таунхаус, в котором жил «5-22». Стоимость такого дома в Верхнем Ист-Сайде может достигать десятков миллионов долларов. Оставалось загадкой, как мог позволить себе подобное жилье Питер Гордон, охранник на полставки. – Но детектив уже имел ответ. – Владелец не он, а Фиона Макмиллан, вдова восьмидесяти девяти лет от роду, не имеющая родственников. Она по-прежнему аккуратно оплачивает налог на имущество и коммунальные услуги. Только вот что странно: за последние пять лет никто ни разу ее не видел. Примерно столько времени прошло с тех пор, когда Стерлинг перевел «ССД» в Нью-Йорк. Видимо, Гордон собрал всю информацию на старушку и убил ее. Поиски тела намечены на завтра – сначала в гараже, потом в подвале. – Селлитто помолчал и добавил: – Я занимаюсь организацией поминальной службы по Джо Мэллою. Она состоится в субботу. Желаете принять участие – милости прошу.

– Конечно, мы будем, – ответил за всех Райм.

Сакс коснулась его руки и добавила:

– И не имеет значения, рядовой патрульный или начальник, он тебе как родной, и если теряешь кого, боль одинаковая.

– Слова твоего отца? – догадался Райм. – Очень похоже на его высказывание.

Из прихожей раздался знакомый голос:

– Опоздал маленько. Виноват. Только что узнал о закрытии дела.

Родни Шарнек вошел в лабораторию, опередив Тома. Он держал под мышкой стопку компьютерных распечаток и, как обычно, обращался к компьютеру, системе дистанционного контроля и остальному оборудованию в лаборатории Райма, будто именно они здесь были живыми существами.

– Опоздал? – недоуменно переспросил Райм.

– Наш компьютер только что закончил обрабатывать файлы свободного пространства, украденные Роном. То есть позаимствованные. Я как раз собирался везти к вам результаты, а мне говорят, что вы уже накрыли преступника. Значит, они вам уже не нужны?

– Во всяком случае, любопытно, что тебе удалось обнаружить.

Шарнек подошел к Райму и развернул перед ним распечатки. Тот непонимающе посмотрел на листы, испещренные словами, цифрами и символами, местами с большими пробелами между ними.

– Для меня это абракадабра.

– Ха-ха, смешно! Для вас это Акихабара!

Райм не стал его поправлять, только попросил:

– Расскажи мне самую суть.

– «Бегунок» – тот *ним,* что я нашел еще раньше – действительно скачал кучу информации из innerCircle, а потом стер свои следы. Но только эти данные не касаются людей, которых убил или подставил «5-22», и вообще не связаны с его делом.

– Имя есть? – спросила Сакс. – Бегунка?

– Ага. Его зовут Шон Кассел.

Сакс задумалась, прикрыв глаза.

– Бегунок… А ведь он говорил мне, что занимается триатлоном. Но я и думать не думала…

Кассел занимает в «ССД» должность начальника отдела продаж и значится в списке подозреваемых, отметил про себя Райм. Он обратил внимание на то, что Пуласки не остался безразличным к этому известию. Молодой полицейский моргнул, услышав знакомую фамилию, оглянулся на Сакс, удивленно подняв брови, и на лице его появилась едва заметная мстительная улыбка. Райм вспомнил, как неохотно Пуласки возвращался в «ССД», как он смущался по поводу своего незнания программы «Эксель». Вероятно, между ним и Касселом произошла какая-то стычка.

– И что же искал Кассел в базе данных «ССД»? – поинтересовался Пуласки.

Шарнек полистал распечатки.

– Точно не могу сказать.

Он нашел нужную страницу и протянул молодому полицейскому.

– Вот, посмотри сам, если хочешь. Здесь список досье, открытых им.

Пуласки покачал головой:

– Я никого из них не знаю.

Он начал зачитывать список вслух.

– Стоп! – чуть ли не выкрикнул Райм. – Повтори-ка последнюю фамилию.

– Дьенко… Вот, тут еще раз встречается – Владимир Дьенко. Вы его знаете?

– Вот черт, – пробормотал Селлитто.

Дьенко выступал ответчиком по делу о русской преступной организации, закрытому из-за проблем со свидетельскими показаниями. Райм спросил:

– А перед ним кто был?

– Алекс Караков.

Так звали осведомителя, внедренного в окружение Дьенко под чужим именем. Он исчез за две недели до начала слушания дела в суде и скорее всего погиб, хотя никто не мог понять, как головорезы Дьенко сумели добраться до него. Селлитто забрал у Шарнека распечатки и начал перелистывать.

– Бог мой, Линк! Адреса, суммы, снятые в банкоматах, номера машин, списки телефонных звонков. Все, что нужно киллеру для выполнения заказа… Опа, смотри, что тут! Кевин Макдоналд!

– Не тот ли фигурант по твоему мафиозному делу? – спросил Райм.

– Ага. Хеллс-Китчен, заговор, торговля оружием. Немного наркоты и вымогательства. Он тоже сорвался.

– Мел, прогони-ка этот список через нашу систему.

Из восьми фамилий, найденных Шарнеком в восстановленных файлах, шесть принадлежали фигурантам по уголовным делам, слушавшимся в судах на протяжении последних трех месяцев. Всех шестерых либо оправдали, либо обвинили по второстепенным статьям из-за внезапных проблем со свидетелями и вещественными доказательствами.

Райм усмехнулся:

– Довольно серендипитичная находка!

– Какая? – переспросил Пуласки.

– Купи себе словарь, Желторотик.

Молодой полицейский смиренно вздохнул и ответил:

– Что бы ни означало это слово, Линкольн, вряд ли у меня появится желание произносить его вслух.

Все хором рассмеялись.

– Туше[15], – подытожил Райм. – Иными словами, Рон, я хотел сказать, что мы совершенно случайно открыли для себя весьма важный факт. На серверах «ССД», в программе PublicSure, имеются файлы нью-йоркского управления полиции. Так вот, Кассел скачивал с них информацию о расследовании дел и продавал фигурантам, чтобы те могли убрать ненужных свидетелей.

– О, я просто наяву вижу, как он это делает, – сказала Сакс. – А ты, Рон?

– Не сомневаюсь, что Кассел на это способен, – ответил молодой полицейский. – Постойте… Это он передал мне компакт-диск со списком клиентов «ССД»! Значит, ложная наводка на Карпентера – его рук дело.

– Разумеется, – согласился Райм, кивая. – Он подставил Карпентера, чтобы увести расследование от «ССД», но не ради спасения «5-22». Кассел боялся, что кто-то начнет копаться в файлах и поймет, что он продает мафии секретную информацию. А кого лучше всего бросить в виде кости полицейским ищейкам? Конечно, потенциального конкурента!

Селлитто спросил Шарнека:

– Кто-нибудь еще из «ССД» участвовал в этом?

– Нет, судя по тому, что я обнаружил. Только Кассел.

Райм посмотрел на Пуласки, уставившегося остановившимся взглядом на список вещдоков на доске.

– Желторотик! Ты хочешь?

– Хочу чего?

– Заняться делом Кассела?

Молодой полицейский помедлил, обдумывая ответ. Наконец, будто поняв что-то, облегченно рассмеялся:

– Нет, не хочу.

– У тебя получится.

– Я знаю, что получится. Просто… Наверное, я хочу провести мое первое расследование, точно зная, что мной не движут мотивы личного порядка.

– Верно сказано, сынок, – одобрил Селлитто, поднимая свою кружку с кофе на манер заздравного тоста. – Не-ет, мы еще наслужимся под его руководством, помяните мое слово… Ну ладно. Раз я отстранен от служебных обязанностей, то хотя бы доделаю кое-что по дому, а то Рэйчел мне уже все уши прожужжала. – Тяжеловесный детектив взял с тарелки последнее засохшее печенье и вразвалку зашагал к выходу. – Всем спокойной ночи!

Шарнек сложил на столе принесенные им папки и диски. Том подписал за Райма передаточную ведомость в качестве его фактического представителя. Перед уходом компьютерщик напомнил Райму:

– Когда будете готовы вступить в двадцать первый век, детектив, позвоните мне. – И кивнул на прощание компьютерам.

Телефон Райма ожил – вызов адресовался Сакс, чей разобранный мобильник заработает еще не скоро. Из разговора Райм понял, что полицейские с участка в Бруклине разыскали машину Сакс на какой-то близлежащей автостоянке.

Сакс позвонила Пам и договорилась с ней съездить за «камаро» завтрашним утром на ее машине, найденной в гараже за таунхаусом Питера Гордона. После этого она поднялась наверх в спальню готовиться ко сну, а Купер с Пуласки отправились по домам.

Райм трудился над отчетом заместителю мэра Рону Скотту. Он описал modus operandi «5-22» и предложил создать рабочую группу по изучению особенностей почерка преступника в других совершенных им злодеяниях. Несомненно, в таунхаусе патологического барахольщика найдутся новые улики, однако объем работы по обследованию *такого* места преступления трудно даже вообразить.

Райм закончил записку и переслал адресату по электронной почте. Теперь он задумался над вероятной реакцией Эндрю Стерлинга, когда тот узнает, что один из его ближайших помощников сбывал продукт фирмы – информацию – налево. В это мгновение зазвонил телефон. На дисплее определителя значился незнакомый номер.

– Команда, ответить.

Щелк.

– Хелло?

– Линкольн, это Джуди Райм.

– А, привет, Джуди.

– Не знаю, слышал ли ты – с Артура сняли все обвинения. Его отпустили.

– Уже? Я был в курсе, что оформляют документы на освобождение. Честно говоря, не ожидал, что это сделают так быстро.

– Даже не знаю, что сказать, Линкольн. То есть спасибо тебе.

– Ладно.

– Погоди минутку, – попросила Джуди.

Она прикрыла трубку рукой; Райм услышал невнятную речь и решил, что ее отвлекли дети – черт, опять забыл их имена.

Потом из трубки донеслось:

– Линкольн!

Как странно, что Райм, ни секунды не колеблясь, узнал голос двоюродного брата, а ведь он не слышал его долгие годы.

– Да, Арт. Привет.

– Звоню из города. Меня только что выпустили. Все обвинения сняты.

– Хорошо.

Насколько неловко это прозвучало?

– Не знаю, что сказать. Спасибо тебе. Спасибо огромное.

– Ладно.

– Все эти годы… Я должен был позвонить раньше. Просто…

– Все хорошо.

«Что ты несешь, черт возьми? – сердито одернул себя Райм. – Нет ничего хорошего в том, что Артур попросту плюнул на тебя – выживай как хочешь. И вообще, катаем слова туда-обратно, как бильярдные шары». Райму захотелось отключить связь.

– Ты не был обязан делать это.

– Ну как же, в деле имелись нестыковки, требующие проверки.

И это тоже сплошная туфта. Райм не мог понять самого себя – если упорно не желаешь осуществлять встречные шаги, почему не оборвать разговор сразу? Наверное, срабатывает какой-то предохранитель – и эта мысль была такой же ненужной, как и все происходящее.

– Ты в порядке после того, что случилось... там, в камере или где?

– Да ничего серьезного. То есть приятного мало, конечно, но тот зек успел вовремя. Соскреб меня со стенки.

– Хорошо.

Молчание.

– Так что еще раз спасибо, Линкольн. Мало кто сделал бы для меня такое.

– Я рад, что все получилось.

– Мы обязательно встретимся – ты, Джуди и я. И твоя подруга. Как ее зовут?

– Амелия.

– Обязательно встретимся. – Продолжительное молчание. – Ну, мы поедем. Надо еще добраться до дома. Дети ждут. О'кей, береги себя.

– Ты тоже... Команда, отбой.

Взгляд Райма остановился на досье двоюродного брата.

Не я, а ты был ему сыном...

Райм знал, что они с Артуром уже никогда не встретятся. И точка на этом, решил он, ощущая легкую тревогу; щелчок отключенного телефона будто перечеркнул то, что могло бы сбыться. Но Линкольн Райм пришел к окончательному выводу, что это единственное логическое завершение событий минувших трех дней.

Да, через долгие годы жизненные линии двух братьев сблизились, но оба остались, если вспомнить эмблему «ССД», по разные стороны наглухо запертого окна. Повидались, обменялись парой слов, да и разошлись по собственным мирам. Окошко-то закрыто…

Глава пятьдесят первая

В одиннадцать утра Амелия Сакс стояла, чуть покачиваясь взад-вперед, на захламленной стоянке в Бруклине, и, глотая слезы, скорбно созерцала груду стальных останков.

Женщина-коп, не раз бывавшая под пулями бандитов и чуть не погибшая при исполнении служебных обязанностей, взявшая на понт и повязавшая вооруженных преступников, захвативших заложников, теперь не могла пошевелиться от горя.

Она уже до крови расковыряла указательным пальцем под ногтем большого, но, даже увидев малиновую каплю, не могла остановиться. Сила привычки…

Вот и отыскался ее любимый «шевроле-камаро-СС» производства 1969 года.

Только полицейские, сообщившие ей о находке, очевидно, не знали одного – машина была не просто конфискована за якобы просроченные платежи по несуществующему кредиту, но и продана на металлолом. Автомобильное кладбище, где сейчас находились Сакс и Пам, могло бы послужить площадкой для съемки нового фильма Скорсезе или очередной серии «Клана Сопрано». Оно больше напоминало мусорную свалку, провонявшую отработанным моторным маслом и дымом сгоревших покрышек. В воздухе парили злые, громко галдящие чайки, похожие на белых стервятников. Сакс захотелось разрядить в них обойму своего «глока», чтобы разогнать ко всем чертям.

Прямоугольная заготовка расплющенного металла – это все, что осталось от автомобиля, на котором Сакс ездила с подросткового возраста. Он достался ей в наследство от отца вместе с двумя другими ценными для нее принадлежностями – волевым характером и любовью к полицейской работе.

– У меня есть все необходимые документы. Тут, это самое… все в порядке.

Владелец автомобильного кладбища неловко потряс стопкой бумаг, превратившей огненно-красный «камаро» в неузнаваемый металлический куб.

«Продан в корзину» – так на профессиональном языке называлась продажа автомобиля на запчасти, а что осталось – на металлолом. В данном случае это звучало будто издевка: ну что за гроши можно выручить, если загнать на сером рынке в Южном Бронксе кучу изношенных деталей сорокалетней двухдверной малолитражки? Но Сакс после расследования дела «5-22» знала даже слишком хорошо: указание, отданное через компьютер, выполнится беспрекословно.

– Мне очень жаль, леди.

– Она из полиции, – резким тоном заметила ему Пам Уиллоуби. – Детектив!

– О! – произнес хозяин, с неудовольствием прикидывая возможность дальнейшего осложнения ситуации. – Простите, детектив.

Но в целом он особенно не расстраивался. У него есть надежный щит – правильно оформленные документы. Мужчина постоял еще немного, переминаясь с ноги на ногу, и потихоньку удалился.

Душевная боль намного пересиливала ту, что причинял ей зеленоватый ушиб на животе от удара вчерашней 9-миллиметровой пули.

– Тебе плохо? – заботливо спросила Пам.

– Вообще-то да.

– Я думала, тебе не так-то просто сделать плохо.

Да, не просто, мысленно подтвердила Сакс. Но сегодня сделали.

Девочка принялась теребить в пальцах концы пронизанных красными прядями волос, видимо, переняв нервную привычку от старшей подруги. Сакс опять перевела взгляд на жалкий металлический брикет, основанием примерно три на четыре фута, затесавшийся среди полудюжины других, таких же уродливых.

На нее нахлынули воспоминания. Вот она, девочка-подросток, вместе с отцом возится в субботний день в гараже, регулируя карбюратор или сцепление. Они сбежали из дома по двум причинам: во-первых, им приятно бок о бок заниматься механической работой, а во-вторых, прячутся от третьего члена семьи – матери Амелии, часто пребывающей в плохом настроении.

– Зазор? – вопрошает Герман Сакс, между делом экзаменуя дочь.

– Свеча, – не колеблясь отвечает она. – Ноль, тридцать пять. Опоздание зажигания от тридцати до тридцати двух.

– Молодец, Эми!

А еще Сакс припомнилось свидание на первом курсе университета. Она сидит вместе с юношей, откликавшимся на инициалы Си-Ти, в какой-то бруклинской забегаловке, где кормили гамбургерами. Их знакомство состоялось, потому что каждый удивился, увидев автомашину другого. «Камаро» был тогда ярко-желтого цвета, с черными как смоль полосами для контраста; юноша ездил на «хонде-850».

Поскольку всего в нескольких милях имелся заброшенный аэродром, гонка была неизбежна, а потому и гамбургеры с содовой исчезли быстро.

Он первым ушел со старта, так как Амелия управляла полутоннатонным транспортным средством; но даже на своей тяжелой тачке догнала его меньше чем через полмили – он осторожничал и сбрасывал скорость перед разворотом, а она нет. «Камаро» пронзительно визжал покрышками на заносах, но так и лидировал до самого финиша.

Но самая незабываемая для Сакс гонка состоялась, когда они с Раймом завершили их первое совместное расследование. Линкольн сидел рядом, накрепко пристегнутый ремнями безопасности, в опущенных окнах ревел ветер. Амелия откинулась на спинку кресла, держа руль одной левой, правая на круглой головке рычага передач, и Райм тогда выкрикнул поверх яростной воздушной струи: «Кажется, я чувствую! Я чувствую!»

А вот этой машины больше нет.

Мне очень жаль, леди…

Пам стала спускаться по откосу вниз, где находились останки.

– Куда ты?

– Вам нельзя туда, мисс! – крикнул хозяин стоянки, выглядывая из приспособленной под офис халупы и потрясая пачкой бумаг, будто подавая запрещающий сигнал.

– Пам!

Но девочка и не думала останавливаться. Подошла к куче искореженного металла и начала заглядывать внутрь, между сплющенными листами железа. Наконец просунула в щель руку и, напрягшись, оторвала что-то. После чего вернулась к Сакс.

– Вот, Амелия, на память. – Это была кнопка сигнала с эмблемой «шевроле».

У Сакс на глаза выступили слезы, однако она и теперь сдержалась.

– Спасибо, милая. Ну все. Поехали из этого чертова места.

Они вернулись в Верхний Вест-Сайд и зашли побаловать себя живительным мороженым; Сакс договорилась в школе, чтобы Пам отпустили с занятий на весь день. Она не хотела, чтобы девочка сегодня встретилась там со Стюартом Эвереттом, и Пам согласилась без колебаний.

Сакс мучил вопрос: смирится ли учитель с отказом? Ей мерещились дурацкие страшилки, как в сериалах «Крик» и «Пятница, 13», которые она вместе с Пам иногда смотрела по ночам, сопровождая кинопросмотр трапезой из доритос и арахисового масла. Она-то знала, что прежние приятели имеют свойство посягать на твою жизнь, будто воскресшие из мертвых убийцы в ужастиках.

Любовь делает нас непредсказуемыми…

Пам доела свою порцию мороженого и с довольным видом похлопала себя по животу:

– То, что нужно. – Потом вздохнула. – Ну почему я такая дура?

Девочка усмехнулась как-то пугающе по-взрослому, и Сакс почудилось, что с этой усмешкой упали последние комья земли на могилу убийцы в хоккейной маске.

Они вышли из «Баскин-Роббинса» и зашагали к дому Райма, расположенного в нескольких кварталах отсюда, на ходу обсуждая планы девичника на сегодняшний вечер с участием давней подруги Сакс и тоже полицейской.

– Кино или театр? – выдвинула альтернативу Сакс.

– Театр, театр! – обрадовалась Пам. – Амелия, а когда «забродвейский» театр становится «за-забродвейским»?

– Хороший вопрос. Поищем ответ в «Гугле».

– И почему говорят «бродвейские» спектакли, если на Бродвее нет ни одного театра?

– Да. Их надо называть «возлебродвейские» спектакли. Или спектакли «в двух шагах от Бродвея».

Две подруги уже приближались к Сентрал-Парк-Вест по Ист-Вест-стрит, когда Сакс краем глаза заметила поблизости прохожего. Он переходил через улицу чуть сзади, но в целом двигался в том же направлении, будто следовал за ними.

Детектив решила, что у нее остаточные симптомы паранойи после дела «5-22», и мысленно махнула рукой на возникшее было ощущение тревоги.

«Успокойся. Гордона нет в живых».

Она даже не удосужилась обернуться.

Зато Пам обернулась. И пронзительно закричала:

– Амелия, это он!

– Кто?

– Тот взломщик, что залез к тебе в дом. Вот он!

Сакс резко повернулась. Мужчина в синей клетчатой куртке и бейсболке. Он быстро приближался.

Сакс схватилась за бедро, нащупывая пистолет.

Оружия не было.

О нет…

Ее «глок» изъяли в качестве вещественного доказательства после того, как из него выстрелил Питер Гордон. И нож тоже. Обе единицы оружия находились теперь в оперативно-криминалистическом отделе в Куинсе. Сакс просто не успела заполнить все необходимые формуляры, чтобы ей выдали замену.

Детектив вдруг замерла, узнав мужчину. Это был Кэлвин Геддес, сотрудник некоммерческой организации «За невмешательство в личную жизнь». Сакс не знала, что и думать. Неужели они ошиблись, приняв за убийцу совсем другого человека? Или Геддес является сообщником «5-22»?

Он был уже совсем рядом, в считанных ярдах. Безоружная Сакс сделала единственное, что могла в этой ситуации, – шагнула вперед и заслонила

от него Пам своим телом. Сжав кулаки, она наблюдала, как мужчина полез рукой к себе за пазуху.

Глава пятьдесят вторая

В дверь позвонили, и Том пошел открывать.

Из прихожей до слуха Райма донесся чей-то разгоряченный спор. Вот мужчина произнес сердитую фразу. Кто-то повысил голос до крика.

Нахмурившись, Райм взглянул на Пуласки, вынувшего пистолет из подвешенной на боку кобуры и державшего его на изготовку, готовый выстрелить. Очень умело держал. Амелия Сакс – хорошая наставница.

– Том! – позвал Райм.

Помощник не ответил.

Вместо него в дверях появился мужчина в бейсболке, джинсах и дурацкой клетчатой куртке. Он в страхе заморгал, увидев нацеленный на него пистолет в руках Пуласки.

– Не надо! Погодите! – выкрикнул незнакомец, пригнувшись и подняв перед собой руку.

В то же мгновение в лабораторию вошли Том, Сакс и Памела. Амелия немедленно оценила обстановку и сказала успокоительно:

– Нет-нет, Рон… Все в порядке. Это Кэлвин Геддес.

Райм не сразу вспомнил, откуда ему знакомо это имя. Ах да – организация «За невмешательство в личную жизнь» и источник наводки на Питера Гордона.

– Что происходит?

Сакс объяснила:

– Это он вломился в мой дом. А вовсе не «5-22».

Пам кивнула в подтверждение ее слов.

Геддес шагнул в сторону Райма, сунул руку в нагрудный карман куртки и достал несколько документов в голубых обложках.

– Согласно процессуальным нормам гражданского законодательства штата Нью-Йорк, вручаю вам эту повестку в суд в качестве свидетеля по

делу «Геддес и другие против „Стратиджик системс дейтакорп, инк.“». – Он протянул Райму бумаги.

– Райм, я тоже получила. – Сакс показала ему свою повестку.

– И что мне прикажете с этим делать? – спросил Райм Геддеса, продолжавшего держать документы в вытянутой руке.

Тот непонимающе наморщил лоб и только после увидел, что Райм сидит в инвалидном кресле и не может даже пошевелить рукой.

– Я, это…

– Вот мой представитель де-факто. – Райм кивнул Тому, и он забрал документы.

Геддес опять заговорил:

– Я…

– Не возражаете, если мы сначала прочитаем это? – ледяным тоном перебил его Райм и опять кивнул Тому.

Помощник стал читать вслух. В повестке содержалось требование сдать всю информацию на электронных носителях, в печатных документах и записках, а также иные свидетельства, касающиеся деятельности «ССД», ее исполнительно-правового отдела и их связей с правительственными организациями.

– От нее я узнал об исполнительно-правовом отделе. – Геддес кивком указал на Сакс. – Я сразу понял, тут что-то не так. Бессмыслица какая-то. Ни за что не станет Эндрю Стерлинг сотрудничать с правительством по вопросам приватности, если подобная сделка не сулит ему огромной выгоды. Иначе отбивался бы руками и ногами. Я заподозрил, что у исполнительно-правового отдела совсем другие, негласные функции. Только не знаю какие. Но с вашей помощью узнаю.

Геддес добавил, что судебный иск основан на нарушениях федеральных статей и законодательства штата о невмешательстве в личную жизнь, а также ряда соответствующих норм общего и конституционного права.

Райм подумал, что Геддес и его адвокаты приятно удивились бы, попади им на глаза исполнительно-правовые досье, одно из которых, кстати, находилось сейчас в компьютере, менее чем в десяти футах от того места, где стоял Геддес. Райм с большим удовольствием передал бы его правозащитнику, памятуя отказ Эндрю Стерлинга помочь в розыске пропавшей Сакс.

Трудно даже предсказать, у кого в результате возникнет больше неприятностей – у Вашингтона или «ССД»? Особенно, когда об этом станет известно прессе.

Наверное, поровну, решил про себя Райм.

Тут заговорила Сакс:

– Мистеру Геддесу, конечно, придется между заседаниями суда найти время, чтобы ответить и по иску в свой адрес.

Она с неприязнью посмотрела на оппонента, так как имела в виду его незаконное проникновение в свой таунхаус в Бруклине – вероятно, с намерением изъять документы с информацией об «ССД». Как ни удивительно, добавила Сакс, но именно Геддес, а не «5-22», обронил у нее в саду чек, выведший ее на охранников «ССД». Он частенько просиживал в кофейне, расположенной напротив «серой глыбы», наблюдая за сотрудниками и посетителями компании.

– Я сделаю все необходимое, чтобы остановить «ССД», – горячо заявил Геддес. – Меня не волнует, что будет лично со мной. Я с радостью исполню роль жертвенного агнца, если это позволит защитить наши индивидуальные права.

Райм оценил его гражданское мужество, но решил, что Геддесу следует позаботиться о расширении своего запаса цитируемых афоризмов.

Активист перешел к увещеванию присутствующих, в основном повторяя то, что Сакс уже рассказывала с его слов, – как «ССД» и другие дейта-майнеры оплетают своей паутиной Америку, как гибнет неприкосновенность личной жизни, как возрастает угроза демократии.

– Ну хорошо, нам еще надо работать с документами, – не церемонясь, перебил его Райм. – Мы переговорим с нашими адвокатами, и если они дадут свое «добро», вы, я уверен, получите искомую подборку информации до наступления крайнего срока.

В дверь позвонили – раз, другой. Затем нетерпеливый стук в дверь.

– О Господи. Не дом, а городской вокзал… Кто там опять?

Том пошел отворять и через мгновение вернулся, сопровождая невысокого мужчину с уверенными манерами, в черном костюме и белоснежной сорочке.

– Капитан Райм!

Криминалист развернулся вместе со своей коляской, чтобы оказаться лицом к лицу с Эндрю Стерлингом. В невозмутимых зеленых глазах генерального управляющего «ССД» не отразилось ни малейшего удивления при виде физического состояния Райма. Криминалист не без оснований заподозрил, что сделавший его инвалидом несчастный случай и вся последующая жизнь достаточно подробно задокументированы в его собственном досье «законопослушности» и что Стерлинг, прежде чем явиться сюда, разобрал эту информацию по косточкам.

– Детектив Сакс, сержант Пуласки. – Он кивнул обоим и опять повернулся к Райму.

Следом за Стерлингом в лабораторию вошли Сэм Броктон, начальник исполнительно-правового отдела, и еще два незнакомых мужчины в строгих костюмах, аккуратно подстриженные. Такая внешность бывает у помощников конгрессменов или корпоративных менеджеров среднего звена, хотя Райм поверил бы и в то, что эти двое адвокаты.

– Привет, Кэл, – поздоровался Броктон, устало посмотрев на Геддеса. Правозащитник ответил ему испепеляющим взглядом.

Стерлинг негромко произнес:

– Мы знаем о проступке Марка Уиткома.

Несмотря на низкий рост, Стерлинг производил заметное впечатление – лучистые глаза, статная фигура, звонкий тембр голоса.

– Боюсь, он остался без работы. Для начала.

– За то, что совершил правое дело? – выпалил Пуласки.

Лицо Стерлинга оставалось беспристрастным.

– Боюсь также, что это еще не все. – Кивок Броктону.

– Вручите им, – велел начальник отдела одному из адвокатов. Тот извлек очередной набор документов в голубых обложках.

– Опять? – Райм с кислой миной смотрел на второй комплект повесток в суд. – Где найти время, чтобы прочитать все это? – Вообще-то он пребывал в хорошем настроении, продолжая радоваться поимке «5-22» и спасению Амелии Сакс.

Однако вторая серия оказалась не повестками, а решением суда, запрещающим отдавать Геддесу компьютеры, диски, документы и

любые другие материалы, относящиеся к деятельности исполнительно-правового отдела, и постановляющим вернуть их в распоряжение правительства.

Один из наемных адвокатов заявил:

– За отказ выполнить решение суда вы понесете гражданскую и уголовную ответственность.

Сэм Броктон добавил:

– И поверьте, мы используем против вас все доступные нам средства.

– Вы проиграете, – сердито ответил Геддес. Глаза его пылали, пот каплями выступил на ожесточенном лице.

Стерлинг посчитал компьютеры в лаборатории Райма. Их было двенадцать.

– Капитан, в котором находится исполнительно-правовое досье, посланное вам Марком?

– Забыл.

– Вы сделали копии?

Райм ухмыльнулся:

– Всегда делайте копии ваших документов и храните их отдельно, в безопасном месте. Там, где их никто не найдет. Не в этом ли кредо нового тысячелетия?

Броктон парировал:

– Мы просто получим другой ордер конфисковать у вас все компьютеры и проверить все серверы, на которые вы пересылали информацию.

– На это потребуются время и деньги. А кто знает, что может произойти, пока вы ищете свое досье? Ну, к примеру, в редакции газет поступят е-мейлы или запечатанные конверты. То есть поступят или нет, это еще вопрос. Но могут.

– Мистер Райм, мы все только что прошли через тяжелое испытание, – сказал Стерлинг. – Вряд ли сейчас подходящее время для игр.

– А мы не играем, – невозмутимо ответил Райм. – Мы торгуемся.

Может быть, впервые на лице генерального управляющего появилась искренняя улыбка. Он почувствовал себя на своей территории, подтянул стул и уселся напротив Райма.

– Что вы хотите?

– Я отдам вам все. Никаких судов, никакой прессы.

– Нет! – негодующе воскликнул Геддес. – Как вы смеете уступать им!

Райм – равно как и Стерлинг – будто не слышал активиста и продолжал как ни в чем не бывало:

– При условии, что весь компромат на моих коллег будет вычищен из учетов и восстановлено их доброе имя. – Он рассказал Стерлингу о результатах анализа Селлитто и аресте жены Пуласки.

– Почему бы и нет, – согласился Стерлинг будничным тоном, будто его попросили повернуть на телевизоре регулятор громкости.

Сакс добавила:

– И верните нормальную жизнь Роберту Джоргенсену.

Она вкратце пересказала печальную историю погубленной судьбы доктора.

– Подготовьте для меня все данные, и об этом позаботятся. Он начнет жизнь с чистого листа.

– Хорошо. Как только вы все это решите, получите то, чего добиваетесь. И никто не увидит ни странички или файла, свидетельствующих о ваших «исполнительно-правовых» делах. Даю вам честно слово.

– Нет, вы должны бороться! – с горечью в голосе выкрикнул Геддес. – Каждая отдельная уступка этим людям ведет к потере для всего общества.

Стерлинг повернулся к нему и произнес голосом, лишь на малое число децибел громче шепота:

– Кэлвин, позволь мне сказать тебе. Я потерял трех хороших друзей в Торговом центре одиннадцатого сентября. Еще четверо получили страшные ожоги. Их жизнь уже никогда не станет прежней. Наша страна лишилась тысяч невинных граждан. Моя компания располагает технологией, позволяющей вычислить потенциальных угонщиков самолетов, и прогнозирующей программой, способной предсказать, что

они собираются предпринять. Мы… *я* мог предотвратить трагедию. И до конца своей жизни буду мучиться, что не сделал этого. – Он покачал головой. – О Кэл. Ты и твоя черно-белая политика… Неужели ты не понимаешь – в *этом* истинная суть «ССД». А не в том, чтобы в полночь в твою дверь стучала ногами полиция мыслей, недовольная, чем ты занимаешься в постели со своей любовницей, или бросала тебя в тюрьму за покупку Корана, или книги о Сталине, или за критику президента. Миссия «ССД» как раз и заключается в гарантии твоей свободы наслаждаться в безопасности личной жизнью в собственном жилище; свободы выбора, что тебе покупать и что читать, и говорить все, что хочется. А если ты подорвешься на Таймс-сквер на бомбе террориста-самоубийцы, у тебя уже не будет никакой личной жизни, которую надо оберегать от вмешательства.

– Избавь меня от своих нравоучений, Эндрю! – в ярости огрызнулся Геддес.

Броктон предупредил его:

– Кэл, если ты не уймешься, у тебя начнутся большие неприятности.

Геддес только холодно рассмеялся:

– Мы все уже имеем большие неприятности. Добро пожаловать в дивный новый мир…

Он повернулся и стремительно выскочил вон, грохнув напоследок дверью.

Броктон заметил:

– Я рад, что вы понятливый человек, Линкольн. Эндрю Стерлинг проделывает важную и полезную работу. Благодаря ей мы все находимся в большей безопасности.

– Как приятно это слышать.

Броктон даже не заметил иронии. В отличие от Эндрю Стерлинга – ведь он человек всезнающий. Но в ответ только улыбнулся – весело и самоуверенно, словно не сомневался, что его нравоучения в итоге проникнут в умы и сердца людей, пусть даже сейчас не все разделяют его убеждения.

– До свидания, детектив Сакс, капитан. О, и вам тоже до свидания, сержант Пуласки.

Он искоса посмотрел на молодого полицейского.

– Я уже привык встречаться с вами в коридорах нашей компании. Так что, если захотите попрактиковаться, совершенствуя знания компьютера, комната для переговоров всегда в вашем распоряжении.

– Я, это…

Эндрю Стерлинг подмигнул ему и отвернулся. Затем вместе с сопровождающими покинул таунхаус.

– Думаете, он знает? – обеспокоенно спросил Желторотик. – Насчет переносного драйва?

Райм только неопределенно пожал плечами.

– Черт подери, Райм! – сказала Сакс. – Ордер ордером, но, полагаю, мы уже закончили с «ССД», так зачем было прогибаться перед ними? Это досье о моей «законопослушности»… Я вовсе не хочу, чтобы такая информация оставалась у них.

– Сакс, мы не можем игнорировать судебное постановление.

Сакс пристально посмотрела в глаза Райму и только теперь заметила в них веселый блеск.

– Так, в чем дело?

Райм обратился к своему помощнику:

– Пожалуйста, зачитай мне еще раз своим милым тенорком, что они там пишут в этом ордере – в последнем, доставленном нашими друзьями из «ССД».

Том повиновался.

Райм кивнул:

– Хорошо. В тексте присутствует фраза на латыни. Можешь угадать, что она означает, Том?

– О, мне следовало бы знать это, Линкольн, учитывая уйму свободного времени, которое я здесь имею и провожу, сидя в гостиной и штудируя классику. Но боюсь, не в коня корм.

– Латынь… Что за удивительный язык! Какая восхитительная точность. Где еще вы найдете пять типов склонения имен существительных и эти потрясающие глагольные спряжения?.. А фраза такая: *inclusis unis*

exclusis alterius. Это значит, включая одну категорию, вы автоматически исключаете другую – взаимосвязанные категории… Непонятно, Том?

– Как сказать… Чтобы было непонятно, надо слушать, о чем речь.

– Два-ноль в твою пользу… Объясняю для любителей классики. Скажем, ты конгрессмен и пишешь законодательный акт, в котором говорится: «Вводится полный запрет на импорт в страну сырого мяса». Облекая свою волю именно в эту конкретную формулировку, ты тем самым автоматически разрешаешь импорт мясных консервов и полуфабрикатов. Вот как работает эта мясорубка.

– Mirabile dictu[16], – произнес Рон Пуласки.

– О Боже! – вырвалось у Райма, искренне удивленного. – Латиноговорящий коп!

Тот смущенно засмеялся:

– Нам преподавали латынь в средней школе. Несколько лет. И потом я в церковном хоре пел, так что поневоле нахватался.

– К чему ты клонишь, Райм? – не вытерпела Сакс.

– Решение суда, врученное нам Броктоном, запрещает передавать организации Геддеса только информацию об исполнительно-правовом отделе. А в повестке Геддеса говорится о сведениях, касающихся *всей* деятельности «ССД». Следовательно – *ergo* – мы не пойдем против закона, если передадим ему любую информацию, кроме досье Сакс. Кстати, файлы, что Кассел сбыл Дьенко, относятся к PublicSure, а не исполнительно-правовому отделу.

Пуласки засмеялся, но Сакс задумчиво наморщила лоб.

– Они просто сделают себе другой судебный ордер.

– Я бы не стал утверждать это с уверенностью. Что скажут в нью-йоркском управлении полиции и ФБР, когда узнают, что сотрудник их официального поставщика информации продавал налево «важняки»? О-о, у меня предчувствие, что большие шишки на этот раз будут на нашей стороне. – Одна мысль породила другую. И эта вторая встревожила Райма. – Стоп, стоп… Тот заключенный в «Могильнике», что напал на моего брата… как его – Энтуан Джонсон!

– Ну и что? – непонимающе спросила Сакс.

– Я все не мог понять, какой ему смысл убивать Артура. Даже Джуди Райм задавала этот вопрос. Лон говорил, что на Джонсоне висит федеральное обвинение и он дожидается суда. А не мог ли кто-то из исполнительно-правового отдела заключить с ним сделку? Мол, потрись возле Артура, уж не подозревает ли он, что кто-то его подставил с помощью закрытой информации о потребителях? Если так, Джонсон должен его убрать. А ему за это срок скостят.

– Правительство пытается убрать свидетеля? Райм, а тебе не кажется, что паранойя зашкаливает?

– Сакс, речь идет о досье в полтысячи страниц на каждого американца, о чипах в книгах и видеокамерах наблюдения на каждом городском перекрестке… Ну хорошо, пусть пока воспользуются презумпцией невиновности. Может, кто-нибудь из «ССД» пошел на контакт с Джонсоном. Как бы то ни было, мы и эту информацию сольем Кэлвину Геддесу – питбуль жаждет крови, вот пусть он этим и займется. Только подождем, пока реабилитируют всех пострадавших от подстав. Думаю, недели хватит.

Рон Пуласки попрощался и пошел навестить жену и маленькую дочку.

Сакс подошла к Райму, наклонилась и поцеловала в губы. Но тут же поморщилась, приложив руку к животу.

– Болит?

– Сегодня ночью полюбуешься, – пообещала Сакс игривым шепотом. – Девятимиллиметровые пули оставляют очень живописные кровоподтеки.

– Эротичные?

– Да, если тебя возбуждают пятна Роршаха зеленушного цвета.

– Думаю, что возбуждают. Проверим.

Сакс легко улыбнулась, затем вышла в коридор и позвала Пам, сидевшую с книгой в передней гостиной:

– Поехали в магазин!

– Здорово. А что купим?

– Машину. Не могу существовать без колес.

– Круто, а какой модели? Мне кажется, «приус» – классная тачка!

Райм и Сакс разом захохотали. Пам неуверенно улыбнулась, и Сакс объяснила, что, хотя жизнь у нее местами зеленая, экономия на бензине не вписывается в ее любовь к окружающей среде.

– Мы себе купим крутое авто!

– А что значит «крутое»?

– Там узнаешь. – Сакс потрясла листом бумаги со скачанным из Интернета перечнем моделей, приглянувшихся ей.

– Ты хочешь новую? – спросила девочка.

– Никогда не покупай новую машину, – наставительно заявила Сакс.

– Почему?

– Да потому что современные машины – это компьютеры на колесах. А нам нужна механика. У тебя когда-нибудь получалось извозиться в масле, работая на компьютере?

– Нет.

– То-то и оно. Обожаю масло. Тебе оно тоже понравится, потому что ты вся в меня.

– Ты так думаешь? – Пам была польщена.

– А то! Поехали. Пока, Райм.

Глава пятьдесят третья

Раздалась телефонная трель.

Райм взглянул на экран ближайшего компьютера: код страны на определителе состоял из двух четверок.

Ну вот, как говорится, конец – делу венец.

– Команда, ответить.

– Инспектор Райм, – произнесла инспектор Лонгхерст бесстрастным голосом истинной британки, по которому, как обычно, ни о чем нельзя догадаться.

– Ну, говорите же!

Молчание. Затем:

– Мне очень жаль.

Райм закрыл глаза – о нет…

Лонгхерст продолжала:

– Мы еще не выпустили официальный пресс-релиз, и я хотела поставить вас в известность прежде, чем вы узнаете из новостей.

Значит, киллеру все же удалось выполнить свою миссию.

– Преподобный Гудлайт мертв?

– О нет, с ним все хорошо.

– Но…

– Но пуля Ричарда Логана попала точно в намеченную цель, детектив.

– Нас-тигла?.. – Райм запнулся, начиная догадываться, о чем речь. Намеченная цель… – Ах вот оно что. И на кого же он охотился на самом деле?

– На Дэнни Крюгера, бывшего торговца оружием. Он мертв, как и два его телохранителя.

– Теперь понятно…

Лонгхерст продолжала:

– Очевидно, произошло следующее. После того как Дэнни покончил с незаконным бизнесом, некоторые преступные картели в Южной Африке, Сомали и Сирии решили, что слишком рискованно оставлять его в живых. Терзаемый угрызениями совести, торговец оружием заставлял их нервничать. Они заказали его Логану. Но в Лондоне Крюгера слишком хорошо охраняли, поэтому его требовалось выманить на открытое место.

Подготовка убийства преподобного была всего лишь отвлекающим маневром. Убийца сам распространил слух, что существует заказ на Гудлайта. И он же вынудил британцев и американцев обратиться за помощью к Дэнни ради спасения преподобного.

Должна признаться, это не единственная плохая новость, – добавила Лонгхерст. – Логан завладел файлами Крюгера. Теперь заказчикам известны все его контакты и те, кто с ним работал – осведомители, сотрудничавшие с ним главари военных группировок, наемники, пилоты

самолетов, нелегально транспортирующих оружие, денежные мешки… Отныне все потенциальные свидетели будут вынуждены скрываться – не считая тех, кого уже успели убрать, конечно. С десяток уголовных дел придется закрыть, не наказав виновных.

– Как ему это удалось?

Инспектор вздохнула:

– Он маскировался под нашего французского связника, д'Эстурна.

Значит, лиса с самого начала сидела в курятнике.

– Могу предположить, что Логан перехватил д'Эстурна еще во Франции, на пути к Ла-Маншу, убил, а тело зарыл или утопил в проливе. Блестяще исполнено, должна признать. Он зазубрил все подробности жизни француза и деятельности его организации. Прекрасно говорил по-французски – и по-английски с настоящим французским акцентом. Даже идиомы употреблял без малейших ошибок. Несколько часов назад в здание на территории зоны поражения возле лондонского суда явился незнакомец в серой форме военного типа. Помните серые нити, найденные нами в логанском тайнике? Так вот, этого парня нанял Логан доставить посылку. Он работает на экспедиторской фирме «Тотнем-парсел-экспресс», чьи служащие носят серую униформу. Логан специально попросил, чтобы посылку доставил именно этот водитель, поскольку тот якобы уже оказал ему услугу – и к тому же был блондин.

– Светлая краска для волос.

– Совершенно верно. Надежный парень, сказал Логан, поэтому и хотел, чтобы доставку поручили ему. Мы все максимально сосредоточились на операции в Лондоне, глаз не спускали с того парня, сопровождали по зоне поражения, искали сообщников, страховали на случай отвлекающих взрывов, а в результате наши люди в Бирмингеме снизили бдительность. Киллер просто постучал в дверь номера Дэнни в бирмингемском отеле «Дю-Вин», пока большинство его охранников расслаблялись внизу в шампань-баре. Выстрелил несколько раз теми самыми разрывными пулями дум-дум – раны ужасные. Дэнни и двое его ребят погибли на месте.

Райм закрыл глаза.

– Значит, никаких поддельных проездных документов не было.

– Да, очередной отвлекающий маневр… В общем, напортачили по полной программе. А французы даже не отвечают на мои звонки… Мне

постоянно кажется, что это страшный сон – вот-вот проснусь, и все кончится.

Линкольн Райм невольно подумал, как бы все обернулось, если бы он не отказался тогда от участия в расследовании этого дела и лично осмотрел тайник под Манчестером с помощью высокочувствительной видеокамеры. Он мог заметить то, что раскрыло бы истинную суть намерений киллера. Например, понять, что бирмингемские улики также были подброшены. Или по каким-то признакам догадаться, что снявший помещение преступник – тот самый, на которого Райм так долго охотился, – маскировался под агента французских спецслужб.

А может, сумел бы разглядеть что-то важное в лондонском офисе благотворительной организации Гудлайта после того, как туда проник взломщик.

– А само имя – Ричард Логан? – вопросительно произнес Райм.

– Очевидно, вымышленное. Иногда я сомневаюсь, есть ли вообще у него настоящее имя. Ему удалось выдать себя за другого. Оказывается, сделать это удивительно легко.

– Да, я тоже слышал об этом, – с горечью заметил Райм.

– Да, детектив, еще одна странная вещь, – вспомнила Лонгхерст. – Эта посылка, доставленная в зону поражения посыльным из Тотнема… Знаете, что было внутри?

– Вещь, предназначенная для меня.

– И вы угадали!

– Случайно, не часы какие-нибудь? – спросил Райм.

Лонгхерст не смогла сдержать изумленного смешка.

– Не какие-нибудь, а шикарные настольные часы в викторианском стиле. Но как вам удалось?

– Просто пришло в голову.

– Наши взрывники проверили – все чисто.

– Нет, это не самодельное взрывное устройство… Инспектор, пожалуйста, упакуйте часы хорошенько и перешлите мне сегодня же. И мне бы хотелось получить копию вашего отчета по делу, когда закончите.

– Обязательно.

– А моя напарница…

– Детектив Сакс.

– Совершенно верно. Она хотела бы побеседовать по видеосвязи со всеми, кто принимал участие в операции.

– Я составлю список действующих лиц.

Несмотря на чувство огорчения и тревоги, Райм улыбнулся. Ну симпатичны ему эти бритты.

– Сотрудничать с вами – великая честь для меня, детектив.

– И мне с вами приятно, инспектор, – вздохнул Райм и скомандовал отбой.

Викторианские часы…

Райм посмотрел на каминную полку, где возлежали старинные и представляющие немалую ценность карманные часы швейцарской фирмы «Бреге» – презент от того же киллера. Их не так давно доставили криминалисту прямо домой очень, очень холодным декабрьским днем.

– Том! Пожалуйста, виски.

– Что-то случилось?

– Ничего не случилось. Сейчас не утро, и я хочу выпить немного скотча. Я отзанимался гимнастикой на отлично, а ты, смотрю, не похож сегодня на потрясающего библией баптиста-трезвенника. Так почему, черт возьми, должно что-то случиться, чтобы ты подал мне виски?

– Потому что я услышал от вас слово «пожалуйста».

– Очень смешно. Ты сегодня блещешь остроумием.

– Чем богаты. – Том задумчиво свел брови, глядя на серьезное лицо криминалиста. – Как насчет двойной порции? – негромко предложил он.

– Двойная пришлась бы кстати, – с готовностью согласился Райм, незаметно для себя подражая речи чопорных бриттов.

Помощник щедро наполнил стакан скотчем «Гленморенджи» и вставил соломинку, направив ее конец ко рту Райма.

– Выпьешь со мной?

Том молча посмотрел на него, потом рассмеялся:

– Может, позже.

Райм вдруг сообразил, что, наверное, впервые предложил выпить своему помощнику.

Криминалист потягивал душистый напиток и смотрел на карманные часы. Текст записки, приложенной к подарку, навсегда запал ему в память.

Эти часы – марки «Бреге», мои любимые из многих, попавших мне в руки в минувшем году. Они собраны в начале девятнадцатого века, имеют цилиндрический рубиновый спуск, непрерывный календарь и парашютное противоударное устройство. Надеюсь, вы оцените окошечко с фазами Луны в свете наших недавних совместных приключений. Во всем мире остались считанные единицы подобных часов. Преподношу их вам в подарок в знак уважения. За все годы моей профессиональной деятельности еще никто ни разу не помешал мне довести работу до конца. Вы – лучший специалист в своем деле; я бы сказал, одного со мной уровня, но это не совсем так – меня ведь вы не поймали.

«Бреге» следует регулярно заводить – только нежно. Пусть отсчитывает минуты до нашей следующей встречи.

Примите небольшой совет – на вашем месте я бы отсчитывал каждую из оставшихся секунд.

«Ты хорош, – мысленно беседовал Райм с киллером. – Но и я неплох. В следующий раз мы завершим наше соревнование».

Тут его размышления оборвались. Райм перевел взгляд от часов в окно и прищурился, вглядываясь наружу. Что-то привлекло его внимание.

Через улицу напротив бесцельно прохаживался какой-то мужчина в неброской одежде. Райм подрулил коляску к окну и стал наблюдать, потягивая виски. Мужчина остановился перед каменной оградой Центрального парка возле многократно перекрашенной скамейки и, сунув руки в карманы брюк, уставился на таунхаус. Очевидно, ему не было видно наблюдающего за ним Райма из-за большого окна затемненной комнаты.

Это был Артур Райм, двоюродный брат Линкольна.

Вот он шагнул вперед с тротуара, намереваясь пересечь улицу, но остановился. Потом вернулся к стене парка и сел на скамейку лицом к таунхаусу рядом с женщиной в спортивном костюме. Она отпивала воду из пластиковой бутылки и болтала одной ногой под музыку в своем айподе. Артур достал из кармана листок бумаги, посмотрел на него и убрал обратно. Его глаза вернулись к таунхаусу.

«Любопытно. Он похож на меня», – подумал Райм. Эта мысль возникла у него впервые за все годы их дружбы и отчуждения.

Вдруг непонятно почему в памяти всплыли слова Артура, сказанные десять лет назад.

«А ты хотя бы пытался наладить отношения со своим отцом? Что, по-твоему, чувствовал он, имея сына умнее себя в сто крат? Только и делавшего, что убегавшего от него тусоваться с дядей? Ты хотя бы задумывался на этим?»

– Том! – выкрикнул криминалист.

Ответа не последовало.

Райм позвал погромче.

– Что? – спросил помощник. – Виски кончилось?

– Надо принести кое-что из подвала.

– Из подвала?

– Я уже сказал. Там есть пара коробок со старьем. На них написано «Иллинойс».

– А, эти. Вообще-то, Линкольн, их там штук тридцать.

– Пусть тридцать.

– Тридцать – это не «пара».

– Я хочу, чтобы ты нашел в них одну вещицу.

– Какую?

– Пластмассовую коробочку с обломком бетона. Размером примерно три на три дюйма.

– Бетона?

– Хочу подарить его.

– Я сам жду не дождусь Рождества посмотреть, что в моем чулке. А вы когда…

– Том, пожалуйста.

Вздох. Помощник удалился.

Райм продолжал наблюдать за братом, а тот все смотрел на таунхаус, но не двигался с места.

Большой глоток виски.

А когда Райм поднял глаза, увидел пустую скамейку перед парком.

Его встревожил – и обидел – внезапный уход брата. Райм поспешно подкатил коляску вплотную к окну и стал, как мог, заглядывать в обе стороны.

И увидел Артура, который, пропуская машины, переходил через улицу к таунхаусу.

На долгое мгновение воцарилась тишина. Наконец из прихожей раздался звонок.

– Команда, – торопливо приказал Райм услужливому компьютеру, – открыть дверь.

От автора

Упомянутый Кэлвином Геддесом «дивный новый мир», конечно же, заимствован из названия написанного в 1932 году Олдосом Хаксли футуристического романа о якобы утопическом обществе, чьи граждане теряют свою личную индивидуальность. Эта книга и поныне бередит душу наряду с «1984» Джорджа Оруэлла.

Читатели, желающие ближе познакомиться с проблемами приватности, могут прибегнуть к помощи веб-сайтов следующих организаций: «Информационный центр электронной приватности» (EPIC.org); «Глобальный свободный Интернет» (www.gilc.org); «В защиту свободы» (www.indefenseofFreedom.org); «Альянс свободы выражения в Интернете» (http://ifea.net); «Коалиция приватности» (http://privacycoaltion.org); «Интернационал приватности» (www.privacyinternational.org); «Privacy.org» (www.privacy.org); и «Фонд передовой электроники» (www.eff.org).

Думаю, вам доставит удовольствие – и пощекочет нервы – замечательная книга, из которой я позаимствовал несколько цитат для эпиграфов, – «Некуда спрятаться» Роберта О'Харроу-младшего.

Те, кому интересно знать, как случилось, что Амелия Сакс познакомилась с Пам Уиллоуби, могут прочитать «Собирателя костей» и продолжение их истории в «Холодной луне», где также описывается первая встреча Линкольна Райма с киллером, которого он и инспектор Лонгхерст пытаются схватить в этом романе.

Да, и не забывайте следить за собой, иначе найдется много желающих сделать это вместо вас.

Выражаю свою благодарность великолепной команде: Уиллу и Тине Андерсон, Луизе Берк, Луизе Коликкио, Джейн Дэвис, Джули Дивер, Джейми Ходдер-Уильямсу, Паоло Клану, Кэролин Мэйс, Деборе Шнейдер, Вивьен Шустер, Себе Пезани, Бетси Роббинс, Дэвиду Розенталю, Мэрисью Руцци… и, разумеется, Мэйделин Вархолик.

Примечания

1

Строения, типичные для второй половины XIX века.

2

Престижный район Нью-Йорка.

3

Подразделение, относящееся к системе органов государственной безопасности Италии.

4

В основном доказательством вины насильников служит сравнительный анализ трех физиологических жидкостей, оставляемых на жертве, – спермы, пота и слюны.

5

Игра слов – «доктор философии».

6

Прием пищи, объединяющий завтрак и ленч.

7

Столица штата Нью-Йорк.

8

Образ, манера действий *(лат.)*.

9

Фешенебельный район Нью-Йорка, восточнее Манхэттена, на Лонг-Айленде.

10

Около двух с половиной метров.

11

Живо! *(ит.)*

12

Массачусетсский технологический институт.

13

Хранилище золотого запаса США.

14

Медведь *(англ.)*.

15

Меткий удар, попадание в цель *(фр.)*.

16

Достойно удивления *(лат.)*.